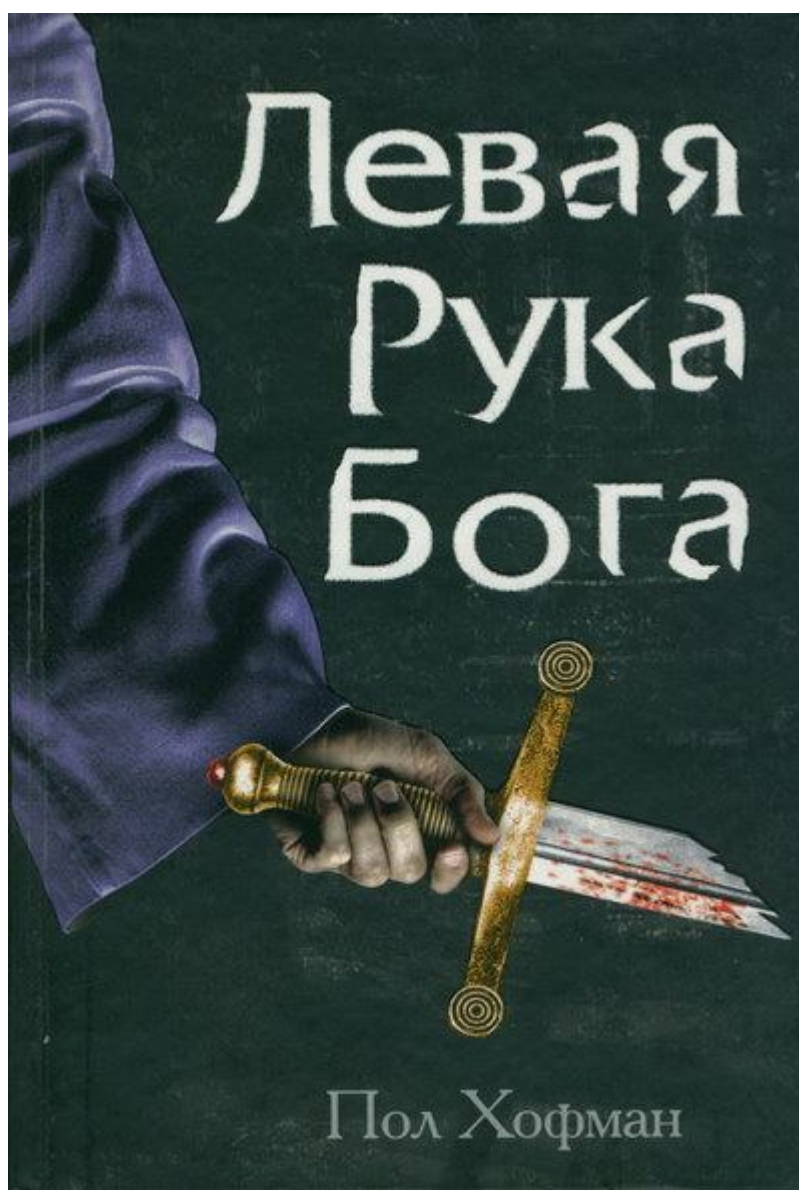

Пол Хофман
Левая Рука Бога

Левая Рука Бога – 1

- Ergo80. <http://oldmaglib.com>

«Пол Хофман "Левая Рука Бога"»: Книжный клуб 36.6; Москва; 2010
ISBN 978-5-98697-172-8

Аннотация

«Мать Повешенного Искупителя... принесла маленького мальчика с веткой боярышника в руке, с конца ветки капал уксус. „Посмотри на это дитя, — сказала она. — Он — Левая Рука Бога, а иначе его зовут Ангел Смерти...“»

Этого мальчика зовут Кейл. Возможно, он последний спаситель. А может быть, он уничтожит мир...

Кейл воспитан сектой изуверов-Искупителей. Вместе с небольшой компанией друзей он бежит от своих мучителей и попадает в большой мир, где ему предстоит понять, кто он и для чего предназначен...

Пол Хофман «Левая Рука Бога»

Виктории и Томасу Хофманам

1

Вот слушайте. Название Святилища Искупителей, что на уступе Перестрельном, — гнусная ложь, потому что никакого искупления там не происходит, и еще меньше в нем святости. Земля вокруг вся заросла кустарником и высокими хилыми сорняками, и почти нет разницы между летом и зимой, — то есть там всегда холодно, как в могиле, независимо от времени года. Само Святилище видно за много миль, если его не скрывает грязный туман, что случается редко, и построено оно из твердого, как кремнь, песчаника, бетона и рисовой муки. Мука делает бетон крепче скалы, и это одна из причин, по которой тюрьма — а это и есть на самом деле не что иное, как тюрьма, — выдержала столько осад, что вот уже несколько столетий считается бесполезным даже пытаться завоевать Святилище на Перестрельном.

Это вонючее, мерзкое место, и никто, кроме Лордов Искупителей, по своей воле сюда не попадает. Кто же тогда их заключенные? Вообще говоря, это неправильное слово для тех, кого привозят на Перестрельный, потому что, если речь идет о заключенных, то предполагается, что они совершили преступление, а эти — ни один из них — не нарушали никаких законов, ни человеческих, ни Божеских. И не похожи они ни на каких заключенных, которых вы когда-либо видели: те, кого сюда свозят, это сплошь мальчики не старше десяти. В зависимости от возраста они могут провести здесь больше пятнадцати лет, прежде чем уйдут отсюда, но удастся это едва ли половине из них. Другая половина покидает это место в саванах из мешковины и упокоивается на Поле Раздолбаев — кладбище, которое начинается прямо за крепостной стеной. Это огромное кладбище, края которому не видно, и уже исходя из этого вы можете судить о размерах уступа Перестрельного и о том, как трудно там даже просто выжить. Никто не знает всех здешних ходов и выходов, и ничего не стоит потеряться в бесконечных вьющихся и закручивающихся, поднимающихся и опускающихся коридорах, потому что по ним идешь, словно сквозь дикие джунгли. Заблудиться здесь легко потому, что нет никаких внешних примет — все и везде выглядит одинаково: коричневое, темное, угрюмое и пахнущее старостью и тухлятиной.

В одном из таких коридоров стоит подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Сколько ему на самом деле — не знает ни он, ни кто бы то ни было еще. Свое настоящее имя он забыл, так как каждого, кто сюда попадает, крестят заново и каждому дают новое имя — имя одного из мучеников Лордов Искупителей, а таких множество, учитывая тот факт, что с незапамятных времен все, кого им не удалось обратить, жалели, что родились на свет. Мальчика, который смотрит в окно, зовут Томас Кейл, хотя никто никогда не называет его по имени, и если бы он сам назвал себя Томасом, это считалось бы тягчайшим грехом.

К окну его привлек звук, доносившийся от Северо-Западных ворот, — скрежещущий стон, который раздавался всегда в тех редких случаях, когда эти ворота открывали, словно рычал какой-то колосс, страдающий от нестерпимой боли в коленях. Кейл наблюдал, как двое Искупителей в черных рясах, выйдя за порог, впустили внутрь мальчика лет восьми, за которым следовал еще один, помладше, за ним другой... Всего Кейл насчитал двадцать, прежде чем другая пара Искупителей ввела в ворота последнего, и створки начали медленно, мучительно закрываться.

Выражение лица Кейла изменилось, когда он, наклонившись вперед, успел увидеть в проеме между створками простирающуюся снаружи Коросту. С тех пор как он попал сюда одиннадцать лет назад — говорили, что это был самый маленький мальчик из всех, кого сюда когда-либо привозили, — Кейл побывал по ту сторону стены всего шесть раз. Во всех шести случаях его охраняли так, словно от этого зависела жизнь его стражей (впрочем, так

оно и было). Не выдержи он хоть одно из этих испытаний — а это были именно испытания, — его прикончили бы на месте. Из своей прежней жизни он не помнил ничего.

Как только ворота закрылись, Кейл снова переключил внимание на мальчиков. Ни один из них не был пухлым, но у всех были по-детски округлые лица. И все смотрели широко распахнутыми глазами на крепость, пораженные ее огромными размерами и мощными стенами, но, притом что странность окружения удивляла и вселяла трепет, испуганными ребята не казались.

Грудь Кейла наполнилась необычным ощущением, которому он не мог найти определения. Но, как бы ни завладело им это непонятное чувство, дар всегда быть начеку и прислушиваться к тому, что происходит вокруг, спас его и теперь, как много раз спасал в прошлом.

Он отошел от окна и двинулся дальше по коридору.

— Эй, ты! Стой!

Кейл остановился и обернулся. Один из Искупителей, необъятно толстый, со свисающими над воротником складками жира, стоял в дверном проеме. Из комнаты у него за спиной доносились странные звуки и шел пар. Кейл смотрел на него с бесстрастным выражением лица.

— Подойди сюда, чтобы я тебя видел.

Мальчик подошел.

— А, это ты, — сказал толстый Искупитель. — Что ты тут делаешь?

— Лорд Дисциплины послал меня отнести это в Барабан. — Кейл поднял повыше синий мешок, который держал в руках.

— Что ты сказал? Говори четче!

Кейл, конечно, знал, что толстый Искупитель глух на одно ухо, и намеренно говорил тихо. Теперь он повторил сказанное, на сей раз почти прокричал:

— Ты что, забавляешься, парень?

— Нет, Искупитель.

— Что ты делал возле окна?

— Возле окна?

— Не делай из меня дурака. Чем ты там занимался?

— Я услышал, что открываются Северо-Западные ворота.

— Господи, ты в самом деле слышал? — Похоже, это отвлекло толстого Искупителя. — Они явились раньше времени, — проворчал он раздраженно, развернулся и, заглянув обратно в кухню, откуда исходил зловонный пар (да, толстяк был именно Лордом Провианта, надзирателем над кухней, с которой Искупители кормились отлично, а мальчики — едва-едва), крикнул: — Дополнительно двадцать человек к обеду! — после чего снова обратился к Кейлу:

— Ты думал, когда стоял у окна?

— Нет, Искупитель.

— Ты грезил?

— Нет, Искупитель.

— Если я снова замечу, что ты слоняешься без дела, Кейл, я с тебя шкуру спущу. Слышишь?

— Да, Искупитель.

Когда Лорд Провианта зашел в кухню и стал закрывать за собой дверь, Кейл произнес тихо, но вполне отчетливо, так, что всякий, кто не туговат на ухо, мог бы разобрать:

— Чтоб тебе задохнуться в этом дыму, жирный швайн.

Дверь захлопнулась, и Кейл зашагал по коридору, таща за собой огромный мешок. Хоть порой он пускался даже бегом, не менее пятнадцати минут ушло на то, чтобы добраться до Барабана, располагавшегося в конце отдельного короткого прохода. Барабаном это сооружение называлось потому, что было действительно похоже на барабан, если не принимать во внимание того факта, что оно имело футов шесть в высоту и было встроено в

кирпичную стену. По другую сторону Барабана находилось запретное помещение, строго отгороженное от остальной территории Святилища, где, по слухам, жили двенадцать монашек, которые готовили еду только для Искупителей и стирали их одежду.

Кейл не знал, что такое «монашка», и никогда не видел ни одной, хотя время от времени ему приходилось разговаривать с какой-либо из них через Барабан. Он не ведал, чем монашки отличаются от других женщин, о которых здесь вообще говорили крайне редко, да и то как о чем-то абстрактном. Существовало лишь два исключения: Святая Сестра Повешенного Искупителя и Блаженная Имельда Ламбертини, в одиннадцатилетнем возрасте умершая от экстаза во время первого причастия. Искупители никогда не объясняли, что такое экстаз, а спрашивать дураков не было.

Кейл крутанул Барабан. Повернувшись вокруг своей оси, тот вынес наружу широкий зев, в который Кейл положил синий мешок и снова крутанул Барабан, после чего заколотил по нему кулаком — раздалось гулкое «бум-бум-бум». Через полминуты с другой стороны стены, рядом с Барабаном, послышался приглушенный голос:

— Это что?

Кейл приложил голову к стене и, почти касаясь ее губами, чтобы его было лучше слышно, прокричал:

— Эти вещи Искупителя Боско должны быть готовы к завтрашнему утру.

— Почему их не принесли вместе с остальными?

— Откуда, черт возьми, мне это знать?

Из-за Барабана высокий голос с плохо скрываемым гневом прокричал:

— Как тебя зовут, нечестивый щенок?

— Доминик Савио, — солгал Кейл.

— Ну, Доминик Савио, знай: я пожалуюсь на тебя Лорду Дисциплины, и он с тебя шкуру спустит.

— Да мне плевать.

Еще через двадцать минут Кейл уже стоял в учебной контории Лорда Воителя, где не было никого, кроме самого Лорда, который не поднял головы и вообще ничем не дал понять, что заметил появление Кейла. Он продолжал писать в своей толстой тетради еще минут пять, прежде чем заговорил, по-прежнему не поднимая головы:

— Почему ты так задержался?

— Лорд Провианта остановил меня в коридоре внешнего бастиона.

— Зачем?

— Кажется, он услышал шум снаружи.

— Какой шум? — Лорд Воитель наконец посмотрел на Кейла. Глаза у него были бледно-голубые, почти водянистые, но взгляд острый. От него не ускользало почти ничего. А может, и вообще ничего.

— Там открывали Северо-Западные ворота, чтобы впустить свежачков. Он не ожидал их сегодня. Я бы сказал, потерял чутье.

— Придержи язык, — сказал Лорд Воитель, но сказал довольно мягко по сравнению с обычной своей суровостью. Кейл знал, что он презирает Лорда Провианта, а посему позволил себе высказаться о том подобным образом, понимая, что это не очень опасно.

— Я спрашивал твоего друга о слухах насчет их приезда, — сказал Искупитель.

— У меня нет друзей, Искупитель, — ответил Кейл. — Они запрещены.

Лорд Воитель тихо рассмеялся — не слишком приятный звук.

— На этот счет у меня нет сомнений, Кейл. Но если ты такой зануда, ладно, я имею в виду того тощего блондина. Как вы его называете?

— Генри.

— Я знаю его имя. Но у него есть кличка.

— Мы зовем его Смутный Генри.

Лорд Воитель рассмеялся, и на этот раз в его смехе можно было даже уловить намек на

обыкновенное добродушие.

— Прекрасно, — одобрительно сказал он. — Так вот, я спросил его, в какое время ожидаются свежачки, и он ответил, что точно не знает — примерно между восемью и девятью ударами колокола. Тогда я спросил его, сколько их будет. Он ответил: человек пятнадцать или около того, но может, и больше. — Лорд Воитель посмотрел Кейлу прямо в глаза. — Я выпорол его, чтобы в будущем он был точнее. Что ты об этом думаешь?

— Мне все равно, Искупитель, — безразлично ответил Кейл. — Как бы вы его ни наказали, он того заслуживает.

— Это верно. Приятно, что ты так думаешь. Так когда они прибыли?

— Без малого в пять.

— Сколько их?

— Двадцать.

— Какого возраста?

— Ни одного младше семи. Ни одного старше девяти.

— Какого рода?

— Четыре мезо, четыре эйтландца, трое фолдеров, пять полукровок, трое майями и один неизвестно кто.

Лорд Воитель пробормотал что-то, словно лишь отчасти был удовлетворен точными ответами на все свои вопросы.

— Подойди. У меня для тебя головоломка. Десять минут.

Кейл подошел к большому, двадцать на двадцать футов, столу, на котором Лорд Воитель развернул карту, слегка свешивавшуюся с краев. Кое-что на ней было нетрудно разобрать: горы, реки, леса, но на остальной части стояли многочисленные деревянные бруски с написанными на них цифрами и иероглифами, некоторые бруски были выстроены в определенном порядке, другие разбросаны хаотически. Кейл внимательно вглядывался в карту отпущенное ему время, потом поднял голову.

— Ну? — сказал Лорд Воитель.

Кейл начал отвечать.

Спустя двадцать минут, когда он закончил, его руки все еще были, как положено, вытянуты вперед.

— Весьма недурно. Даже впечатляюще, — сказал Лорд Воитель.

Что-то изменилось во взгляде Кейла. Вдруг, с чрезвычайной проворностью, Лорд Воитель хлестнул по левой руке Кейла кожаным ремнем, утыканным крохотными, но густо посаженными шипами.

Кейл моргнул и скрипнул зубами от боли, однако почти сразу же его лицо вновь обрело выражение настороженного хладнокровия, какое Искупитель неизменно видел на нем при каждой их встрече. Лорд Воитель сел и уставился на мальчика, словно это был некий предмет, вызывавший одновременно интерес и недовольство.

— Когда ты усвоишь, что, демонстрируя изобретательность, делая нечто оригинальное, ты просто тешишь свою гордыню? Твое решение может сработать, но оно неоправданно рискованное. Тебе прекрасно известен проверенный ответ этой задачки. В войне заурядный успех всегда лучше блестящего. И тебе следовало бы научиться понимать, почему это так. — Он в ярости стукнул кулаком по столу. — Ты что, забыл, что любой Искупитель вправе убить на месте любого мальчишку, если тот сделает нечто неожиданное?

Снова грохнув кулаком по столу, Лорд Воитель встал и свирепо уставился на Кейла. Из четырех проколов на все еще вытянутой вперед руке Кейла слабо сочилась кровь.

— Никто не станет потакать тебе так, как я. Лорд Дисциплины внимательно за тобой наблюдает. Ему каждые несколько лет требуется наглядный пример. Ты что, хочешь кончить героем Акта Веры?

Кейл молча смотрел прямо перед собой.

— Отвечай!

— Нет, Лорд.

— Думаешь, ты такой уж необходимый, ты, бесполезный нуль?!

— Нет, Лорд.

— Это моя вина, моя, моя страшная вина! — воскликнул Лорд Воитель, трижды ударив себя в грудь. — У тебя есть двадцать четыре часа, чтобы подумать о своих грехах, после чего ты смиренно предстанешь перед Лордом Дисциплины.

— Да, Искупитель.

— А теперь убирайся.

Уронив руки, Кейл повернулся и пошел к двери.

— Не заляпай кровью ковер, — крикнул ему вслед Лорд Воитель.

Кейл отворил дверь здоровой рукой и вышел.

Когда дверь со щелчком закрылась и Лорд Воитель остался в своей учебной контории один, выражение его лица изменилось: едва сдерживаемый гнев уступил место задумчивому удивлению.

Оказавшись в коридоре, Кейл на минуту остановился в ужасающем коричневом свете, коим было отравлено все пространство Святилища, и осмотрел свою левую руку. Раны не были глубокими, потому что шипы в поясе предназначались для того, чтобы причинить сильную боль, но нанести лишь легко залечиваемые раны.

Он сжал кулак и съежился, голова его затряслась, словно глубоко внутри черепа пробежала дрожь. Потом он расслабил руку, и в мрачном свете стало видно, как на его лицо наползает выражение мучительного отчаяния. Оно исчезло уже в следующий миг. Кейл зашагал по коридору и скрылся из виду.

Никому из мальчиков в Святилище не было известно, сколько их там. Некоторые утверждали, что десять тысяч и число это увеличивается с каждым месяцем. Разговоры больше всего вертелись именно вокруг роста численности. Даже среди тех, чей возраст приближался к двадцати годам, существовало убеждение, будто еще лет пять назад общее количество мальчиков, каким бы оно ни было, оставалось неизменным. Но в последнее время пошел рост. Искупители начали кое в чем вести себя по-другому, что само по себе было зловещим и странным явлением, ибо привычка и следование традициям прошлого были для них все равно что воздух, которым человек дышит. Каждый день и каждый месяц должны были быть точно такими, какими будут следующие. Ни один год не должен отличаться от другого. Но теперь существенное увеличение численности мальчиков вынуждало к переменам. В дортуарах были установлены двух- и даже трехъярусные койки, чтобы устроить вновь прибывающих. Богослужения начали проводиться в две смены, чтобы все могли молиться и ежедневно укреплять знание заповедей. И кормили теперь посменно. Но что касается причин, по которым происходили эти перемены, мальчикам о них ничего известно не было.

Кейл, столовавшийся во вторую смену, с рукой, обмотанной куском грязной простыни, выброшенной смердами-мойщиками, прошел через огромную трапезную, неся деревянный поднос. Немного опоздав — но не настолько, чтобы заслужить порку и наказание голодом, — он подошел к большому столу в конце зала, где сидел всегда, и остановился позади другого мальчика, приблизительно того же возраста и роста, настолько увлеченного едой, что он даже не заметил Кейла, стоящего за его спиной. Только когда остальные сидевшие за столом стали поднимать головы, он насторожился и оглянулся.

— Прости, Кейл, — сказал он, запихивая в рот остатки еды, и, поспешно вскочив, убрал свой поднос.

Кейл сел и осмотрел свой ужин: что-то напоминающее сосиску (но не сосиска), покрытое жидкой подливкой, в которой плавали кусочки неопознанных корнеплодов, утративших цвет от бесконечно долгой варки и превратившихся в бледно-желтое комковатое пюре. Сбоку стояла миска с кашей, холодной, застывшей и серой, как недельной давности слякоть. Как бы Кейл ни умирал от голода, в первый момент он не мог заставить себя начать есть. Кто-то втиснулся на лавку рядом. Кейл, даже не взглянув в ту сторону, принялся за еду.

Только по едва заметному подергиванию в уголке рта можно было догадаться, какой она была гадостью.

Мальчик, усевшийся возле него, заговорил, но так тихо, что слышать его мог только Кейл. Глупо быть пойманным за разговором во время еды.

— Я кое-что нашел, — сказал мальчик. Даже притом что голос его был едва слышен, в нем явно чувствовалось возбуждение.

— Повезло тебе, — безразлично ответил Кейл.

— Кое-что удивительное.

На этот раз Кейл вообще никак не прореагировал, сосредоточившись на том, чтобы не подавиться кашей. Мальчик помолчал.

— Это еда. Еда, которую можно есть.

Кейл лишь чуть-чуть приподнял голову, но его сосед уже знал, что одержал победу.

— Почему я должен тебе верить?

— Со мной был Смутный Генри. Встречаемся в семь у Повешенного Искупителя.

С этими словами мальчик встал и ушел. Кейл поднял голову, и на его лице появилось тоскливое выражение, настолько отличавшееся от обычной бесстрастной маски, что сидевшие напротив мальчики уставились на него в изумлении.

— Ты это больше не будешь? — спросил один из них, чьи глаза светились такой надеждой, будто в вонючей сосиске и восковой каше таилось удовольствия больше, чем он мог даже осознать.

Кейл, не ответив и не взглянув на мальчика, снова принялся за еду, заставляя себя глотать и подавляя тошноту.

Покончив с ужином, Кейл отнес деревянный поднос в чисториум, поскоблил его в тазу с песком и поставил на верх стопки. При выходе, под зорким взглядом Искупителя, сидевшего в огромном кресле на возвышении, откуда он мог обозревать всю трапезную, Кейл опустился на колени перед статуей Повешенного Искупителя, трижды ударил себя в грудь и пробормотал: «Я есть грех. Я есть грех. Я есть грех», — ни в малейшей мере не вникая в то, что значат эти слова.

Снаружи было темно, уже опустился вечерний туман. Это хорошо: легче будет незамеченным проскользнуть от амвона в кусты, которые росли позади гигантской статуи.

К тому времени как он добрался до места, Кейл мог видеть перед собой не более чем на пятнадцать футов. Он спустился с амвона на гравиевую дорожку перед статуей.

Это была самая большая из всех священных виселиц в Святилище, а их там были сотни, некоторые — не более нескольких дюймов, прибитые к стенам, установленные в нишах, украшающие урны со святым прахом в конце каждого коридора и над всеми дверьми. К ним так привыкли, их так часто поминали, что смысл образа давно утратил какое бы то ни было значение. В сущности, никто, кроме свежачков, их и не замечал и не помнил, что они изображали. А были это скульптурки человека, свисающего с перекладины на веревке, петлей затянутой вокруг шеи, — тело испещрено ранами от пыток, коим его подвергли перед казнью, переломанные ноги болтаются, вывернутые под странным углом. Священные фигурки Повешенного Искупителя, сделанные при основании Святилища тысячу лет назад, были грубыми и тяготели к примитивному реализму: несмотря на недостаток мастерства резчиков, в глазах был виден ужас, язык вываливался изо рта, тело изображалось изломанным и скорчившимся. словно бы резчик хотел сказать: он умер ужасной смертью. Но с годами статуи становились более искусными, хотя вместе с тем и слащавыми. Гигантская статуя с огромной виселицей, толстой веревкой и висящей на ней длинной, футов в пятнадцать фигурой была сооружена всего тридцать лет назад: раны на спине были изображены рельефно, но аккуратно и без крови. Ноги человека не казались переломанными, скорее, создавалось впечатление, будто они сведены судорогами. Но самым странным было выражение лица: вместо мук удушения на нем была мина какого-то благостного удивления, словно в горле у повешенного застряла маленькая косточка и он пытался освободиться от нее деликатным покашливанием.

Правда, той ночью, в тумане и крошечной тьме, единственным, что мог разглядеть Кейл, были огромные ступни Искупителя, выплывавшие из белого тумана. От этого странного зрелища Кейл почувствовал себя неудобно. Осторожно, чтобы не шуметь, он скользнул в кусты, которые должны были скрыть его от любого, кто проходил бы мимо.

— Кейл?

— Да.

Мальчик из трапезной — его звали Кляйст — и Смутный Генри вынырнули из кустов прямо перед Кейлом.

— Ну, Генри, берегись, если риск того не стоит, — прошептал Кейл.

— Стоит, Кейл, обещаю.

Кляйст жестом велел Кейлу следовать за ним в кусты, росшие под самой стеной. Здесь было еще темнее, и Кейл задержался, чтобы глаза привыкли к уже полной темноте. Двое остальных ждали. Постепенно в стене проступила дверь.

Едва ли само по себе наличие двери можно считать таким уж волнующим событием, но при обилии дверных проемов дверей в Святилище было очень мало.

Во время Великой Реформации, случившейся двести лет назад, более половины Искупителей были сожжены на костре за ересь. Опасаясь, что эти вероотступники могли оказать пагубное влияние и на своих подопечных, победившая фракция Искупителей всем мальчикам для надежности перерезала горла. Набрав после этого свежачков, Искупители произвели немало перемен, и одна из них заключалась в том, что они сняли все двери в местах, доступных для мальчиков.

В конце концов, зачем нужны двери там, где обитают грешники? Двери скрывают. Двери — одно из дьявольских порождений, сочли они: за ними можно спрятаться, за ними таятся секреты и замышляются дурные дела. Теперь, когда они это осознали, сама мысль о дверях заставляла Искупителей дрожать от гнева и страха. Самого дьявола стали изображать не только как зверя с рогом, но почти так же часто — в виде прямоугольника с замком. Разумеется, анафема, наложенная на двери, не касалась самих Искупителей: одно только наличие дверей в их рабочих кабинетах и спальнях кельях было знаком их искупления. Праведность Искупителя измерялась количеством ключей, которые ему было дозволено носить на цепи, обернутой вокруг пояса. Звенеть ими на ходу означало показывать, что ты уже призван Небом.

Вот почему находка доселе неизвестной двери была событием из ряда вон выходящим.

Теперь, когда глаза Кейла окончательно привыкли к темноте, он разглядел рядом с дверью кучку отколупанной штукатурки и штабель крошащихся кирпичей.

— Я обнаружил ее, когда прятался от Четника, — сказал Смутный Генри. — Штукатурка вон там, в углу, отваливалась, и я, пока ждал, отковырял кусок. Она легко крошилась, потому что отсырела. Мне понадобилось всего полминуты.

Кейл протянул руку к краю двери и осторожно толкнул. Потом еще и еще.

— Она заперта.

Кляйст и Смутный Генри улыбнулись. Сунув руку в карман, Кляйст протянул Кейлу нечто, чего тот никогда не видел в руках мальчика, — ключ. Ключ был длинный, толстый и изъеденный ржавчиной. Теперь все три пары глаз сверкали от возбуждения. Кляйст вставил ключ в замочную скважину и стал поворачивать, кряхтя от усилия. Спустя некоторое время — щелк! — ключ повернулся.

— Пришлось три дня копать в грязи, чтобы расчистить ее, — сказал Смутный Генри с нескрываемой гордостью.

— А где вы достали ключ? — спросил Кейл.

Кляйст и Смутный Генри были в восторге от того, что Кейл снизошел до разговора с ними, — словно бы им удалось поднять мертвого из гроба или пройти по воде.

— Расскажу, когда войдем внутрь. Пошли. — Кляйст прижался плечом к двери, остальные сделали то же самое. — Сильно не толкайте, петли могут быть в плохом состоянии. Нам нельзя шуметь. Считаю до трех. — Он сделал паузу. — Готовы? Раз, два,

три.

Они навалились. Ничего. Дверь не сдвинулась ни на волосок. Мальчики передохнули, сделали глубокий вдох:

— Раз, два, три!

Они надавили изо всех сил, и дверь со скрипом приоткрылась. Мальчики отступили в тревоге: быть услышанным — значит быть пойманным, быть пойманным — значит подвергнуться бог знает чему.

— За это и повесить могут, — сказал Кейл.

Двое других посмотрели на него с испугом.

— Нет, они этого не сделают. Во всяком случае, не повесят.

— Воитель сказал мне, что Лорд Дисциплины только и ищет предлог, чтобы устроить показательную казнь. Уже пять лет никого не вешали.

— Они этого не сделают, — повторил Смутный Генри в потрясении.

— Еще как сделают. Ради бога, это же дверь! И у тебя есть ключ! — Кейл повернулся к Кляйсту. — Ты мне наврал. Ты понятия не имеешь, что там. Возможно, это тупик и там не только украсть нечего, но и посмотреть не на что. — Он опять обратился к Генри: — Это не стоит риска, Генри, но шея твоя — тебе и решать. А я в этом не участвую.

Однако не успел он повернуться, чтобы уйти, как с амвона донесся голос, сердитый и нетерпеливый:

— Кто там? Что за шум?

Потом мальчики услышали, как кто-то направился к ним по гравиевой дорожке от Повешенного Искупителя.

2

Быть может, вам доводилось испытывать то, что называют «застыть от ужаса»: глаза расширены, язык прилип к нёбу, кишки свело. Так вот, это ерунда по сравнению с тем, что почувствовали Кляйст и Генри, осознав тот ужас, который надвигался на них сейчас, причем накликаемый их собственной глупостью: замершая в ожидании огромная молчаливая толпа, освещенная серым светом, потом, когда их потащат к виселице, пронзительные крики, жуткое ожидание длиной в нескончаемый час, пока вся эта масса людей будет нараспев читать молитвы, а потом веревка, — и ты болтаешься в воздухе, задыхаясь и дрыгая ногами.

Но Кейл уже подошел к двери, молча, одним рывком приподнял ее на разболтанных петлях и толкнул. Она отворилась почти беззвучно. Потом он положил руки на затылки неподвижных мальчиков и втолкнул их в проем. Как только они очутились внутри, он протиснулся мимо них сам и снова огромным усилием и так же почти беззвучно закрыл дверь за собой.

— Выходите! Немедленно! — Голос снаружи прозвучал приглушенно, но отчетливо.

— Дай мне ключ, — сказал Кейл.

Кляйст протянул ему ключ. Кейл повернулся к двери и нащупал замок, однако замешкался. Он не знал, как пользоваться ключом.

— Кляйст! Ты! — прошептал он.

Кляйст нашел замочную скважину и вставил в нее тяжелый ключ.

— Тихо, — сказал Кейл.

Дрожащей рукой, понимая, что то, что он делает, означает жизнь или смерть, Кляйст крутанул ключ. Тот повернулся со звуком, который показался им ударом молота по железному чану.

— Выходите сейчас же! — потребовал приглушенный голос. Но Кейл различил в нем сомнение.

Кто бы ни был там, в тумане снаружи, он не был уверен, что действительно что-то слышал.

Мальчики ждали. В тишине раздавалось лишь хриплое испуганное дыхание. Потом до

них донесся шорох гравия под чьими-то ногами, шаги удалялись и вскоре затихли совсем.

— Он пошел за Ковырялычиками.

— Может, и нет, — возразил Кейл. — Думаю, это был Лорд Провианта. Он ленивый жирный ублюдок и к тому же не уверен, что действительно что-то слышал. Ему следовало обшарить кусты, но было лень сделать даже это. Так неужели он потащится за Ковырялычиками с их ищейками, если поленился проверить несколько кустов? Слишком тяжело для его жирной туши.

— Если он вернется сюда завтра, при дневном свете, он увидит дверь, — предположил Смутный Генри. — Пусть нам и удалось улизнуть сейчас, завтра они придут за нами.

— Они придут за кем-нибудь, причем найдут этих «кого-нибудь» обязательно, вне зависимости от того, виновны они или нет. Нет ничего, что позволит им связать с этим местом именно нас. Чьи-то головы полетят, но совершенно не обязательно наши.

— А что если он все же пошел за подмогой? — спросил Кляйст.

— Отопри дверь, и давайте уносить ноги.

Кляйст начал ощупывать дверь, пока не наткнулся на торчащий из замочной скважины ключ. Он попытался его повернуть, но ключ не поддавался. Он попробовал еще раз. Ничего. Тогда он крутанул изо всей силы. Послышался громкий треск!

— Что это было? — спросил Смутный Генри.

— Ключ, — ответил Кляйст. — Он сломался в замке.

— Что?! — воскликнул Кейл.

— Сломался. Теперь мы не сможем выйти. Во всяком случае, здесь.

— Черт, — ругнулся Кейл. — Ты придурок. Если бы я тебя видел, я бы тебе шею свернул.

— Наверное, есть какой-нибудь другой выход.

— А как мы его найдем в такой тьме? — обреченно вздохнул Кейл.

— У меня есть свет, — сказал Кляйст. — Я предвидел, что он нам может понадобиться.

Наступила тишина, в которой слышалось только тихое шуршание — это Кляйст шарил в своей рясе. Он что-то уронил, поднял, снова зашуршал. А потом сверкнули искры, и вспыхнул кусочек сухого мха. Огонь быстро разгорался, и в его свете мальчики увидели, как Кляйст поднес к нему фитиль свечи, мигом вставил свечу в стеклянную колбу переносной лампы, и они впервые смогли оглядеться.

В сущности, в тусклом желтом свете сальной свечи было видно немного, но мальчикам вскоре стало ясно, что это не комната, а ответвление коридора.

Кейл забрал у Кляйста лампу и осмотрел дверь.

— Штукатурка не старая, нанесена от силы несколько лет назад.

Что-то прошмыгнуло в углу, и все трое одновременно подумали: крысы.

Есть крыс мальчикам запрещалось по религиозным соображениям, и это табу, по крайней мере, имело под собой резонное основание: крысы — ходячие болезни. Тем не менее мальчики высоко ценили крысиное мясо, и многие из них именно искусству охоты на крыс были обязаны своим выживанием, равно как другие тому же искусству были обязаны ранним схождением в могилу, но таких было гораздо меньше. Конечно, не каждый мог стать охотником на крыс. Это умение почиталось и передавалось другому лишь в обмен на ценные взятки и взаимные услуги. Крысоловы были тайным сообществом и брали половину с каждой крысы за свои труды — цена настолько высокая, что время от времени некоторые мальчики решали пренебречь их услугами и поохотиться самостоятельно; зачастую результат убеждал остальных, что лучше платить и еще говорить при этом «спасибо». Кляйст был одним из крысоловов.

— У нас нет времени, — предупредил Кейл, сообразив, что у того на уме. — И света здесь мало, чтобы снять шкуру.

— Я могу освежевать крысу в полной темноте, — ответил Кляйст. — Кто знает, на сколько мы здесь застрянем?

Он поднял полу рясы и достал большой голыш из кармана, подшитого к подолу. Потом

тщательно прицелился и метнул его в темноту. В углу послышался визг, и началась жуткая возня. Кляйст взял у Кейла свечу и пошел на звук. Когда он склонился там, в углу, раздался тихий хруст, словно что-то сломалось, потом наступила тишина. Кляйст опустил руку в карман, с большой осторожностью вынул и развернул тряпичный лоскуток и им подцепил окровавленное и уже мертвое существо. Едва заметным движением кисти он переломил ему шею, после чего сунул в тот же самый карман.

— Закончу потом.

— Это коридор, — сказал Кейл. — В прошлом он куда-то вел, может, и сейчас ведет.

Поскольку Кляйст держал свечу, он и пошел первым.

Не прошло и минуты, как Кейл изменил свое мнение. Никаких дверных проемов, ни открытых, ни заложенных, на которые он рассчитывал, видно не было.

— Нет, это не коридор, — сказал он наконец, все еще стараясь говорить как можно тише. — Это больше похоже на туннель.

Более получаса они продвигались вперед, причем быстро, несмотря на темноту, потому что пол был почти гладким и не замусоренным, а потолок — снова высоким.

Наконец Кейл опять заговорил:

— Почему вы мне сказали, что здесь есть еда, если вы здесь не были?

— Но это же очевидно, — ответил Смутный Генри. — Иначе бы ты с нами не пошел, разве не так?

— И мудро поступил бы. Ты обещал мне еду, Кляйст, и я, как идиот, поверил тебе.

— А я думал, ты славись именно тем, что никому не доверяешь, — сказал Кляйст. — Кроме того, у нас есть крыса. Так что я не солгал: где-нибудь здесь наверняка есть еда.

— Откуда ты знаешь? — спросил Генри. По интонации можно было догадаться, как он голоден.

— Здесь полно крыс, а крысам нужно что-то есть. Откуда-то ведь они берут еду.

Кляйст неожиданно остановился.

— Что случилось? — встревожился Генри.

Кляйст протянул свечу вперед. Перед ними была стена. И никакой двери.

— Может, дверь — под штукатуркой? — предположил он.

Кейл ощупал стену ладонью, потом обстучал ее костяшками пальцев.

— Это не штукатурка, это бетон на рисовой муке. Такой же, из какого сделаны внешние стены.

Через такую стену пробиться было невозможно.

— Придется возвращаться. Может, мы пропустили дверь в боковой стене? Мы же не смотрели по сторонам.

— Не думаю, — возразил Кейл. — А кроме того... сколько еще будет гореть свеча?

Кляйст посмотрел на огарок, который держал в руке.

— Двадцать минут.

— Что нам делать? — заволновался Смутный Генри.

— Погаси свечу, и давайте подумаем, — сказал Кейл.

— Хорошая мысль, — согласился Кляйст.

— Счастлив, что ты одобряешь, — язвительно пробормотал Кейл и сел на пол.

Остальные последовали его примеру, и Кляйст, приподняв стеклянную колбу, двумя пальцами загасил свечу.

Все трое сидели в темноте, запах животного жира от свечи дразнил их. Для них смрад от сгоревшего вонючего сала был напоминанием лишь об одном: о еде.

Через пять минут Смутный Генри нарушил молчание:

— Я вот думаю... — Он не закончил фразу. — Это же только один конец туннеля. — Он снова замолчал. — Но ведь должен быть и другой, с другим входом. — Снова пауза. — Это просто так, мысль.

— Мысль? — раздраженно вскинулся Кляйст. — Ты себе льстишь.

Генри ничего не ответил, но Кейл встал с пола.

— Зажги-ка свечу.

Кляйсту понадобилось не больше минуты на манипуляции с мхом и кремнем, и вскоре они уже снова могли видеть. Кейл присел на корточки.

— Отдай ее Генри и влезь мне на плечи.

Кляйст передал свечу, взобрался Кейлу на спину и обхватил его шею ногами. Крякнув, Кейл встал.

— Теперь возьми свечу.

Кляйст сделал что было велено.

— А теперь осмотри потолок.

Кляйст поднял свечу и стал всматриваться, понятия не имея, что нужно искать.

— Есть! — вдруг закричал он.

— Тихо, черт тебя дери!

— Здесь люк, — зашептал Кляйст, лопааясь от радости.

— Ты можешь до него дотянуться?

— Да, и даже без особого усилия.

— Осторожнее, только чуточку толкни: там может кто-то быть.

Кляйст приложил ладонь к ближнему краю люка и толкнул.

— Поднимается.

— Постарайся сдвинуть его в сторону и посмотреть, что там.

Раздался скрежет.

— Ничего. Там темно. Сейчас просуну туда свечу. — Повисла тишина. — Все равно почти ничего не видно.

— Можешь вылезти?

— Если ты подтолкнешь меня вверх, когда я ухвачусь за край. Ну, давай!

Кейл обхватил его ступни и толкнул вверх. Кляйст медленно поднялся, послышался грохот отодвигаемого люка.

— Да тише ты! — зашипел Кейл.

Потом Кляйст исчез.

Кейл и Генри ждали почти в полной темноте, слабый луч света просачивался только сверху сквозь полуоткрытый люк, но даже он становился еще тусклее, когда Кляйст, там, наверху, отходил со свечой в сторону, изучая окружающую обстановку. Потом стало совсем темно.

— Думаешь, можно ему доверять? Не смоеся? — спросил Кейл.

— Ну... — протянул Смутный Генри. — Я думаю... — Пауза. — Может быть...

Он не успел закончить: в проеме люка снова забрезжил свет, потом появилась голова Кляйста.

— Это какая-то комната, — прошептал он. — Но за другим люком я вижу свет.

— Вставай мне на плечи, — скомандовал Смутному Генри Кейл.

— А ты как же?

— Справлюсь. Вы двое просто ждите наверху, чтобы вытащить меня.

Смутный Генри был намного легче Кляйста, и поднять его к отверстию люка оказалось очень просто. Там Кляйст должен был втянуть его.

— Спусти свечу как можно ниже.

Кляйст свесился и, ухватив Смутного Генри за руку, помог ему вылезти.

Кейл подошел вплотную к стене, нащупал в ней трещину и, просунув в нее пальцы, подтянулся. Потом нащупал другую, еще одну — и так, пока не дотронулся до руки Кляйста.

Они обхватили друг друга за запястья.

— Сможешь?

— Ты делай свое дело, Кейл. Сейчас, только отдам свечу Генри.

По-прежнему наполовину свисая из люка, он завел руку за спину и отдал свечу Смутному Генри, снова наступила крошечная тьма.

— На счет три, — сказал он и, сделав паузу, сосчитал: — Раз, два, три.

Кейл оттолкнулся ногами и, раскачиваясь, повис в воздухе. Кляйст тяжело крикнул, приняв на себя вес Кейла. Тот подождал несколько секунд, пока тело перестанет раскачиваться, потом вытянул вверх свободную руку и схватился ею за предплечье Кляйста, а Генри стал тащить Кляйста за ноги. Им удалось подтянуть Кейла всего дюймов на шесть, но этого оказалось достаточно, чтобы он ухватился за край люка и тем облегчил тяжесть своего тела для Кляйста и Генри. Подержавшись за край секунду-другую, он подтянулся, и они протаскивали его через отверстие. В следующую минуту Кейл уже был на деревянном полу.

Все трое лежали немного, отдуваясь. Потом Кейл поднялся на ноги.

— Покажи мне другой люк.

Вставая, Кляйст прихватил почти догоревшую свечу и пошел к противоположной стене комнаты, размер которой, по прикидке Кейла, был двадцать на пятнадцать футов.

Кляйст склонился над люком, двое других последовали его примеру. Как и говорил Кляйст, с одной стороны крышка прилегала неплотно, из щели сочился свет. Кейл приник к ней глазом, но, кроме того, что там действительно было светло, ничего разглядеть не смог. Тогда он приложил к щели ухо.

— Что ты...

— Тихо! — зашипел Кейл.

Он прислушивался не менее двух минут, потом снова сел. Поднять крышку не представлялось возможным, тогда он стал ощупывать ее края, пока не нашел маленький зазор, достаточный для того, чтобы поддеть крышку и попытаться сдвинуть ее. Потянул. Крышка чуточку поддалась, издав скрежещущий звук. Кейл раздраженно поморщился. Зазор был таким узким, что туда не входил даже палец, поэтому он впился в дерево ногтями, чтобы создать хоть какую-то опору для усилия. Было очень больно тянуть край ногтями, но в конце концов он приподнял крышку настолько, что сумел просунуть в щель ладонь, и сдвинул крышку. Все трое заглянули вниз.

Футах в пятнадцати внизу они увидели такое, чего не только никогда прежде не видели, но и вообразить себе не могли.

3

Онемевшие, не в силах шелохнуться, три мальчика глазели на кухню, потому что это была именно кухня. Все поверхности в ней оказались заставленными блюдами с едой: там были цыпленок с поджаристой корочкой, натертой солью и молотым перцем, толстые куски говядины, свинина в такой хрустящей панировке, что, вонзи в нее зубы, наверняка раздастся треск, как от сломанной сухой палочки. Хлеб был нарезан толстыми ломтями, и корка у него была темная, местами почти черная. На тарелках громоздились высокие горки фиолетового лука, риса с фруктами, мясистого винограда и яблок. И еще пудинги, меренги, похожие на вздымающиеся горы в миниатюре, заварные кремы темно-желтого цвета и плоски со взбитыми сливками.

Мальчики не знали даже названий большей части того, что видели: зачем знать, как называется заварной крем, если ты понятия не имеешь даже о том, что такая вещь существует; или думать, что большие куски мяса и нарезанные куриные грудки имеют хоть какое-то отношение к обрезкам гусиных потрохов, лапок и мозгов, сваренных вместе, нарубленных и набитых в кишки, если это последнее блюдо было единственным, что определяло их представление о вкусе мяса? Вообразите себе, какими странными показались бы краски и виды окружающего мира внезапно прозревшему слепому или как ошеломили бы глухого от рождения звук сотни флейт.

Но в какое бы смятение ни повергло мальчиков диковинное зрелище, голод заставил их пролезть через люк и по-обезьяньи ловко спрыгнуть в центр кухни, не задев стола. Все трое стояли потрясенные открывшимся им изобилием. Даже Кейл чуть не забыл, что нужно закрыть люк. Одурманенный ароматами и невиданными красками, он убрал наконец со стола

несколько тарелок, встал на расчищенное место и, до предела вытянув руки, сдвинул крышку люка так, чтобы она встала на место.

К тому времени, когда он опять прыгнул на пол, остальные двое уже сметали со стола еду с ловкостью опытных воришек. С каждого блюда они брали лишь по одному куску, рассредоточивая остальное так, чтобы не было видно зияния и никто не заметил недостачи. Они не могли устоять, чтобы тут же, на месте, не закидывать в рот кусочек то цыпленка, то хлеба, но большая часть взятого отправлялась в многочисленные запрещенные карманы, которые они тайно подшивали изнутри к своим рясам, чтобы прятать там любую контрабанду, которую удавалось найти и которую было легко украсть.

Кейла тошнило от насыщенных запахов, которые, казалось, проникали прямо в мозг и едва не лишали сознания, словно вся эта еда испускала некие едкие испарения.

— Не ешьте — только берите все, что сможете спрятать, — скомандовал он себе не меньше, чем остальным. Он тоже брал и рассовывал по карманам все, что мог, но карманов было мало. Иметь много не было нужды: в обычной жизни добыча бывала скудной и редкой.

— А теперь надо выбираться отсюда. Немедленно. — Кейл направился к двери. Словно очнувшись от глубокого сна, Кляйст и Смутный Генри стали осознавать опасность, в которой они все оказались. С минуту Кейл слушал, приложив ухо к двери, потом тихонько приоткрыл ее. За дверью оказался коридор.

— Бог его знает, где мы, — сказал он. — Но надо найти укрытие. — С этими словами он распахнул дверь пошире и вышел наружу, двое остальных неуверенно последовали за ним.

Они двигались быстро, держась поближе к стене. Через несколько ярдов им встретилась лестница, ведущая вверх. Смутный Генри уже было поставил ногу на ступеньку, но Кейл отрицательно покачал головой:

— Нужно найти окно или какой-нибудь выход, чтобы понять, где мы находимся. В спальный хлев надо вернуться прежде, чем догорит свеча, иначе наше отсутствие обнаружат.

Они двинулись дальше, но, когда дошли до двери, видневшейся по левую руку, эта дверь стала открываться.

Вмиг повернув назад, они добежали до лестницы и взлетели по ней. Распластавшись на верхней площадке, мальчики слышали голоса проходивших внизу по коридору людей. Потом, судя по звуку, открылась другая дверь. Кейл, чуть приподняв голову, увидел, что в кухню, которую они только что покинули, вошел человек. Лежавший позади него Смутный Генри заелозил. Он был напуган и пребывал в смятении.

— Эти голоса, — прошептал он. — Какие-то они не такие.

Кейл покачал головой, чтобы успокоить его, но тоже заметил, что голоса звучали странно, и ощутил, как забурлило у него в желудке. И снова послышалось, как открывается дверь. Кейл отполз назад и осмотрел место, где они прятались. Никакого иного выхода, кроме находившейся позади них двери, не обнаружилось. Кейл быстро повернул ручку и заглянул за дверь. Там оказалась не комната, а какой-то балкон шириной всего футов десять, с низким каменным парапетом. Кейл выполз на него, остальные — следом, и все трое скорчились на полу.

С площадки, на которую выходил балкон, донеслись взрыв смеха и аплодисменты.

Мальчиков ужаснул не сам смех, каким бы редким явлением он ни был в этом месте, и даже не необычная его громкость и вызывающая веселость, — их напугали высота и тембр звука. Так же как голоса, которые они только что слышали в коридоре, он вызвал у них странное, доселе неведомое ощущение глубоко внутри.

— Посмотри, что там, — прошептал Смутный Генри.

— Нет, — одними губами ответил Кейл.

— Посмотри! А то я высунусь.

Кейл схватил его за запястье и крепко сжал.

— Если нас поймают, мы покойники.

Смутный Генри нехотя откинулся к стене. Раздался новый взрыв смеха, но на сей раз

Кейл бдительно следил за Смутным Генри. Потом он заметил, что Кляйст встал на колени и устоял туда, откуда доносился смех. Кейл потянул его вниз, но Кляйст был гораздо сильнее Смутного Генри, и сдвинуть его с места, не приложив больших усилий и не наделав шума, а следовательно, не обнаружив себя, было невозможно.

Кейл осторожно чуть высунул голову над парапетом и увидел нечто куда более шокирующее и волнующее, нежели вид деликатесов в кухне. Это было как если бы на все его внутренности разом обрушилась сотня испускательских шипов.

Внизу, в большом зале, располагалось около дюжины столов, сплошь уставленных теми самыми блюдами, которые они видели в кухне. Столы образовывали замкнутый круг, так что все сидевшие за ними могли видеть друг друга, и было совершенно очевидно, что виновницами торжества служили две девочки в белом. Особенно хороша была одна из них — с длинными темными волосами и ярко-зелеными глазами. Она была очень красивая, но при этом пухленькая, как диванная подушка. В центре круга между столами находился большой бассейн с горячей водой, над ее поверхностью клубился пар. В бассейне купались с полдюжины девочек. От этого зрелища лица Кейла и Кляйста превратились в маски с широко распахнутыми глазами; в их взглядах читалось такое потрясение, словно перед ними предстали небеса.

Купальщицы были нагими. В зависимости от происхождения, кожа у них была розовой или коричневой, но даже самая юная из них, не старше двенадцати лет, уже обладала роскошными соблазнительными формами. Однако не столько нагие тела изумили мальчиков, сколько сам факт их присутствия здесь: им еще никогда не доводилось видеть женщину.

Никто не смог бы описать того, что они почувствовали. Не родился еще поэт, который сумел бы передать словами их ощущения: смесь странного восторга и ошеломляющего ужаса.

Послышался какой-то всхлип — это задохнулся от волнения Смутный Генри, который к тому времени уже стоял на коленях рядом с Кейлом и Кляйстом.

Этот звук вернул Кейла к действительности. Он скользнул на пол и прижался к стене. Через несколько секунд и остальные, бледные и смятенные, сделали то же самое.

— Завал, — прошептал Смутный Генри. — Завал, завал, не может быть...

— Надо линять, иначе нам крышка.

Кейл на четвереньках пополз к двери, мальчики последовали за ним. Выбравшись за дверь, они все так же ползком подкрались к краю площадки и прислушались. Ничего. Тогда они спустились с лестницы и двинулись по коридору. С этого момента, видимо, какая-то неведомая сила охраняла их, потому что от тех осторожных и ловких мальчишек, какими они были до того, как пробрались на балкон и увидели шокирующее зрелище внизу, не осталось и следа. Тем не менее, потрясенные и пребывающие в состоянии экстаза, они дошли до двери, которая вела в другой коридор, повернули налево — просто потому, что им было все равно, что налево, что направо, — и бросились бежать: у них оставалось не более получаса, чтобы добраться до своего «спального хлева». Однако спустя минуту у них на пути возник крутой поворот, а за ним — коридор футов двадцати длиной, в конце которого виднелась массивная дверь. На лицах мальчиков отразилось глубокое отчаяние.

— Боже милостивый! — прошептал Смутный Генри.

— Через сорок минут они пустят по нашему следу Ковыряльщиков.

— Да, много времени им не понадобится, тут-то они нас и накроют.

— И что потом? Они же не могут позволить, чтобы мы разболтали то, что видели, — сказал Кляйст.

— Значит, надо удирать.

— Удирать?

— Да, бежать и никогда не возвращаться.

— Мы даже отсюда выбраться не можем, — резонно возразил Кляйст, — а ты говоришь о побеге из Святилища вообще.

— А какой у нас выб... — Кейл замолчал на полуслове, услышав звук

поворачивающегося в двери ключа. Дверь была массивной, толщиной не менее шести дюймов, открывалась она медленно, так что у них оставалось несколько секунд, чтобы найти место, где спрятаться. Но три человека — это не один.

Кейл сделал знак остальным двоим плашмя прижаться к стене так, чтобы оказаться за дверью, когда она откроется, — тогда створка спрячет их хоть на то время, пока дверь будет открыта. Другого выбора не было; бежать назад означало застрять здесь слишком надолго: их отсутствие успеют обнаружить, их поймают, и последует медленная смерть.

Дверь отворялась с большим трудом, о чем можно было судить по проклятиям и раздраженному ворчанию. Кейл страшным взглядом повторил приказ. Дверь, из-за которой продолжало доноситься недовольное бормотание, двинулась на них и наконец остановилась. Потом кто-то подсунул под нее деревянный колышек, чтобы не дать закрыться. Снова послышались ругательства и кряхтение, а потом — звук тележки, которую покатали по коридору. Кейл, стоявший с краю, выглянул наружу и увидел знакомую прихрамывающую фигуру в черной рясе, которая удалялась, действительно толкая перед собой тележку, пока не исчезла за поворотом. Кейл сделал знак остальным, и все трое быстро выскользнули за дверь.

Мальчики оказались на улице, в холодном тумане. Здесь стояла еще одна наполненная углем тележка, ждавшая своей очереди. Вот почему Унтер-Искупитель Смит, известный своей ленью ублюдок, не запер дверь на ключ, как наверняка предписывала инструкция, а заклинил ее в открытом состоянии.

В любом другом случае мальчики стащили бы столько угля, сколько смогли бы унести, но все их карманы уже были полны едой, и к тому же они были слишком испуганы.

— Где мы? — спросил Смутный Генри.

— Понятия не имею, — ответил Кейл.

Он спустился с амвона, стараясь привыкнуть к туману и темноте, чтобы различить хоть какую-нибудь знакомую примету. Но вскоре радость избавления начала стремительно таять: они слишком долго шли по туннелю неизвестно куда и могли сейчас находиться где угодно на территории Святилища, в любой точке лабиринта его зданий, амвонов и внешних коридоров.

Потом внезапно из тумана выплыла пара огромных ступней.

Это была главная статуя Повешенного Искупителя, от которой они начали свой путь более часа назад.

Не прошло и пяти минут, как они порознь присоединились к очереди, выстроившейся к спальному хлеву, официально именуемому Дортуаром Владычицы Вечного Вспоможения. Что значили все эти слова, они понятия не имели, да и не интересовались. Они начали распевать вместе с остальными: «Если я умру сегодня ночью... Если я умру сегодня ночью... Если я умру сегодня ночью...» Ответ на это зловещее предположение всем послушникам был хорошо известен благодаря недвусмысленным разъяснениям Искупителей: большинство из них отправится в ад, поскольку души их отвратительно черны, и они будут вечно гореть в огне.

Многие годы, когда заходил разговор о смерти послушников посреди ночи — а этот разговор заходил часто, — Кейла то и дело выволакивали из рядов, ставили перед всей группой, и дежурный Искупитель задирает ему рясу, демонстрируя шрамы и ссадины, покрывавшие его спину от затылка до крестца. Ссадины были разных размеров и находились на разных стадиях заживления, поэтому иногда его спина оказывалась красиво расцвеченной невероятным множеством оттенков синего, серого, зеленого, багряного, золотисто-желтого и фиолетового. «Смотрите на эти краски, — говорил обычно Искупитель. — Ваши души, которые должны быть белыми, как крыло певчей горлицы, — хуже, чем фиолетово-черные синяки на этой спине. Вот такими все вы выглядите перед Богом: черными и фиолетовыми. И если кто-то из вас умрет сегодня ночью, излишне говорить вам, к какой очереди он присоединится и что ждет каждого в конце этой очереди: дикие звери будут пожирать вас, испражняться вами и снова пожирать; железные печи, раскаленные докрасна, за час обуглят

вашу шкуру, перетопят ваш жир, потом дьявол перемесит золу и жир в мерзкую пасту, из которой снова слепит вас, и опять будете вы гореть и возрождаться, гореть и возрождаться — и так вечно».

Однажды посетивший Святилище сановник, некто Искупитель Комптон, недруг Боско, стал свидетелем экзекуции и воочию увидел, как появляются на спине Кейла эти шрамы, ссадины и синяки.

— Из таких мальчиков, — сказал Искупитель Комптон, — не получится борцов против богохульства Антагонистов. Такая невероятная жестокость по отношению к ребенку, независимо оттого, насколько дьявол завладел его душой, ломит его дух прежде, чем тот окрепнет достаточно, чтобы для ребенка стало возможным искупить свое святотатство перед Богом.

— Он не непокорный, и дьявол отнюдь не завладел его душой, — возразил Боско.

Всегда очень сдержанный, когда речь заходила о Кейле, он внезапно рассердился на себя за то, что, поддавшись на провокацию, пустился в объяснения.

— Тогда почему вы позволяете такое?

— Не спрашивайте о причинах. Просто примите как должное.

— И все же скажите мне, Искупитель.

— Повторяю: не спрашивайте, я не скажу.

Искупитель Комптон, на этот раз оказавшись мудрее Боско, замолчал, но позднее поручил двум своим платным осведомителям в Святилище разузнать все, что можно, о мальчике с фиолетовой спиной.

«Если я умру сегодня ночью... Если я умру сегодня ночью... Если я умру сегодня ночью...» — укладываясь в постель, бормотали Кейл и двое других.

Молитва, которая за годы непрерывного повторения лишилась почти всякого смысла, сегодня обрела над ними новую ужасную силу, ту, которую имела, когда они были совсем маленькие и ночи напролет лежали без сна, уверенные, что, стоит им закрыть глаза, как они почувствуют жаркое дыхание зверя и услышат лязг металлической дверцы раскаленной печи.

За десять минут огромный барак заполнился, дверь мгновенно заперли, и пять сотен мальчиков остались в полной тишине в громадном, промозглом и скудно освещенном помещении. Потом свечи вовсе погасили, и все поспешно улеглись спать, поскольку встали в пять утра. Барак огласился нестройным хором, состоявшим из храпа, подвываний, поскуливания и бормотания, это мальчики погружались в свои сны, сулившие кому кошмары, кому утешение.

Наша троица, разумеется, сразу заснуть не смогла, Впрочем, и несколько часов спустя мальчики все еще не спали.

4

Кейл заснул лишь под утро, но проснулся все равно рано. Сколько он себя помнил, это было его привычкой, потому что давало возможность целый час побыть одному — насколько можно «побыть одному», находясь в одном помещении с пятьюстами спящими мальчишками. Но, во всяком случае, перед рассветом, в темноте, никто с тобой не заговорит, никто не будет за тобой наблюдать, указывать тебе, что нужно делать, угрожать или искать предлог подраться и даже убить тебя. И пусть его терзал голод, по крайней мере, ему было тепло под одеялом. Однако рано или поздно он, конечно, вспомнил о еде, коей были набиты его карманы. Доставать ее из рясы, висевшей на спинке кровати, было опасно, но Кейла обуревало неодолимое чувство — не просто голод, потому что с ним он жил постоянно, а какой-то восторг, невыносимая радость от того, что он может съесть нечто, обладающее неведомым восхитительным вкусом. Подождав немного, он потянулся к карману, вытащил первое, что попало под руку и оказалось простым печеньем с прослойкой из заварного крема, и сунул в рот.

В первый момент он чуть не сошел с ума от восторга: вкус сахара и масла, казалось, взорвался не только у него во рту, но и в мозгу, да что там — в самой душе! Он бесконечно долго жевал, потом глотал, испытывая удовольствие, которое не выразить словами.

А потом его, разумеется, затошнило. К такой пище привычки у него было не больше, чем у слона — к полетам в чистом небе. Как человека, умирающего от жажды или голода, поить его следовало по капле, а кормить крохотными кусочками, иначе организм мог взбунтоваться и умереть от того самого, чего ему так отчаянно хотелось. В течение получаса Кейл лежал, изо всех сил стараясь совладать с тошнотой.

Когда ему стало чуть лучше, он начал прислушиваться к звукам шагов одного из Искупителей, обходящего барак, перед тем как объявить побудку. Тяжелые подошвы клацали по каменному полу, описывая кольца вокруг спящих мальчиков. Так продолжалось минут десять. Потом вдруг шаги участились, и Искупитель, громко хлопая в ладоши, закричал: «ПОДЪЕМ! ПОДЪЕМ!»

Кейл, которого все еще продолжало мутить, осторожно встал и начал натягивать рясу, стараясь, чтобы ничто не выпало из переполненных карманов; между тем полтысячи мальчишек, тяжело вздыхая и ворча, принялись копошиться в проходах между кроватями, мешая друг другу.

Но уже через несколько минут все они шагали под дождем, чтобы собраться в огромной каменной Базилике Вечного Милосердия, где им предстояло провести два следующих часа, скороговоркой повторяя за десятью Искупителями, ведущими службу, слова, давно утратившие для них всякий смысл. Кейл выдерживал это легко, потому что еще в раннем детстве научился спать с открытыми глазами и бормотать что положено вместе с остальными, при этом не дремала лишь крохотная часть его сознания, следившая за Искупителями, выискивающая тех, кто отлынивал от молитвы.

Потом следовал завтрак: обычная слякотная каша и «лаптя мертвеца» — так они называли зерновую лепешку на вонючем жире, тошнотворную на вкус, но очень питательную. Мерзость, но только благодаря ей мальчики вообще выживали. Искупители тщательно заботились о том, чтобы их подопечные имели как можно меньше удовольствий в жизни, но мальчики им нужны были сильными — те, которые оставались в живых, разумеется.

Только в восемь часов, когда все строем направлялись на тренировку на Плац Безмерного Всепрощения Нашего Искупителя, у троицы появилась возможность снова поговорить.

— Меня тошнит, — сказал Кляйст.

— Меня тоже, — прошептал Смутный Генри.

— И меня чуть не вырвало, — признался Кейл.

— Надо где-то все спрятать.

— Или выбросить.

— Ничего, привыкнете, — сказал Кейл. — Впрочем, если не хотите, я с удовольствием заберу вашу долю.

— После занятий я буду прибирать в ризнице, — сказал Смутный Генри. — Давайте мне еду, я ее там спрячу.

— Болтаете. Скверные мальчишки. Болтаете. — В своей обычной, почти сверхъестественной манере позади них возник Искупитель Малик.

Неблагодарно было делать что-либо неподобающее, когда Малик находился поблизости, потому что он обладал необычной способностью подкрадываться к людям незаметно. То, что он без предварительного объявления стал руководить тренировками вместо Искупителя Фицсиммонса, повсеместно известного как Фиц Говнюк, поскольку со времен своего участия в Болотной кампании тот страдал хронической дизентерией, было большим невезением.

— Двести отжиманий, — распорядился Малик, отвечивая Кляйсту увесистый подзатыльник.

Он выстроил всех, не только их троих, в одну шеренгу, велел лечь, упереться в землю костяшками пальцев и делать отжимания.

— А тебе, Кейл, особое задание, — сказал Малик. — Будешь стоять на руках.

Кейл с легкостью встал на руки и начал сгибать и разгибать их в локтях. Вскоре у всех, кроме Кейла, лица исказились гримасой от тяжелых усилий, а Кейл продолжал упражнение так, словно мог делать его до бесконечности, взгляд его был пустым и витал где-то далеко, за тысячи миль. Вид его свидетельствовал о том, что ему просто скучно, хотя он нисколько не устал, несмотря на то, что двигался вдвое быстрее остальных. Когда последний из послушников, обессиленный, с ноющими от боли мышцами, закончил упражнение, Малик велел Кейлу сделать еще двадцать отжиманий — в наказание за демонстрацию своих физических возможностей.

— Я сказал тебе стоять на руках, а не отжиматься. Мальчишеская гордыня — лакомая закуска для дьявола. — Это было сказано, чтобы преподать урок морали стоявшим перед ним послушникам, но урок пропал втуне: взгляды послушников ничего не выражали — закуска, то есть легкое лакомство, перемежающее другие яства, вкусные или не очень, было чем-то таким, чего они даже вообразить себе не могли, не говоря уже о том, что никто из них никогда ничего подобного не пробовал.

Прозвучал колокол, означавший окончание тренировки, и пятьсот мальчиков медленно, насколько смели, направились обратно к базилике на утреннюю молитву. Когда процессия проходила мимо аллеи, ведущей к задам большого здания, троица незаметно выскользнула из строя. Всю еду из карманов Кейл и Кляйст отдали Смутному Генри, после чего снова присоединились к процессии, которая, втягиваясь на площадь перед базиликой, набивала ее битком.

Между тем Смутный Генри плечом, поскольку руки у него были заняты хлебом, мясом и пирогами, отодвинул засов на двери ризницы, распахнул ее, прислушался: нет ли поблизости Искупителей, — потом углубился в коричневый мрак гардеробной, готовый вмиг дать задний ход, если кого-нибудь увидит. Похоже, в помещении никого не было. Он метнулся к одному из шкафов, но, чтобы открыть его, пришлось положить на пол часть еды. Немного грязи никому еще не повредило, подумал он. Открыв дверцу, он просунул руки в глубину и поднял деревянную дощечку на дне шкафа. Под ней обнаружилось весьма вместительное пространство, где Смутный Генри хранил свои пожитки — все запрещенные. Мальчикам-прислужникам, как их официально называли, не разрешалось иметь ничего, чтобы, как выражался Искупитель Хряк, «не пробуждать в них вожеления к материальным ценностям». Хряк, как вы догадываетесь, — не настоящее имя, в действительности его звали Искупитель Глеб.

И именно голос Глеба раздался сейчас за спиной Генри.

— Кто здесь?

На три четверти скрытый дверцей шкафа, Смутный Генри быстро запихнул в тайник еду, которую держал в руках, а также цыплячьи ножки и пирог, валявшиеся на полу, после чего, выпрямившись, закрыл дверцу.

— Прошу прощения, Искупитель?

— А, это ты, — сказал Глеб. — Что ты тут делаешь?

— Что я тут делаю, Искупитель?

— Да, — раздраженно сказал Глеб.

— Я... э-э... ну... — Смутный Генри посмотрел по сторонам в поисках вдохновения и, похоже, нашел его где-то на потолке. — Я... складывал длинное облачение, оставленное Искупителем Бентом.

Искупитель Бент был сумасшедшим, это знали все, но главное — он славился такой забывчивостью, что при любом удобном случае мальчики-прислужники все сваливали именно на него, когда что-то оказывалось не на месте или когда сами они совершали что-либо сомнительное. Если их заставляли за тем, что они делают нечто недозволенное или находятся в запрещенном месте, тактика защиты прежде всего состояла в том, чтобы сказать,

будто они делают это или находятся там по распоряжению Искупителя Бента, память которого была настолько коротка, что можно было не беспокоиться: он не станет ничего оспаривать.

— Принеси мне мое облачение.

Смутный Генри посмотрел на Глеба так, словно никогда даже слова такого не слышал.

— Ну? В чем дело? — сказал Глеб.

— Облачение? — переспросил Смутный Генри. Глеб уже готов был сделать шаг вперед и дать ему затрещину, но Генри живо произнес: — Да, конечно, облачение, Искупитель. — Он повернулся, прошел к другому шкафу и распахнул его, как будто ничего не желал сильнее, чем выполнить приказ.

— Черное или белое, Искупитель?

— Что с тобой?

— Со мной, Искупитель?

— Да, с тобой, идиот. С какой стати я стал бы ходить в черном облачении в будний день месяца мертвых?

— В будний день? — снова переспросил Смутный Генри, словно само понятие «будний день» поразило его. — Ну конечно, нет, Искупитель. И еще вам нужен триладник, разумеется.

— О чем это ты? — сварливо, но неуверенно произнес Глеб. Существовали сотни церемониальных одежд и украшений, многие из которых вышли из употребления за ту тысячу лет, что прошла с момента основания Святилища. Было очевидно, что Глеб никогда не слышал ни о каком триладнике, но это вовсе не означало, что такой вещи не существует.

Смутный Генри под зорким взглядом Глеба подошел к комоду и выдвинул ящик. Пошарив в нем, он достал ожерелье, сделанное из мелких бусин, посреди которого висел маленький квадратный холщовый мешочек.

— Это надевают в День Мученика Фултона.

— Я никогда прежде ничего подобного не носил, — по-прежнему с сомнением сказал Глеб. Он подошел к церковному календарю и открыл его на текущем дне. Это действительно оказался День Мученика Фултона, но мучеников было столько, что на всех дней не хватало, — в результате дни некоторых малозначительных мучеников отмечались лишь раз в двадцать лет. Глеб раздраженно шмыгнул носом.

— Ладно, шевелись, мы опаздываем.

С подобающей торжественностью Смутный Генри водрузил на шею Глеба «триладник» и помог ему надеть длинное белое, искусно украшенное облачение. Покончив с этим, он — смиренно, как подобает во время утренней молитвы, — последовал за Глебом в базилику, где провел следующие полчаса, смакуя в голове подробности эпизода с «триладником» — вещью, которой, как вы догадываетесь, не существовало в природе. Смутный Генри понятия не имел, для чего предназначен мешочек, висевший на конце ожерелья, но в ризнице имелось огромное количество мелких предметов и висюлек, религиозное назначение которых давно забылось. Тем не менее он сильно рисковал — и далеко не впервые, — только ради того, чтобы выставить Искупителя дураком. Если бы правда вышла наружу, ему со спины содрали бы кожу. Причем отнюдь не в фигуральном смысле.

Кличка, данная ему Кейлом, — Смутный Генри — прижилась, но лишь они двое знали, что это прозвище означает на самом деле. Только Кейл догадался, что причина смутной манеры Генри отвечать на вопросы и его привычка все переспрашивать состояли вовсе не в неспособности с первого раза понять, что ему говорят, или дать ясный ответ, — это просто был завуалированный способ поиздеваться над Искупителями, оттягивая свой ответ до того предела, после которого их невеликое терпение могло закончиться. Именно потому, что Кейл разгадал смысл такого поведения Генри и восхитился его дерзостью, он нарушил одно из самых важных своих правил: не заводить друзей и не позволять никому искать его дружбы.

Тем временем Кейл пробирался на свободную скамью в Базилике Номер Четыре, намереваясь вздремнуть во время Молитв Уничужения. Он в совершенстве овладел искусством дремать, бичуя себя за грехи — грех распущенности, *delectation morosa*,¹ грех радости, томления, грехи желаний, — осуществимых или неосуществимых. В Базилике Четыре пять сотен детей в один голос давали обет никогда не совершать грехов, коих они никак не могли совершить, даже если бы знали, что они означают: пятилетки торжественно обещали не желать жены ближнего своего, девятилетки клялись не сотворять себе кумиров, четырнадцатилетки обещали не поклоняться этим идолам, даже если они их себе сотворяют. И все это под угрозой божьей кары, которая поразит их род до третьего или четвертого колена. По окончании службы Кейл, освежившись сорокапятиминутным сном, вместе со всеми, молча следовавшими гуськом, вышел из базилики и направился в дальний конец учебного плаца.

Теперь в дневное время плац не пустовал никогда. Ввиду огромного притока новых послушников в последние пять лет почти все теперь проходило посменно: тренировки, прием пищи, мытье, молитвы. Тренировки проводились даже по ночам — для тех, кого считали отстающими, — и их ненавидели особо, из-за ужасного холода и дувшего с Коросты ветра, даже летом пронизывавшего, как лезвие ножа.

Ни для кого не было секретом, что такое пополнение требовалось, чтобы обеспечить дополнительные силы для войны с Антагонистами. Кейл знал, что многие из тех, кто покидал Святилище, не обязательно направлялись на Восточный фронт, большую часть времени их держали в резерве: на полгода посылали на какой-нибудь театр боевых действий, после чего на год, а то и на более длительный срок возвращали в запас. Ему это поведал сам Боско.

— Ты можешь задать два вопроса, — сказал Боско, после того как сообщил ему об этом странном принципе ротации войск.

Кейл подумал и спросил:

— Собираетесь ли вы в ближайшем будущем увеличить то время, что они проводят в резерве, и увеличивать его в дальнейшем, Лорд?

— Да, — ответил Боско. — Второй вопрос.

— Мне не нужен второй вопрос, — сказал Кейл.

— В самом деле? Ну, берегись, если это окажется не так.

— Я слышал, как Искупитель Комптон говорил вам, что на фронтах создалась патовая ситуация.

— Да, я видел, что ты вертелся поблизости.

— Тем не менее вы говорили об этом так, словно означенный пат не представляет собой никакой проблемы.

— Продолжай.

— За последние пять лет вы подготовили достаточное для серьезных действий количество священников-воинов — слишком много. Вы стараетесь дать им возможность понюхать пороху, но не хотите, чтобы Антагонисты знали, что вы наращиваете свои силы. Вот почему увеличивается время, которое они проводят в резерве.

— О, — улыбка Боско представила собой малоприятное зрелище, — это второй вопрос, хоть ты и хвастался, что тебе достаточно одного. Твое тщеславие, мальчик, погубит тебя, но это, на твоё счастье, не входит в мои планы. Я... — Он запнулся, словно не знал, как продолжить, такого Кейл еще никогда не видел, и это нервировало. — Я связываю с тобой некоторые ожидания. К тебе будут предъявлены требования. И если ты не оправдаешь этих ожиданий и окажешься не в состоянии соответствовать этим требованиям, то пожалеешь, что тебя не сбросили со стены с мельничным жерновом на шею. Вот почему именно твоя гордыня тревожит меня больше всего. Любой Искупитель во все времена сказал бы тебе, что

¹ Трудное, томительное наслаждение (*лат.*) — грех самоуслаждения, осужденный Вселенским собором.

гордыня — источник всех остальных двадцати восьми смертных грехов, но у меня есть более важная забота, чем печься о твоей душе. Гордыня искажает твои суждения и загоняет тебя в ситуации, которых ты мог бы избежать. Я позволил тебе задать два вопроса, а ты исключительно из суетного высокомерия захотел произвести на меня впечатление и без малейшей нужды рискнул заработать наказание за свою ошибку. Подобным образом ты ставишь себя в такую слабую позицию, что я сомневаюсь, заслуживаешь ли ты той протекции, какую я оказывал тебе все эти годы.

Искупитель Боско пристально смотрел на Кейла, а Кейл стоял, с ненавистью уставившись в пол. Мысль о том, что Боско оказывал ему протекцию, вызывала у него глумливое презрение. В его голове проносились странные и опасные мысли.

— Ответ на второй твой вопрос таков: на фронтах действуют шпионы и тайные агенты Антагонистов. Их не много, однако достаточно.

Кейл не поднимал глаз от пола. «Притворись, что покорен. Смягчи наказание». И в то же время в нем klokотала неистовая злоба, потому что Боско был прав: он мог избежать того, что надвигалось.

— Вы создаете резервы для великого наступления на обоих фронтах и в то же время должны поддерживать там численность своих войск на более или менее одинаковом уровне, иначе противник разгадает ваш план. Вы хотите, чтобы резервные войска набирались опыта, но их количество теперь слишком велико, поэтому они вынуждены все больше времени проводить вдали от фронта. Тем не менее вам требуется еще больше солдат, чтобы покончить с Антагонистами, но их нужно закалять в битвах, а битв не хватает. Вы в тупике, Лорд.

— Твое решение?

— Мне нужно время, Искупитель. Я не хочу предлагать решение, которое породило бы новую проблему.

Боско рассмеялся.

— Позволь сказать тебе, мой мальчик, что решение любой проблемы всегда порождает другую проблему.

В следующий момент Боско безо всякого предупреждения обрушил на Кейла удар. Кейл парировал его с такой легкостью, словно на него напал дряхлый старик. Они уставились друг на друга.

— Опусти руку.

Кейл повиновался.

— Сейчас я снова ударю тебя, — спокойно сказал Боско, — и, когда я это сделаю, ты не пошевелишь ни рукой, ни головой. Ты примешь удар. Ты позволишь мне ударить тебя. Ты будешь согласен.

Кейл застыл в ожидании. На сей раз Боско демонстративно готовился к нападению. Потом снова нанес удар. Кейл дернулся, но удар остался незавершенным. Рука Боско остановилась на волоске от лица Кейла.

— Не двигайся, парень. — Боско отвел руку назад и снова замахнулся. Но Кейл опять дрогнул. — НЕ ДВИГАТЬСЯ! — заорал Боско.

От гнева его лицо стало красным, если не считать двух маленьких бледных пятен посередине щек, которые белели все больше, по мере того как лицо становилось еще более багровым.

Новый удар. На сей раз, когда он обрушился на Кейла, тот стоял неподвижно, как скала. Потом еще один, и еще. Наконец последовал удар такой силы, что оглушенный им Кейл рухнул на пол.

— Вставай, — это было произнесено почти неразличимо тихо.

Кейл поднялся на ноги, дрожа, словно от страшного холода. Опять удар. Он снова упал, встал; еще удар, и опять Кейл на ногах.

Боско сменил руку. Более слабой левой он нанес пять ударов, прежде чем Кейл снова оказался на полу. Боско сверху смотрел, как Кейл встает в очередной раз. Теперь дрожали

оба.

— Лежи, где лежишь, — почти шепотом приказал Боско. — Если встанешь, я за себя не ручаюсь. Я уйду. — Он казался почти смущенным и обессиленным свирепостью собственного гнева. — Жди пять минут, потом уходи, — с этими словами Боско направился к двери и вышел.

Не меньше минуты Кейл лежал не шелохнувшись. Потом его вырвало. Еще минута потребовалась ему, чтобы прийти в себя, и три — чтобы прибраться за собой. Затем, медленно, на дрожащих ногах, словно боялся не дойти, он вышел в коридор, держась за стену, направился в одну из тупиковых аллей, ведущих со двора, и опустился на землю.

«ДЕРЖИ СПИНУ! НЕТ! НЕТ! НЕТ!» Внезапно состояние, близкое к трансу, начало отпускать Кейла. Стали возвращаться звуки и картинки учебного плаца, которые исчезли на то время, пока он оставался погруженным в воспоминания. Такое случалось с ним все чаще, но отвлекаться от действительности в месте, подобном Святилищу, было неблагоразумно. Здесь надо было постоянно быть начеку, иначе могла случиться любая неприятность. Теперь он снова отчетливо видел и слышал все, что происходило вокруг.

Шеренга из двадцати послушников, которым предстояло вскоре покинуть Святилище, отрабатывала атаку в боевом построении. Искупитель Джил, известный как Джил-Горилла из-за своей уродливости и чудовищной силы, привычно сетовал на нерасторопность своих подопечных:

— Хочешь увидеть врата смерти, Гейвин? — устало выговаривал он. — Ты их увидишь, если будешь вот так подставлять свой левый бок.

Послушники потешались над смущением Гейвина. При всей своей физической силе и жутком уродстве Искупитель Джил был больше всех похож на доброго человека — настолько, насколько это возможно для Искупителя. Разумеется, если не считать Искупителя Навратила, но это особый случай.

— Будешь тренироваться всю ночь, — сказал Джил злосчастному Гейвину. Стоявший рядом с ним мальчик засмеялся. — А ты можешь составить ему компанию, Грегор. И ты, Холдзвей.

Прямо позади шеренги, на наклонной деревянной раме, ухватившись за верхнюю перекладину руками, с высоты семи футов над землей свисал мальчик лет семи, не больше. Его щиколотки были обхвачены ремнем с привязанными к нему холщовыми мешочками, наполненными чем-то тяжелым; не в силах совладать с лицом от боли, малыш корчил гримасы, слезы текли по его щекам. Стоявший внизу Унтер-Искупитель без конца твердил ему, что ни одна попытка не будет засчитана, если ступни с грузом не коснутся параллельной перекладины, располагавшейся на уровне глаз мальчика.

— Слезы тебе не помогут, поможет только умение достать ногами до перекладины.

Наблюдая, как ребенок, складываясь пополам, изо всех сил старается дотянуться, Кейл заметил четкий абрис шести мышц живота, вздувавшихся при напряжении мощно, как у взрослого мужчины.

— Четыре... — считал Унтер-Искупитель.

Кейл прошел мимо пятилетних мальчишек, некоторые из них смеялись, как смеются все малыши, и мимо восемнадцатилетних юношей, которые выглядели как мужчины средних лет. Две группы человек по восемьдесят практиковались, с переменным успехом отжимая друг друга назад, при этом они синхронно издавали крякающие звуки — словно один гигант мерялся силой с другим; дополнительное подразделение человек в пятьсот молча маршировало строем, четко, словно единый организм, совершая маневры по знаку сигнальных флажков: налево, направо, потом строй застыл на месте как вкопанный, отступал назад и снова начинал движение вперед.

Теперь Кейл находился ярдах в пятидесяти от крепостной стены, окружавшей Святилище, на краю стрелкового поля, где Кляйст распекал отряд из десяти послушников, которые были минимум года на четыре старше него. Он корил их за никчемность, за

внешнюю безобразность, за неумелость, за плохие зубы и за то, что глаза у них слишком близко поставлены. Остановился он, только когда увидел Кейла.

— Ты опоздал, — сказал он. — Тебе повезло, что Примо болен, а то он бы с тебя шкуру спустил.

— Можешь попробовать сам, если хочешь.

— Я? Мне плевать, здесь ты или нет. Это ведь тебе нужно.

В ответ Кейл едва заметно пожал плечами, что можно было истолковать как неохотное признание его правоты. Кляйст был обнажен до пояса, если не считать потрепанной на вид безрукавки, которая не скрывала его выдающейся, хотя и необычной фигуры. Казалось, вся она состоит из спины и плеч — будто торс взрослого мужчины приставили к ногам и голове четырнадцатилетнего подростка. Особенно бросалась в глаза одна особенность: его правая рука была настолько более мускулистой, чем левая, что это выглядело почти уродством.

— Ладно, — сказал Кляйст. — Давай посмотрим, что там у тебя не ладится. — Он явно наслаждался возможностью продемонстрировать свое превосходство и очень хотел, чтобы Кейл это заметил.

Кейл поднял большой лук, который вручил ему Кляйст, оттянул к щеке тетиву, прицелился, секунду помедлил и выпустил стрелу в сторону мишени, удаленной на восемьдесят ярдов. Едва стрела сорвалась с тетивы, Кейл застонал: пролетев по дуге, она прошла в нескольких футах от мишени, имевшей форму и размеры человеческого тела.

— Черт!

— О боже, боже, — сказал Кляйст, — я не видел ничего подобного с тех пор как... уж и не припомню с каких. Ты же был не так плох. Где в этом подлунном мире ты нахватался таких ошибок?

— Просто скажи, как мне их исправить.

— Да это же просто. Ты дергаешь тетиву, а нужно ее просто отпускать — вот смотри. — Он потерев тетиву своего лука, чтобы показать Кейлу, что тот делал неправильно, а потом медленно натянул ее и с огромным удовольствием продемонстрировал, как следует тетиву отпускать. — И еще ты открываешь рот, когда стреляешь. И, перед тем как выстрелить, опускаешь локоть руки, тянущей тетиву. — Кейл хотел было возразить, но Кляйст перебил его: — И еще одновременно с этим немного подаешь вперед кисть той же руки.

— Ладно, я все понял. Я буду делать, а ты подсказывай. Просто у меня выработались кое-какие неправильные навыки, вот и все.

Кляйст как можно более театрально вздохнул сквозь зубы.

— Лично я не уверен, что дело только в нескольких неправильных навыках. Боюсь, дело в том, что ты зажимаешься. — Он указал пальцем на голову Кейла. — Подозреваю, причина кроется здесь, приятель. Теперь, когда я об этом думаю, твой случай кажется мне худшим видом мандража из всех, какие я видел.

— Ты это только что придумал.

— Да, у тебя есть неправильные навыки — неустойчивость, дерганье. Не знаю, можно ли что-либо исправить. Все эти разевания рта, опускание плеча — лишь внешние проявления состояния твоей души, приятель. На самом деле проблема — в твоём духе. — Кляйст вставил стрелу в лук, оттянул тетиву и одним изящным движением выпустил ее. Стрела, пролетев по красивой дуге, с убедительным шмяком воткнулась в грудь мишени. — Видишь? Идеальное попадание — внешнее свидетельство внутренней гармонии.

Теперь Кейл откровенно смеялся. Он повернулся к колчану со стрелами, лежавшему на скамейке у него за спиной, но в этот момент увидел Боско: пройдя через середину плаца, тот подошел к Искупителю Джилу, который тут же отправил куда-то послушника. Кейл услышал позади себя: «Вжик» — и, повернув голову, увидел, что Кляйст украдкой целится из лука в Боско, имитируя звук летящей стрелы.

— Давай-давай. Попробуй, если духу хватит.

Кляйст рассмеялся и вернулся к своим ученикам, сидевшим и болтавшим в отдалении.

Один из них, Донован, как обычно, пользовался любым перерывом, чтобы прочесть проповедь о пороках Антагонистов.

— Они не верят в чистилище, где можно постепенно сжечь свои грехи и заслужить право отправиться на небеса. Они верят в оправдание религией. — Некоторые из внимавших ему послушников охнули от изумления, не веря своим ушам. — Они утверждают, что любой из нас будет спасен или проклят по непреложному выбору Искупителя, и никто ничего с этим не может поделать. И они заимствуют для своих псалмов мелодии песен, которые поют в пивных. Повешенного Искупителя, в которого верят они, никогда не существовало, и они умрут, не избавившись от своих грехов, потому что боятся исповеди, а следовательно, покинут этот мир, унося с собой все свои прегрешения, которые отпечатаны на их душах, и будут прокляты.

— Заткни свое хлебало, Донован, — сказал Кляйст, — и давайте — за дело.

Как только послушник отправился с посланием к Кейлу, Боско сделал Искупителю Джилу знак рукой отойти к краю плаца, где их никто не мог бы услышать.

— Ходят слухи, что Антагонисты ведут переговоры с наемниками из Лаконии.

— А они достоверны?

— Достоверны, насколько могут быть достоверными слухи.

— Тогда нам следует озаботиться, — сказал Джил. Тут ему в голову пришла мысль: — Им же понадобится тысяча десять или больше, чтобы сломить нас. Чем они будут им платить?

— Антагонисты нашли серебряные рудники в Лауриуме. И это уже не слухи.

— Тогда да поможет нам Бог. Даже у нас всего несколько тысяч воинов... может, три... способных противостоять лаконийским наемникам. Их слава отнюдь не преувеличена.

— Бог помогает тем, кто помогает себе сам. Если мы не можем справиться с людьми, которые сражаются исключительно ради денег, а не во славу Господа, тогда мы заслуживаем поражения. Это испытание, и мы должны быть готовы. — Боско улыбнулся. — «Пусть подземелья, пусть костер и топор», не так ли, Искупитель?

— Знаете, мой Лорд, если это испытание, то такое, которое даже я не знаю, как выдержать. А уж если я — несмотря на грех гордыни — не знаю, то и ни один другой Искупитель не знает.

— Вы совершенно уверены в этом? Я имею в виду грех гордыни.

— Что вы хотите сказать? Со мной не надо темнить. Я заслуживаю лучшего с вашей стороны.

— Разумеется. Простите меня за мою собственную гордыню. — Боско трижды легко ударил себя в грудь. — *Mea culpa. Mea culpa. Mea maxima culpa.*² Я уже давно ждал этого или чего-то подобного. Я всегда чувствовал, что наша вера подвергнется испытанию, и испытанию суровому. Искупитель был послан, чтобы спасти нас, а человечество ответило на этот Божественный дар, вздернув любовь жизни моей на виселице. — Его устремленные вдаль глаза начали увлажняться, словно перед ними предстало то, чему он сам был свидетелем, хотя с момента казни Искупителя минуло тысячелетие. Он тяжело вздохнул, словно от недавно перенесенного страшного горя, и посмотрел прямо на Джилу. — Большого я сказать не могу, — Боско слегка коснулся руки Джилу, выражая искреннее расположение, — кроме того, что если сведения верны, то мои усилия найти способ, долженствующий положить конец отступничеству Антагонистов, и загладить чудовищное преступление — убийство единственного посланника Божьего — были не напрасны. — Он улыбнулся Джилу. — Я разработал новую тактику.

— Не понял?

— Это не военная тактика, а способ по-новому взглянуть на вещи. Мы больше не

² Моя вина. Моя вина. Моя самая большая вина (лат.)

должны думать только о проблеме Антагонистов, мы должны думать об окончательном решении проблемы людского зла как такового.

Он отвел Джила еще дальше в сторону и, совсем уже понизив голос, продолжил:

— Мы слишком долго были готовы думать только о ереси Антагонистов и нашей войне с ними — что они делают, чего не делают. Мы забыли о том, что они не представляют первостепенной важности для нашей главной цели: не допускать никакого бога, кроме Единственно Истинного Бога, и никакой веры, кроме Единственно Истинной Веры. Мы позволили себе увязнуть в этой войне, словно она сама по себе является нашей целью, — мы допустили, чтобы она стала одной из ссор, коими наполнен мир.

— Простите меня, Лорд, но Восточный и Западный Фронты протянулись на тысячи миль, а жертвы исчисляются сотнями тысяч, — это не просто какая-то «ссора».

— Мы не Матерации и не Джейны, которых война интересует лишь с точки зрения захвата территорий и распространения своей власти. Но таковыми мы стали: одной из многих сил в войне всех против всех, потому что так же, как они, желаем победы, но страшимся поражения.

— Но это разумно — ненавидеть поражение.

— Мы — представители Бога на земле через Его Искупителя. Есть лишь одна цель нашего существования, а мы забыли о ней из-за страха. Так что нужно все изменить: лучше один раз упасть, чем падать вечно. Либо мы верим, что Бог с нами, либо нет. Если мы действительно верим в это, а не притворяемся, что верим, то мы должны стремиться только к абсолютной победе — или ни к какой.

— Ну, если вы так говорите, Лорд...

Боско рассмеялся по-доброму, искренне развеселившись:

— Да, именно так я и говорю, мой друг.

И Кейл, и Кляйст сразу поняли, что послушник, подошедший к ним, испытывает удовольствие от возможности передать сообщение, которое, как он наверняка догадывался, содержало в себе неприятность. Как только он заговорил, Кляйст перебил его:

— Что тебе надо, Салк? Я занят.

Это сбilo с Салка злобное ехидство, с которым он намеревался медленно, смакуя, выдать то, что ему велели.

— Заткнись, Кляйст. Это не твое собачье дело. Искупитель Боско желает видеть Кейла в своих покоях после вечерней молитвы.

— Отлично, — сказал Кляйст, словно это было совершенно обычным делом. — А теперь проваливай вон.

Обескураженный как враждебным отсутствием любопытства, так и странным взглядом Кейла, Салк сплюнул на землю, чтобы продемонстрировать собственное безразличие, и пошел прочь. Кейл и Кляйст переглянулись.

Учитывая то, что Кейл был зилотом Боско, повеление Лорда Воителя явиться к нему, которое привело бы в ужас любого другого мальчика, не было чем-то необычным для него. Что было действительно необычно и тревожно, учитывая события предыдущего дня, так это то, что Кейла вызывали в личные покои, притом поздно вечером. Такого никогда прежде не случалось.

— Что, если он знает? — сказал Кляйст.

— Тогда считай, что мы уже в Доме Специального Назначения.

— Это очень похоже на Боско — заставить нас так думать.

— Точно. Но теперь мы уже ничего с этим не можем поделать. — Кейл оттянул тетиву, задержал ее на секунду и выпустил стрелу. Она полетела в направлении мишени по красивой дуге, но промах составил добрых двадцать дюймов.

Троица уже решила пропустить ужин. Отсутствовать там, где ты должен быть в настоящий момент, считалось опасным, но о таком, чтобы мальчик пропустил еду, какой бы

мерзкой она ни была, никто не слыхивал, так как они всегда были голодны. Поэтому Искупители наименее бдительно следили за ними во время вечерних трапез, что облегчало Кейлу и Кляйсту задачу спрятаться за Базиликой Номер Четыре и ждать, когда Смутный Генри принесет им туда еду из ризницы. На сей раз они ели меньше и медленней, но через десять минут их все равно вырвало.

Полчаса спустя Кейл стоял в темноте коридора перед входом в покои Лорда Воителя. Там же пребывал он и час спустя. Только тогда кованая железная дверь открылась, и на пороге восстала высокая фигура Боско. Лорд Воитель вперился в Кейла.

— Входи.

Кейл последовал за Боско в его покои, немногим более светлые, чем коридор. Если после стольких лет казармы он ожидал увидеть что-то личное, отличающее жилье именно этого человека, то был разочарован. В комнате, куда он вошел, имелись двери, но они были закрыты, так что единственное, что увидел Кейл, — это кабинет, причем очень скудно обставленный. Боско сел за стол и стал изучать бумагу, лежавшую перед ним. Кейл ждал стоя, он понимал, что бумага могла оказаться как официальным требованием об изъятии дюжины деревянных мечей, так и приказом о его казни.

Через несколько минут Боско, не поднимая головы, заговорил умеренно инквизиторским тоном:

— Ты ничего не хочешь мне сообщить?

— Нет, Лорд, — ответил Кейл.

Боско по-прежнему не смотрел на него.

— Если ты мне лжешь, я ничего не смогу сделать, чтобы спасти тебя. — Он посмотрел мальчику прямо в глаза бесконечно холодным и мрачным взглядом. Словно сама смерть уставилась на Кейла. — Итак, я еще раз спрашиваю: ты ничего не хочешь мне сообщить?

Выдержав его взгляд, Кейл повторил:

— Нет, Лорд.

Лорд Воитель не сводил с него глаз, и Кейл почувствовал, как слабеет его воля, словно самую душу его разъедает какая-то едкая кислота. В нем начало невольно расти, подступая к горлу, чудовищное желание признаться. С раннего детства Кейл испытывал ужас от сознания того, что Искупитель, сидевший сейчас перед ним, способен на все, что он неизменно несет другим боль и страдания и что все живое замирает в его присутствии.

Боско снова перевел взгляд на бумагу и подписал ее. Потом сложил, запечатал красным сургучом и вручил Кейлу:

— Отнеси это Лорду Дисциплины.

Ледяной вихрь пронзил Кейла насквозь.

— Сейчас?

— Да. Сейчас.

— Уже темно. Через несколько минут запрут дортуар.

— Об этом не беспокойся. Все предусмотрено.

Так и не подняв головы, Искупитель снова принялся писать.

— Еще что-нибудь, Кейл?

Один инстинкт боролся в Кейле с другим. Если он признается, Искупитель может помочь. В конце концов, Кейл был его зилом. Боско сумеет его спасти. Но другие существа, жившие в душе Кейла, кричали ему: «Никогда не признавайся! Никогда не принимай на себя вину! Никогда! Всегда все отрицай. Всегда».

— Нет, Лорд.

— Тогда ступай.

Кейл повернулся и, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, направился к выходу. Выйдя за железную дверь, он закрыл ее за собой и взглядом, полным ненависти и отвращения, посмотрел назад, словно дверь была прозрачной, как стекло.

Дойдя до ближайшего смежного коридора, он остановился под тусклым светом свечи, укрепленной в подсвечнике на стене. Кейл понимал, что Боско сознательно испытывает его,

предоставляя ему возможность заглянуть в письмо, то есть совершить нарушение, которое безоговорочно повлекло бы за собой смерть. Если Боско известно о вчерашнем, то, вероятно, в письме — приказ Лорду Дисциплины убить его. Это вполне в духе Боско: сделать так, чтобы Кейл сам доставил по назначению свой смертный приговор. Но возможно и другое: в бумаге ничего нет, это просто еще одно из бесконечных испытаний, которые Лорд Воитель устраивал ему при каждом удобном случае.

Кейл глубоко вздохнул и попытался, отбросив страх, трезво взглянуть на вещи. Совершенно очевидно: в письме может не содержаться ничего смертельно опасного, хотя оно наверняка неприятное и чревато болью, а вот заглянуть в него означает неминуемую смерть. С этим он и направился дальше, в Присутствие Лорда Дисциплины, хотя молоточки не переставали стучать у него в голове: что делать, если случится худшее?

Через десять минут, один раз все же ненадолго заблудившись в лабиринте коридоров, он приблизился к Палате Спасения. С минуту постоял во мраке перед огромной дверью. Его сердце колотилось от страха и гнева. Потом он заметил, что дверь не заперта и даже чуть-чуть приоткрыта.

Кейл колебался, размышляя, как поступить. Взглянув на документ, который держал в руке, он слегка подтолкнул дверь, образовалась щель, сквозь которую можно было заглянуть внутрь.

В дальнем конце комнаты он увидел склонившегося над чем-то Лорда Дисциплины, который напевал себе под нос:

Вера наших отцов, ты в нас жива
Пусть подземелья, пусть костер и топор
Там-та-та-там, там-та-та-там, там-та-та-там
Там-та-та-там, там-та-та-там, та-там
Вера наших отцов, там-та-та-там
Будем тебе мы до гроба, да, до гроба верны.

Потом он перестал петь и мурлыкать, поскольку тщательно на чем-то сосредоточился.

В этой части комнаты было светло настолько, насколько может быть светло от свечей, и казалось, что фигура самого Лорда Дисциплины образует некий купол, под которым и сосредоточен этот мягкий свет. Теперь, когда глаза Кейла привыкли к освещению, он заметил, что Искупитель нависает над деревянным столом размером примерно шесть футов на два и что на столе лежит какой-то предмет, конец которого завернут в простыню.

Мурлыканье возобновилось. Лорд Дисциплины отвернулся от стола и бросил на железный поднос что-то маленькое и твердое. Потом, взяв лежавшие рядом ножницы, вернулся к работе.

О сколь сладок будет удел их детей,
Если они, как отцы, умрут за тебя!
Там-та-та-там, там-та-та-там, там-та-та-там
Там-та-та-там, там-та-та-там, та-там

Кейл открыл дверь пошире. В самом темном углу комнаты он разглядел еще один стол, на котором тоже что-то лежало, но что именно — он не смог различить из-за темноты. Лорд Дисциплины выпрямился, прошел к низкому шкафу справа и начал шарить на дне одного из ящиков. Пристально всмотревшись, Кейл теперь ясно видел, что делает Лорд, но по-прежнему не мог понять, что лежит на столе. И вдруг до него дошло: на столе лежало тело, которое Лорд Дисциплины препарировал. Грудь была рассечена очень умело, разрез тянулся и дальше, до самого низа живота. Каждый лоскут кожи и мышц был тщательно, аккуратно отрезан, откинут вовне и удерживался в таком положении при помощи каких-то отвесов. Однако что шокировало Кейла, кроме самого вида разделанного подобным образом тела, что

труднее всего оказалось осознать, хотя на своем веку он повидал немало мертвецов, так это то, что тело было девичьим. И девочка еще не была мертва. Ее левая рука, свисавшая со стола, дергалась каждые несколько секунд. Между тем Лорд Дисциплины продолжал копаться в ящике комода, бормоча свою песню.

Кейлу показалось, что у него по спине поползли пауки. А потом он услышал хрип. Теперь, когда фигура Лорда Дисциплины не загораживала свет, он смог разглядеть, что лежит на другом столе. Это была еще одна девочка, связанная, с кляпом во рту. Она пыталась крикнуть. И он знал эту девочку. Она оказалась одной из тех двоих, которые накануне, одетые в белое и весело смеявшиеся, были виновницами торжества, той, которая поразила его воображение больше всего.

Лорд Дисциплины перестал петь, выпрямился и посмотрел на нее.

— Лежи тихо, ты, — сказал он почти ласково.

Потом снова склонился, замурлыкал и продолжил поиски в ящике.

За свою короткую жизнь Кейл повидал немало ужасов, деяний немыслимой жестокости и сам пережил страдания, не поддающиеся описанию. Но то, что он видел сейчас, ошеломило его, все это не укладывалось в голову: рассеченное девичье тело, рука, дергавшаяся все слабее и слабее, и сдавленный хрип ужаса зеленоглазой девочки. Очень медленно и осторожно Кейл попятился, вышел в коридор и бесшумно двинулся в ту сторону, откуда пришел.

5

— Ага! Вот они, — с глубоким удовлетворением сказал себе Искупитель Пикарбо, Лорд Дисциплины, найдя наконец то, что искал, — длинные тонкие щипцы с острыми концами. — Слава богу.

Он проверил, как работает инструмент: щелк, щелк!

Довольный, Лорд Дисциплины вернулся к девочке, распластанной на столе, и внимательно взгляделся в чудовищную, но очень аккуратную рану. Склонившись, осторожно поднял свисавшую, теперь уже безжизненную руку девочки и уложил ее вдоль тела. Потом взял щипцы в правую руку и собрался было продолжить препарирование, как вдруг другая девочка снова попыталась закричать. На сей раз он сказал гораздо строже, словно у него кончалось терпение:

— Я велел тебе лежать тихо. — Он улыбнулся. — Не волнуйся. В положенный срок придет и твоя очередь.

И тут, то ли услышав что-то, то ли просто повинаясь инстинкту, приобретенному долгим опытом, Лорд Дисциплины мгновенно обернулся и выбросил вверх руку, чтобы заблокировать удар, который Кейл целил ему в голову. Искупитель попал по руке Кейла чуть выше запястья. Удар оказался такой силы, что обломок кирпича, который выпустил Кейл, пролетел через всю комнату и, врезавшись в один из шкафов, сломал дверцу. Кейл потерял равновесие, а Лорд Дисциплины свирепо отшвырнул его к основанию стола, на котором лежала связанная девочка. Та снова издала сдавленный стон.

Лорд уставился на Кейла в крайнем изумлении. Невиданно, чтобы послушник напал на него, тем более здесь, на его территории, да и вообще где бы и когда бы то ни было. За всю тысячу лет о таком не слыхивали. Несколько мгновений они неотрывно смотрели друг на друга.

— Ты сумасшедший? Что ты здесь делаешь?! — в ярости возопил Лорд Дисциплины. — Тебя за это повесят... повесят и четвертуют. Тебя вздернут за шею, выпотрошат заживо и сожгут твои потроха у тебя на глазах. И...

Поток угроз внезапно иссяк: потрясенного Лорда снова охватило изумление от того, что на него посмели напасть. Кейл побелел, увидев, что Лорд Дисциплины схватил предмет, похожий на мясницкий нож; собственно, это и был мясницкий нож.

— Я сделаю это прямо сейчас, паршивый мешок с дерьмом. — Он двинулся к

распростертому на полу мальчику и остановился над ним, расставив ноги и занеся нож над головой. Тогда Кейл острием щипцов, свалившихся со стола, когда он ударился об него, и оказавшихся прямо под его рукой, проткнул внутреннюю поверхность бедра Лорда.

Лорд Дисциплины попятился — не от боли, а от того, что был потрясен больше, чем, казалось, вообще может быть потрясен человек.

— Ты меня ударил, — сказал он, не в силах поверить в случившееся. — Ты ударил меня! — Он посмотрел вниз, на мальчика. — Ну, видит бог, ты будешь умирать медленно и мучительно. За все, что ты...

Лорд замолчал внезапно, на полуслове. На его лице появилось озадаченное выражение — словно ему вдруг задали трудный вопрос, и он склонил голову набок, как если бы к чему-то прислушивался.

Потом Лорд Дисциплины осел, медленно, будто какая-то гигантская, но добрая рука опустила его на пол. Некоторое время он смотрел, как Кейл отползает назад, подальше от него, потом перевел взгляд себе на ноги. Пола его ряссы насквозь пропиталась кровью. Сейчас Кейл не казался ни испуганным мальчиком, ни разъяренным убийцей. Станный покой снизошел на него, и теперь он скорее напоминал любопытного ребенка, разглядывающего нечто весьма интересное, но не из ряда вон выходящее. Искупитель Пикарбо, ошеломленный, подтянул рясу повыше, под ней оказались подштанники, окрасившиеся алым цветом. Он отдернул руку, словно увиденное оскорбило его, перевел взгляд на Кейла, будто хотел сказать: «Посмотри, что ты наделал!», потом опустил руку и рванул подштанники, обнажив бедро. Кровь, пульсируя, изливалась из маленькой раны. Искупитель, явно озадаченный, воззрился на нее.

— Дай мне полотенце, — сказал он, кивком указав на стопку огромных салфеток, лежавшую на столе возле мертвой девочки.

Кейл поднялся на ноги, но остался стоять на месте. У него было ощущение, что происходящее лишь отчасти реально. Искупитель пытался пальцами остановить кровь и раздраженно вздыхал, будто кровотечение было чем-то незначительным, но неприятным, — между тем почти черная кровяная лужа неумолимо скапливалась на полу. Кейл не мог постичь то, что происходило и что это могло значить для него. Где-то в уголке сознания теплилась мысль, что все еще может вернуться назад и стать таким же, каким было меньше минуты назад, и что, чем дольше он ждет, тем труднее будет вернуться к началу. В то же время он отлично сознавал, что ничего уже нельзя сделать. Все изменилось, изменилось ужасно и бесповоротно. Строка из Книги Притчей Искупителей, которую он слышал сотни раз, пришла на ум и неотступно вертелась в голове: «Мы — что вода, пролитая на землю, ее не собрать снова». Поэтому он стоял, парализованный, и смотрел, как Пикарбо медленно, словно смертельно усталый человек, клонится назад, опирается на локоть, потом заваливается на спину.

Так же неподвижно он наблюдал, как последний дух выходит из тела Лорда и свет меркнет в его глазах.

Искупитель Пикарбо, пятидесятый Лорд Дисциплины, был мертв.

6

Кляйст проснулся с ощущением, что его сбили с ног и не дают встать. Объяснение оказалось простым: Кейл зажимал ему рот ладонью, а Смутный Генри держал руки прижатыми к бокам.

— Ш-ш-ш-ш! Это мы, Кейл и Генри. — Кейл подождал, пока Кляйст перестанет дергаться, и только после этого отнял ладонь. Генри тоже отпустил его руки. — Ты должен немедленно идти с нами. Если останешься — ты покойник. Идешь?

Кляйст сел и посмотрел на Смутного Генри, чей силуэт зыбко высвечивался в темноте лунным светом.

— Это правда?

Генри кивнул. Кляйст издал тяжелый вздох и встал.

— Где Паук? — спросил он, озираясь в поисках Искупителя, надзирающего за местом сна.

— Вышел покурить. Надо идти.

Кейл решительно повернулся и зашагал к выходу, остальные двое последовали за ним. У кровати, на которой лежал мальчик, притворявшийся спящим, он остановился и, низко склонившись, прошептал:

— Скажешь хоть слово Пауку, Савио, — я тебе кишки выпущу, говнюк, понял?

Не спящий мальчик кивнул с закрытыми глазами, и Кейл двинулся дальше.

Выйдя за дверь, которую Паук оставил незапертой, он, держась поближе к стене, повел своих спутников к амвону с огромной статуей Повешенного Искупителя, а оттуда — ко входу в туннель, который они нашли накануне.

— Что происходит? — спросил Кляйст.

— Тихо.

Кейл открыл дверь и подтолкнул мальчиков внутрь. Потом зажег свечу — гораздо более яркую, чем любая из тех, какие им доводилось видеть.

— Как ты смог открыть дверь? — спросил Кляйст.

— Ломом.

— А где ты взял такую свечу?

— Там же, где и лом.

Кляйст повернулся к Смутному Генри:

— Ты понимаешь, что происходит?

Смутный Генри отрицательно покачал головой. Кейл дошел до первого угла слева и поднял свечу.

— О, Господи! — воскликнул Кляйст, увидев испуганную фигуру, скорчившуюся в углу.

— Все в порядке, — сказал Кейл, склоняясь к девочке. — Они здесь, чтобы помочь, — добавил он без особой уверенности.

— Да скажите же мне наконец, что происходит, — потребовал Кляйст, — а то тут прямо сейчас случится смертоубийство.

Кейл взглянул на него и улыбнулся, быть может, чуточку сурово.

— Ну, слушай, — сказал он и задул свечу.

Окончив свой рассказ минут двадцать спустя, он снова зажег ее.

Двое мальчиков переводили взгляд с Кейла на девочку и обратно, потрясенные услышанным и замороженные видом девочки. Потребовалась еще минута, чтобы Кляйст окончательно пришел в себя.

— Это ты убил его, Кейл. Какого черта ты нас в это втягиваешь?

— Не будь дураком. Как только они сообразят, что это я, они станут пытаться Генри, потому что знают, что мы друзья. Потом они установят, что Генри связан с тобой. А так у тебя все же есть шанс.

— Но я не имею к этому никакого отношения.

— Ну и что? За последние несколько дней по меньшей мере дважды было замечено, как мы с тобой разговариваем. Они прикончат тебя в назидание другим, да и им так будет спокойнее.

— Значит ли это, что у тебя есть план? — спросил Генри. Он был перепуган, но старался демонстрировать спокойствие.

— Да, — ответил Кейл. — Возможно, он не удастся, но шанс есть.

Кейл снова задул свечу и рассказал им, что задумал.

— Ты прав, — согласился Кляйст, когда он закончил, — очень даже вероятно, что план провалится.

— У тебя есть предложение получше? — Кейл опять зажег свечу и поднес ее поближе к девочке, которая, вся дрожа, сидела, обхватив себя руками, и смотрела перед собой

невидящим взглядом.

— Как тебя зовут? — спросил Кейл.

Сначала показалось, что девочка его вообще не слышит, потом она повернула голову, ее взгляд остановился на лице Кейла, но она так и не ответила.

— Бедолага, — вздохнул Смутный Генри.

— Кто она тебе, что ты ее так жалеешь? — злобно выпалил Кляйст, в душе разрывавшийся между собственным страхом и интересом к странному существу, скрючившемуся в углу. — Побеспокойся лучше о себе самом.

Кейл встал, передал свечу Смутному Генри и направился к двери.

— По моей команде, — сказал он. — Давай!

Генри задул свечу. В темноте было слышно, как дверь открылась, потом закрылась. Смутный Генри, Кляйст и девочка остались одни в крошечной тьме.

По мере того как Кейл шел через Святилище в третий раз, шок от событий минувшего вечера начал отступать. Разумеется, он старался держаться в тени, но сейчас чувствовал себя гораздо уверенней. Он осознал, что привычка всей его жизни — постоянно быть начеку, потому что за тобой всегда наблюдают, всегда есть глаза и уши, готовые засечь и донести на тебя в любой момент, — сейчас не особо нужна. Искупители решили — и не без основания, — что их умение следить за послушниками вкупе с жестокостью наказаний за непослушание словом или помыслом гарантируют соблюдение порядка и что по ночам, когда послушники заперты в дортуарах, обессиленные и справедливо боящиеся последствий, которые повлечет любая попытка высунуться наружу, можно ослабить бдительность. Во время этого, третьего за несколько последних часов, ночного путешествия через Святилище Кейл заметил, и то лишь вдали, только одного Искупителя.

Странное, но приятное возбуждение охватило его: ненавистные ему люди, казавшиеся неуязвимыми и всемогущими, таковыми не были. Он перехитрил Боско, убил Лорда Дисциплины и теперь спокойно передвигается по Святилищу. Глубоко в подсознании, однако, звучало предупреждение: «Не зарывайся! Будь осторожен, а то как бы дело не кончилось виселицей».

Но сколько бы он ни прислушивался к этому внутреннему голосу, каким бы безрассудным ни казался подобный поступок, вернуться в покои Лорда Дисциплины имело смысл. Убегая оттуда с девочкой, он кое-что прихватил, но если им четверым выпадет удача выбраться наружу, то понадобится... Вообще-то, он не знал, что именно может им понадобится, но в комнате покойника наверняка можно найти кучу нужных вещей, и было бы глупо не воспользоваться случаем. При удачном стечении обстоятельств у Кейла было в запасе часа четыре, прежде чем кто-нибудь зашевелится.

Через десять минут он уже стоял над мертвым телом Пикарбо, а еще минуту спустя принялся за поиски. Заниматься ими было непривычно, потому что глаза разбегались от обилия вещей. Послушникам не разрешалось иметь ничего. Считалось, что даже Искупители должны владеть лишь семью предметами — почему не восемью или не шестью, не знал никто. Но покои Пикарбо ломились от вещей. Назначения многих из них Кейл не знал, и ему хотелось просто повертеть их в руках и поразмышлять, для чего они нужны. Как непривычно и приятно, например, было прикоснуться к помазку, сделанному из барсучьего меха, или ощутить восхитительный аромат и нежную скользкость кусочка мыла. Но угроза смерти вскоре умерила его любопытство, и он начал выбирать только то, что могло уместиться в найденном им там же рюкзаке: ножи, телескоп — потрясающая вещь, в которую Пикарбо, как однажды видел Кейл, смотрел через бойницу в стене, — точильное приспособление для его медицинских инструментов, травы, которые он использовал для врачевания ран, тонкие боры, нити, клубок бечевы. Кейл обыскал шкафы, но большинство из них оказалось забито поставленными друг на друга лотками с законсервированными фрагментами женских тел. Большинство из них Кейл, разумеется, не мог идентифицировать. Не то чтобы он испытывал необходимость найти оправдание убийству Пикарбо — этот человек у него на глазах многократно избивал детей, якобы в порядке официального наказания, а одного даже забил

до смерти, — но вид тщательно сохранных частей человеческих тел вызвал у него отвращение и ощущение ужаса.

Стараясь не смотреть на несчастное существо, лежавшее на секционном столе, Кейл подошел к одной из внутренних дверей и открыл ее. Затхлый дух резко ударил в ноздри. Кейл и раньше всякий раз, когда оказывался в замкнутом помещении, где находилось больше двух Искупителей, замечал, что от них исходит странный, чтобы не сказать дурной запах. Но в этой комнате, казалось, даже стены были пропитаны этим зловонием, словно бы все, что находилось внутри, включая сам живой дух комнаты, протухло насквозь.

На обратном пути Кейл решил не смотреть на тело девочки, но все же что-то привлекло к ней его внимание. Мельком взглянув на аккуратные раны, тщательно прорезанные на красивом молодом теле, он испытал непривычный прилив жалости от того, что нечто столь мягкое и нежное было загублено столь жестоким образом. Потом его взгляд упал на лежавший в металлическом лотке маленький твердый предмет, который Лорд Дисциплины извлек из живота девочки незадолго до того, как Кейл первый раз покинул эту комнату. Он не был костью или чем-то ужасным. Золотисто-коричневый полупрозрачный предмет формой и плотностью напоминал маленький голыш, отполированный долгим пребыванием на дне быстро текущей реки.

Кейл осторожно тронул его указательным пальцем, потом взял в руку, поднес к глазам, понюхал. Запах едва не сбил его с ног, словно невидимые частицы странных, но восхитительных духов разом проникли в каждую клеточку его мозга. На миг у него закружилась голова, и он едва не лишился сознания. Однако надо было быстро делать то, зачем он сюда пришел. Кейл глубоко вдохнул и продолжил поиски. Он сунул в рюкзак еще несколько предметов, которые, по его разумению, могли пригодиться, а также несколько таких, которые просто понравились ему на вид, после чего вышел за дверь и направился в свое тайное убежище.

7

Кейл планировал побег уже почти два года. Надо понимать, что осуществить свой план он надеялся едва ли, поскольку слишком мал был шанс на успех. Искупители переворачивали небо и землю, когда приходилось возвращать беглецов, а наказанием этим безумцам было вздергивание на дыбе, повешение и четвертование. Насколько знал Кейл, никому еще не удалось ускользнуть от Псов Рая, и его долгосрочный план сбежать от Искупителей состоял в том, чтобы дожидаться своего двадцатилетия, когда его отправят на границу, и тогда воспользоваться каким-нибудь удобным случаем.

Однако, подумал он, хорошо, что я начал готовиться заранее. Пробираясь вдоль амвона, Кейл старался не взвешивать свои теперешние шансы на успех. Тем не менее его не покидало чувство острого сожаления по поводу случившегося. Спасение девочки было бессмысленным. Единственное, чего он добился, так это то, что его почти наверняка убьют, так же как Смутного Генри и Кляйста. Идиот! Кейл сделал глубокий вдох и попытался успокоиться. Но девочка казалась такой счастливой прошлым вечером, ее улыбка была такой... какой? Ему было очень трудно описать, что он испытал, увидев кого-то по-настоящему счастливым. Именно это ощущение вернулось к нему, когда он стоял в темном коридоре, смертельно бледный, содрогаясь от тошнотворного ужаса той жестокости, что увидел в комнате Лорда Дисциплины, и кипя от гнева. Чувство гнева было ему привычно, но впервые в жизни он дал ему волю. «Ничего хорошего из этого не вышло, — мысленно признался он себе. — Совсем ничего хорошего!»

И вот он на месте, в маленьком проеме позади главного амвона, в основании которого с одной стороны имелась щель — не то чтобы проход, просто часть внутренней стены здесь неплотно прилегала к зубчатой внешней стене Святилища. Кейл боком, втянув живот, с трудом протиснулся в нее. Через несколько месяцев он станет слишком большим, чтобы проникать сюда. Но пока он сумел, протянув руку, ухватиться за выступ, который выдолбил

в стене, когда был меньше, и втянуть себя внутрь. Внутри из-за темноты ничего не просматривалось, однако помещение было крохотным и хорошо знакомым ему на ощупь. Распластавшись, Кейл вытащил один расшатанный кирпич, потом другой, соседний, затем сдвинул две половинки кирпичей, лежавших сверху.

Засунув руку в образовавшееся отверстие, он вынул сплетенную с удивительным мастерством длинную веревку, на конце которой имелся железный крюк, встал и снова протиснулся в щель между стенами.

Несколько минут он прислушивался. Ничего. Подняв руку, ощупал грубую поверхность главной стены и воткнул крюк в малюсенькую расщелину, продолбленную им несколько месяцев назад, сразу после того, как он сделал веревку. Кейл сплел ее не из джута и не из сизаля, а из волос послушников и Искупителей, собранных за многие годы, когда он служил чистильщиком в банях, — мерзкое занятие, спору нет (сколько раз его рвало!), но силы придавало то, что это дарило шанс выжить. Он натянул веревку, дабы убедиться, что она зацепилась крепко, потом подтянулся, закрепился между стенками щели, упершись спиной в одну, ногами в другую, освободил крюк, уцепил его за следующую расщелину и поднялся выше. Больше часа понадобилось ему на то, чтобы, продвигаясь не более чем на два фута, а то и меньше за раз, добраться до верха внешней стены Святилища.

Оказавшись на гребне стены, он издал стон облегчения и в изнеможении лежал минут пять, свесив руки. Если бы не пронизывавшая их чудовищная боль, можно было бы подумать, что они атрофировались окончательно. Но дальше медлить было нельзя. Пошарив внизу рукой, Кейл нащупал веревку, втянул ее наверх, воткнул крюк в самую большую расщелину, какую удалось найти на внешней поверхности стены, пропустил веревку под мышкой и сбросил ее конец вниз.

Кейл надеялся услышать звук, когда веревка коснется земли, но ничего толком не расслышал. Он подергал веревку — бесполезно. С внутренней стороны она доходила до середины стены, но, насколько он знал, внешняя сторона могла находиться на краю обрыва.

Он немного подождал, вглядываясь в бездонную тьму, потом правой рукой нащупал веревку и туго натянул ее, чтобы закрепить крюк в расщелине. Держась одной рукой за край стены, а другой натягивая веревку, Кейл еще раз осознал, в какой опасности находится. «Все равно, лучше сорваться вниз, чем быть повешенным и поджаренным», — с этой утешительной мыслью он оттолкнулся от стены и повис на натянувшейся веревке.

Обхватив ее скрещенными ногами и перебирая руками, Кейл понемногу спускался все ниже и ниже. Это было самой легкой частью, поскольку собственный вес делал всю работу за него и он мог бы торжествовать, если бы не тот факт, что веревка не была испытана и могла оборваться или расплестись от трения о грубую стену, и если бы не мысль о том, что она может оказаться недостаточно длинной и Кейл зависнет на ней в сотне футов от земли. Падая же на скалы даже с высоты десяти футов, ничего не стоит сломать ногу. Но какой смысл был теперь волноваться? Слишком поздно...

8

Через каждые несколько минут Кляйст и Смутный Генри зажигали свечу, украденную Кейлом у Лорда Дисциплины, и смотрели на девочку. Они договорились, что лучше приглядывать за ней время от времени. В конце концов, у них было аж девять свечей, так что они могли позволить себе не экономить. Такую заторможенность, как у этой девочки, которая сидела безмолвно и неподвижно, уставившись в одну точку невидящим взглядом, они уже наблюдали — у мальчиков, получивших больше сотни ударов. Если те пребывали в таком состоянии несколько дней кряду, их уводили, и они никогда больше не возвращались. Те же, кому удавалось справиться с собой, зачастую кричали во сне еще много недель, а то и месяцев — Морто вопил вообще несколько лет. Потом они тоже исчезали.

Вот почему, убеждали себя мальчики, за девчонкой надо присматривать. Если она начнет кричать, кто-нибудь может услышать.

Каждый раз, когда они зажигали свечу, Смутный Генри говорил ей:

— Все будет хорошо.

Она не отвечала, лишь время от времени вздрагивала. Когда они зажгли свечу в третий раз, Генри вспомнил кое-что из далекого прошлого — в памяти всплыло утешающее слово, которое он когда-то слышал, но давным-давно забыл:

— Ну-ну, ну-ну, — повторял он. — Ну-ну, ну-ну.

Но была и другая причина, — кроме необходимости проверять состояние соседки, — по которой мальчики то и дело зажигали свечу: они просто не могли удержаться — так хотелось им смотреть на девочку. Оба они попали в Святилище семилетними мальчишками из жизни, которая казалась теперь далекой, как Луна. Родители Смутного Генри умерли вскоре после его рождения. Кляйста родители продали Искупителям за пять долларов, а до того и сами были с ним не менее жестоки. Ни одной девочки, ни одной женщины они не видели с тех самых пор, как вошли в ворота Святилища, и единственное, что рассказывали им о женщинах и девочках Искупители, так это то, что они — игрушки в руках дьявола. Если же вам случится увидеть одну из них по выходе из Святилища, направляясь на границу или к Восточным Разломам, предупреждали они, следует немедленно опустить глаза. «Тело женщины само по себе — грех, вызывающий к небесам о возмездии!»

Существовала лишь одна женщина, к которой следовало относиться без отвращения и опаски: мать Повешенного Искупителя единственная среди всех оставалась чиста и непорочна. Она была источником сострадания, вечного вспоможения и утешения — хотя, что означали эти добродетели, мальчики понятия не имели, ни с одной из них им никогда не доводилось сталкиваться. Что значит «женщины — игрушки в руках дьявола», Искупители тоже объясняли туманно.

Именно вследствие всего этого Кляйст и Смутный Генри наблюдали за девочкой с огромным любопытством, смешанным со страхом и некоторым благоговением. Существо, которое может повергнуть Искупителей в такое экстатическое состояние отвращения и ненависти, Должно обладать огромной властью, а следовательно, как не могли они не догадываться, его следует бояться.

В настоящий момент, дрожащая и охваченная ужасом, в неверном свете свечного фитиля, девочка не казалась сколько-нибудь страшной, но непреодолимо притягивала их. Такие удивительные формы! На ней было цельнокроеное льняное платье отличного качества — мальчики такого в жизни не видавали, — подпоясанное шнурком.

Кляйст жестом отозвал Генри в сторону и, склонившись к его уху, прошептал:

— А что это за горбы у нее на груди?

Смутный Генри, стараясь продемонстрировать всю почтительность, на какую был способен, притом что понятия не имел, как вести себя с женщинами, поднес свечу к груди девочки и внимательно осмотрел ее.

— Не знаю, — прошептал он наконец.

— Наверное, она толстая, — все так же шепотом предположил Кляйст, — как этот мешок с дерьмом, который заведует провиантом. — Толстых мальчиков в Святилище, разумеется, не было ни одного среди всех десяти тысяч.

Смутный Генри поразмыслил немного.

— Лорд Провианта дряблый и круглый, а она вроде крепкая.

— А ты пощупай, — сказал Кляйст.

Смутный Генри еще немного поразмыслил.

— Нет, думаю, надо оставить ее в покое. Наверное, он избил ее, — добавил он.

— Не похоже, чтобы она могла выдержать порку, во всяком случае такую, какие устраивает Пикарбо.

— Устраивал, — поправил его Смутный Генри.

Оба фыркнули с удовольствием — весьма странным, если учесть то, в какую опасность все они попали из-за этой смерти.

— Интересно, за что он ее побил?

— Может, за то, что она — игрушка в руках дьявола? — предположил Смутный Генри. Кляйст кивнул. Объяснение казалось разумным.

— Как тебя зовут? — не в первый раз спросил Генри девочку, но снова не получил ответа и, сменив тему, вернулся к Кляйсту: — Интересно, сколько времени понадобится Кейлу?

— Думаешь, у него действительно есть план?

— Да, — без тени сомнения ответил Смутный Генри. — Если он что-то говорит, так оно и есть.

— Что ж, рад, что ты так уверен. Хотелось бы и мне быть таким же уверенным.

В этот момент девочка что-то произнесла, но так тихо, что они не расслышали.

— Что ты сказала? — переспросил Смутный Генри.

— Риба. — Она глубоко вздохнула. — Меня зовут Риба.

9

Пока Кейл в крошечной тьме полз вниз, два самых страшных опасения начали сбываться. Во-первых, когда его руки достигли большого узла, который он завязал на конце веревки, его тело продолжало болтаться в воздухе, и понять, с какой высоты ему придется падать, было невозможно. Во-вторых, он чувствовал, что натяжение стало слишком сильным для железного крюка, укрепленного в расщелине наверху, чтобы удержать его вес. Даже находясь на конце веревки, он чувствовал, что крюк начинает подаваться. «Падать все равно придется», — сказал он себе и, обеими ногами оттолкнувшись от поверхности скалы, отпустил веревку — правда, успел прикрыть голову руками, чтобы защитить ее от удара во время падения.

Хоть под ногами оказалось менее двух футов пустоты, это все равно было падением, поскольку Кейл не знал, сколько предстоит пролететь, и удар о землю случился в неожиданный момент. Кейл встал на ноги и победно потряс руками. Потом он вынул одну из свечей, украденных у Лорда Дисциплины, и стал с помощью кремня высекать искру над пучком сухого мха. Через некоторое время мох вспыхнул, и Кейл зажег свечу, но простиравшаяся вокруг чернота была такой непроглядной, а фитилек горел так слабо, что мальчик все равно почти ничего не увидел. А потом ветер и вовсе задул свечу.

Тьма была абсолютной — звезды и луну закрывали облака. Попытайся Кейл идти, он непременно упал бы, а ведь даже незначительная травма замедлила бы его передвижение, и это означало бы неминуемую смерть. Лучше было подождать часа два до рассвета. Приняв такое решение, Кейл плотно завернулся в рясу, лег и заснул.

Два часа спустя он открыл глаза и увидел, что чернота сменилась предрассветной серостью, позволявшей видеть на несколько шагов вперед. Он оглянулся на веревку, свисавшую со стены и, словно гигантский палец, указывавшую на место, откуда он начал свой побег. Впрочем, с этим ничего нельзя было поделать, равно как и с сожалением о том, что придется бросить тут плод полугодового тошнотворного труда. Хотя Кейлу никогда не доводилось видеть женской прически «конский хвост», растрепавшаяся веревка напоминала теперь именно такой «хвост», правда, невероятной длины — в двести футов. Решительно повернувшись, мальчик в постепенно светлеющей мгле стал пробираться вниз по скалистому склону горы, на которой стояло Святилище, радуясь тому, что у него в запасе может оказаться еще час, прежде чем будет найдено тело Лорда Дисциплины, и, при везении, еще два — прежде, чем обнаружат веревку.

Ни одна из его надежд не оправдалась. Труп Искупителя Пикарбо слуги обнаружили за час до рассвета, их истерические крики переположили все огромное Святилище, которое ожило и пришло в движение в считанные минуты. Тут же все дортуары подняли по тревоге, и была проведена переключка, выявившая пропажу трех послушников.

Следопыт и псарнюх Брунт, Искупитель, ответственный за поимку тех редких

послушников, которые отваживались совершить побег, был немедленно вызван в Присутствие Искупителя Боско, и его впервые в жизни провели прямо к тому в кабинет.

— Все трое должны быть возвращены живыми, для этого тебе надлежит сделать все возможное.

— Разумеется, Лорд Воитель, я всегда...

— Избавь меня от лишних слов, — перебил его Боско. — Я не прошу тебя быть осторожным, я требую этого. Если придется убить Кляйста и Генри, так тому и быть. Но что касается Томаса Кейла, он не должен пострадать ни при каких обстоятельствах, даже если для этого тебе придется пожертвовать собственной жизнью.

— Можно поинтересоваться — почему жизнь Кейла столь драгоценна, Лорд?

— Нельзя.

— А что мне сказать остальным? Они в ярости и не поймут такого распоряжения.

Боско догадался, к чему ведет Брунт. Даже самый покорный Искупитель может не справиться со своим священным гневом, когда речь идет о послушнике, совершившем нечто столь неслыханно дерзкое. Боско раздраженно вздохнул.

— Можешь намекнуть, что Кейл действовал по моему указанию и был вынужден уйти с этими убийцами, чтобы раскрыть чудовищный заговор, являющийся частью задуманного Антагонистами покушения на Верховного Понтифика.

Жалкая отговорка, подумал Боско, но для Брунта (который вмиг побледнел от ужаса) сойдет. Этот человек славился своей безрассудной, исключительной даже по меркам псарнюхов жестокостью, однако та ярость, с которой он защищал свою любовь к Понтифику, подобно тому как ребенок защищает свою преданность матери, тоже была известна всем.

Благодаря Псам Рая волосяную веревку Кейла нашли быстро, после чего створки главных ворот тяжело разъехались, и отряд преследователей пустился в погоню за Кейлом, успевшим отойти от Святилища едва ли миль на пять. Но в самом важном отношении план Кейла сработал: никому не пришло в голову, что за пределы крепостной стены ушел только один послушник, поэтому внутри Святилища никто поисков не предпринял и до поры до времени Смутный Генри, Кляйст и девочка оставались в безопасности. При условии, разумеется, что Кейл сдержит свое обещание.

К тому времени, когда порывы ветра начали доносить до него отдаленные звуки собачьего лая, Кейл прошел еще мили четыре. Он остановился и прислушался. Несколько секунд было слышно лишь, как холодный ветер бьется о скалы, шелестя сыпучим песком. Но вскоре стало ясно, что беда, пусть пока издали, приближается неумолимо и настигнет его скорее рано, чем поздно. Это был странный, высокий звук, похожий не на нетерпеливое повизгивание и твяканье своры гончих, которое вам, возможно, доводилось слышать самим, а на ровный мощный пронзительный вопль свиньи, которой ржавой пилой медленно перерезают горло. Собаки и сами были здоровенными, как свиньи, и злобными, как дикие вепри; а в их пастьях было столько клыков, что, казалось, туда кто-то высыпал по мешку ржавых гвоздей.

На время ветер отнес этот зловещий звук в сторону, и Кейл огляделся в поисках признаков, говорящих о близости оазиса Войнич. На бесконечном пространстве покрытой твердыми струпами земли, выглядевшей настолько больной, что иначе как Коростой ее и назвать было нельзя, ничего не было видно. Кейл снова побежал, быстрее, чем прежде. Путь предстоял долгий, и он понимал, что, учитывая собак, следующих за ним по пятам, будет большой удачей, если он сможет проделать его до середины дня. Будет бежать слишком медленно — собаки настигнут его, слишком быстро — выдохнется раньше времени. Он отключился от всех посторонних шумов и прислушивался только к ритму собственного дыхания.

— Сколько ты уже здесь, Роба?

В первый момент показалось, что девочка вообще не услышала вопроса Генри, потом

она попыталась сосредоточить на нем свой взгляд.

— Я здесь пять лет.

Мальчики удивленно переглянулись.

— А почему ты здесь? — спросил Кляйст.

— Нас привезли сюда учиться на невест, — ответила она. — Но это неправда. Он убил Лену, тот человек, и меня тоже убил бы. Почему?! — в отчаянии взмолилась девочка. — Почему люди такое делают?

— Мы не знаем, — ответил Кляйст. — Мы о вас ничего не знаем. Мы вообще не имели понятия о вашем существовании.

— Начни с начала, — попросил Смутный Генри. — Расскажи нам, как и откуда ты сюда попала.

— Не торопись, — добавил Кляйст. — У нас куча времени.

— Он ведь вернется за нами, правда? Ну, тот, третий.

— Его зовут Кейл.

— Он вернется за нами?

— Да, — подтвердил Смутный Генри. — Но, вероятно, придется долго ждать.

— Я не хочу ждать! — гневно воскликнула она. — Здесь холодно, темно и ужасно! Не хочу!

— Говори тише.

— Выпустите меня. Немедленно! Или я закричу!

Не то чтобы Кляйст совсем не знал, как обращаться с противоположным полом, но он понятия не имел, как обходиться с существом, ведущим себя столь эмоционально, — необузданно выражая свой гнев, ты рисковал оказаться на Поле Раздолбаев, в яме глубиной три фута. Кляйст поднялся, чтобы заткнуть девочке рот, но Генри дернул его за руку.

— Ты должна вести себя тихо, — сказал он Рибе. — Кейл вернется, и мы отвеем тебя в какое-нибудь безопасное место. Но если нас услышат, мы — покойники. Ты поняла?

Девочка несколько секунд бессмысленно смотрела на него — казалось, что она сошла с ума, — потом кивнула.

— Скажи нам, откуда ты и что ты знаешь о том, почему оказалась здесь.

В страшном волнении она вскочила на ноги, высокая, фигуристая, хотя и пухлая. Потом снова села и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Мать Тереза купила меня на невольничьем рынке в Мемфисе, когда мне было десять лет. И Лену она там купила.

— Так ты рабыня? — спросил Кляйст.

— Нет, — быстро ответила девочка со стыдом и негодованием. — Мать Тереза сказала нам, что мы свободные и можем уйти, когда пожелаем.

Кляйст расхохотался:

— Что ж вы не ушли?

— Потому что она была добра с нами, дарила подарки, баловала, как кошек, сытно кормила замечательной едой, давала всякие вкусности, учила, как быть хорошими невестами, и говорила, что, когда мы будем готовы, каждая получит своего рыцаря в блестящих доспехах, который будет любить ее и вечно заботиться о ней.

Риба замолкла, едва дыша, словно то, о чем она рассказывала, было реальностью, а ужас предыдущего дня — дурным сном. И хорошо, что замолкла, потому что очень немного из того, о чем она рассказывала, имело для мальчиков хоть какой-то смысл.

Смутный Генри повернулся к Кляйсту.

— Не понимаю. Вера не позволяет иметь рабов.

— Тут вообще все непонятно. Зачем Искупителям покупать девчонку и делать для нее всякое такое, а потом кромсать ее, как...

— Тише! — Смутный Генри посмотрел на девочку, но Риба в этот момент была недосыгаема — она витала где-то в своем мире.

Кляйст раздраженно фыркнул. Генри оттащил его в сторону и, понизив голос, сказал:

— А что бы ты чувствовал, если бы у тебя на глазах такое случилось с кем-нибудь, кого ты близко знал пять лет?

— Я бы счел, что родился в рубашке, раз поблизости оказался такой полоумный, как Кейл, чтобы спасти меня. Ты бы лучше о нас беспокоился, а не о девчонке, — добавил он. — Какое нам дело до нее и ей — до нас? Господь сам позаботится, чтобы все мы получили то, что нам суждено, так что незачем дознаваться.

— Что сделано, то сделано.

— Но ведь еще не сделано, не так ли?

Поскольку это было правдой, Смутный Генри на какое-то время впал в задумчивость, потом шепотом спросил:

— Зачем Искупителям — вот уж от кого этого можно было ожидать в последнюю очередь — привозить в Святилище тех, кто является игрушкой в руках дьявола, кормить их, заботиться о них, рассказывать им чудесные небылицы, а потом заживо резать на куски?

— Затем, что они ублюдки, — безразлично ответил Кляйст. Но он не был дураком, и вопрос его заинтересовал. — А зачем они в пять, а может, в десять раз увеличили количество послушников? — Он выругался и сел. — Можешь мне сказать одну вещь, Генри?

— Какую?

— Если бы мы знали ответ, ты чувствовал бы себя лучше или хуже?

С этим он счел за благо замолчать.

Кейл пустил струю с обрыва одного из полуразвалившихся холмов Коросты. Визгливое тявканье собак не прекращалось ни на миг и слышалось теперь гораздо ближе. Кейл надеялся, что запах мочи на несколько минут отвлечет псов от его настоящего маршрута. Хоть Кейл и отдохнул немного, дышалось ему с трудом, и он ощущал тяжесть в бедрах, которая тянула его к земле. Если верить подсчетам, основанным на карте, которую Кейл нашел в столе Искупителя Боско, он должен был уже находиться в оазисе. Однако никаких признаков оазиса по-прежнему не было видно — насколько хватало глаз, вокруг простирались лишь холмы, скалы и пески. Именно сейчас Кейл отчетливо осознал реальность подозрения, которое смутно бродило у него в голове с тех самых пор, как он нашел карту: это была ловушка, специально подстроенная для него Лордом Воителем.

Не было смысла дальше успокаивать себя: собаки настигнут его через несколько минут. То, что в их визгливом тявканье не было ни малейшего перерыва, означало: они либо упустили, либо проигнорировали запах его мочи. Кейл побежал как можно быстрее, хотя после четырех часов хода слишком устал, чтобы сильно увеличить скорость.

Теперь собаки разрывались от лая, готовые к смертельной травле; Кейл терял скорость, понимая, что они-то будут бежать только быстрее. Дыхание стало болезненным, словно легкие скреб песок, он начал спотыкаться. Потом упал.

Вскочил он сразу же, но падение позволило рассмотреть то, что его окружало. Те же холмы и скалы, однако теперь среди песка виднелись пучки хилых сорняков и травы. Вода. В этот миг накатил новая волна собачьего воя, словно кто-то подстегнул псов кнутом с острыми шипами. Кейл рванул вперед, уповая на то, что Бог ведет его именно внутрь оазиса, а не обводит по краю, посылая таким образом все дальше в пустыню и все ближе к смерти.

Трава становилась гуще, и, перевалив через гребень очередного холма и чуть не скатившись вниз, Кейл увидел перед собой оазис Войнич. Чувя близость добычи, псы рычали и визжали еще громче. Кейл продолжал бежать, но спотыкался все чаще — тело начинало бунтовать. Он знал, что оборачиваться нельзя, однако ничего не мог с собою поделать. Собаки посыпались из-за гребня, как уголья из мешка, тявкая и воя от нетерпеливого желания разорвать его на куски, путаясь друг у друга под ногами, рыча и кусая друг друга.

Кейл с трудом ковылял вперед, меж тем как псы мчались за ним сплошной массой сомкнутых плеч и голов, ощерившихся зубастыми пастьми. Наконец он добежал до первой жиденькой купы деревьев. Один из псов, самый ретивый и злобный, уже достал его. Зверь знал свое дело: передней лапой он ударил Кейла по пятке, лишив равновесия, Кейл

растянулся на земле.

Тут бы ему и конец, но в пылу погони пес и сам потерял равновесие. Непривычный к влажной, рыхлой почве оазиса, он не смог найти опору, перевернулся через голову и тяжело врезался в дерево хребтом. Зверь взвыл от ярости и, отчаянно стараясь возобновить атаку, заскреб когтями землю, увязая в ней все глубже. К тому времени, когда ему все же удалось вновь вскочить на ноги и рвануть за своей добычей, Кейл был от него на расстоянии пятнадцати ярдов. Но при скорости пса, в четыре раза превышающей скорость выдохшегося мальчика, такая фора была ничтожной. Пес вмиг преодолел разрыв и уже изготовился к прыжку, как вдруг Кейл прыгнул первым: прочертив в воздухе длинную плавную дугу, его тело с громким плеском рассекло поверхность озера.

Издав рык яростного отчаяния, пес остановился как вкопанный у кромки воды. Вскоре к нему присоединился еще один, и еще, и вот уже вся свора бесновалась на берегу, исходя ненавистью, злобой и голодом.

Лишь через пять минут на своих малорослых лошадях прискакали Следопыт и его люди, однако нашли они только собак, которые метались вдоль озера, питавшего оазис. Псы по-прежнему неумолчно лаяли, только вот видно никого не было. Следопыт долго стоял на берегу, вглядываясь и размышляя, — его лицо, которое и так-то трудно было назвать приятным, сейчас почернело от досады и злобы. Наконец один из его людей заговорил:

— Вы уверены, что это были они, Искупитель? Этим недоумкам, — он взглянул на собак, — не впервой бросать след ради оленя или дикой свиньи.

— Тсс, — тихо сказал Брунт. — Беглецы могут быть еще здесь. Они хорошие пловцы, это известно. Расставь людей с собаками по периметру. Они не должны уйти. Если они здесь, я их поймаю. Но упаси бог, чтобы Кейл пострадал.

Брунт не стал посвящать своих людей в придуманную Боско легенду о заговоре против Понтифика. То, что он сказал Боско насчет священного гнева своих подчиненных, было не совсем ложью. Подчиненные действительно кипели от негодования, но и без того беспрекословно выполнили бы любой его приказ. Оказавшись единственным рядовым Искупителем, осведомленным о чудовищной опасности, грозившей Понтифику, Брунт испытал еще более мощный прилив глубочайшей любви к Его Святейшеству и не желал попусту растрачивать ее, делясь с другими.

Всего лишь едва заметный кивок, — и вмиг все вокруг него пришло в движение. Не минуло и часа, как оазис был обложен так, что и мышь не могла прошмыгнуть.

Между тем в Святилище Роба спала в потайном коридоре, Кляйст отправился охотиться на крыс, а Смутный Генри разглядывал спящую девочку, дивясь странным изгибам ее тела и испытывая при этом, наряду с голодом и страхом, некое новое, дотоле неведомое ему чувство. Для страха были все основания. Искупители не остановятся, пока не поймают их, сколько бы времени это ни потребовало, а когда поймают, устроят над ними такую показательную казнь, что при воспоминании о ней у послушников и через тысячу лет будут замирать сердца, волосы вставать дыбом, как иглы у вспугнутого дикобраза, а кровь — леденеть в жилах. По жестокости и мучительности их смерть войдет в легенду.

Кляйст старался отвлечься охотой на крыс, но на самом деле чувствовал примерно то же самое. Еще одним общим для них ощущением было подозрение, что Кейл уже на полпути к Мемфису и не собирается возвращаться за ними. Кляйст выражал свои сомнения открыто, но даже и Смутный Генри не был уверен в истинных намерениях Кейла. Ему всегда хотелось подружиться с Кейлом, хотя он не смог бы толком объяснить — почему. Страх перед Искупителями, наложившими анафему на дружбу, заставлял послушников относиться друг к другу с осмотрительностью, тем более что Искупители устраивали ловушки. Они специально натаскивали некоторых мальчиков — их называли цыплятами, — тех, что обладали обаянием и способностью к предательству. Эти «цыплята» искушали ничего не подозревавших ровесников делиться с ними потаенными мыслями, болтать, играть в игры — словом, склоняли к дружбе. Те, кто имели неосторожность ответить на их попытки, получали

тридцать ударов шипованной перчаткой перед строем в дортуаре, где их оставляли истекать кровью на сутки. Но даже такое наказание не могло убить в послушниках желания приобрести верного друга и союзника в великой битве, где можно было либо выжить, либо оказаться проглоченным навсегда верой Искупителей.

Что касается Кейла, Смутный Генри никогда не был уверен, что между ними существует настоящая дружба. Генри из кожи вон лез, чтобы произвести впечатление на Кейла, пользуясь любым удобным случаем продемонстрировать свое презрительное отношение к Искупителям и надеясь поразить его своим хитроумием и безрассудной дерзостью. Долгое время ему казалось, что Кейл ничего не замечает, а если замечает, то его это ничуть не трогает. Выражение лица Кейла всегда оставалось неизменным: сдержанная настороженность. Никакие чувства никогда не отражались на этом лице, как бы ни складывались обстоятельства. Казалось, что победы в тренировочных боях не приносят Кейлу никакого удовольствия, равно как жестокие наказания, коим Боско часто подвергал его персонально, не доставляют ни малейшей боли. Не то чтобы послушники особо боялись его, но и симпатии к нему не питали. Никто не мог разгадать Кейла: он никогда не бунтовал, но и правозверным не был. В конце концов все от него отступились, а ему, насколько можно было понять, только это и требовалось.

— О чем задумался? — Это Кляйст вернулся со своей крысиной охоты; ее бесхвостые трофеи, пять штук, болтались у него на веревочном поясе. Развязав пояс, он свалил тушки на каменный пол и начал их свежевать. — Лучше покончить с этим, пока она не проснулась, — с ухмылкой сказал он. — Не думаю, что она отнесется к ним благожелательно, если они будут запечены в шкурках.

— Почему бы тебе не оставить ее в покое?

— Ты не хуже меня понимаешь, что из-за нее нас могут убить, разве нет? Впрочем, теперь с этим уже ничего не поделаешь. У твоего друга есть двенадцать часов, чтобы вернуться, иначе...

— Иначе — что? — перебил его Смутный Генри. — Если у тебя есть свой план, не скрывай. Я весь внимание.

Кляйст засопел и начал потрошить крыс.

— Если бы я не предвкушал, как буду есть это, — он жестом указал на тушки, — я бы сейчас чувствовал себя совсем паршиво. Я имею в виду наши шансы. Шансы когда-нибудь снова увидеть Кейла.

Вынырнув из тростниковых зарослей на берегу озера, Кейл продвинулся в глубь карьера ярдов на пятьсот. Вот уже лет пятнадцать Искупители выкапывали и увозили к себе тонны ценной глины, которая образовывалась здесь под сенью деревьев. Это было волшебное вещество, способное даже скудную почву огородов в Святилище делать плодородной. Плодородной настолько, что урожай позволял Искупителям более чем в десять раз увеличить количество боеспособных послушников. Но Кейл открыл еще одно свойство этой глины.

Однажды, работая в огороде под охраной собак, натасканных на то, чтобы унюхивать любое воровство, он, во время короткого перерыва, достал кусочек «лапти мертвеца», подобранный на полу трапезной. Обнюхав его, Кейл понял, что этот кусочек не обронили, а выбросили: «лаптя» была протухшая и несъедобная. Заметив, что вожатый собаки, спавшей неподалеку, смотрит в другую сторону, Кейл бросил кусок ей — не по доброте, а в надежде, что это существо, которое, как все ему подобные, жрало все подряд, слопает его и начнет блевать, поделом ему. Кусок «лапти мертвеца» плюхнулся прямо возле собачьей головы на маленький островок оазисной глины. Встревоженный звуком, пес встал и насторожился, но, несмотря на то, что пища лежала у него под носом, а его нос был способен учуять запах мушиной какашки за тысячу ярдов, он даже не взглянул на еду. Вместо этого пес зыркнул на Кейла, зевнул, почесался, улегся и снова заснул. Позднее, когда собака и ее вожатый ушли, Кейл поднял кусок «лапти мертвеца» и понюхал. Тот смердел до небес. Озадаченный, Кейл

набрал пригоршню глины, облепил ею вонючий кусок и понюхал опять. На сей раз единственное, что он почувствовал, это густой запах, похожий на запах торфа. Что-то, содержащееся в этой глине, не просто забивало вонь прогорклого жира, а заставляло его исчезнуть вовсе. Но только на то время, пока глина обволакивала источник воню.

В течение нескольких последующих дней, работая в огороде, Кейл испытал это свойство глины на других собаках, подсовывая им становящийся все более зловонным кусок, и ни разу ни один из псов ничего не учуял. Наконец он бросил его, очистив от глины, на засыпанную щебенкой дорожку, и уже через минуту один из псов, привлеченный смрадом, сожрал его. К величайшему удовольствию Кейла, десять минут спустя пес в углу выворачивал свои кишки наизнанку.

Было не столько трудно, сколько опасно найти сведения об источнике глины в библиотечном архиве. Там хранились карты и папки с документами, и Кейлу часто поручали принести какие-либо из них Лорду Воителю, так что единственное, что требовалось, это терпение: дожидаться случая, взять нужную папку и проявить еще больше терпения, чтобы выждать случай вернуть ее на место. Хотя вероятность попасться была и невелика, последствия — в том случае, если это все же произойдет, — предстояли ужасные, вероятно, фатальные, поскольку Искупители несомненно догадались бы, что кража информации об оазисе вызвана отнюдь не интересом к огородничеству и мелиорации почв, а разработкой плана побега.

Вынырнув из озера, Кейл, с которого вода стекала в три ручья, все еще мог слышать собачий лай. Как только он прошмыгнул за деревья, Кейл стал невидим для псов, и запах его нельзя было учуять, но он понимал, что надолго здесь задерживаться нельзя, и двинулся дальше. Вскоре он очутился в глиняном карьере Искупителей.

Добытки глины оставляли по себе скорее длинную череду ям, нежели ровные траншеи, потому что глина была слишком мягкой, дабы стены раскопа могли устоять, как если бы здесь была обычная земля, но и не достаточно мягкой, чтобы не завалить человека, который окажется под оползнем. Как свидетельствовали архивные записи, в таких случаях человек оказывался в ловушке и погибал от удушья. В свое время, читая это, Кейл порадовался, поскольку погибшими оказалось около дюжины Искупителей, занимавшихся добычей глины, но теперь, когда он сам искал что-нибудь, чем можно было выдолбить нишу, в которой ему удалось бы спрятаться от высматривающих и вынюхивающих преследователей, он никакой радости не испытывал.

Наметив цель — небольшую выемку в основании одного из холмиков, образовавшихся после недавних работ добытчиков, — он углубил ее, сколько посмел, собрал всю извлеченную им глину к краям получившейся норы, чтобы потом втянуть эту глину внутрь и не дать преследователям заметить, что здесь недавно опять копали, проскользнул внутрь, сгреб собранную глину на себя, облепился ею, а потом, высунув руку, осторожно соскреб некоторое количество глины сверху, со склона холмика, и почти полностью залепил входное отверстие. Времени на все это ушло немного, и Кейл чувствовал себя уязвимым, находясь слишком близко к поверхности, но копать глубже он не рискнул, опасаясь вызвать оползень. Единственное, что было ему сейчас нужно, — это чтобы его нельзя было ни увидеть, ни учуять.

В безоговорочном доверии Искупителей к своим псам таилась их слабость. Искупители считали: раз псы ничего не учуяли, значит, здесь ничего нет, — и не затрудняли себя дальнейшими поисками, полагая их излишними. Кейл откинулся на спину и попытался заснуть — все равно больше делать было нечего, а отдых ему требовался. К тому же в любом случае сон не будет глубоким. Кейл давным-давно научился просыпаться при малейшем сигнале опасности.

Он мгновенно провалился в сон и так же мгновенно проснулся от собачьего лая и криков Искупителей. Шум становился все ближе. По мере того как собаки переходили от погони к тщательному поиску, лай сменялся сопением и повизгиванием. Ближе, еще ближе, и вот уже один из псов начал шумно обнюхивать землю в нескольких дюймах от норы

Кейла. Однако надолго он здесь не задержался. Да и с чего бы? Глина сделала свое дело, стерев все запахи, кроме собственного, глинистого. Вскоре сопение и редкое взлаивание стихли вдали, и Кейл позволил себе на миг испытать триумф. Тем не менее ему предстояло еще несколько часов оставаться там, где он замуровал себя. Кейл расслабился и погрузился в сон.

Когда он проснулся снова, то сразу почувствовал, что его тело болезненно одеревенело от долгого бега, особенно болело левое колено — память о старой травме. И еще он замерз. Правой рукой Кейл проделал в глине отверстие, достаточное, чтобы увидеть, что кругом было темно. Он стал ждать. Часа через два Кейл услышал, как запели птицы, а вскоре стало светлеть небо. Он принялся осторожно высвобождаться из своего укрытия, готовый вмиг ретироваться, если заметит хоть малейшие признаки присутствия Искупителей. Однако не было ни видно, ни слышно ничего, кроме пения птиц в деревьях и шмыганья каких-то маленьких существ в подлеске. Кейл достал холщовый мешок, который прихватил из комнаты Лорда Дисциплины, и начал наполнять его глиной, приминая ее так, чтобы поместилось как можно больше.

Закинув мешок за плечи, он отправился на поиски Искупителей и их псов.

Кейл нашел их три часа спустя. Это оказалось нетрудно — отряд был довольно большой: он насчитывал двадцать Искупителей и сорок собак. Кроме того, им не было никакого резона замечать следы — в радиусе двухсот миль здесь не нашлось бы ни одного смельчака, который дерзнул бы приблизиться даже к одинокому Искупителю, что уж говорить о целой их своре, да еще с собаками. Это Искупители искали других, другие же не искали встреч с ними.

После того как Кейл обнаружил Искупителей, он минут десять размышлял: не бросить ли тех, кто остался в Святилище, и не сбежать ли в Мемфис одному, пока это еще возможно? Кляйсту он вообще ничем не обязан. Смутному Генри — чуть больше. А девочка так должна ему: он уже один раз спас ей жизнь. Подобно тому, как у осьминога меняется окраска перед лицом опасности, когда красные и желтые волны пробегают у него под кожей, так желание сбежать и необходимость вернуться прокатывались в голове Кейла, сменяя друг друга и перемешиваясь. Резоны, побуждавшие его исчезнуть, были очевидны, мотивы, обязывавшие вернуться, — смутны и туманны, но именно отливная волна последних заставила его с огромной неохотой, мысленно проклиная все на свете, устремиться назад, к отряду ищущих его псов и священников.

Несмотря на то что он был с ног до головы обмазан глиной, Кейл старался держаться от собак с подветренной стороны, не отставая от преследователей больше, чем на полмили. Часа через два, как он надеялся, Искупители приостановят поиски и направятся к Святилищу. Кейл понимал, что так просто они не сдадутся, что это была лишь первая вылазка в надежде поймать беглецов по горячим следам. Обычно она увенчивалась успехом, но если за первые тридцать часов никого найти не удавалось, поиски возобновлялись, и тогда уже высылались не менее пяти отрядов, которые продолжали охоту до бесконечности. Впрочем, до бесконечности искать никогда не приходилось: два месяца были самым долгим сроком, в течение которого послушник когда-либо оставался не пойманным, потом следовало наказание, и оно было ужасным настолько, что не поддавалось никаким описаниям.

Продолжая держать дистанцию и оставаясь с подветренной стороны, Кейл незаметно следовал за Искупителями в течение следующих двенадцати часов, постепенно сближаясь с ними и бдительно следя, не появились ли признаки того, что собаки учуяли его запах. Он дошел с Искупителями до самого Святилища и приблизился настолько, что теперь ему оставалось лишь пристроиться в хвост изнуренного поисками отряда и, накинув на лицо капюшон, в наставшей крошечной тьме войти вместе с ним в главные ворота. Никакой проверки у входа не было. Да, в конце концов, кому придет в голову, что найдется безумец — не важно, мужчина это или мальчик, — который попытается проникнуть внутрь Святилища?

После дня ожидания в потайном коридоре троица тихо сидела в темноте, каждый был предоставлен своим мыслям, одинаково мрачным. Услышав тихий стук в дверь, они подкрались к ней, полные надежды, но и обуреваемые страхом, что это может оказаться ловушкой.

— Что если это они? — прошептал Кляйст.

— Тогда они все равно войдут, — ответил Смутный Генри, и вдвоем мальчики стали осторожно открывать дверь.

— Слава богу, это ты! — с облегчением воскликнул Смутный Генри.

— А вы ожидали кого-то другого? — спросил Кейл.

— Мы боялись, что это могут быть те люди. — Впервые женщина говорила с Кейлом не через стену. Ее голос был мягким и тихим, и если бы кто-то мог видеть в тот момент его лицо, то заметил бы, что на нем отразились удивление и какая-то зачарованность.

— Искупители, которые пришли бы за вами, не стали бы вежливо стучать в дверь.

— А м-может, и с-стали бы, — возразил, запинаясь, Кляйст, — чтобы устроить ловушку.

— Это и так ловушка. — Кейл закрыл дверь.

— Ну, все, с нас довольно, — заявил Кляйст. — Расскажи, что ты делал и сможем ли мы выбраться отсюда живыми.

— Зажги свечу, нам понадобится свет.

Спустя две минуты они уже могли видеть друг друга. Зыбкий свет делал картину почти идиллической: четверо детей, сбившихся в кучку.

— Что это за запах? — спросил Смутный Генри.

Кейл бросил на пол мешок с глиной.

— Если вы обмажете этим одежду и тело с головы до ног, собаки вас не смогут унюхать. А что я делал, я расскажу вам после того, как вы с этим покончите.

В иных частях света то, что последовало, могло бы показаться странным. Девочка, шокированная происходящим, была готова запротестовать, потребовать уединения, но трое мальчиков уже повернулись к ней и друг к другу спинами. Предстать обнаженным перед другим мальчиком считалось непристойностью, которая «взывала к небесам о возмездии», как любил выражаться покойный Лорд Дисциплины. Существовало множество нарушений, за которые небеса сулили суровые кары.

Следуя укоренившейся привычке, мальчики разошлись по темным углам, чтобы раздеться. Оставшейся в одиночестве девочке не было против чего протестовать, поэтому, зачерпнув пригоршню резко пахнущей глины, она тоже отошла в темноту.

— Готовы? — насмешливо спросил Кейл. — Тогда я начинаю.

Пять часов спустя, когда грязно-серый рассвет забрезжил сквозь ночной мрак, Брунт обратился к собравшимся на главной площади пяти сотням людей с собаками и отдал им приказ выступать. Как только они двинулись в путь, еще четыре человека, глубоко натянув на головы капюшоны — как бы от холода, — пристроились в хвост колонны, вышли вместе с ней из ворот и по гаревой дороге направились вниз, на безводную равнину. Там Искупители разделились на группы и разошлись в разные стороны.

Четверка примкнула к колонне, двинувшейся на юг. Приблизительно с час они шли вместе с ней, наряду с остальными подхватывая покающую дорожную молитву, которой руководил Наставник:

— Святой Искупитель!

— ИЗБАВЬ НАС ОТ ГРЕХОВ! — рявкали в ответ сто голосов и еще четыре голоса.

— Святой Искупитель!

— ПОКАРАЙ НАС ЗА НАШИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ!

— Святой Искупитель!

— ОБУЗДАЙ НАШИ СТРАСТИ МИРСКИЕ!

— Святой Искупитель!

— ИЗГОНИ ИЗ НАС...

Так продолжалось, пока они не достигли крутого поворота за ближним холмом Коросты. Здесь сотня голосов лишилась своего четырехголосого довеска.

С крепостной стены Лорд Воитель наблюдал, как пятисотголовая колонна выплыла из тумана и, пройдя милю или две, расщепилась на пять частей. Он стоял на стене, пока последний отряд не скрылся из виду, после чего отправился завтракать; его ждала любимая еда: миска черного рубца и сваренное вкрутую яйцо.

До наступления ночи мальчики могли бы проделать сорок, а то и пятьдесят миль, если бы не Рибба. Красивая, но пышнотелая, она последние пять лет почти совсем не двигалась, переходя лишь от массажного стола к горячей ванне, а от нее — плюс еще четыре раза в день — к обеденному столу, уставленному всевозможными блюдами: тут была и долма в виноградных листьях, и заливные свиные ножки, и пирожки с пряностями, и разная прочая еда для нагуливания веса, какую только можно себе представить. В результате для Риббы пройти без остановки сорок миль было так же несбыточно, как пролететь тридцать. Поначалу Кляйста с Кейлом это только раздражало, и они всячески подгоняли ее, но потом стало ясно, что, сколько ни кричи, сколько ни пугай и даже ни умоляй, бедняжка просто не в состоянии идти быстрее. В конце концов пришлось сделать привал, и Смутный Генри стал пытаться разговорить Риббу, чтобы она рассказала им, как жила день за днем в потайных покоях Святилища.

Это был не просто восхитительный рассказ о роскоши и комфорте, о заманчиво-порочном чревоугодии, о заботливом и ласковом обхождении. Для мальчиков это было нечто непостижимое. С каждой новой подробностью о том, как Риббу и других девочек баловали, нежили, как им во всем потакали, трое послушников все больше озадачивались: почему Искупители так вели себя по отношению к кому-то вообще, а тем более к существам, которые представляют собой «игрушки в руках дьявола»? И какой смысл имеет столь невероятная доброта в свете того чудовищного акта, который свершили над подругой Риббы, жестокости столь фантастической, что даже многие повидавшие на своем веку послушники не могли поверить в способность Искупителей учинить такое?

Потребуется еще много времени, прежде чем каждый из них сможет начать складывать воедино ту ужасную историю, действующими лицами которой были теперь они сами, Рибба и Лорд Воитель. И произойдет это не в последнюю очередь благодаря тому душистому предмету, который Кейл нашел в лотке возле секционного стола, положил в один из своих редко используемых карманов и о котором напрочь забыл.

Но сейчас у них было дело, более неотложное, нежели размышления над участью человечества: им нужно было решить, как остаться в живых, имея при себе обузу в лице красивой, но увесистой и неповоротливой Риббы. В тот день они преодолели всего десять миль, что потребовало концентрации всей силы воли от Риббы, для которой прежде самой тяжелой работой было поднести ко рту кусочек жареного цыпленка или перевернуться на массажном столе, чтобы в ее гладкую кожу со всех сторон втерли благовония и жирные мази. Излишне говорить, что героические старания Риббы не были по достоинству оценены мальчиками. Обессиленная, она заснула прямо на земле, как только они остановились на ночевку, а послушники, поглощая сушеное мясо, приготовленное Кляйстом, принялись обсуждать, что с ней делать.

— Давайте оставим ее здесь, а сами убежим, — предложил Кляйст.

— Она же умрет, — возразил Смутный Генри.

— А мы оставим ей воды. Давайте рассуждать здраво: от голода она умрет не скоро. — Кляйст окинул взглядом пышное тело девочки.

— Если мы будем передвигаться с ней такими темпами, она все равно погибнет, — заметил Кейл не столько из желания что-то доказать, сколько ради констатации факта.

Смутный Генри попробовал пустить в ход лесть:

— Я так не думаю, Кейл. Смотри, ты сумел совершенно задурить головы Искупителям.

Они думают, что мы ушли на много миль вперед. Возможно, считают, что нам кто-то помог, раз нам удалось так легко улизнуть.

— Кой черт стал бы нам кто-нибудь помогать против Искупителей? — вставил Кляйст.

— Это не важно! Важно, чтобы они думали, что мы уже далеко. Они еще долго не сообразят, как нам это удалось, если вообще сообразят. Так что мы можем себе позволить идти медленно.

— Лучше бы нам себе этого не позволять, — сказал Кейл.

— При такой нашей скорости они нас быстро поймают, — подхватил Кляйст. — Чтобы сбить их со следа, потребуется нечто большее, чем фокус с этим барсучьим дерьмом.

— Мы уже через столько всего прошли, чтобы ее спасти... Вряд ли мы можем теперь позволить ей умереть, — сказал Смутный Генри.

— Можем, — возразил Кляйст. — Самое милосердное, что мы можем сделать, это перерезать ей горло, пока она спит. И для нее будет лучше, и для нас.

Кейл коротко вздохнул — не то чтобы с сожалением.

— Генри прав, — сказал он. — Какой смысл позволить ей умереть сейчас?

— Какой смысл?! — закричал, выходя из себя, Кляйст. — Смысл в том, тупые ублюдки, что тогда мы сможем убежать. Освободиться. Навсегда.

Остальные двое промолчали — возразить было нечего.

— Давайте проголосуем, — предложил Смутный Генри.

— Нет, давайте не будем голосовать. Лучше включим мозги.

— Будем голосовать, — распорядился Кейл.

— Зачем? Вы ведь уже все решили. Будем и дальше волочить на себе девчонку.

Повисла зловещая тишина.

— Есть еще кое-что, что мы должны сделать, — сказал наконец Кейл.

— Да? И что же это такое? — проворчал Кляйст. — Пойти насобирать гусиных перьев, чтобы сделать матрас для этой жирной соплюшки?

— Говори тише, — попросил Смутный Генри.

Кейл проигнорировал вспышку Кляйста.

— Мы должны решить, кто сделает это, если Искупители нас поймают.

Вопрос был неприятный, но все понимали, что Кейл прав. Никому из них не хотелось снова оказаться в Святилище живым.

— Давайте тянуть соломинку, — предложил Смутный Генри.

— Тут нет никакой соломы, — угрюмо заметил Кляйст.

— Тогда камешки. — Смутный Генри отошел, пошарил вокруг и через минуту вернулся, протянув на ладони три камешка разных размеров. Двое остальных согласно кивнули. — Кто вытянет самый маленький — тот проиграл. — Он спрятал камешки за спиной, потом протянул вперед левый кулак.

Наступила пауза — подозрительный по обыкновению Кляйст не желал выбирать первым. Пожав плечами, Кейл закрыл глаза и вытянул руку ладонью вверх. Смутный Генри, так, чтобы Кляйст не видел, уронил один камешек в ладонь Кейла, тот сжал его в кулаке и только после этого открыл глаза. Тогда Генри за спиной положил оставшиеся камешки один в одну, другой в другую руку и вытянул вперед обе. Кляйст по-прежнему не хотел делать выбор первым.

— Ну же, давай, — с необычным для него раздражением сказал Смутный Генри.

Кляйст с большой неохотой дотронулся до правого кулака Генри и закрыл глаза.

Теперь у каждого было по камешку.

— На счет три. Раз, два, три.

Мальчики одновременно разжали кулаки. Самый маленький камешек оказался у Кейла.

— Ну, по крайней мере, теперь можно быть уверенным, что все будет сделано как следует.

— Зря беспокоишься, Кейл. Я зарезал бы тебя, не моргнув глазом, — сказал Кляйст.

Кейл посмотрел на него с едва заметной улыбкой.

— Что вы делаете? — Рибо, как оказалось, проснулась и наблюдала за мальчиками.

Кляйст обернулся и, окинув ее многозначительным взглядом, ответил:

— Обсуждаем, кого съесть первым, когда у нас закончится еда. — Его красноречивый взгляд говорил, что ответ на этот вопрос очевиден.

— Не слушай его, — сказал Смутный Генри. — Мы просто решали, кому первому нести караул.

— И когда моя очередь? — спросила Рибо.

Все трое послушников были удивлены ее вызывающе-раздраженной интонацией.

— Тебе нужно как можно дольше отдохнуть, — ответил Смутный Генри.

— Я готова дежурить наравне со всеми.

— Разумеется. Через несколько дней, когда немного пообвыкнешь. А пока нам нужно, чтобы ты как можно больше отдохнула. Ты же понимаешь, что так будет лучше для всех.

С этим трудно было спорить.

— Хочешь поесть? — спросил Смутный Генри, протягивая ей кусочек сушеной крысятны. Аппетитным он не выглядел, тем более для девочки, воспитанной на сливках и пирожных, пирогах с курятиной и вкусных мясных подливках. Но она была очень голодна и спросила:

— А что это?

— М-м-м... Мясо, — смутно ответил Смутный Генри.

Он придвинулся поближе и сунул кусок ей под нос.

«Мясо» пахло так, как и должна пахнуть дохлая крыса. Нежный носик девочки невольно сморщился от отвращения.

— Нет, — сказала она и быстро добавила: — Спасибо.

— Ей полезно немного поголодать, — пробормотал Кляйст себе под нос, но достаточно громко, чтобы девочка услышала.

Однако у Рибы и в мыслях не было, что она хоть в чем-то несовершенна. Ей ведь внушали это всю ее жизнь, так что замечание Кляйста вовсе не показалось ей оскорбительным, хотя она догадывалась, что оно отнюдь не дружелюбно.

— Я подежурю первым, — сказал Кейл. С этими словами он развернулся и отправился на вершину ближайшего скального струпа.

Двое других мальчиков улеглись на землю и в тот же миг уснули. А вот Рибо никак не могла удобно улечься и вскоре начала тихо всхлипывать. Кляйст и Смутный Генри этого не слышали, они спали как убитые. До Кейла же там, наверху, ее плач доносился отчетливо, и он внимательно прислушивался к нему, пока наконец и девочку не сморил сон.

На следующее утро мальчики, как обычно, проснулись в пять часов, но объявлять общий подъем было незачем.

— Пусть спит, — распорядился Кейл. — Чем больше она отдохнет, тем лучше.

— Если бы не она, мы были бы уже за восемьдесят, а то и за сто миль отсюда, — проворчал Кляйст.

У его ног острием в землю вонзился нож. Кляйст вздрогнул.

— Я взял его у Искупителя Пикарбо. Можешь перерезать ей глотку, если хочешь, только перестань ныть, — безо всякого раздражения, по-деловому сказал Кейл.

Кляйст уставился на него холодным, неприязненным взглядом. Потом отвернулся. Смутный Генри с тревогой пытался понять, действительно ли Кляйст готов убить девочку, а может, и обратить нож против Кейла, — или ему просто нравилось постоянно брюзжать. Во всяком случае, Кейлу достало ума ничем не выдать своей победы, он просто продолжил:

— У меня есть идея. Вероятно, эту проблему с девчонкой удастся обернуть в свою пользу. — Кляйст угрюмо повернулся к нему спиной, но было видно, что он слушает. — Раз мы не можем оторваться от Искупителей, а их поисковые отряды находятся к востоку и западу от нас, то лучше нам самим идти по их следу, чтобы быть уверенными, что мы ненароком не напоремся на них.

Наклонившись, он вытащил из земли нож и стал чертить им на песке.

— Если Генри с девочкой будут следовать на юг по прямой со скоростью не больше двенадцати миль в день, то мы с Кляйстом всегда будем почти точно знать, где они в данный момент находятся. Кляйст пойдет на запад, я — на восток, пока не увидим два ближайших отряда. — Он жестом указал на прямую линию, означавшую маршрут Генри и Рибы. — Если мы заметим, что какой-то из отрядов, совершая маневр, может пересечь эту линию, мы вернемся и направим Генри с Рибой в другую сторону.

Задумчивый вид Кляйста выражал сомнение:

— Предположим, ты вернешься, чтобы увести их в безопасном направлении. Как я найду вас, если мы не встретимся в условленном месте?

Кейл пожал плечами.

— Тогда тебе придется самому решать, искать ли нас или в одиночку добираться до Мемфиса. Жди нас там столько, сколько сочтешь возможным.

Кляйст шмыгнул носом и отвернулся. Это можно было счесть за подобие согласия.

— Тебе такой план подходит? — спросил Кейл у Генри.

— Да, — ответил Смутный Генри. — Мне нужно выспросить у девочки кучу вещей.

Пять минут спустя, поделив пищу и воду, Кляйст и Кейл двинулись один на восток, другой на запад. Еще через пять минут они исчезли из виду.

Смутный Генри завтракал, сидя на земле и разглядывая безмятежно спящую девочку: ее прекрасную светлую кожу, алые губы, длинные ресницы. И час спустя, когда она проснулась, он продолжал все так же восхищенно смотреть на нее. Поначалу девочка испугалась, увидев, что Смутный Генри, сидя рядом, всего в каких-нибудь трех футах, не сводит с нее взгляда.

— Тебе никто никогда не говорил, что неприлично разглядывать человека в упор?

— Нет, — честно признался Генри.

— Ну так знай, что это так.

Генри опустил глаза и только теперь почувствовал неловкость.

— Прости, — сказала Рибя. — Я не хотела быть строгой.

Смутный Генри тут же забыл о неловкости и рассмеялся.

— Что смешного? — снова рассердилась она.

— Для нас «строгость» — это когда Искупители выволакивают тебя перед пятью сотнями людей и подвешивают.

— Как это, подвешивают?

— За шею. Ну, знаешь — как Повешенного Искупителя.

— Кто такой Повешенный Искупитель?

От такого вопроса Генри онемел. Он смотрел на нее так, словно она спросила, что такое солнце или умеют ли животные разговаривать. Он довольно долго молчал, но в голове его неотступно стучали молоточки: что бы все это могло значить?

— Повешенный Искупитель — это сын Лорда Творения. Он пожертвовал собой, чтобы своей кровью смыть наши подлые грехи.

— Вот это да! — сказала она. — А зачем?

Крайнее изумление, отразившееся на лице Генри, заставило ее тут же пожалеть о своей реакции.

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Просто это такая странная идея.

— Какая идея? — переспросил Смутный Генри. У него даже челюсть отвисла от удивления.

— Ну... какие такие грехи? Что ты, например, сделал?

— Я родился грешным. Все рождаются, полные мерзкого греха.

— Что за смешная мысль!

— Смешная?

— Ну как может младенец совершить нечто неправильное, а тем более ужасное? — Они оба помолчали. — И почему что-то надо смывать кровью?

— Это символ такой, — ответил Генри, словно бы оправдываясь и одновременно

удивляясь: а действительно — почему?

— Это я понимаю, я не дура, — сказала она. — Но зачем? Зачем надо использовать кровь в качестве символа чего бы то ни было?

По натуре Смутный Генри был из тех, кто ничего не принимает на веру и обо всем размышляет. Но то, о чем он сейчас говорил, давно и настолько сделалось частью его самого, что девочка с таким же успехом могла спросить, зачем ему руки или глаза.

— А где остальные? — спросила она.

Генри, все еще потрясенный услышанным, рассеянно ответил:

— Они ушли.

— И оставили нас?! — Глаза Рыбы тревожно расширились.

— Только на несколько дней. Они будут следовать за Искупителями по бокам от нас, чтобы мы на них не напоролись.

— А как они нас потом снова найдут?

— Ребята отлично умеют выслеживать, — уклончиво ответил Генри.

— Не понимаю, — удивилась Роба. — Мне кажется, вы говорили, что почти никогда не покидали Святилища.

— Гм-м... Пора идти. По дороге все объясню.

Искупитель Боско поднял трость и дважды стукнул в дверь.

Прошло почти полминуты, прежде чем она отворилась, но Боско не выказал ни малейших признаков нетерпения, да и вообще никаких эмоций. Наконец на пороге перед Лордом Воителем предстал высокий человек, тоже Искупитель.

— Вам назначено? — спросил он.

— Не валяй дурака, — ответил Боско сухо и властно. — Вышний Искупитель попросил меня прийти. Я — здесь.

— Вышний Искупитель повелевает, он никого ни о чем не просит...

Боско отстранил его и прошел внутрь.

— Скажи ему, что я здесь.

— Он недоволен вами. Я никогда не видел его таким разгневанным.

Боско проигнорировал это замечание, тогда высокий мужчина направился к внутренней двери, постучал и вошел. Последовала пауза, затем дверь снова открылась, длинный появился в проеме и, улыбаясь, хотя ничего приятного эта улыбка не предвещала, сказал:

— Он готов принять вас прямо сейчас.

Боско прошел в дальнюю комнату. В Святилище нигде не было светло, но в этом помещении даже привыкшие к полумраку глаза Лорда Воителя поначалу почти ничего не могли разглядеть. Были здесь, однако, не только забранные ставнями маленькие окна и гобелены в мрачных тонах, пересказывающие древние истории ужасных мученичеств. Казалось, сердцевина этой тьмы находилась в углу, где угадывалась кровать. На ней, обложенный минимум дюжиной подушек (хотя, вероятно, они не отвечали бы нашим представлениям о комфорте и мягкости), полулежал мужчина. Его лицо Боско разглядел, только когда подошел почти вплотную. Кожа, бледная до белизны и свисающая на шее и щеках бесконечными дряблыми складками. Глаза водянистые, словно свет разума давно покинул их. Но, когда человек заметил Боско, что-то сверкнуло в них, некий блеск, исполненный ненависти и коварства.

— Ты заставил меня ждать! — сказал Вышний Искупитель голосом слабым, но отчетливым.

— Я пришел, как только смог, Ваша Милость.

— Когда я вызываю тебя, Боско, ты должен тотчас бросить все и явиться немедленно, черт возьми. — Он рассмеялся. Этот чрезвычайно неприятный смех из всех обитателей Святилища не нервировал, пожалуй, только Боско. Звук был мертвый, оживляли его лишь гнев и злоба.

— Зачем вы хотели видеть меня, Ваша Милость?

Вышний Искупитель с минуту молча смотрел на него.

— Этот мальчик, Кейл...

— Да, Ваша Милость?

— Он одурачил тебя.

— Как так, Ваша Милость?

— У тебя ведь были свои планы на него.

— Вам известно, что так оно и есть, Ваша Милость.

— Его нужно вернуть.

— Наши мнения полностью совпадают, Ваша Милость.

— Вернуть и наказать.

— Разумеется, Ваша Милость.

— А потом повесить и четвертовать. — На это Боско ничего не ответил. — Он убил Искупителя и должен умереть.

Боско немного подумал.

— Мое расследование показало, что в убийстве виновны двое других послушников. Похоже, они принудили Кейла бежать с ними. Они были вооружены, он — нет. Если это так, то Кейла следует только примерно наказать. Четвертование представляется мне излишним. Что касается двух других, учитывая их вину, — иное дело.

Вышний Искупитель презрительно фыркнул, звук этот легко можно было принять за спазм удушья.

— Ха! Жалость тебе совсем не свойственна, Боско. В тебе говорит тщеславие. Какая разница, кто именно из них убил Пикарбо. Господи, да я готов сжечь вместе с ними весь их дортуар.

Вышний Искупитель позволил себе слишком возбудиться и теперь захлебывался слюной. Он жестом указал на чашку с водой, стоявшую на прикроватном столике. Боско не спеша, стараясь выиграть время, подал ее старому священнику. Вышний Искупитель долго и шумно глотал воду, потом протянул обратно обслюнявленную чашку. Боско с нескрываемым отвращением поставил ее на столик.

Свистящее дыхание Вышнего Искупителя стало постепенно успокаиваться и наконец пришло в норму. Зловещий блеск в глазах, однако, лишь усилился.

— Расскажи мне об этом деле, которым занимался Пикарбо.

— Деле?

— Да, деле, Боско, о деле Лорда Дисциплины, свидетельства которого, включая выпотрошенную шлюху, нашли в его покоях.

— Ах, об этом, — задумчиво сказал Боско.

— Ты думаешь, раз я стар и болен, то не знаю, что здесь происходит? Что ж, ты ошибаешься не впервой. Как бы я ни был болен, тебе меня не перехитрить, Боско.

— Никому находящемуся в здравом уме не пришло бы в голову недооценивать вашу мудрость и опыт, Ваша Милость, но... — Боско печально вздохнул. — Я надеялся избавить вас от отвратительных подробностей того, что мы нашли в покоях Искупителя Пикарбо. Было бы очень жаль, если бы правление столь славное, как ваше, оказалось омрачено чем-то подобным.

— Я слишком стар для лести, Боско. Я желаю знать, что он с ней делал. Ведь не просто же он ее трахал, правда?

Даже Боско, человека, которого трудно было чем-либо смутить, покорило это слово. Нужно понимать, что такая прямота выражений была неслыханной, о подобном, если и упоминали, то иносказательно, как о зверстве или уродовании, да и то редко.

— Вероятно, что-то помутилось у него в душе. Зло всегда на страже, Ваша Милость. Возможно, ему просто доставляло удовольствие придумывать новые наказания для послушников. За ним и раньше это замечали.

Вышний Искупитель хрюкнул.

— Как ему удалось добраться до девчонки?

— Пока мне это выяснить не удалось. Но у него было много ключей. Только вам и мне позволено задавать вопросы о Лорде Дисциплины. Это потребует времени.

— Он не мог сделать это без посторонней помощи. Речь может идти не просто о зверстве, но о ереси.

— Эта мысль и мне приходила в голову, Ваша Милость. В Доме Особого Назначения сейчас изолированы двадцать его приближенных. Те, что выше рангом, отрицают — пока отрицают, — что знали хоть что-то, а вот рядовые Искупители признают, что по приказу Пикарбо создавали расширенный кордон вокруг монастыря, замуровывая дальние ответвления коридоров. При этом никто ничего не мог заподозрить — в конце концов, монастырь и так полностью изолирован от рядовых Искупителей. Предполагалось, что никто никогда не мог увидеть лиц девушек. Чтобы замаскировать истинную причину своей деятельности, Пикарбо велел перенести кухню и прачечную, предназначенные для высшего состава Искупителей, внутрь кордона. Все сообщение осуществлялось через большой Барабан. Поскольку Лорд Провианта и Магистр Стирки входили в ближний круг небольшой группы еретиков, созданной Пикарбо, ему ничего не стоило получать еду и все прочее.

— Но ведь мы начали распечатывать старые коридоры в радиусе мили. Моллой рано или поздно должен был бы все обнаружить.

— К сожалению, Магистр Исправлений был одним из них.

— Боже милостивый! Этот ничтожный муравей, этот ханжа Моллой помогал превращать Святилище в дом терпимости? — Вышний Искупитель откинулся на подушки, задыхаясь от чудовищной гнусности услышанного. — Необходимо очищение, отныне и до конца года следует проводить Акты Веры, нужно избав...

— Ваша Милость, — перебил его Боско, — совершенно очевидно, что целью этого гарема было обезображивание. Я даже не уверен, что это был гарем — скорее, место изоляции. Из того, что мне удалось понять, расшифровывая его записи, Пикарбо, сколь бы он ни был безумен, что-то искал, что-то сугубо специфическое.

— Что он мог найти в потрохах жирной шлюхи?

— Пока не знаю, Ваша Милость. Очищение, может, и потребуется, притом тотальное, но следует подождать, пока я докопаюсь до дна этой истории, прежде чем возжигать свечи Богу.

Возжигание свечей Богу, разумеется, не имело никакого отношения ни к воску, ни к фитилям.

— Поберегись, Боско. Ты думаешь, что знаешь все лучше всех, но я знаю... — Вышний Искупитель ткнул пальцем в Боско и повысил голос: — ...Я ЗНАЮ, что в знании — корень всех зол. Эта сука Ева захотела узнать, что и как, и именно это навлекло грех и смерть на всех нас.

Боско выпрямился и направился к двери.

— Искупитель Боско!

Боско обернулся и посмотрел на сморщенного старого священника.

— Когда ты поймал Кейла, он должен быть казнен. И приказ на сей счет я издам сегодня же. А ты и думать забудь копаться в дерьме Пикарбова распутства. Просто уничтожь всех, кто имел к нему отношение. И мне плевать, если среди них окажутся невинные. Мы не можем допустить ни малейшей возможности ереси. Сожги их, и пусть Бог разбирается, кто из них виновен, а кто нет. Невинные получают воздаяние в виде вечной жизни.

Найдись тут сторонний наблюдатель, от взгляда которого ничего не могло бы укрыться, он непременно заметил бы, как во взгляде Лорда Воителя промелькнула некая вспышка — словно бы он что-то обдумал и принял решение. Но то могла быть просто игра скудного освещения. Боско сделал несколько шагов к кровати, наклонился, как будто хотел взбить подушки, но вместо этого взял одну из них, аккуратно положил ее на иссохшее старческое лицо и плотно прижал. Все это было сделано так быстро и четко, что Лорд Вышний Искупитель, перед тем как подушка закрыла ему рот, лишь на малую долю секунды осознал, что происходит.

Спустя две минуты Боско вышел из спальни. Длинный Искупитель тут же вскочил, чтобы идти к хозяину.

— Он заснул во время разговора. Совсем не похоже на Вышнего Искупителя. Может, тебе стоит пойти проверить?

Боско не только умертвил Вышнего Искупителя, он солгал ему. Он не рассказал ему ни об истинных масштабах Пикарбовой коллекции молодых женщин, ни о своих растущих подозрениях касательно цели гнусных экспериментов покойного Искупителя. Потребуется время, чтобы обдумать, что делать с этими женщинами, но в положенный срок они сыграют чрезвычайно полезную роль, став необходимым предлогом для следующего шага Боско к полному контролю над Святилищем и наглядным уроком для Кейла по его возвращении.

На третий день Кейл догнал Искупителей и видел, как они повернули на запад, что уводило их от Смутного Генри и Рыбы. А еще через день они повернули назад, на восток, и это опасно приближало их к несчастной паре. За все то время, что Кейл следовал за Искупителями, надеясь, что они снова повернут в безопасном направлении, произошел только один действительно необычный эпизод.

Кейл приближался к одному из холмов Коросты — обрушившемуся, с неровными склонами. Завернув за уступ, он столкнулся с человеком, который шел в противоположную сторону. От неожиданности Кейл едва устоял на ногах на зыбком галечнике, но и встречный, находившийся на склоне, за неимением точки опоры не удержался и рухнул на спину, глухо шмякнувшись о землю.

Это дало Кейлу время достать нож, который он стащил у Лорда Дисциплины, и встать над поверженным мужчиной, который был теперь в его власти. Мужчина, однако, быстро оправился от удивления и, крича, сел. Кейл помахал у него перед глазами ножом, ясно давая понять, чтобы тот оставался на месте.

— Так-так, — с устало-приветливым видом сказал мужчина. — Сначала ты вонзаешься в меня на полном ходу, а теперь хочешь перерезать мне горло? Не очень-то это дружелюбно.

— Дружелюбным меня никто не называет. Что ты здесь делаешь?

Мужчина рассмеялся:

— Что все делают в Коросте? Пытаюсь из нее выбраться.

— Два раза я спрашивать не буду.

— Не думаю, чтобы это было твое дело.

— Нож у меня, так что я решаю, что мое дело, а что нет.

— Резонно. Можно мне встать?

— Ты останешься пока там, где сидишь.

Совершенно очевидно, что мужчина, явно повидавший на своем веку немало необычного, был озадачен появлением столь юного и столь самоуверенного субъекта посреди Коросты.

— Похоже, ты забрался далеко от дома, малыш, не так ли?

— Не беспокойся обо мне, дедуля, беспокойся лучше о себе, иначе тебе придется до конца жизни ковылять с палкой.

Мужчина рассмеялся.

— Ты ведь послушник Искупителей, не так ли?

— Тебе-то какое дело?

— Да, в общем, никакого. Просто, когда мне несколько раз доводилось видеть послушников, они ходили строем по две сотни, и за ними присматривали дюжины две Искупителей с кнутами. Никогда не встречал послушника, который гулял бы сам по себе.

— Что-то всегда случается впервые, — ответил Кейл.

Мужчина улыбнулся:

— Да, наверное.

Он протянул руку.

— ИдрисПукке, — представился мужчина. — В настоящий момент на службе

гауляйтера Хинкеля.

Кейл не принял его руки, и ИдрисПукке, пожав плечами, опустил ее.

— Возможно, ты не так юн, как кажешься. В этих краях Действительно следует проявлять осторожность.

— Благодарю за совет.

ИдрисПукке снова рассмеялся.

— А ты не склонен к компромиссам, мальчик, да?

— Да, — бесстрастно подтвердил Кейл. — И не называй меня мальчиком.

— Как пожелаешь. А как мне тебя называть?

— Тебе никак не нужно меня называть. — Кейл кивком указал на запад. — Ты пойдешь туда. Только попробуй последовать за мной, ИдрисПукке, и ты увидишь, *насколько* бескомпромиссным я могу быть.

Кейл жестом разрешил ему встать, и ИдрисПукке встал. Несколько секунд он смотрел на Кейла, словно обдумывая, что ему делать. Потом вздохнул, повернулся и двинулся в направлении, указанном Кейлом.

В течение следующих двенадцати часов Кейла одолевали сомнения, вызванные встречей с ИдрисомПукке. Не был ли тот, например, переодетым Искупителем? Не похоже. Слишком уж он жизнерадостен для Искупителя. Наемный охотник? Тоже не верится. Искупители не посвящали чужаков в дела, подобные этому. С другой стороны, речь шла об убийстве Лорда Дисциплины, преступлении столь неслыханном, что Искупители для поимки убийцы могли предпринять меры, из ряда вон выходящие.

На этом предположении Кейл и остановился, продолжая следовать за отрядом Искупителей в надежде, что те сменят направление. День спустя они так и сделали, снова повернув на запад. Обычно после такого маневра охотники по крайней мере сутки не меняли направления, так что у Кейла было время вернуться к остальным. Если, конечно, удастся их найти.

Через двенадцать часов пути он дошел до пересечения с маршрутом, намеченным для Генри и девочки, но оказался, судя по всему, милях в десяти впереди них. Поэтому, чтобы не разминуться, Кейл пошел им навстречу, стараясь держаться как можно незаметней — из опасения столкнуться с другим отрядом Искупителей, за которым, как предполагалось, наблюдал Кляйст.

Всего через несколько часов он нашел всю троицу в обширной низине посреди двух десятков изувеченных тел, иные из которых были искромсаны в мелкие куски. Товарищи заметили его на расстоянии сотни ярдов и ждали, не шевелясь, пока он к ним подойдет, пробравшись между останками мертвецов. Подойдя, Кейл кивнул.

— Искупители движутся на запад, — сказал он.

— Последний раз, когда я видел своих подопечных, они шли на восток, — отчитался Кляйст.

Повисла тишина.

— Есть какие-нибудь соображения о том, кто они? — Кейл кивком указал на убитых.

— Нет, — ответил Смутный Генри.

— Их убили, похоже, день назад, — предположил Кляйст.

Риба пребывала в таком же шоке, как тогда, когда Кейл спас ее от Пикарбо. Ее остановившийся взгляд словно бы говорил: все это неправда.

— Сколько вы уже тут? — мягко спросил Кейл.

— Минут двадцать. С Кляйстом мы встретились по пути часа два назад.

Кейл понимающе кивнул.

— Надо бы поискать, что от них осталось. Кто бы это ни сделал, едва ли он оставил много, но какие-никакие трофеи найти могут.

Мальчики принялись осматривать останки. Время от времени находились случайная монета, пояс, рванный плащ. Потом Смутный Генри заметил что-то золотое в песке возле отсеченной головы и начал разгребать песок, но оказалось, что это всего лишь медный

кастет. Генри был разочарован, хотя каскет вполне мог пригодиться.

— Помогите! — застонала вдруг отсеченная голова.

С криком ужаса Генри отскочил назад.

— Она разговаривает! Она разговаривает!!! — закричал он.

— Что? — раздраженно переспросил Кляйст.

— Голова. Она разговаривает.

— Помогите, — снова простонала голова.

— Видите?! — сказал Смутный Генри.

Кейл с ножом в руке осторожно приблизился к голове и острием легонько ткнул ее в макушку. Голова опять застонала, но глаз не открыла.

— Они закопали его по шею, — догадался Кейл, немного подумав.

Мальчики, которым человеческая жестокость была не в новинку, осознав, что не произошло ничего сверхъестественного, без ужаса смотрели теперь на погребенного по шею человека и думали, что с ним делать.

— Надо его выкопать, — предложил Смутный Генри.

— Нет, — возразил Кляйст. — Кто бы это ни сделал, он потратил много сил, и я не думаю, что он благосклонно отнесется к тому, кто пустит его работу насмарку. Надо оставить все как есть.

— Помогите мне, — прошептал мужчина.

— Ну? — Смутный Генри вопросительно посмотрел на Кейла.

Тот не ответил, он размышлял.

— Мы не сможем торчать тут целый день, Кейл, — напомнил Кляйст.

Теперь Кейл смотрел куда-то вдаль.

— Да, не сможем, — сказал он наконец. Голос его прозвучал необычно тревожно.

Двое спутников проследили за взглядом Кейла. С вершины ближайшего холма, находившегося ярдах в трехстах, на них взирала цепочка Искупителей. Потом цепочка начала спускаться по склону.

Все трое мальчиков, побледев, застыли в неподвижности. Бежать было некуда. Первой с места тронулась Риба. Она выбежала вперед, чтобы лучше рассмотреть мужчин, направлявшихся к ним.

— Нет. Нет. Нет... — безостановочно повторяла она.

Белый, как мука, Смутный Генри перевел взгляд на Кейла.

— Самый маленький камешек был у тебя, — сказал он.

Кейл уставился на друга ничего не выражающим взглядом. Секундная пауза, и Кейл, выхватив нож, быстро направился к Рибке, которая по-прежнему не отрывала глаз от приближающегося строя.

Когда Кейл схватил ее за волосы и дернул голову назад, обнажив шею девочки, послышался крик Кляйста:

— Подожди!

Рибка обернулась на крик, и Кейл мгновенно опустил нож, но даже в том шоковом состоянии, в каком она пребывала, Рибка не могла не заметить, что происходит нечто странное.

— Кто бы они ни были, это не Искупители, — сказал Кляйст. — Давайте подождем и посмотрим, что будет.

Пока они наблюдали за приближением строя, из-за гребня холма показались еще люди, эти были верхом и вели за собой еще голов тридцать лошадей. Когда они поравнялись с передовым отрядом, пешие тоже повскакали в седла, и не прошло и двух минут, как враждебно настроенные всадники окружили четверку детей. Половина кавалеристов спешила и начала осматривать останки. Остальные, обнажив мечи, молча уставились на подростков.

Один из верховых, глядя на трупы, крикнул:

— Капитан, это посольство из Арнемленда. Вот сын Лорда Парди.

Капитан, здоровенный мужчина на огромной лошади ладоней двадцати в холке, подъехал, спешил и, подойдя к Кейлу, без единого слова так врезал ему по лицу, что мальчик с глухим шлепком рухнул на землю.

— Прежде чем мы тебя казним, я желаю знать, кто приказал это сделать, — сказал капитан.

Испытывая резкую боль в голове и видя мужчину словно сквозь туман, Кейл молчал. Капитан собрался было добавить ему ногой, чтобы взбодрить, но тут заговорил Смутный Генри:

— Господин, мы не имеем к этому никакого отношения. Мы только что сами на них наткнулись. Посмотрите на нас: разве мы могли это сделать? — Генри решил, что лучше всего говорить правду. — У нас на всех только один нож. Как бы мы смогли?

Капитан посмотрел на него, потом на Кейла и все же пнул Кейла в живот.

— Похоже на то. Мы перережем вам глотки не за убийство, а за мародерство.

Он перевел взгляд на маленькую кучку собранных ребятами вещей — из тех, что не взяли убийцы: мешок, тарелка, несколько кухонных ножей, сушеные фрукты и медный кастет.

Генри понял, что дело плохо, и поспешно сказал:

— Один из них еще жив. Мы как раз хотели откопать его. — Он указал на голову уже потерявшего сознание человека, которая сейчас, как никогда прежде, напоминала просто отсеченную голову, торчавшую в пыли.

Солдаты вмиг окружили ее и начали разбрасывать песок и гальку.

— Это Канцлер Випон, — сказал один из них.

Капитан жестом приказал солдатам остановиться, встал на колени перед головой, достал флягу и осторожно влил немного воды в бесчувственный рот. Несчастный закашлялся и выплюнул почти всю воду обратно.

К тому времени один из солдат принес лопаты. В пять минут они освободили тело и положили его на землю. Поочередно прикладывая ухо к его груди, они слушали, бьется ли у него сердце, и внимательно осматривали человека на предмет ран.

— Мы собирались спасти его, — сказал Генри. Кейл лишь недружелюбно смотрел на капитана, лежа в пыли.

— Это вы так говорите. А я знаю только то, что вы — банда грабителей, и у нас нет никаких причин, чтобы не продать девчонку и не убить вас троих.

— Капитан Брамли, дорогой, ты поступаешь неразумно, — воззвал мужской голос из-за оседланной лошади. То, что этот человек не один из них, было ясно по отсутствию на нем формы и по тому, что руки у него были связаны веревкой, другой конец которой был приторочен к седлу.

— Закрой свою большую пасть, ИдрисПукке, — сказал капитан.

Но ИдрисПукке определенно был не из тех, кто беспрекословно выполняет распоряжения.

— Попробуй хоть раз действовать разумно, дорогой капитан. Ты ведь знаешь, что мы с Канцлером Випоном знакомы с незапамятных времен. Думаю, он вряд ли ласково отнесется к тому, кто убьет троих молодых людей, которые пытались его спасти. Как ты думаешь?

Капитан впервые заколебался. Оставив насмешливый тон, ИдрисПукке добавил:

— В любом случае он предпочтет сам принять решение. Это уж точно.

Капитан посмотрел вниз, на бесчувственное тело, уложенное теперь на носилки, — под голову человека уже подсунули свернутое одеяло, — потом снова на ИдрисаПукке.

— Еще одно слово, и, клянусь Богом, я здесь, на месте, выпущу тебе кишки. Ты понял?

ИдрисПукке пожал плечами, но благоразумно, как отметил Смутный Генри, замолчал.

— Грейди! Фог! — крикнул солдатам капитан. — Не отходите ни на шаг от этого горлосранца. И если вам даже просто покажется, что он хочет сбежать, снесите ему его чертову голову.

Капитан Брамли велел просто связать мальчикам руки и позволил им идти, а при необходимости бежать за лошадьми. ИдрисаПукке, однако, в наказание не отвязали от седла и в ответ на его ернические мольбы позволить ему, как девочке, ехать «в объятиях» одного из всадников, сидя впереди него в седле, надавали пинков ногами.

Лагерь разбили приблизительно за полчаса до наступления темноты. Рибу оставили не связанной под надзором всадника, которого Брамли грозно предупредил не прикасаться к ней. Это были суровые мужчины, делавшие много такого, о чем слишком неприятно говорить, однако для большинства из них подобное предупреждение было излишним. Конечно, имелись и такие, кто был бы не прочь надругаться над красивой девушкой, но их было совсем немного, а всех остальных воинов Риб, казалось, обворожила своим щебетаньем и шутками, своим безыскусным флиртом и тем, как она в изумлении, с широко открытыми глазами слушала бесконечные истории, которые они наперебой ей рассказывали.

Несмотря на сочувственные взгляды, которые Риб изредка бросала на мальчиков, она держалась от них в стороне, поскольку ей ясно дали понять, что при малейшей попытке заговорить с ними ее тотчас свяжут.

Теперь вместо нее компанию мальчикам составлял ИдрисПукке: все четверо были привязаны к оси повозки, присоединившейся к отряду всадников вскоре после того, как ребят захватили в плен. Мальчиков накормили — в отличие от ИдрисаПукке, которому вместо отварной солонины и пресных лепешек дали очередного пинка. Они были настолько голодны, что принялись глотать пищу, почти не жуя, как собаки.

— Как насчет того, чтобы поделиться? — спросил ИдрисПукке.

— С какой стати? — ответил Кляйст с набитым ртом.

— Ну, хотя бы в благодарность за то, что я заступился за вас, когда этот ублюдок Брамли хотел скормить ваши кишки прожорливым пескам Коросты.

Кляйст поспешно проглотил остатки еды.

— За то, что было днем, спасибо, а тут — извини.

Двое других оказались более великодушны, пусть Кейл и угостил ИдрисаПукке хлебом лишь потому, что хотел кое о чем его расспросить.

В отличие от мальчиков, ИдрисПукке ел хлеб и ту малость солонины, что выделил ему Смутный Генри, не спеша.

— Ты знаешь что-нибудь об этой резне? — спросил Кейл.

— Я? — отозвался ИдрисПукке. — Сам собирался у вас спросить. — Он тщательно разжевал маленький кусочек хлеба. — Вы правда собирались помочь Випону?

Смутный Генри и Кейл молча переглянулись.

— Мы как раз думали, как поступить, — признался Кейл.

— Очень благоразумно. Всегда хорошенько думайте, прежде чем оказывать кому-то услугу. Это мой вам совет. На месте вашего друга, — он кивнул на Кляйста, — я бы им воспользовался.

— Ты бы остался без ужина, если бы им воспользовались они.

ИдрисПукке тихо рассмеялся.

— Не такой уж равноценный обмен: два кусочка хлеба за три жизни. Я бы сказал, что вы все еще у меня в долгу.

— Но мы ничего не можем для тебя сделать, — заметил Смутный Генри.

— Сейчас — наверное, но в будущем я, вероятно, востребую долг и рассчитываю на ваше благородство.

Кейл рассмеялся.

— А сам-то ты благородный человек?

— Если бы это было не так, ты сейчас не смеялся бы.

Смутный Генри счел за благо сменить тему.

— Как ты думаешь, что они с нами сделают?

ИдрисПукке пожал плечами:

— Отведут в Мемфис. Если Випон выживет, с вами все будет в порядке. — Он улыбнулся. — До тех пор, пока вы будете придерживаться своей легенды.

— А если не выживет? — не унимался Смутный Генри.

— Тут как повезет. Могут отдать под суд, а могут бросить в коллектор.

— А что это?

— Такое место, где о вас напрочь забудут.

— Но мы ничего не сделали, — сказал Кейл.

— Догадываюсь. — ИдрисПукке снова рассмеялся. — Только им это говорить бессмысленно.

— Как ты думаешь, кто убил тех людей?

ИдрисПукке подумал.

— В отдаленных районах Коросты масса хулиганов, но мало кому из них придет в голову нападать на вооруженное посольство Матерацци.

— А это кто?

— Господи милосердный, вас там что, ничему не учили? — Вся троица уставилась на него ничего не выражающими взглядами. — Видимо, так и есть. Семейство Матерацци правит Мемфисом и окружающими его землями до Коросты на севере и до Великой Излучины на юге, о которых, как я вижу, вы тоже никогда не слыхали.

— А Мемфис — как он выглядит?

— Великолепно. Величайшее шоу на земле. Нет ничего такого, чего не было бы в Мемфисе, чего там нельзя было бы купить или продать, нет такого преступления, какое не было бы там совершено, такой еды, какую бы там не едали, таких порядков... — он сделал паузу, — какие бы там не практиковались. Там, пока тебя не убили или не забыли о тебе, живешь в свое удовольствие — разумеется, если у тебя есть деньги.

— У нас их нет, — сказал Кейл.

— Тогда вам надо их раздобыть. В Мемфисе без денег ты не имеешь никакой силы, а если ты ее не имеешь, то очень скоро найдется сила на тебя.

— Что ты...

— Хватит вопросов. Я устал, и мне надоело. Поговорим утром. — Он подмигнул. — Если я еще буду здесь. — С этими словами ИдрисПукке повернулся на бок и через пять минут захрапел.

Мальчики решили, что он пошутил, как это часто уже бывало и каждый раз ставило их в тупик, но, когда они проснулись на следующее утро, ИдрисПукке действительно исчез.

Капитан Брамли был в ярости и принялся жестоко избивать ребят, однако, хотя они почувствовали себя гораздо хуже, ему от этого лучше, похоже, не становилось. Рыба бросилась к капитану и стала умолять его прекратить избиение:

— Зачем бы им помогать ему бежать, если сами они при этом остались? — в отчаянии воззвала она. — Это же глупо!

Мальчики, привычные к несправедливости, стоически молчали, лишь старались прикрыть самые уязвимые места от сапог капитана Брамли. На счастье, тот был, скорее, сквернословом и буяном, нежели искусным садистом, с какими приходилось иметь дело им.

Несправедливость была знакома мальчикам в той же степени, что и обыкновенная вода, не в последнюю очередь по той причине, что, перед тем как приступить к избиениям, священники часто ссылались на жуткое предупреждение Повешенного Искупителя: всякий, обидевший ребенка, будет непременно сброшен в море с жерновом на шее. Когда мальчики только прибыли в Святилище, им часто рассказывали истории и притчи о доброте Святого Искупителя и его особом отношении к молодым; те, кто их окружал, якобы были призваны заботиться о них и делать их счастливыми. Поначалу тот факт, что, вопреки проповеди любви и доброты, их часто избивали ни за что, вызывал у них недоуменное возмущение. Однако с годами противоречие просто перестало существовать, и слова утешения и радости влетали им в одно ухо и вылетали из другого. Это были просто слова, давно утратившие

смысл как для тех, кто их произносил, так и для тех, кому они были адресованы.

Сорвав на мальчиках злобу, Брамли повернулся к сержанту и капралу, с терпеливой обреченностью стоявшим поблизости в ожидании своей очереди.

— Ты! — заорал он сержанту. — Ты, жирный, большой мешок говна! И ты, — он перевел взгляд на капрала, куда более тщедушного человека, — тощий, маленький мешок говна! Отберите десять своих лучших людей и найдите мне этого ублюдка ИдрисаПукке! А если вернетесь без него и живыми, то лучше принесите с собой ужин, оба, потому что, когда я вас отделаю, он вам кровно понадобится.

С этими словами капитан тяжело зашагал к своей палатке, проорав через плечо:

— Продолжайте допрашивать пленных!

Сержант издал глубокий вздох, выразивший все его презрение и усталое раздражение:

— Капрал, ты слышал, что приказал начальник?

Капрал приблизился к мальчикам, которые сидели, прижавшись спинами к колесам повозки и подтянув колени к подбородкам, чтобы защититься от побоев.

— Вам что-нибудь известно о побеге пленного?

— Нет! — зло, но испуганно выкрикнул Кляйст.

— Пленный говорит: нет, — спокойно доложил капрал.

— Спроси, уверен ли он.

— Ты уверен?

— Да, уверен, — ответил Кляйст. — С какой, черт побери, стати стал бы он нам сообщать, куда направляется?

— В этом есть смысл, сержант.

— Да, — утомленно согласился сержант. — Да, есть. — Наступила пауза. — Поднимай седьмой взвод и буди разведчика Калхауна. Через десять минут выступаем.

После этого солдаты разошлись, а мальчики и Рибка остались одни, словно ничего и не было. Опустившись на колени, Рибка смотрела на них с душераздирающей жалостью, которую, по правде говоря, они едва ли были способны оценить. Во-первых, их гораздо больше занимали собственные ушибы и ссадины, во-вторых, то, что Рибка ощущала их боль острее, чем они сами, было недоступно их пониманию. Может быть, за исключением Смутного Генри.

Однажды во время той недели, что они провели вместе в Коросте, Рибка и Смутный Генри набрали на редкий в тех краях ручей, и Генри разделся по пояс, чтобы помыться в нем. В какой-то момент он заметил, что Рибка исподтишка разглядывает его спину, сплошь покрытую шрамами и рубцами. Хотя прежде ему не доводилось сталкиваться с проявлениями женского сострадания, он был, надо признать, смущен и тронут его удивительной силой.

Вскоре и весь лагерь пришел в движение. Пленников накормили овсяной кашей, и все тронулись в путь. Прежде чем Рибку увели, она успела взволнованно шепнуть мальчикам, что через два дня они будут в Мемфисе. Мальчики не могли разделить ее энтузиазма по этому поводу, поскольку не были уверены, что их там ждет радостный прием.

— Старик... ну, тот, которого мы хотели спасти, он умер? — спросил Рибку Кляйст.

— Не думаю.

— Постарайся сделать хоть что-нибудь полезное — узнай точно.

От подобного упрека глаза девочки расширились и стали влажнеть.

— Оставь ее в покое, — вступился Смутный Генри.

— Это еще почему? — огрызнулся Кляйст. — Если он умрет, нас повесят. Не понимаю, почему бы ей не выяснить то, что нам нужно, раз уж она едет в Мемфис верхом, сидя на своей жирной заднице.

Слезы в глазах девочки вмиг высохли от негодования.

— Почему ты все время говоришь, что я толстая? Я и должна быть такой.

— Хватит пререкайся, — раздраженно прервал их Кейл. — Ты — оставь ее в покое. А ты — выясни, что случилось со стариком.

Риба посмотрела на Кейла сердито и возмущенно, но ничего не сказала.

— Марш вперед, иначе — смерть! Марш вперед, иначе — смерть! — выкрикивали капралы угрозу, которая давно утратила всякий реальный смысл, поскольку звучала каждый раз, когда отряд сворачивал лагерь и выступал в поход.

Повозка, к которой были привязаны мальчики, дернувшись, покатилась, и Риба, гневно глядящая им вслед, осталась позади. Позднее в тот же день, однако, она прошла мимо них и, явно все еще обиженная, сказала невзначай, словно это было нечто совершенно неважное:

— Он все еще жив.

Короста внезапно закончилась в сотне метров от ночного лагеря. После песчаника, туфа, камней и неряшливых холмов они вступили в зеленую плодородную долину, уже осваиваемую фермерами: повсюду виднелись хозяйские дома и халупы для рабочих. Из-за изгородей и составленных вместе телег выглядывали люди, чтобы их рассмотреть: отряд солдат с обозом и пленными вызывал у них любопытство, правда, ненадолго — секунд через двадцать все, кроме детей, возвращались к своим занятиям.

Остаток этого и весь следующий день количество домов и людей по мере приближения к Мемфису увеличивалось: появлялись первые деревни, затем городки и наконец пригороды самого Мемфиса. Но только еще через два часа они увидели великую цитадель.

Из-за заторов, образовавшихся на дороге, им пришлось остановиться, и капрал, заметив, с каким изумлением пленники пялятся на панораму города, подъехал к ним на лошади.

— Мощнее этих стен в мире нет. В самом узком месте их толщина пятьдесят футов, а протяженность по окружности — дважды по пять миль.

Мальчики в недоумении посмотрели на него:

— Вы хотите сказать, десять миль? — рискнул спросить Клайст.

Энтузиазм капрала угас, и он, прищипав коня, уехал вперед.

11

Две последние мили до великих ворот Цитадели Мемфиса они двигались сквозь разного рода базары, переходившие один в другой. Непривычные звуки, запахи и краски совершенно ошеломили их, и они взирали на окружающее широко открытыми от восхищения глазами. Для любого путешественника это было впечатление, которое он унес бы с собой и носил бы до самого Дня Мертвых, но для троицы мальчишек, основной едой которых было нечто, заслужившее название «лапти мертвеца», да изредка, для разнообразия, крысытина, то, что им открылось, было подобно раю, только раю такому богатому и причудливому, какого они никогда не могли бы себе вообразить. У них перехватывало дыхание от ароматов тмина и розмарина, смешивавшихся то с тяжелым запахом потного пастуха, продающего коз, то со сложным букетом домашней хозяйки, припахивающей мандариновым маслом; чуть пованивающей мочой и благоухающей розами. Со всех сторон слышались крики и стоны: пронзительные вопли жарящихся живьем попугаев, неистовый мяв любимого блюда гурманов — опускаемых в кипяток кошек, — воркованье жертвенных голубей, лай собак, выращиваемых в окрестных горах для жаривания на вертелах по праздникам; визжали свиньи, мычали коровы, и надо всем этим вдруг — громогласный крик торговца, упустившего щуку, которую он собирался выпотрошить и которая теперь рвалась на свободу, биясь в водосточной трубе. Душераздирающий крик торговца рыбой — и издевательский смех толпы.

Беспрестанные призывы торговцев были малодоступны пониманию мальчиков. «Вервкии-вервкии-кии!» — орал человек, который предлагал, доставая из короба, что-то вроде очищенных от шкуры коровьих хвостов цвета ярко-розовой сахарной ваты. «Саммы-луччи-миррре!» — кричал другой, демонстрируя свои овощи с ловкостью фокусника; они появлялись у него в руках, словно соткавшись из воздуха. — Пыкуппайте майи оввщи! Ах! Спелли поммидомми! Сладккие ан-наннаусы! Покуппайте, ах, мою травуку, мою чуддную

ботанику!»

В некоторых местах прилавками было покрыто не меньше полуакра земли. В одном уголке полуголый старик, прыгая с ноги на ногу, протягивал на тряпице два крапчатых яйца, пытаясь их продать.

Разинув рот и вытаращив глаза, Смутный Генри вертел головой. Слева он заметил вереницу мальчиков, человек девять. Скованных цепью за шеи, их подвели к воротам, охраняемым здоровенными мужчинами в кожаных одеяниях; один из них кивком показал, что можно проходить. Мальчики, казалось, были равнодушны к происходящему, но что по-настоящему испугало Смутного Генри, так это то, что губы у них были покрашены чем-то красным, а веки припудрены нежно-голубым.

Смутный Генри, обратившись к солдату, ехавшему рядом, кивнул на мальчиков, потом на видневшееся сквозь ворота кричаще раскрашенное здание, толпа вокруг которого была еще более плотной, чем на базаре, и спросил:

— А что там?

Солдат взглянул на мальчиков, и его лицо побледнело от отвращения:

— Там — Китти-город. Никогда туда не ходи. — Он помолчал и перевел печальный взгляд на Генри: — Если, конечно, у тебя будет выбор.

— А почему это называется Китти-городом?

— Потому что правит там Китти Заяц. И чтобы ты больше не задавал вопросов, скажу сразу: он — не женщина, и он — не заяц. Держись от него подальше.

Как только они, миновав стражников, вошли непосредственно в город Мемфис, все мгновенно переменялось: после шума и запахов базара они очутились в тишине глубокого прохладного туннеля под стенами. Через тридцать ярдов почти полной темноты им снова открылся свет, и это был совершенно иной мир. В отличие от Святилища, где коричневость и единообразие не позволяли отличить одно место от другого, Цитадель была царством бесконечного многообразия: возле особняка из желтого и пурпурного кирпича высился дворец с остроконечными медными минаретами, тронутыми зеленью; от идеально ровных, тщательно распланированных бульваров, где стволы деревьев были выбелены мелом, разбегались древние кривые проулки — настолько узкие, что и кошка подумала бы дважды, прежде чем направиться туда. На мальчиков почти никто даже и не взглянул — не то чтобы их игнорировали, казалось, их просто не видели. Кроме разве что маленьких ребятишек — кудрявых, золотоволосых, — которые с любопытством взирали на них сквозь изящные кованые ограды городских скверов.

Потом на одной из дорог впереди возникло какое-то оживление, и отряд из двадцати придворных кавалеристов в красной с золотом форме с цокотом выехал на площадь, сопровождая богато украшенную карету. Они направились напрямик к каравану и окружили крытую повозку, где в беспмятстве лежал Лорд Випон. Две широкие дверцы в карете отворились, из нее выскочили трое важных на вид мужчин и, бросившись к повозке, скрылись за ее пологом. Минут пять мальчики стояли под сенью окаймлявших площадь деревьев на прохладном ветру и ждали.

Маленькая девочка лет пяти, ускользнув от заговорившейся матери, подошла к ограде, возле которой стояли послушники.

— Эй, ты, мальчик.

Кейл посмотрел на нее со всем недружелюбием, на какое был способен.

— Да-да, ты.

— Что? — спросил Кейл.

— У тебя лицо, как у свиньи.

— Иди отсюда.

— Ты откуда пришел, мальчик?

Он снова смерил ее неприветливым взглядом:

— Из преисподней, чтобы ночью выкрасть тебя из дома и съесть.

Она с минуту раздумывала над его словами.

— Ты мне кажешься обыкновенным мальчиком. Обыкновенным грязным мальчиком.

— Внешность бывает обманчива, — сказал Кейл.

К тому времени происходящее заинтересовало и Кляйста.

— Вот увидишь, — сказал он девочке, — через три дня мы ночью проникнем к тебе в комнату, но так тихо, что твоя мама ничего не услышит. Мы заткнем тебе рот кляпом, а потом, возможно, съедем прямо на месте. От тебя останутся лишь косточки.

Ее вера в их обыкновенность, судя по всему, была поколеблена, но девочка оказалась не из тех, кого легко напугать.

— Мой папа не позволит вам этого, он вас убьет.

— Нет, не убьет, потому что его мы тоже съедем. Может, даже первым, чтобы ты видела, что тебя ожидает.

Кейл громко рассмеялся и, к радости Кляйста, покачал головой:

— Кончай пугать ее, — сказал он с улыбкой. — А вдруг она доносчица?

— Я не доносчица! — возмутилась девочка.

— Ты даже не знаешь, что такое доносчица, — сказал Кляйст.

— Нет, знаю.

— Тихо! — прошептал Кейл.

Мать девочки наконец обнаружила пропажу дочери и уже спешила к ней.

— Уйди оттуда, Джемима.

— Я просто поговорила с грязными мальчиками.

— Замолчи, отважная ты моя! Ты не должна так говорить об этих несчастных существах. Простите, — сказала она мальчикам. — Извинись сейчас же, Джемима.

— Не буду.

Мать стала оттаскивать девочку от ограды:

— Тогда ты не получишь пудинга!

— А мы? — спросил Кляйст. — Как насчет пудинга для нас?

Впереди началось какое-то движение: это шесть придворных солдат укладывали на носилки Канцлера Випона под присмотром трех важных господ с озабоченными лицами. Канцлера осторожно перенесли в карету. Через минуту карета покинула площадь, и караван медленно двинулся следом за ней.

Три часа спустя они уже были в крепости, где их отвели в камеру, раздели, обыскали и вылили на каждого по ведру ледяной воды, неприятно пахнувшей какими-то незнакомыми им химикалиями. Потом мальчикам вернули одежду, обсыпанную вызывающим зуд белым порошком, и заперли. С полчаса они сидели молча, пока Кляйст не сказал наконец со вздохом:

— Что-то я забыл, чья это была идея. Ах, да, Кейла, конечно.

— Разница между этим местом и Святилищем состоит в том, — откликнулся Кейл небрежно, словно ему не хотелось отвечать, — что здесь мы не знаем, что нас ждет, а если бы остались в Святилище, мы это прекрасно знали бы, и нам оставалось бы только вопить от боли.

С этим было бессмысленно спорить, и несколько минут спустя все трое уже спали.

В течение следующих трех дней Лорд Випон продвигался все ближе и ближе к смерти. Ему давали кучу всяких снадобий и бальзамов, день и ночь жгли рядом с постелью ароматические травы, смазывали раны разного рада настоями. Все эти лекарства оказывались либо бесполезными, либо определенно вредными, так что лишь врожденная жизненная сила и отменное здоровье позволяли ему оставаться в живых, несмотря на все старания самых лучших врачей, каких только мог предоставить Мемфис. И вот когда его наследникам уже объявили, что нужно готовиться к худшему (или лучшему, с их точки зрения), Випон очнулся и хриплым голосом потребовал, чтобы открыли окна, убрали всю эту травяную отраву, а его самого вымыли в кипяченой воде.

Еще через несколько дней, не ощущая больше нехватки свежего воздуха и предоставив

защитным силам организма делать свою работу, он уже сидел и рассказывал, как случилось, что он оказался погребенным по шею в щебне Коросты.

— Мы находились в четырех днях пути от Мемфиса, когда нас накрыла песчаная буря, хотя ураганный ветер нес скорее щебень, чем песок. Буря разбросала отряд, и, прежде чем мы успели перегруппироваться, на нас напали Мужики. Всех поубивали на месте, а меня по какой-то причине решили оставить в том положении, в каком вы меня нашли.

Человеком, которому он это рассказывал, был капитан Альбин, начальник секретной службы Матерацци — высокий мужчина с голубыми, как у девушки, глазами. Эта единственная удивительная черта контрастировала с его внешностью в целом — внешностью человека резкого (казалось, что его лицо и фигура были выкованы из железа) и холодного.

— Вы уверены, — спросил Альбин, — что это были всего лишь Мужики?

— Я не эксперт по бандитам, капитан, но именно это сказал мне перед смертью Парди. У вас есть причины сомневаться?

— Кое-что кажется мне странным.

— Например?

— То, как напали на ваш отряд. Нападавшие действовали слишком организованно, слишком искусно для Мужиков. Мужики — авантюристы, мясники, они редко сбиваются в банды, достаточно крупные, чтобы одолеть хорошо обученных солдат, которые вас охраняли, — даже при том, что их разметало бурей.

— Понимаю, — сказал Випон.

— И еще то, что они оставили вас живым. Почему?

— Едва живым, — уточнил Випон.

— Это правда. Но зачем им было вообще рисковать? — Альбин подошел к окну, выглянул и посмотрел вниз, во двор. — Вас нашли с клочком бумаги во рту.

Випон посмотрел на капитана, и к нему вернулось неприятное ощущение, которое он испытал перед тем, как потерять сознание: он вспомнил, как ему силой разжали зубы и как трудно ему стало дышать.

— Простите, Лорд Випон, вам, должно быть, неприятно это вспоминать. Хотите, я приду завтра?

— Нет. Все в порядке. Что было в бумаге?

— Это было послание, которое вы везли от гауляйтера Хинкеля Маршалу Матерацци с обещанием мира на весь наш век.

— Где оно?

— Граф Матерацци забрал его.

— Оно ничего не стоит.

— Вот как? — задумчиво сказал Альбин. — Вы так полагаете? Это действительно интересно.

— Почему?

— Похоже, они хотели что-то сказать тем, что оставили вас в живых с посланием известной важности, запихнутым в рот.

— Что, например?

— Это не совсем ясно. Возможно, они темнили намеренно. Все это ничуть не похоже на Мужиков — те способны только на насилие и грабеж, а не на политические игры — сколь угодно ясные или темные.

— Но если это было послание, почему бы не сделать его более понятным?

— Нет необходимости. Хинкель считает себя мастером розыгрыша. Его, не сомневаюсь, позабавило бы разыграть подобное нападение на министра двора Матерацци, попутно заставив нас думать, что за этим кроется нечто большее, и тем самым вселив в нас тревогу. — Альбин улыбнулся с показным самоуничижением: — Но вы, в отличие от меня, встречались с ним совсем недавно. Быть может, вы не согласны со мной?

— Совершенно согласен. Он изображал гостеприимного хозяина, но при этом слишком

много подмигивал. Как многие умные люди, он полагает, что все остальные дураки.

— Именно это он наверняка подумал и о нашем посланнике.

Повисла небольшая пауза, и Альбин засомневался: не слишком ли далеко он зашел.

Випон внимательно оглядел его.

— Похоже, вы много знаете, — сказал он многозначительно, однако поощряя Альбина продолжать.

— Много? Хотел бы я, чтобы это было правдой. Однако кое-что действительно знаю. Через несколько дней у меня должна появиться информация, которая позволит, надеюсь, прояснить ситуацию.

— Буду чрезвычайно признателен, если вы будете держать меня в курсе дела. У меня тоже есть источники, которые могут оказаться полезными.

— Разумеется, мой Лорд.

Альбина устраивало такое... скажем, соглашение. Речь шла не о том, можно ли доверять Випону, потому что капитан был уверен: доверять ему нельзя. Мемфисский двор являл собой змеиное гнездо, и тот, кто не обладал жалом, не мог бы занять в нем столь важное место, какое занимал Випон. Было бы неблагоприятно ожидать иного. Тем не менее Альбин чувствовал, что некоторый прогресс достигнут: сейчас на Випона можно положиться, он не предаст его до тех пор, пока это будет в его интересах.

— Есть еще два вопроса, которые я хотел бы с вами обсудить, мой Лорд. Но, разумеется, если вы слишком устали, я могу прийти завтра.

— Нет-нет, продолжайте...

— Вот что еще странно. Брамли обнаружил четверых молодых людей, которые стояли над вами, когда вы... — Он запнулся.

— ...когда я был погребен по шею?

— Ну да.

— Я думал, что мне это приснилось, — сказал Канцлер Випон. — Три мальчика и девочка?

— Да.

— Что они делали?

— О, мы надеялись, что вы нам это скажете. Брамли хочет мальчишек казнить, а девочку продать.

— Зачем, Господи Боже мой?

— Он считает, что они из банды Мужиков, которая на вас напала.

— Она напала на нас минимум за сутки до того, как меня нашли. Что, скажите на милость, они делали бы там двадцать четыре часа спустя, если бы действительно имели отношение к Мужикам?

— Брамли все равно хочет казнить их. Он говорит, мы должны таким образом дать понять, что ждет всякого, кто осмелится напасть на министра двора Матрацци.

— Этот ваш Брамли кровожадный ублюдок.

— О, он вовсе не мой, упаси бог.

— А что говорят сами дети?

— Говорят, что они за несколько минут до того наткнулись на вас и как раз собирались откопать.

— И вы им не верите?

— Никаких признаков раскапывания не было. — Альбин помолчал. — И я бы не назвал их такими уж детьми. Мальчикам лет по тринадцать-четырнадцать, и они весьма крепкие ребята. Девочка же, напротив, выглядит так, будто ее всю жизнь держали в мыльной пене. И что они делали там, посреди Коросты?

— А как они сами это объясняют?

— Говорят, что они цыгане.

Випон рассмеялся:

— С тех пор как Искупители кнутах повигонали их отсюда шестьдесят лет назад, в

наших краях не видели ни одного цыгана. — Он немного подумал. — Я сам поговорю с ними через несколько дней, когда немного оправлюсь. Передайте мне вон ту чашку с водой, будьте другом.

Альбин протянул руку к столу, стоявшему возле кровати, и передал Випону чашку. К этому времени тот заметно побледнел.

— Я покину вас, граф.

— Вы сказали, что хотите обсудить два вопроса.

Альбин задержался.

— Да. Перед тем как найти вас, Брамли поймал ИдрисаПукке, прятавшегося милях в четырех от того места.

— Превосходно, — сказал Випон, в его глазах зажегся живой интерес. — С ним я поговорю завтра.

— К сожалению, он сбежал.

Випон даже задохнулся от негодования и почти минуту молчал.

— Мне нужен ИдрисПукке, — сказал он наконец. — Если когда-нибудь он попадет в ваши руки, приведите его ко мне и никому об этом не говорите.

Альбин согласно кивнул.

— Конечно.

Он вышел из спальни Випона весьма довольный собой.

Шел шестой день плена в мемфисском подземелье, но, несмотря на неопределенность своего положения, мальчики пребывали в хорошем настроении. Их отлично кормили три раза в день — по меркам нормального человека кормили, можно сказать, на убой; они могли спать сколько хотели и спали по восемнадцать часов в сутки, словно отсыпались за всю предыдущую жизнь.

Около четырех часов дня тюремщик отпер камеру мальчиков и впустил Альбина, который один раз уже допрашивал их, а вместе с ним — еще одного человека, явно более важного; лет этому второму было под шестьдесят.

— Добрый день, — сказал Лорд Випон.

Смутный Генри и Кляйст, лежавшие на кроватях, настороженно посмотрели на него. Кейл сидел на своей постели, подтянув колени к груди. Его лицо было закрыто капюшоном.

— Встаньте, когда с вами разговаривает Лорд Випон, — тихо произнес Альбин.

Смутный Генри и Кляйст встали. Кейл не пошевелился.

— Ты, там, под капюшоном! Встать и снять капюшон, или я велю это сделать стражникам. — Голос Альбина звучал по-прежнему тихо, безо всякой угрозы, по-деловому.

После небольшой паузы Кейл прыгнул с кровати, словно очнулся от освежающего сна, и откинул капюшон. Он стоял, уставившись в пол, как будто там, в пыли, лежало нечто, представлявшее для него огромный интерес.

— Итак, — сказал Випон, — вы меня узнаете?

— Да, — ответил Кляйст. — Вы — человек, которого мы пытались спасти в Коросте.

— Правильно, — сказал Випон. — Что вы там делали?

— Мы цыгане, — объяснил Кляйст. — Мы заблудились.

— Какого рода цыгане?

— Ну, какого? Обыкновенного рода, — с улыбкой сказал Кляйст.

— Капитан Брамли считает, что вы хотели ограбить меня.

Кляйст вздохнул:

— Этот капитан Брамли плохой человек, очень плохой. Единственное, что мы сделали, это попытались спасти такую важную персону, как вы, а он заковал нас, как преступников, и бросил сюда. Благодарностью это не назовешь.

В той бесшабашности, с какой Кляйст дерзил важному человеку, стоявшему перед ним, было нечто странное и настораживающее — словно он не только не ожидал, что ему поверят, но не очень и заботился об этом. Такое оскорбительное поведение Випон наблюдал

только у людей, которых сопровождал на виселицу и которые знали, что их уже ничто не спасет.

— Мы действительно собирались вам помочь, — вмешался Смутный Генри. И, разумеется, со своей точки зрения, он говорил правду.

Випон перевел взгляд на Кейла:

— Как тебя зовут?

Кейл не ответил.

— Иди за мной, — сказал Випон, направляясь к выходу. Тюремщик проворно открыл дверь. Випон обернулся: — Иди же, парень. Ты что, столь же глух, сколь и дерзок?

Кейл посмотрел на Смутного Генри, тот кивнул в ответ, словно поощряя повиноваться. Кейл двинулся к двери.

— Капитан Альбин, будьте добры, следуйте за нами, — с этими словами Випон вышел, сопровождаемый Кейлом. Замыкал процессию Альбин, который на всякий случай пальцем освободил защелку ножен своего короткого меча.

Когда дверь снова заперли, Кляйст подошел вплотную к решетке.

— А как насчет меня? Я тоже мечтаю прогуляться, — крикнул он вслед удалявшимся.

Потом мальчики услышали, как открылась и снова закрылась внешняя дверь. Кейл ушел.

— Слушай, — сказал Смутный Генри, — ты уверен, что у тебя все в порядке с головой?

Кейл очутился в симпатичном внутреннем дворе с элегантной лужайкой посередине. Бок о бок они с Випоном двинулись по дорожке, тянувшейся вдоль стен, и некоторое время шли молча. Потом Випон сказал:

— Я всегда исповедовал принцип: никогда не говори лучшему другу того, что ты не готов сообщить своему злейшему врагу. Но что касается тебя, то настал момент, когда лучшая политика — это честность. Я больше не желаю слушать бредни насчет цыган и бредни вообще. Мне нужна правда: кто вы и что делали в Коросте?

— Вы имеете в виду ту правду, которую я сообщил бы своему лучшему другу?

— Я, может, и не лучший твой друг, юноша, но я — твоя лучшая надежда. Скажи мне правду, и, быть может, я великодушно отнесусь к тому факту, что, между тем как девушка и тугодум хотели мне помочь, ты и этот дерьмояд склонялись к тому, чтобы оставить меня умирать.

Кейл открыто посмотрел на него.

— Раз уж мы говорим правду, господин, то, будь вы на нашем месте, разве вы не задумались бы о том, во что ввязываетесь?

— Справедливо. А теперь к делу. И если я почувствую, что ты лжешь, я без лишних разговоров отдам тебя Брамли — так быстро, что овца и хвостом дернуть не успеет.

Кейл немного помолчал, потом вздохнул, словно принял решение, и сказал:

— Трое из нас — послушники Искупителей из Великого Святилища на уступе Перестрельном.

— Ага, вот это похоже на правду, — улыбнулся Випон. — А девочка?

— Мы искали еду в катакомбах — в туннелях и коридорах, которые Искупители задраили, — и наткнулись на нее в месте, о котором никогда в жизни не слыхали. Там были еще и другие.

— Женщины в Святилище? Как странно! Впрочем, может, и нет.

— Нас заметили с девушкой, и у нас не осталось выбора. Пришлось бежать.

— Слишком большой риск, понимаю.

— Если бы мы остались, никакого риска не было бы.

— Именно так. — С минуту Випон, медленно прогуливаясь с пленным по дорожке вокруг двора, размышлял над услышанным, потом спросил: — А почему Короста?

— Это лучшее место, чтобы спрятаться: там нет дальнего обзора, его перекрывают

холмы и эскеры.

— За беглецами Искупители охотятся с собаками. Я видел одну — страшна, как смерть, но нюх фантастический.

— Я придумал, как отвадить их. — Опуская подробности своего двойного побега, Кейл рассказал, как ему это удалось, и многое другое.

Каким бы правдивым ни был рассказ Кейла, звучал он неправдоподобно, что бы ни говорил Випон. Но после полубезумной затеи Кляйста выдать себя и остальных за цыган лучше всего было придерживаться достоверных фактов. Кейлу стало очевидно: все, что Искупители говорили им о цыганах, — ложь. Не было никакого предательского нападения на Святилище со стороны цыган шестьдесят лет назад, якобы в ответ на которое последовала умеренно карательная экспедиция — чтобы проучить их на будущее. Наверняка Искупители просто истребили их всех до последнего ребенка.

— Вы отдадите нас поисковой группе Искупителей?

— Нет.

— Почему?

Випон рассмеялся:

— Хороший вопрос. Для этого у нас нет никаких оснований. Между нами даже не существует дипломатических отношений. Мы общаемся с ними только через посредничество Дуэн.

— Кто такие Дуэны?

— Ты знаешь, что такое наемник?

— Тот, кто убивает за плату.

— Дуэна — это наемник, который за плату не убивает, а ведет переговоры. У нас так мало опыта в общении с Искупителями, что дешевле заплатить кому-то, чтобы тот договаривался с ними от нашего лица. Впрочем, думаю, пришло время перемен. Мы многое упустили, оставаясь в неведении. Вы можете быть очень полезными для нас. В течение ста лет Искупители были заняты войной на Восточных Разломах. Возможно, увеличение числа послушников, о котором ты нам рассказал, означает, что теперь они затевают что-то здесь или в каком-то другом месте. Нам пора узнать об этом побольше. — Випон улыбнулся мальчику: — Ты можешь мне пока доверять, поскольку ты мне полезен.

— Да, — задумчиво сказал Кейл, — вероятно.

К этому времени они снова подошли к двери, ведущей в подземелье. Випон сильно стукнул в нее кулаком, и она мгновенно открылась. Он обернулся к Кейлу.

— Через несколько дней вас переведут в более комфортабельное помещение, а до той поры будут относиться гостеприимнее: вы будете получать приличную еду, и вам позволят прогулки на свежем воздухе.

Кейл кивнул и вошел в дверь, которая тут же за ним захлопнулась.

За спиной у Випона немедленно возник Альбин.

— Как любопытно, мой дорогой Альбин. Он совсем не похож на тех детей, которых мне доводилось знать до сих пор. Если в поисках этих ребят здесь объявятся Искупители, им не следует ничего говорить. И не пускайте их дальше пригородов. Мальчиков содержать под домашним арестом. — С этими словами Випон зашагал прочь, бросив на ходу через плечо: — Приведите ко мне девочку завтра в одиннадцать.

12

— Итак, Роба, — ласково, как добрый учитель, сказал Випон, — значит, до тех пор, пока ты не повстречалась с этими молодыми людьми сразу после того, как Искупитель собирался надругаться над тобой, а один из мальчиков его обезвредил, ты понятия не имела о том, что в Святилище есть мужчины?

— Да, господин.

— И ты прожила там с десяти лет и, по твоим словам, с тобой обращались, как с

маленькой принцессой? Это очень странно, не правда ли?

— Я жила так, как привыкла жить, господин. У нас было почти все, чего мы хотели, и единственным строгим правилом, за нарушение которого полагалось страшное наказание, было — не покидать пределы нашего жилища. Но эти пределы очень широки, а стены настолько высоки, что взобраться на них невозможно. Мы были счастливы.

— Женщины, которые вас опекали, объясняли вам, почему вас лелеют с такой добротой и щедростью?

Риба вздохнула, вспомнив, что этот дивный сон закончился.

— Они говорили, что, когда нам исполнится пятнадцать, нас выдадут замуж, и каждая из нас будет жить в месте, еще более прекрасном, чем Святилище, и мы будем купаться в блаженстве вечно. Но только в том случае, если станем такими совершенными, как от нас требуется.

— Совершенными? В каком смысле? — поинтересовался весьма заинтригованный Випон.

— Кожа у нас должна быть без единого изъяна, волосы блестящие и послушные, глаза большие и сверкающие, щеки румяные, грудь округлая и полная, ягодицы большие и гладкие, и нигде, ни между ног, ни под мышками, ни где бы то ни было еще, кроме как на голове, — ни единого волоска. Мы всегда должны быть предупредительны и очаровательны, и от нас всегда должно пахнуть цветами. Нам не разрешается сердиться, брюзжать или критиковать других людей, мы обязаны всегда быть добрыми, ласковыми и готовыми к поцелуям и нежностям.

И Альбин, и Випон были мужчинами с большим жизненным опытом, они видели и слышали на своем веку много странного, но, когда Риба закончила свой рассказ, ни один из них не нашел что сказать.

Первым наконец заговорил Альбин:

— Возвращаясь к надругательству Искупителя над тобой... Ты никогда прежде его не видела?

— Ни его, ни какого бы то ни было другого мужчину.

— А как вы практиковались в... нежностях, если вы не знали мужчин? — спросил Випон.

— Друг на дружке, господин. — Это еще больше заинтриговало Альбина и Випона. — Мы по очереди исполняли эту роль: притворялись усталыми, сердитыми, кричали, а другие должны были нас успокаивать и ласкать до тех пор, пока нам не становилось хорошо. — Риба взглянула на своих собеседников и поняла, что ее объяснения плохо до них доходят. — А потом... у нас были куклы.

— Куклы?

— Да, куклы-мужчины. Мы их одевали, делали им массаж и обращались с ними, как с королями.

— Понятно, — произнес Випон.

— Нам с Леной... — Риба на секунду запнулась. — Лена — это девочка, которую убил Искупитель... Нам сообщили, что мы избраны, что нас вот-вот увезут и отдадут замуж, и после этого мы всегда будем счастливы. Но вместо этого нас отвели в комнату к тому человеку. Это сделали наши Тетушки — так мы называли женщин, которые нас воспитывали и говорили нам, что мы выйдем замуж. Потом появился тот человек и убил Лену.

— Ваши Тетушки, они знали, что вас ждет?

— Почему они так поступили? Ведь раньше они были столь добры к нам! Наверное, их обманули.

— Не кажется ли тебе странным совпадением то, что ты повстречалась и с этим Искупителем, и с Кейлом в течение одних суток и что Кейл появился как раз вовремя, чтобы спасти тебя? — спросил Альбин, не вполне уверенный теперь, что их не водят за нос, хотя, если так, девочка должна была бы быть незаурядно искусной лгуньей.

— Да, мне это пришло в голову еще тогда: как странно почти одновременно встретить

четверых мужчин после стольких лет, в течение которых мы не видели ни одного. При этом один из них оказался неслыханно жесток, а остальные рисковали собственными жизнями ради меня — человека, которого они совершенно не знали. Это что, в порядке вещей?

— Нет, — ответил Випон, — это весьма необычно. Спасибо тебе, Роба. На сегодня все.

Он позвонил в колокольчик, стоявший перед ним на столе. Дверь открылась, вошла молодая женщина. У нее был вид надменной гордячки, свойственный любой шестнадцатилетней аристократке, — словно она все повидала на своем веку и мало что могло представлять для нее интерес. Однако глаза у нее расширились, когда она увидела Робу с ее густыми темными волосами и невероятно пышными формами. Стоя рядом, они словно бы являли собой представительниц разных биологических видов.

— Роба, это мадемуазель Джейн Вельд, моя племянница. В течение нескольких ближайших дней она будет заботиться о тебе.

Мадемуазель Джейн, все еще в изумлении, слегка кивнула. Роба лишь нервно улыбнулась.

— Альбин, будьте любезны, подождите с Робой за дверью, пока я перекинусь словечком с мадемуазель Джейн.

Альбин жестом учтиво указал Робе на выход, они вышли, и он закрыл за собой дверь.

Випон посмотрел на свою встревоженную племянницу.

— Закрой рот, Джейн, а то так и останешься с отвисшей челюстью.

Мадемуазель Джейн захлопнула рот столь поспешно, что даже было слышно, как лязгнули зубы, но тут же снова открыла его:

— Что, скажи на милость, это за существо?

— Сядь и послушай. И, ради бога, хоть раз сделай так, как тебе велят!

Мадемуазель Джейн неохотно повиновалась.

— Ты должна подружиться с Робой и постараться, чтобы она рассказала тебе все то, что уже рассказала мне, и все, что ты сможешь выведать у нее сверх того. Все записывай и присылай мне, не опуская ни одной подробности, какой бы странной она тебе ни показалась. — Випон пристально посмотрел в глаза племяннице: — А они наверняка будут странными. Когда узнаешь всю ее подноготную, постарайся понять, можно ли научить ее держать язык за зубами и притворяться, будто она прибыла с каких-нибудь Южных островов или еще откуда-нибудь в том же роде. По-своему она достаточно воспитанна, но ты должна обучить ее нашим манерам. Если она окажется способной ученицей, вероятно, ее можно будет сделать личной горничной или даже компаньонкой.

— Ты хочешь, чтобы я обучала горничную?! — возмутилась мадемуазель Джейн.

— Я хочу, чтобы ты сделала то, что я тебе сказал. А теперь иди.

13

Не доезжая тридцати миль до Мемфиса, Искупитель Стремечко Рой, Следопыт южного охотничьего отряда, оставил сотню своих людей с собаками в небольшом городке, а сам отправился в Мемфис, испытывая тревогу, какой не испытывал никогда прежде. Учитывая то, что Стремечку Рою на своем веку довелось пережить много страшного, а также много страшного сотворить, это едва ли можно было назвать страхом. Но по мере приближения к Китти-городу им начинало овладевать ощущение, что нигде на земле нельзя оказаться так близко к преисподней, как здесь. У ярко, даже кричаще освещенного въезда в этот кошмарный пригород Мемфиса он остановился, спешился и последние несколько ярдов прошел пешком, ведя коня под уздцы. Даже в столь поздний час поток туристов и местных жителей обильно тек мимо стражников, которые не обращали внимания на большинство из них, выхватывая из толпы лишь некоторых.

— С лошадьми вход воспрещен, — сказал один из стражников. — Вы вооружены?

«До зубов», — подумал Стремечко Рой, но вслух сказал:

— Мне не нужно туда входить. У меня письмо для Китти Зайца.

— Никогда о таком не слышал. Проваливай отсюда, не мешай!

Под пристальными взглядами стражников Стремечко Рой медленно протянул руку к седельной сумке и достал из нее два кошелька, один гораздо больше другого. Протянув меньший стражнику, он сказал:

— Это вам на двоих. А это, — он показал больший, — для Китти Зайца.

— Давай сюда. Я прослежу, чтобы он его получил. — Пять других стражников, здоровенных и словно бы специально подобранных по признаку отсутствия обаяния, начали окружать Стремечко Роя. — Приходи завтра. А еще лучше — послезавтра.

— Тогда деньги я пока придержу.

— Нет. Не стоит, — возразил стражник. — У нас они будут сохранней.

Он подошел к Стремечку Рою с максимальной проворностью, на какую способен мужчина весом под сто тридцать килограммов, и протянул руку. Стремечко Рой сделал вид, что сдается. Он опустил плечи, словно признавая свое полное поражение. Но в тот момент, когда стражник толкнул его в грудь, он просто накрыл его руки своими и с силой рванул вниз. Раздался не слишком громкий треск — крак! — а вслед за ним чудовищный крик боли. Стражник упал на колени. Остальные, отпрянувшие было от неожиданности, уже в следующий миг бросились вперед, но тут же и остановились, увидев, что короткий меч Стремечка Роя упирается в шею их товарища, стоявшего на коленях. Тому даже не было необходимости кричать, чтобы они сдали назад.

— А теперь приведите мне кого-нибудь, кто обладает полномочиями, и поскорей, — приказал Стремечко Рой. — Я не собираюсь торчать в этой помойной яме дольше, чем требуется.

Двадцать минут спустя Стремечко Рой стоял в приемной, и — несмотря на то, что это была одна из самых красивых комнат, какие ему доводилось видеть: обшитая кедром и сандалом, она свидетельствовала о богатой простоте и источала слабый аромат, расслабляюще действовавший на органы чувств, так что Стремечко Рой даже подумывал, не вырезать ли кусок обшивки и не прихватить ли его с собой, — чувствовал он себя очень неуютно. Не из-за столкновения, случившегося у ворот Китти-города, а из-за того, что он увидел потом, когда его пустили внутрь. Он, человек, отвечавший за резню в Одессе и Польском лесу, человек, прославившийся своими злодеяниями даже на фоне той общей жестокости, какой отличались войны на Восточных Разломах, содрогнулся от того, что увидел за последние несколько минут.

Наконец дверь в дальнем конце приемной открылась, из нее вышел какой-то старик и вежливо сообщил:

— Китти Заяц примет вас прямо сейчас.

Из открывшейся двери на Стремечко Роя пахнуло непонятным запахом. Он был лишь отчасти неприятным, скорее даже сладким, но от этой сладости у Стремечка Роя волосы на голове зашевелились. Он точно знал, что никогда прежде не вдыхал его, и тем не менее, несмотря на всю свою разнузданную, можно сказать, храбрость, почувствовал в нем нечто, таящее угрозу. Стремечку Рою стало не по себе. Все еще пребывая под впечатлением увиденного в городе, он вошел в дверь, и старик закрыл ее, оставшись снаружи.

В этой комнате царил полумрак, хотя освещение было искусно устроено так, чтобы пол был виден. Все же, что находилось выше талии взрослого человека, тонуло в темноте, различались лишь самые смутные очертания. В центре комнаты за столом кто-то сидел, но казалось, что фигура человека была соткана из теней.

— Пожалуйста, располагайтесь поудобней, Искупитель.

Голос! Стремечко Рой никогда еще такого не слышал. В нем не было ни режущей жестокости, ни свистящей злобы, ни зловещей угрозы — ничего из того, к чему он привык с незапамятных времен. Этот звук был похож на воркованье голубей, на вздох неизбежной печали, на тихий плач. И в то же время каким-то непостижимым образом это было самое жуткое из всего, что Стремечко Рой когда-либо слышал. Казалось, звук резонировал у него в животе, как самая низкая, почти недоступная слуху нота органа в огромном киевском соборе.

Стремечко Роя затошнило.

— Вы неважно выглядите, Искупитель, — проворковал голос. — Хотите воды?

— Нет, благодарю.

Голос Китти Заяца вздохнул, словно бы донельзя озабоченно. Стремечко Рой почувствовал себя так, будто его поцеловало невыразимо мерзкое грязное существо.

— Тогда перейдем к делу.

Для того чтобы заговорить, Искупителю требовалась вся его сила воли, та, которую он много раз демонстрировал, сжигая вероотступников и устраивая массовые истребления невинных.

Глубокий вдох не помог — лишь еще больше этого наводящего ужас сладкого воздуха вошло в ноздри.

— То, что четверо молодых людей, которых вы ищете, находятся в Мемфисе, правда, — сказал Китти Заяц.

— Вы можете до них добраться?

— О, Искупитель, добраться можно до любого. Вы хотите получить их живыми?

— А вы можете это устроить? — Бедняга Стремечко Рой едва держался, чтобы не упасть в обморок.

— Могу, но не хочу, Искупитель. Мне это, видите ли, не с руки.

Китти Заяц издал звук, который можно было принять за тихий смешок, а можно было — и за нечто другое. Дверь открылась, вошел старик, который привел сюда Стремечко Роя, и сказал:

— Если ваша просьба состоит только в этом, Искупитель, то аудиенция окончена.

Десять минут спустя Искупитель Стремечко Рой, все еще совершенно больной на вид, медленно приходил в себя после жуткой беседы с Китти Зайцем.

— Вам лучше, Искупитель? — спросил его старик.

Стремечко Рой поднял на него взгляд:

— Что за...

— Не задавайте вопросов, которые могут быть сочтены оскорбительными, — перебил его старик. — А оскорбительно вести себя в этом месте — неосмотрительно. — Он глубоко вздохнул. — Суть вот в чем: вы хотите, чтобы мы вытащили этих четверых из старого города. Это возможно, но мы не станем этого делать, поскольку это затронуло бы интересы, которыми мы очень дорожим.

— Тогда я должен отбыть, чтобы проинформировать своего хозяина. Он требует немедленно сообщать ему дурные вести.

— Будьте благоразумны, Искупитель, — сказал старик. — Тише едешь — дальше будешь. Мы будем наблюдать за ними. В какой-то момент они так или иначе должны будут выйти из города. Мы дадим вам знать. А потом, в качестве жеста доброй воли, передадим их вам в целости и сохранности. Это мы вам обещаем.

— Сколько времени на это нужно?

— Столько, сколько потребуется, Искупитель. Мы сделаем то, что обещаем, но позвольте мне быть откровенным: если вы предпримете хоть малейшую попытку захватить их самостоятельно, Китти Заяц расценит это как посягательство на его интересы.

Раздался стук в дверь.

— Войдите.

Дверь открылась, на пороге стояли два стражника.

— Эти люди проводят вас до ворот Китти-города. Вашу лошадь накормили и напоили — в порядке подтверждения наших добрых намерений. До свиданья.

Когда Искупитель Стремечко Рой вышел на улицу, воздух Китти-города дохнул на него с такой силой, словно его ударили в лицо. Какой шум! Сколько людей! Это было похоже на то, как если бы первым, что увидел прозревший слепец, были радуги ада или как если бы первым, что услышал глухой, внезапно обретший слух, был гром, оповещающий о конце света. Здесь были горлопаны с их гормузами; мавлины с выставленными напоказ

отвислыми ням-нямами; красавчики бенджамины в джемимах, вопящие: «Желтое, самое наижелтое, подходи и бери-бери!» Здесь были бертонёры с их сворами голых карманников; полуторговцы, взывающие к ломке; педро-тётки с мятыми напмаженными сосками, выпрашивающие полпинты ерша; были гугеноты, продающие куртины для задниц всем, кто больше заплатит, и сумасшедшие молодчики с высунутыми языками, рыщущие в поисках любых телок, лишь бы ходили парочками.

Парализованный ужасом, Искупитель Стремечко вдруг испустил крик беспредельного омерзения и, к удивлению сопровождавших его стражников, рванув с места, припустил к воротам Китти-города, а потом и за них, в ночь, спасая свою опаленную душу.

В тридцати милях от последней находившейся под патронажем Мемфиса деревни ИдрисПукке сидел под дождем в канаве. Вокруг не было ничего сухого, чтобы зажечь огонь, а если бы и было, он не стал бы этого делать из предосторожности. За последние сутки он съел лишь половину картофелины, да и та была осклизлой, с гнилью внутри. Как мог человек, командовавший тремя армиями, человек, к которому прислушивались короли и папы, человек, который обесчестил целое поколение прекрасных дочерей набоба одной страны и сатрапа другой, — как он мог дойти до жизни такой?

Вы не знаете ответа на этот вопрос, но ИдрисПукке знал его. Судьбу, которую иные испытывают слишком часто, ИдрисПукке испытывал постоянно. Он жал там, где не сеял; завладев пальцем, отхватывал всю руку; шесть раз сколотив состояние, семь раз потерял его. Никто не мог отрицать, что на поле боя он был блестящим воином, что он был быстр умом и прекрасно владел оружием и что его политические суждения восхищали всех и повсюду в подлунном мире — то есть везде, где он был заочно приговорен к смерти, исключая, разумеется, те места, где суды и приговоры считались излишней формальностью. Иными словами, не существовало государства, куда ИдрисПукке мог бы теперь сбежать, без того чтобы его там не сварили, не выпотрошили, не сожгли или не повесили, а в некоторых — не сделали бы всего этого одновременно. Величайший наемник всех времен и народов измывался до того, что вынужден был теперь прятаться от заурядного платного охотника за головами в канаве, — мокрый, усталый и страдающий чудовищным несварением желудка из-за гнилой картошки.

Дважды за последний месяц его ловили, и дважды он почти сразу же сбежал. Но проблема состояла в том, что бежать-то ему было некуда. Единственное, что оставалось, это, закрыв глаза, слушать, как хлопают крыльями, возвращаясь в курятник, цыплята.

И ВДРУГ!

Недолго думая, ИдрисПукке встал на четвереньки и как можно быстрее подполз к стенке канавы.

— Факелы сюда! Огня! Он нас увидел!

Кромешную тьму поля со всех сторон осветило пламя факелов. Однако то, что помогало преследователям, помогало и ему: теперь он увидел купу деревьев ярдах в тридцати впереди. Быстро, как собака, ИдрисПукке выпрыгнул из канавы, но поскользнулся и упал обратно, в грязь.

— Вон он!

ИдрисПукке оказался на виду. Теперь он и сам видел, как со всех сторон его окружают, смыкая круг, люди с факелами. В любой момент его могла настичь мучительная смерть от стрелы или клинка. Испуганный, задыхающийся, он пополз вверх. Пока он еще оставался на свободе и мог двигаться, ему было необходимо прорваться к деревьям. Скользя и отступаясь, ИдрисПукке вскарабкался на край канавы, но как только его голова показалась над землей, он получил удар.

БАМС!

Несколько мгновений он еще оставался в вертикальном положении. От боли все вокруг словно бы застыло перед глазами, озаренное мгновенной вспышкой молнии. Потом последовал второй удар, и он стал заваливаться назад. Но прежде, чем его голова стукнулась

о дно ямы, ИдрисПукке уже потерял сознание.

Когда он очнулся, какая-то гигантская волосатая горилла держала его одной рукой за обе ноги и молотила головой о кирпичную стену подобно тому, как хозяйка выколачивает ковер. Потом горилла подняла ИдрисаПукке за шиворот и, приблизив лицо к его лицу, уставилась ему прямо в глаза. Он знал, что это горилла, потому что однажды видел их в цирке в Арнемленде. Но эта была гораздо крупнее, ее дыхание было горячим и пахло сгнившим не меньше месяца назад мясом, из носа текли две огромные струи зеленых соплей.

— Он еще жив, — сказала горилла.

Только в этот момент ИдрисПукке с некоторым облегчением понял, что он все еще без сознания и бредит. Горилла лениво начала снова колотить его головой о стену.

Он заставил себя очнуться по-настоящему. Горилла медленно растворилась, и он увидел, что лежит на крестьянской телеге, связанный по рукам и ногам, а его голова бьется о деревянный борт каждый раз, когда телега подскакивает на очередном ухабе разбитого проселка.

ИдрисПукке сделал глубокий вдох, чтобы снова не потерять сознание, и отодвинул голову от борта телеги. Надо признать, приятно, подумал он, когда тебя перестают бить головой о кирпичную стену. Но тут боль вернулась, и чувство благодарности исчезло. ИдрисПукке застонал.

— Значит, ты еще жив?

Это оказался солдат, а не наемный охотник за головами. Теперь можно было, по крайней мере, надеяться, что его отдадут под суд, прежде чем наступит самое неприятное, а следовательно, появлялся шанс сбежать. Солдат ткнул его в живот тупым концом своего короткого копья.

— Я задал тебе вежливый вопрос и хочу получить вежливый ответ.

— Да, я еще жив, — простонал ИдрисПукке. — Куда меня везут?

— Закрой пасть. Мне не велено с тобой разговаривать ни в коем случае, хотя я не понимаю, почему. По мне, так ты ничего собой не представляешь. — Еще раз ткнув ИдрисаПукке в живот древком копья, солдат повернулся к нему спиной и окончательно замолчал.

14

— Что я должен с ними делать? — спросил Альбин.

Випон поднял взгляд от стола и задумался.

— Я в них заинтересован. Но, полагаю, пора их поприжать чуточку сильнее. Я хочу, чтобы вы еще раз внимательно изучили протоколы их допросов, обращая внимание на все, что касается Искупителей. Мы должны составить себе более четкую картину, чтобы понять, имеет ли для нас значение то, что они замышляют. А этих пока отправьте в Монд в качестве учеников.

— Соломон Соломон будет не в восторге.

— Господи, — вздохнул Випон, — хоть кто-нибудь будет здесь делать то, что велят? Если ему это не понравится, пусть злится себе на здоровье.

— Монд — компания высокомерная, граф, этим троим там будет нелегко.

— Я понимаю. Но хочу, чтобы вы с них глаз не спускали. Мне нужно знать, как они поведут себя. Я не виню их за то, что они мне лгали, на их месте я бы делал то же самое, но мне необходимо докопаться до самой сути этого дела.

Вот так два дня спустя Кейл, Кляйст и Смутный Генри очутились на площади Арена Совершенства вместе с пятьюдесятью другими учениками, наблюдавшими за тем, как такое же количество молодых аристократов клана Матерации и их приближенных разогреваются под наблюдением Соломона Соломона, гофмейстера военных искусств Монда. Это был крупный мужчина с бритой головой и нехорошими глазами.

Ученики стояли, выстроившись вдоль арены, и с восхищением наблюдали, как

молодые люди четырнадцати-пятнадцати лет напрягали и расслабляли мускулы. В целом все они выглядели одинаково: высокие, удивительно гибкие, стройные блондины. Когда они выгибали свои длинные конечности под невообразимыми углами или отжимались на одной руке так, будто какой-то волшебный механизм приводил в движение эти гибкие длани, вокруг них прямо-таки искрилась аура самоуверенности. Сорок семь учеников, с благоговением взиравших на них, были сыновьями богатых купцов, которые платили Соломону Соломону немалые деньги, чтобы дать своему заурядному торгашескому потомству возможность ежедневно общаться с Матерацци. Нынешнее пополнение в виде трех бесплатных паршивцев, подобранных в Коросте, стоило Соломону Соломону потери более тысячи долларов в год. Вот почему его ледяное сердце было сейчас еще более льдистым, чем обычно.

Ученики размещались под разными, строго определенными для каждого щитами, и, хотя Кейл понятия не имел, что это значит, он успел заметить, что у всех Матерацци, которые разминались поблизости от него, имелись нагрудные знаки с гербом и что такие же гербы были на некоторых щитах, которые он видел за спинами учеников. Ему понадобилось время, чтобы найти глазами хозяина знака, соответствовавшего щиту, под которым стоял он сам. Этот юноша был похож на других, но во всем их превосходил: в росте, в силе, в изяществе, даже в белокурости волос. Двигался он с большой ловкостью, ведя учебный бой сразу с несколькими противниками: наносил удары вполсилы, но при этом ударенный непременно валился на спину. Кейл обернулся и несколько секунд рассматривал богатый набор оружия, предназначавшийся для каждого члена Монда: полдюжины разных мечей, короткие, средние и длинные копы, топоры, а также еще какие-то виды вооружения, каких он никогда прежде не видел.

— Эй, ты! ТЫ! СТОЯТЬ СМІРНО! — Это был Соломон Соломон, и смотрел он прямо на Кейла.

Соломон Соломон, который наблюдал за разминкой с грубо сколоченного помоста, заваленного учебными чучелами-болванами, сошел с него, направился к Кейлу, не сводя с него глаз, и остановился прямо напротив. Юные Матерацци, приостановив упражнения, воззрились на эту сцену, ожидая, что произойдет. Долго ждать не пришлось. Соломон Соломон, не раздумывая, открытой ладонью ударил Кейла сбоку по голове. Из гуши Монда послышался безжалостно-довольный смех — так смеются, глядя, как атлет со всего маха падает на бегу или как слабый боксер, наткнувшись на железный кулак, отключается на несколько часов.

Кейл, хоть и зашатался, однако не упал, вопреки ожиданиям Соломона Соломона. Когда голова Кейла заняла прежнее положение, он не стал возмущаться или сверлить обидчика злобным взглядом: произвол, ничем не спровоцированное насилие и необъяснимые приступы гнева со стороны обладающих властью были ему слишком хорошо знакомы, чтобы он мог допустить подобную ошибку.

— Ты знаешь, что ты сделал?

— Нет, господин, — ответил Кейл.

— Нет, господин? Ты осмеливаешься говорить мне, что ты не знаешь? — Это было сказано со скрытой яростью скряги, у которого отняли тысячу долларов годовых безо всяких объяснений.

Соломон Соломон снова ударил Кейла. Когда последовал третий удар, Кейл осознал свою ошибку. В Святилище падение после удара влекло за собой следующий удар; здесь, как стало теперь очевидно, все было наоборот. Кейл, как от него и ожидали, упал на пол.

— На будущее, — заорал Соломон Соломон, — смотреть только перед собой, следить за своим наставником и не сводить с него глаз. ТЫ ПОНЯЛ?

— Да, господин.

С этим Соломон Соломон развернулся и зашагал обратно к помосту. Кейл медленно встал, в голове у него звенело. Все остальные ученики смотрели только вперед исключительно из страха — кроме Смутного Генри и Кляйста, эти смотрели вперед по

другой причине: они знали, что от них требуется.

Один человек, однако, не сводил взгляда с Кейла. То был его наставник — самый высокий и изящный из Матерацци, под чьим щитом Кейл стоял. Все вокруг смеялись, но только не он. Этот Матерацци побагровел от гнева.

Даже трепка, которую получил Кейл, не могла исправить настроение Соломона Соломона; потеря такой крупной суммы денег была ему как нож в сердце.

— Бой с учениками! — скомандовал Соломон Соломон. — Короткие мечи.

Монд рассредоточился вдоль строя учеников: каждый напротив своего партнера. Конн Матерацци, глядя в глаза Кейлу, тихо произнес:

— Еще раз устроишь подобное представление, и я заставлю тебя пожалеть о том, что ты родился на свет. Ты меня слышал?

— Да, слышал, — спокойно ответил Кейл.

— Отныне и впредь будешь называть меня господином.

— Да, господин, слышал.

— Подай мне короткий меч.

Кейл развернулся. С деревянной балки свисали три меча с клинками одинаковой длины, но разной формы — от прямого до изогнутого дугой. Для Кейла меч и был меч. Он взял наугад один из трех.

— Не этот. — Матерацци сопровождал свои слова пинком пониже спины Кейла. — Другой. — Кейл взялся за соседний меч и получил еще один пинок, а Конна Матерацци его дружки и кое-кто из учеников наградили одобрительным смехом. — Другой, — снова сказал он. Кейл снял и вручил ухмыляющемуся молодому человеку третий меч. — Хорошо. А теперь скажи спасибо за мои поучительные пинки.

Повисла напряженная тишина, все ждали, что новый ученик совершит ошибку и возмутится, а то и хуже — ударит.

— Благодарю меня!

— Спасибо, господин, — произнес Кейл почти любезно — к великому облегчению Смутного Генри и даже Кляйста.

— Превосходно, — сказал Конн, глядя на товарищей. — Полная бесхребетность. Я ценю ее в лакеях.

Подхалимский смех был прерван Соломоном Соломоном, гавкнувшим очередную команду, и в течение следующих двух часов Кейл, с раскалывающейся от боли головой, наблюдал за боевой тренировкой Монда. Когда тренировка закончилась, члены Монда, смеясь и оживленно болтая, покинули арену, отправляясь мыться и есть. После этого на нее вышли несколько мужчин постарше и принялись объяснять ученикам, как применять боевое оружие, висевшее у тех за спинами, и как ухаживать за ним.

Чуть позже наша троица получила возможность сесть и поговорить; Смутный Генри и Кляйст, как ни удивительно, были более подавлены, чем Кейл.

— Господи, а я-то думал, когда мы очутились здесь, что нам наконец немного подфартило, — сказал Кляйст. Он злобно посмотрел на Кейла. — У тебя настоящий талант действовать людям на нервы. Сколько тебе понадобилось — всего минут двадцать? — чтобы схлестнуться с двумя самыми большими вонючками во всей этой ароматной компании?

Кейл подумал над его словами, но отвечать не стал.

— Хочешь сбежать сегодня ночью? — спросил Смутный Генри.

— Нет, — ответил Кейл, продолжая над чем-то размышлять. — Мне нужно время, чтобы стянуть как можно больше нужных вещей.

— Ждать неразумно. Только подумай, что может случиться.

— Все будет в порядке. Кроме того, вам двоим совсем не обязательно тоже бежать. Кляйст прав, здесь у вас будет кое-какая почва под ногами.

— Ха! Как только ты сбежишь, они возьмут нас в оборот.

— Может, да, а может, и нет. Вероятно, Кляйст и тут прав: во мне есть что-то, что бесит людей.

— Я пойду с тобой, — заявил Смутный Генри.

— Не стоит.

— Я сказал пойду, значит, пойду.

Довольно долго все молчали, потом Кляйст мрачно произнес:

— Один я здесь не останусь, — и сорвался с места.

— Может, нам уйти, пока он не вернулся? — предложил Кейл.

— Благоразумней держаться всем вместе.

— Наверное, но почему он все время недоволен?

— Просто так. Такой уж он есть. С ним все в порядке.

— В самом деле? — спросил Кейл так, словно его это удивило, но совсем немного.

— Когда ты хочешь бежать?

— Через неделю. Здесь полно такого, что стоит прихватить. Нам надо сделать запасы.

— Это слишком опасно.

— Все будет хорошо.

— Не уверен.

— Ну, это моя голова и моя задница, так что и решение принимать мне.

Смутный Генри пожал плечами.

— Наверное... — Он сменил тему: — Что ты думаешь о Монде? Самодовольные типы, правда?

— По мне, они порядком не плохи.

— Да? — улыбнулся Смутный Генри. — Ну, разве что именно своим порядком. — Он немного помолчал, а потом спросил: — Как думаешь, с Рибой все будет хорошо?

— А почему с ней не должно быть все хорошо?

Было видно, что Смутный Генри искренне обеспокоен.

— Дело в том, — сказал он, — что Роба не такая, как мы с тобой. Она не переносит побоев и всего такого. Она к этому не приучена.

— Ничего с ней не случится. Випон отнесся к нам нормально, разве нет? То, что сказал Кляйст, справедливо: если бы не я, вы могли бы здесь как сыр в масле кататься. — Кейл не знал, что означает «кататься как сыр в масле», но несколько раз слышал это выражение, и ему нравилось, как оно звучит. — Роба умеет ладить с людьми. С ней все будет хорошо.

— А почему ты не можешь ладить с людьми?

— Не знаю.

— Попробуй просто держаться в тени, а если не можешь, то, по крайней мере, не надо иметь такой вид, будто ты хочешь каждому перерезать глотку, а потом скормить собакам.

На следующий день надежда Смутного Генри на то, что ситуация с Соломоном Соломоном и Конном Матерацци как-то разрядится, рухнула. Соломон Соломон нашел новый предлог, чтобы продолжить начатое накануне неистовое избиение, но на сей раз все происходило посреди арены, так что каждый мог отлично все видеть, более того, всех словно бы поощряли поучаствовать. Однако Конн Матерацци, менее прямолинейный, чем его учитель боевых искусств, и к тому же не желающий, чтобы окружающие думали, будто он всего лишь подражает ему, пинал Кейла по малейшему поводу, не вкладывая в эти пинки никакой силы. Этот молодой человек обладал особым даром унижать людей и обращался с Кейлом так, словно тот был его личной несерьезной обузой, с которой — что поделаешь — приходится вести себя снисходительно. Своими гибкими длинными ногами, отлично натренированными за многие годы, он мог лягнуть Кейла сзади в бедро или в ягодицы или слегка врезать по уху так, будто бить руками такое ничтожество, как Кейл, значило бы воспринимать его слишком всерьез.

Через четыре дня подобные издевательства над Кейлом со стороны Конна стали тревожить Смутного Генри больше, нежели грубое обращение с ним Соломона Соломона. К жестокости, причем куда более грубой, чем Соломонова, Кейл был привычен. А вот к поддразниваниям, к тому, чтобы его постоянно выставляли на посмешище, — нет. Генри опасался, что Кейл не выдержит и ответит.

— Мне кажется, он сейчас даже более спокоен, чем всегда, — сказал Кляйст, когда Смутный Генри поделился с ним своей тревогой.

— Ага, как дом с привидениями, пока в нем не пробудились демоны. — Они посмеялись над этой часто повторявшейся Искупителями присказкой.

— Осталось всего два дня.

— Давай уговорим его бежать завтра.

— Давай.

К вящей радости своих восхищенных друзей Конн Матерацци с еще большим злорадством продолжал играть роль терпеливого учителя незадачливого дурачка. В промежутках между побоями Соломона Соломона он, выдумав Кейлу какие-нибудь провинности, трепал его по волосам, как непослушного пса, которого ему искренне жалко. Конн без конца провоцировал его, награждая подзатыльниками или плашмя шлепая Кейла по заднице клинком своего меча. И с каждым разом Кейл становился все тише и тише. Конн Матерацци был чудовищем, но не дураком. Рано или поздно он должен был увидеть — и Конн увидел, — что тяжелые побои не производили на ученика никакого впечатления, а вот его, Конна, издевательства, сколь бы тщательно он их ни маскировал, все глубже проникали сквозь твердую оболочку Кейловой души.

Клан Матерацци славился двумя особенностями: во-первых, непревзойденным военным искусством и беззаветной храбростью в бою мужчин; во-вторых, выдающейся красотой и столь же выдающейся холодностью женщин. Вот уж верно говорили: невозможно понять жажду Матерацци умереть в бою, пока не увидишь их жен. Каждый Матерацци в отдельности и все они вместе представляли собой грозную военную машину. Но если бы вам довелось встретиться хоть с одной из их жен, вас окатили бы таким надменным презрением и такой спесью, каких вы никогда в жизни не видывали. Однако в то же время вы были бы как громом поражены их красотой и точно так же, как все мужчины Матерацци, готовы были бы претерпеть все ради их улыбки или снисходительного поцелуя.

Хотя Матерацци обладали безоговорочной военной, экономической и политической властью над почти что третью познанного мира, те, над кем они властвовали, всегда утешались сознанием, что, каким бы могущественным ни было влияние суровых правителей, сами Матерацци просто рабски повиновались своим женщинам.

По мере того как продолжались избиения и оскорбления Кейла, трое бывших послушников проводили все больше свободного времени, стараясь наворовать по максимуму. Это не было ни особо трудно, ни особо опасно: отношение Матерацци к своему имуществу было, с точки зрения мальчиков, более чем странным. Они, казалось, могли без сожаления выбросить любую вещь, едва приобретя ее. При том, что послушникам вообще не разрешалось иметь никаких личных принадлежностей, это их потрясало. Поначалу мальчики крали то, что, как они считали, могло оказаться полезным: складной нож, точило или даже деньги, зачастую немалые, небрежно оставляемые их хозяевами в спальнях на самом виду. Потом оказалось, что легче спросить у хозяина, нужно ли положить ту или иную вещь на место или следует просто убрать ее с глаз долой, потому что зачастую им в ответ приказывали вовсе избавиться от этой вещи.

За четыре дня мальчики украли или получили «в подарок» больше, чем им могло понадобиться: ножи, мечи, треснувший лук, который Кляйст легко починил, маленький походный чайник, котелки, ложки, веревку, плетенки для хранения еды и весьма солидную сумму денег, которую они намеревались значительно умножить, очистив покои хозяев перед самым побегом. Все это было тщательно спрятано по укромным уголкам и щелям, хотя особой необходимости в этом не было, поскольку никто никакой пропажи и не замечал.

Мысль о необходимости покинуть место, где можно было жить припеваючи исключительно за счет вещей, не нужных другим, печалила Кляйста и Смутного Генри. Однако Смутный Генри не мог не понимать, чем чревато спокойствие Кейла, становившееся, казалось, все более покойным с каждой новой издевательской выходкой Конна Матерацци, с каждым новым унижительным шлепком или тычком с его стороны: он то и дело щелкал

Кейла по носу или дергал за уши, словно шаловливый мальчишка.

На пятый день Кейл шарил в поисках чего-нибудь полезного в той части крепости, где ему, как ученику, находиться было запрещено. «Запрещено» в Мемфисе сильно отличалось от «запрещено» в Святилище: там подобное нарушение каралось, скажем, четырьмя десятками ударов кожаного ремня, утыканного металлическими шипами, от чего легко можно было истечь кровью насмерть. Здесь это означало всего лишь выговор — мол, такого делать не следует — и влекло за собой умеренно неприятное наказание, от которого к тому же можно было без особого труда отговориться. В данном случае Кейл приготовился виновато соврать, будто заблудился.

Он двигался внутри древней крепостной стены, являвшей собой самую старую постройку в Мемфисе. Большую часть этой великой стены, многочисленные внутренние помещения которой использовались теперь как склады, снесли, и на расчищенных местах были возведены изящные дома с огромными окнами, которые так любили Матерацци. Но в недрах ее сохранившейся части было темно, свет проникал сюда только через проходы, ведущие внутрь стены и выходящие наружу, и расстояние между входом и выходом порой превышало шестьдесят футов. В свое время стена была предназначена для того, чтобы выдерживать любую осаду, а вовсе не для прогулок.

Осторожно поднимаясь по темной каменной лестнице, не огороженной никакими перилами, предохраняющими от падения с высоты более сорока футов на вымощенный каменными плитами пол, Кейл вдруг услышал, что кто-то поспешно спускается ему навстречу. Впереди лестница резко закруглялась, поэтому он не мог видеть, кто это, но у встречного был фонарь. Кейл отступил в нишу, надеясь, что его не заметят. Быстрые шаги и тусклый свет фонаря приближались. Кейл вжался в стену, и появившаяся на лестнице девушка пробежала мимо, не увидев его. Но фонарь не мог разогнать мрак в огромном помещении, а каменные ступени были неровными. Не сбавив скорости на повороте и оступившись на щербатом камне, девушка потеряла равновесие. Ее уже начало заносить, и на миг она зависла над сорокафутовой пропастью. Коротко вскрикнув, девушка уронила фонарь в провал и чуть было не рухнула следом, но Кейл успел схватить ее за руку и отдернуть назад.

При виде появившегося ниоткуда человека девушка закричала от ужаса:

— О, Господи!

— Все хорошо, — сказал Кейл. — Вы чуть не упали.

— Ох! — воскликнула она и посмотрела вниз, туда, куда упал фонарь. Он разбился, но расплескавшееся из него масло все еще продолжало гореть. — Ох, — сказала она, — вы меня напугали.

Кейл рассмеялся.

— Хорошо, что вы еще можете пугаться, — значит, живы.

— Со мной ничего не случилось бы.

— Нет, случилось бы.

В полумраке она еще раз посмотрела вниз, в провал, потом — опять на Кейла. Он не был похож ни на одного мальчишка или мужчину, которых она когда-либо видела: коренастый, иссиня-черные волосы, но что больше всего потрясло ее, так это взгляд: какой-то... древний, крошечный — она не могла найти подходящего слова.

Вдруг ей стало страшно.

— Мне нужно идти. Спасибо, — сказала девушка и заспешила вниз по лестнице.

— Осторожней, — произнес ей вслед Кейл так тихо, что, возможно, она даже не услышала.

Вскоре ее и след простыл.

У Кейла было такое ощущение, словно в него ударила молния. По правде сказать, девушка, которую он увидел, могла бы вскружить голову любому мужчине, будь он исполнен какой угодно мудрости и какого угодно опыта, а ведь Кейл в том, что касается женщин, был беспримерно далек и от того, и от другого. Его глазам предстала Арбелла

Матерацци, дочь Маршала Матерацци, Дожа Мемфиса. Однако никто, кроме отца, даже мысленно не называл ее просто по имени — Арбеллой. Для всех она всегда была Арбеллой Лебединой Шеей. Все знали, что она — самая красивая женщина в Мемфисе. Как описать ее красоту? Да просто вообразите себе деву, похожую на стройную лебедь.

Насколько другой могла бы стать мировая история, не повстречай Кейл Арбеллу Лебединую Шею в полумраке крепостной стены в тот день и не прояви он расторопности, отдергивая ее от края пропасти, — ведь тогда она сломала бы свою — о! — такую прекрасную, длинную и изящную шею.

Ничего удивительного, что потрясенный до глубины души Кейл несколько часов спустя сообщил товарищам: он передумал бежать из Мемфиса. Разумеется, он не вдавался в истинные причины перемены намерений — просто сказал, что всю жизнь получал побои, куда более жестокие, чем Соломоновы, а что касается издевательств Конна Матерацци, то он решил их просто игнорировать. С какой стати обращать внимание на глупые выходки испорченного сопляка, когда есть столько веских оснований для того, чтобы остаться? Смутный Генри и Кляйст были озадачены, однако видимых поводов сомневаться в правдивости слов Кейла вроде как не было. Тем не менее Смутный Генри засомневался.

— Ты ему веришь? — спросил он у Кляйста, когда они остались одни.

— А какая разница? Если он хочет остаться, мне это подходит. Тебе тоже.

В течение нескольких следующих дней Смутный Генри с тревогой наблюдал за продолжавшимися избиениями и издевательствами. Как и прежде, больше всего его беспокоило то, что Кейла выставляли на всеобщее осмеяние. Конн Матерацци, конечно же, был испорченным сопляком, но при этом в рукопашном бою демонстрировал пугающее мастерство. Лишь самые старшие и опытные из тяжеловооруженных бойцов Матерацци могли одолеть его в настоящем, беспощадном поединке, какие проводились каждую пятницу и продолжались целый день. Но и этих поражений от безжалостных воинов, в совершенстве владевших своим смертоносным мастерством, с каждой неделей становилось все меньше.

Конн был уже настоящей знаменитостью и, надо признать, заслуженно. Неудивительно, что на последней неделе своего официального обучения он получил награду, которой лишь считанные разы удостаивался молодой воин, вступающий в армию Матерацци, — это был меч Форца, или Данцигская Финка, более известная как Лезвие. Мартин Бэкон, великий оружейный мастер, сделал его сто лет назад из стали уникальной прочности и гибкости, секрет изготовления которой был, увы, утрачен после того, как Бэкон покончил с собой из-за девушки, не ответившей ему взаимностью. Петер Матерацци, тогдашний Дож, для которого и был сделан этот меч, безутешно горевал о кончине Бэкона и до конца жизни отказывался поверить, что человек такого таланта мог покончить с собой по столь ничтожной причине. «Девчонка! — восклицал он в отчаянии. — Да я отдал бы ему собственную жену, стоило ему только попросить». Учитывая холодность, которой славились женщины рода Матерацци, ценность такого предложения могла показаться сомнительной.

Так или иначе, вот уже более двадцати лет никто не удостаивался чести обладать Лезвием, и для Конна это было знаменательной почестью.

Церемония награждения и парад являли собой самое пышное зрелище, какое только можно себе представить: необозримые толпы народа, подбрасываемые в воздух шляпы, приветственные возгласы, музыка, помпезность и величественность, торжественные речи и тому подобное. Почти пять тысяч молодых воинов Монда выстроились перед своими предками в боевом порядке. Их нельзя было спутать с простыми солдатами — это была вооруженная элита, обученная и экипированная лучше любой армии мира; каждый воин занимал высокое положение в обществе и был аристократического происхождения.

И в центре всего этого великолепия — Конн Матерацци, шестнадцатилетний блондин под два метра ростом, мускулистый стройный красавец, центр всеобщего внимания, к которому устремлялись взоры всех присутствовавших, любимец толпы, гордость Матерацци. Можете себе представить, как гордился собой он сам, когда под восторженные крики и аплодисменты ему вручали Лезвие. Когда он поднял меч высоко над головой, площадь

накрыла волна такого рева, словно наступил конец света.

Смутный Генри, чтобы не выделяться из толпы, тоже хлопал в ладоши. Кляйст выражал свою неприязнь тем, что аплодировал с притворно-преувеличенным энтузиазмом и кричал так громко, словно Конн был его братом-близнецом. Однако Кейл, сколько ни тыкал его локтем в бок Кляйст и сколько ни шептал ему в ухо мольбы Смутный Генри, взирал на происходящее с полным безразличием, что не укрылось от внимания его наставника и господина.

Конн же чувствовал себя так, словно на него снизошел благословенный небесный огонь. Притом что он и всегда-то был чрезвычайно высокого мнения о себе — и кто бы его за это осудил? — теперь ощущение собственного превосходства разрослось у него до невероятных размеров. Даже два часа спустя, после того как толпа в основном рассеялась и сам он удалился в летний сад возле главной башни великой крепости, его мозг продолжал бурлить, словно рой возбужденных пчел. Тем не менее, когда восхищенные комплименты друзей и высших представителей клана Матерацци начали стихать у него в голове и он стал постепенно возвращаться к реальности, преднамеренно-оскорбительное поведение Кейла, не пожелавшего даже поаплодировать его триумфу, всплыло в памяти. Такую нарочитую демонстрацию непокорности нельзя было оставить безнаказанной, и Конн велел слуге немедленно привести к нему ученика-оруженосца.

Слуге понадобилось время, чтобы найти Кейла, не в последнюю очередь потому, что, прибыв в дортуар учеников, он имел несчастье натолкнуться на Смутного Генри и именно у него спросить, где можно найти Кейла. Талант Генри уклоняться от прямых ответов некоторое время не был востребован, но под давлением прямых вопросов его врожденная увертливость вновь проявила себя.

— Кейл? — переспросил он, словно не был даже уверен, что это слово могло означать.

— Новый ученик Лорда Конна Матерацци.

— Какого лорда?

— Ну, Кейл, парень с черными волосами. Вот такого роста. — Слуга, решив, что имеет дело с тупицей, поднял руку приблизительно на пять футов шесть дюймов. — Жалкий такой на вид.

— А, вы имеете в виду Кляйста. Так он там, на кухне.

Может, подумал слуга, он и впрямь ищет Кляйста? Ему казалось, что Конн Матерацци сказал «Кейл», но что если на самом деле он сказал «Кляйст»? Учитывая настроение, в каком пребывал господин, слуге вовсе не хотелось возвращаться и переспрашивать его. К несчастью, Кейл сам вошел в дортуар в надежде немного вздремнуть, и план Смутного Генри отправить слугу искать его где-то на полпути к Святилищу, провалился.

— Да вот же он, — сказал слуга.

— Это не Кляйст, — торжествующе провозгласил Смутный Генри. — Это Кейл.

К тому времени, когда Кейл прибыл в летний сад, толпа вокруг Конна поредела и рассеялась. Зато наконец появился последний и гораздо более важный для Конна визитер: Арбелла Лебединая Шея.

Приученная воспитанием третировать мужчин с презрением, отличавшимся лишь разной степенью снисходительности, Арбелла с трудом делала вид, будто испытывает к Конну хоть какое-то расположение, отличное от — в лучшем случае — равнодушия. В сущности, она была не более равнодушна к его красоте и достижениям, чем большинство женщин, независимо от их красоты и «лебединости шеи». Будь это кто-то другой, а не Конн, она сочла бы достаточным во время церемонии, повернувшись к нему вполоборота, сделать сдержанный комплимент, после чего просто удалилась бы. Но в этом случае демонстрировать обычное безразличие было не так просто. Даже самая холодная из представительниц женской элиты клана Матерацци — а «самая холодная» означало высочайшую степень ледяного бесстрастия — не могла остаться совсем уж равнодушной к блистательному молодому воину, к реву толпы и на редкость впечатляющей

торжественности церемонии.

На самом же деле Арбелла Лебединая Шея была отнюдь не так бесстрашна, как старалась показать, и, к своему великому смущению, испытала некоторое волнение в тот миг, когда Конн перед лицом несметной толпы вознес Лезвие над головой и толпа оглушительным ревом возвестила свое восхищение великолепным юношей. В результате талант демонстрировать крайнее безразличие к молодым людям, даже к великолепным молодым людям, подвел ее: мучимая нерешительностью, она пришла к Конну гораздо позже, чем следовало бы, и даже слегка (не настолько, чтобы он мог это заметить) покраснела, когда поздравляла его с выдающимся успехом.

Сам Конн с некоторым уважением относился лишь к двум людям на свете: к своему дяде и к его дочери. Перед Арбеллой он испытывал благоговейный трепет как из-за ее ошеломляющей красоты, так и из-за полного презрения, которым она его окатывала. Несмотря на то что нынешний день прибавил ощущения собственного величия и власти и без того самовлюбленному юноше, Конн оказался настолько смущен приходом Арбеллы, что не заметил неловкости, с которой она, обняв за шею, наградила его поцелуем. Выслушивая ее поздравления, он пребывал в таком возбуждении, что едва ли понимал смысл произносимых ею слов, не говоря уж о том, чтобы обратить внимание на взволнованность интонации. В тот самый момент, когда они уже раскланялись и Арбелла собиралась уйти, явился Кейл.

В обычном состоянии Арбелла обратила бы на появление ученика не больше внимания, чем на бесцветную моль. Но, уже выбитая из колеи, она испытала еще более сильное смущение от внезапной встречи со странным юношей, который несколько дней назад спас ее от падения в лестничный проем старой стены. От всего этого на лице Арбеллы застыла маска непроницаемой бесстрастности.

Только величайшие и самые опытные за всю историю человечества любовники, такие, как Натан Джог или, быть может, легендарный Николас Паник, смогли бы различить под этой маской пробуждающуюся чувственность юной женщины. Бедный же Кейл был настолько неопытен в подобных вещах, что видел лишь то, что было ему доступно и что он боялся увидеть. Выражение лица девушки говорило ему только об оскорбительной холодности: он спас ей жизнь и влюбился в нее, а она его даже не узнала. Арбелла же Лебединая Шея, как бы ни была смущена неожиданной встречей, вышла из положения так, как и следовало ожидать. Она просто повернулась и направилась к воротам, находившимся в сотне ярдах от них, в другом конце сада.

К тому времени, кроме них троих, в саду находилось лишь восемь человек: четверо близких друзей Конна Матерацци и три унылых стража, облаченные в церемониальные доспехи и обвешанные троекратным количеством оружия по сравнению с тем, какое они носили в настоящем бою. Но был еще и один тайный соглядатай: Смутный Генри, беспокоясь за друга, пробрался на крышу, с которой хорошо был виден сад, и, спрятавшись за дымоходом, наблюдал за происходящим.

Конн Матерацци повернулся к своему ученику, но, что бы ни собирался он сделать, его опередил один из друзей, который, будучи пьянее остальных, решил позабавить всех и, подражая манере Конна издеваться над Кейлом, словно тот был недоумком, отвесил ему две легкие пощечины. Все, кроме Конна, рассмеялись достаточно громко, чтобы Арбелла Лебединая Шея оглянулась и успела увидеть третью издевательскую пощечину. Она ужаснулась, но Кейл прочел в ее взгляде лишь дополнительное свидетельство презрения.

Только после четвертой пощечины мир вокруг Кейла, можно сказать, полностью переменялся. Безо всяких видимых усилий он перехватил запястье молодого человека левой рукой, предплечье — правой и сделал резкое вращательное движение. Раздался громкий хруст и вслед за ним — крик нестерпимой боли. Кейл — казалось, совсем не спеша — взял воющего недоросля за плечи и отбросил его на испуганного Конна Матерацци, сбив того с ног. Затем, отступив на шаг и обхватив правый кулак левой рукой, впечатал локоть в лицо Матерацци, стоявшего к нему ближе всех. Тот потерял сознание прежде, чем упал на землю.

К тому времени двое других гостей очнулись от изумления, выхватили свои церемониальные кинжалы и, чуть отступив назад, приняли боевую стойку. Они не выглядели грозными, но в действительности были именно таковыми. Кейл двинулся на них, но в какой-то момент низко наклонился, зачерпнул горсть сдобренной золой земли вместе с гравием и швырнул ее в лица противников. Те, взыв от боли, отвернулись, и в ту же секунду один из них получил удар по почкам, а другой, уже начавший разворачиваться обратно, — под дых. Кейл подобрал их кинжалы и встал напротив Конна, успевшего освободиться из-под своего барахтающегося и все еще вопящего друга. Все это заняло не более четырех секунд. Теперь они стояли, молча глядя в глаза друг другу. Лицо Конна Матерацци выражало сдержанную ярость; лицо Кейла было начисто лишено какого бы то ни было выражения.

К тому времени трое солдат в полной амуниции выбежали из-под крытой галереи, где они спасались от жары.

— Позвольте нам расправиться с ним, господин, — сказал сержант-командир.

— Стоять на месте, — ровным голосом ответил Конн. — Одно движение — и, клянусь, вы будете весь остаток жизни чистить конюшни. Вы обязаны мне подчиняться.

Это было правдой. Сержант-командир сдал назад, однако сделал знак одному из двух остальных привести подкрепление. «Надеюсь, — подумал он, — этому задире и выскочке начистят задницу». Но он знал, что этого не случится: в свои шестнадцать лет Конн Матерацци был уникально искусным воином, настоящим мастером. В этом ему следовало отдать должное, несмотря на то, что он, несомненно, был выскочкой.

Конн обнажил Лезвие. Меч считался слишком большой ценностью, даже чтобы выставлять его на обозрение в Парадном зале и, разумеется, слишком большой ценностью, чтобы использовать его в бою. Но Конн знал: он сможет сослаться на то, что у него не было другого выбора, поэтому впервые за последние сорок лет Лезвие было извлечено из ножен с намерением кого-то убить.

— Остановись! — воскликнула Лебединая Шея.

Конн не обратил на нее ни малейшего внимания — в делах подобного рода даже она не имела права голоса. Глядя же на Кейла, можно было и вовсе подумать, что он ничего не услышал. Смутный Генри у себя на крыше отдавал себе полный отчет в том, что ничего не может сделать.

И началось.

Конн с невероятной быстротой сделал выпад, потом еще один, и еще; Кейл без всякой суеты отражал удары Лезвия двумя декоративными кинжалами, которые вскоре под ударами прочнейшей стали великого меча оказались зазубренными, как старая пила. Конн двигался, орудовал мечом и парировал удары проворно и грациозно, походя на танцора не меньше, чем на фехтовальщика. Кейл продолжал отступать, успевая лишь блокировать выпады, между тем как Конн наступал, целясь ему в голову, в сердце, в ноги — повсюду, где замечал малейшую слабость. И все это происходило в полной тишине, если не считать причудливой музыки, производимой почти мелодичным звоном Лезвия и вторящими ему глухими ударами кинжалов.

Конн Матерацци наседал, Кейл защищался — сверху, снизу, — неизменно пятясь. Наконец Конн прижал его к стене, больше Кейлу отступать было некуда. Теперь, загнав его в ловушку, Конн сделал шаг назад, зорко следя за тем, чтобы Кейл не метнулся в сторону.

— Ты бьешься так же, как кусает собака, — сказал он Кейлу. Выражение лица Кейла, бесстрастное, ничего не выражающее, ничуть не изменилось. Казалось, он ничего не слышал.

Конн, пружинисто перепрыгивая с ноги на ногу и делая изящные выпады, словно бы давал понять всем, кто на него смотрел, что готовится к убийству. Его сердце вздымалось и опускалось в экстазе при мысли, что он никогда уже не будет прежним.

К этому времени двадцать солдат, включая тех, что прятались под галереями, вошли в сад, и сержант-командир выстроил их полукругом в нескольких ярдах за спиной Конна. Сержанту, как и всем остальным, развязка была ясна. Несмотря на приказ Конна, он знал, какие его ждут неприятности, пострадай Конн хоть самую малость. Он искренне пожалел

парня, прижатого к стене, когда Конн занес меч для решающего удара. Конн чуть-чуть замешкался — он жаждал увидеть страх в глазах Кейла. Однако выражение лица его противника по-прежнему оставалось неизменным — безразличным и отсутствующим, словно душа уже покинула его.

«Ну, кончай уже, говнюк», — подумал сержант.

И Конн обрушил свой меч. Невозможно описать, с какой скоростью Лезвие рассекло воздух; просверк молнии по сравнению с этим — все равно что движение, замедленное водой. На этот раз Кейл не стал отражать удар, он только чуть-чуть, едва заметно сдвинулся в сторону. Конн промахнулся, но всего лишь на ширину комариного крылышка. Еще удар — и снова промах. Потом прямой, колющий, от которого Кейл увернулся с прытью змеи.

И тут Кейл впервые нанес удар сам. Конн парировал его, но с трудом. Теперь Кейл удар за ударом теснил его назад, пока они не оказались почти на том же месте, откуда все началось. Конн тяжело дышал от усталости и растущего страха — его тело, не привычное к ужасу и угрозе смерти, вело себя наперекор великолепному мастерству, обретенному за годы тренировок; нервы сдавали, в желудке ощущалась слабость.

И тут Кейл остановился.

Отступив настолько, чтобы выйти за пределы досягаемости, он смерил Конна взглядом с головы до ног. Секунда, другая — и Конн, не выдержав, снова нанес удар. Лезвие со свистом рассекло воздух. Но Кейл сместился в сторону даже раньше, чем меч начал опускаться, подставив один кинжал под Лезвие, а другой одновременно вонзив Конну в плечо.

Вскрикнув от боли и шока, Конн выронил меч. В мгновение ока Кейл развернул противника и, зажав ему горло сгибом руки, приставил кинжал к животу Конна.

— Стой смирно, — прошептал Кейл ему в ухо, а солдатам, которые начали его окружать, громко крикнул: — Назад или я сделаю бабочку из пуза этой гадины.

Для убедительности он сильнее вдавил острие кинжала Конну в живот. Сержант, теперь уже не на шутку испуганный, сделал знак своим людям остановиться.

Между тем Кейл все крепче сжимал горло Конну, так что тот уже почти не мог дышать.

— Прежде чем ты сдохнешь, господин, вот тебе наставление напоследок, — прошептал он ему в ухо. — Драка — не искусство.

Это было последним, что услышал Конн, потому что в следующий момент он потерял сознание и, обмякнув, повис на обхватывавшей его шее руке Кейла. Начав ослаблять хватку, Кейл сказал:

— Он еще жив, сержант, но умрет, если вам вздумается продемонстрировать храбрость. Я собираюсь взять меч — ведите себя смирно.

Не отпуская весьма тяжелого Конна, Кейл медленно присел и дотянулся до Лезвия. Как только меч оказался у него в руке, он встал и приставил клинок к горлу Кона, продолжая бдительно наблюдать за солдатами. Через дальние ворота их стекалось в сад все больше, теперь воинов было не меньше сотни.

— Ну, и куда ты теперь собрался, сынок? — спросил сержант.

— Знаете, я как-то пока об этом не думал, — ответил Кейл.

Именно в этот момент Смутный Генри громко крикнул с крыши:

— Пообещайте, что не тронете его, — и он его отпустит!

Вздрогнув, солдаты ответили на эту первую попытку переговоров тремя стрелами, пущенными в сторону Генри. Смутный Генри отпрянул и исчез из виду.

— Отставить! — закричал сержант. — Следующий, кто шевельнется без моего приказа, получит пятьдесят плетей и будет год драить сортиры!

Он снова повернулся к Кейлу:

— Как тебе предложение, сынок? Отпусти его, — и мы тебе не причиним вреда.

— А потом?

— Этого я не знаю. Сделаю все, что от меня зависит. Скажу, что эти парни тебя сами задирали, только послушают ли меня... Но, с другой стороны, какой у тебя выбор?

— Сделай так, как он говорит, Кейл! — закричал со своей крыши Смутный Генри, на сей раз лишь чуть-чуть высунув голову над кромкой крыши.

Кейл задумался на минуту, хотя дальнейшие его действия были, как все понимали, предрешены. Отведя Лезвие от горла Конна, он огляделся по сторонам, словно размышляя, куда бы его пристроить. Ему повезло. Всего в двух шагах позади — и Кейл проделал эти два шага с величайшей осторожностью — обнаружился фрагмент старой стены высотой до колена, состоявший из двух огромных каменных плит фундамента. Кейл просунул Лезвие в щель между ними на глубину около десяти дюймов.

— Эй, парень, что это ты делаешь? — окликнул его сержант.

И тут Кейл, опустив безжизненное тело Конна Матерацци на землю, изо всей силы рванул рукоять меча вбок. Лезвие, быть может, славнейший меч в истории человечества, согнулось и переломилось со звуком, напоминавшим звон большого колокола, — БОММ!

Все присутствующие в едином порыве охнули от ужаса. Кейл посмотрел на сержанта и медленно бросил обломок Лезвия, который держал в руке, на землю. Сержант, взяв у стоявшего рядом солдата цепь с замком, подошел к нему:

— Повернись, парень.

Кейл повернулся. Заковывая его руки в цепи, сержант тихо сказал ему на ухо:

— Это самая большая глупость, какую ты совершил в жизни, сынок.

Один из солдат-врачей — в армии Матерацци полагалось иметь врача на каждые шестьдесят солдат — засуетился возле бесчувственного Конна. Он жестом показал сержанту, что все в порядке, и принялся осматривать остальных. Только теперь Арбелла Лебединая Шея, придя в себя, ворвалась в круг, образовавшийся возле Кейла и раненых, и, опустившись на колени, стала прощупывать пульс Конна. Убедившись, что Конн жив, она посмотрела на Кейла, зажатого между двумя солдатами. Он ответил ей спокойным невозмутимым взглядом.

— Полагаю, второй раз вы меня не забудете, — произнес Кейл, перед тем как солдаты потащили его прочь.

Именно в этот момент ему улыбнулась удача. Смутный Генри был на крыше не один. Не меньше его охваченный любопытством, хотя и не так озабоченный дальнейшей судьбой Кейла, Кляйст пошел туда вместе с Генри и, когда началась драка, тот велел ему быстро привести Альбина.

Кляйст нашел Альбина в единственном известном ему месте, где тот мог быть. Альбин вмиг выскочил из своего кабинета, приказал своим людям следовать за ним и оказался на месте как раз в тот момент, когда четверо солдат волокли Кейла из сада в городскую тюрьму, где он при везении протянул бы в лучшем случае до утра.

— Теперь мы сами о нем позаботимся, — сказал Альбин, за спиной которого стояло десять человек в особой форме: в черных жилетах и черных котелках.

— Сержант-командир велел нам отвести его в тюрьму, — воспротивился старший из солдат.

— Я капитан Альбин из Службы внутренней безопасности. Я отвечаю за безопасность в Цитадели, так что отдайте его нам, иначе...

Командный голос Альбина, а также грозный вид десяти его «бульдогов», как их отнюдь не любовно называли, напугали солдат, которых редко допускали в Цитадель и которые, очутившись в таком странном месте, чувствовали себя не в своей тарелке. Тем не менее старший солдат предпринял еще одну попытку:

— Я должен спросить разрешения у сержанта.

— Спрашивай у кого хочешь, но это — наш узник, и он пойдет с нами сейчас же. — С этими словами капитан Альбин кивнул своим людям, те выдвинулись вперед, и лишенные выбора солдаты неуверенно позволили забрать Кейла.

Старший солдат сделал знак одному из трех других, и тот стал, пятясь, отходить в сад за помощью, но «бульдоги» уже схватили Кейла и, приподняв над землей, понесли сквозь лабиринт аллей, втекающих в Цитадель и вытекающих из нее. К тому времени, когда подоспела помощь, все они уже исчезли.

Уже через десять минут Кейл находился под замком в личном изоляторе Випона, и надзиратель трудился над цепями, сковывавшими его руки. Еще через двадцать минут, со свободными руками, Кейл стоял посреди тускло освещенной камеры. Дверь за ним закрыли и заперли. Такие же камеры находились по обе стороны от него, отделенные частично стеной, частично решеткой. Кейл сел и глубоко задумался о том, что натворил. Это были невеселые мысли, но через несколько минут их прервал голос из камеры справа:

— Закурить есть?

15

— Похоже, мы встречаемся только при неблагоприятных обстоятельствах, — сказал ИдрисПукке. — Вероятно, нам следует изменить стиль поведения.

— Говори о себе, дедуля. — Кейл сел на деревянную лавку и сделал вид, что не обращает внимания на своего соседа-заключенного. Новая встреча с ИдрисомПукке казалась слишком уж счастливой случайностью.

— Нечаянное совпадение, — заметил ИдрисПукке.

— Можно и так сказать.

— Именно так я и говорю. — ИдрисПукке помолчал. — Что привело тебя сюда?

Кейл хорошо подумал прежде, чем ответить:

— Подрался.

— Из-за простой драки тебя не посадили бы в личную тюрьму Випона. С кем подрался?

Кейл снова обдумал свой ответ. Впрочем, что уж тут думать?

— С Конном Матерацци.

ИдрисПукке расхохотался, но в его смехе явно ощущались восхищение и уважение, и Кейлу, как он ни старался, было трудно скрыть удовольствие, которое доставила ему лесть.

— Бог ты мой! С самим Мальчиком-Золотые-Яйца! Учитывая то, что я слышал, тебе повезло: ты еще жив.

Кейл понимал, что его провоцируют, но, несмотря на свои необычные способности, он все еще был слишком молод.

— Это ему повезло. Хорошо, если он уже пришел в себя, но голова у него наверняка раскалывается.

— Да, с тобой не соскучишься. — ИдрисПукке помолчал. — И тем не менее это не объясняет, почему ты попал именно сюда. Какое дело Випону до той драки?

— Может, дело в мече?

— Каком мече?

— Мече Конна Матерацци.

— А при чем тут меч?

— Ну, это не совсем его меч.

— То есть?

— На самом деле это меч Маршала Матерацци. Тот, который они называют Лезвием. — На сей раз тишина воцарилась надолго. — После того, как я вырубил Конна, я зажал меч между двумя камнями и сломал его.

Молчание ИдрисаПукке было долгим и ледяным.

— В высшей степени бессмысленный акт вандализма, если можно так выразиться. Меч был произведением искусства.

— Мне некогда было восхищаться, поскольку Конн хотел раскроить им меня надвое.

— Но ведь к тому времени поединок был окончен, если я правильно понимаю.

Надо признать, что Кейл начал сожалеть о своем импульсивном поступке в тот самый момент, когда сломал меч.

— Хочешь совет?

— Нет.

— Но я все равно тебе его дам. Если хочешь кого-то убить — убивай. А если хочешь оставить в живых, то дай возможность жить. Но никогда не перебарщивай ни в том, ни в другом. — Кейл повернулся к ИдрисуПукке спиной и лег на лавку. — Пока будешь спать, поразмысли вот над чем. Все, что ты натворил, а особенно то, что ты сломал меч, означает только одно: ты должен был оказаться в руках Дожа. Поэтому все равно непонятно, почему ты очутился здесь.

Спустя полчаса не спавший Кейл услышал, как отпирают дверь его камеры. Он сел на лавке и увидел, что в камеру вошли Альбин и Випон. Випон смотрел на него мрачно.

— Добрый вечер, Лорд Випон, — бодро воскликнул ИдрисПукке.

— Заткнись, ИдрисПукке, — ответил Випон, не сводя глаз с Кейла. — А ты расскажи мне — причем, я хочу знать всю правду, иначе, клянусь богом, я сию минуту отдам тебя людям Дожа, — расскажи точно, что случилось, а когда закончишь об этом, расскажи правду о том, кто ты есть на самом деле и как оказалось возможным, что ты победил Конна Матерацци и его друзей с такой легкостью. Подчеркиваю: правду, в противном случае я солью тебя Дожу, как сливают воду с вареной спаржи.

Кейл, разумеется, не знал, что такое «спаржа». Вся трудность состояла для него в том, чтобы решить, что он может позволить себе выдать Випону, дабы убедить того, что он безупречно честен.

— Я вышел из себя и не сдержался. Так ведь бывает, правда?

— Зачем ты сломал меч?

Кейл изобразил смущение:

— Это было глупостью, просто сорвался в пылу драки. Я извинюсь перед Дожем.

Альбин рассмеялся:

— Ну конечно, ты ведь так искренне сожалеешь!

— Где тебя учили драться? — спросил Випон.

— В Святилище. Всю мою жизнь, по двенадцать часов в день, шесть дней в неделю.

— Ты хочешь сказать, что Генри и Кляйст тоже умеют так драться?

Это был неудобный вопрос.

— Нет. То есть их тоже учили, но Кляйст, он «молния»... специалист...

— В каком деле?

— В метании копья и стрельбе из лука.

— А Генри?

— Снабжение, составление карт, отслеживание. — Это было правдой, но не всей правдой.

— Значит, ни один из них не смог бы сделать того, что сегодня сделал ты?

— Нет. Я уже сказал.

— В Святилище есть еще люди, которые обладают такими же умениями, как ты?

— Нет.

— Что делает тебя таким особенным? — спросил Випон.

Кейл замаялся, чтобы создать впечатление, будто он не хочет отвечать на этот вопрос.

— Когда мне было девять лет, я хорошо дрался, но не так, как теперь, конечно.

— И что случилось?

— Я вел учебный бой с мальчиком, который был гораздо старше меня, — бой без всяких запретов, с настоящим оружием, разве что лезвия и острия были затуплены. Я его одолел, сбил с ног, но я был тогда слишком самоуверен, и ему удалось повалить меня за собой на землю, а там он ударил меня камнем в висок. Это все, что он успел сделать: Искупители оттащили его от меня, только поэтому он не вышиб мне мозги. Очнулся я пару недель спустя, а еще через две недели вернулся в обычное состояние, если не считать осколка, который застрял у меня в черепе. — Он поднес руку к голове и пальцем указал на левый висок ближе к затылку. Потом снова замолчал, словно не хотел продолжать.

— Но ты стал не таким, как прежде?

— Да. Сначала я не мог драться так же хорошо, как раньше. Что-то у меня стало не так

с координацией, но через некоторое время я освоился. То есть, что бы там со мной ни случилось, когда он раскроил мне череп, я к этому уже привык.

— К чему именно ты привык?

— В момент, когда вы наносите удар, вы уже знаете, куда он придется. И вы всегда выдаете себя: тем, куда смотрите, куда поворачиваетесь, какую позу принимает ваше тело, чтобы не потерять равновесия в момент удара. По всему этому ваш противник может догадаться, куда вы целитесь. Если он неправильно разгадает эти знаки, он таки получит удар, а если правильно — сумеет его отразить и увернуться.

— Это знает каждый боец и каждый игрок, — сказал Альбин. — Но хороший боец и хороший игрок в мяч могут обмануть противника.

— Меня — нет, что бы они ни делали. Теперь не могут. Я всегда угадываю, какое движение собирается сделать человек.

— Можешь это показать? — спросил Випон. — Конечно, без членовредительства.

— Попросите капитана Альбина спрятать руки за спину.

Альбин колебался, что-то смущало его во взгляде ИдрисаПукке, до этой поры молча наблюдавшего за происходившим.

— Я бы на вашем месте не стал ему доверять, дорогой капитан, — сказал тот.

— Заткни пасть, ИдрисПукке. — Альбин пристально посмотрел на Кейла и медленно заложил руки за спину.

— Вам нужно решить, какой рукой вы нанесете мне удар, и нанести его как можно быстрее. Можете делать что угодно, чтобы обмануть меня, — расслабляться, изображать любые телодвижения...

Не успел Кейл закончить фразу, как Альбин резко выбросил вперед левую руку, но Кейл перехватил ее своей правой — очень осторожно, словно это был мяч, брошенный неуклюжим трехлетним малышом. Альбин повторил попытку шесть раз, стараясь и так и эдак, — результат был один и тот же.

— Теперь моя очередь, — сказал Кейл, когда Альбин, донельзя раздраженный, но все же потрясенный увиденным, наконец сдался.

Кейл заложил руки за спину, и они начали игру заново, только удары теперь наносил Кейл. Шесть раз он выбрасывал ту или иную руку вперед, и все шесть раз Альбин делал неверный выбор.

— Я «прочитываю» то, что вы собираетесь сделать, — сказал Кейл, — в тот миг, когда вы только-только начинаете двигаться. Это случается всего на какую-то долю секунды быстрее, чем было до моего ранения, но даже крохотной доли всегда оказывается достаточно. А то, что собираюсь сделать я, никто предугадать не может, каким бы ловким и опытным ни был противник.

— И все это только лишь из-за того удара по голове? — спросил Альбин.

— Нет, — раздраженно ответил Кейл. — Всю мою жизнь меня изо дня в день натаскивали драться. Я в любом случае мог бы победить Конна Матерацци, как бы хорош он ни был. Разве что не с такой легкостью и не вместе с четырьмя другими. Так что нет, капитан, все это не только лишь из-за того удара по голове.

— Как Искупители реагировали, когда поняли, что произошло? — продолжил допрос Випон.

Кейл хмыкнул — это было что-то вроде смеха, но полностью лишеного веселья.

— Не Искупители, а один Искупитель: Боско. Лорд Воитель, ответственный за всю боевую подготовку.

— Боевая подготовка — это как у нас боевое искусство?

Кейл рассмеялся, на сей раз с искренней веселостью:

— В том, что я делаю, никакого искусства нет, — спросите Конна Матерацци и его дружков.

Випон пропустил насмешку мимо ушей.

— Этот Боско, что он сделал, когда обнаружил необычный эффект твоего ранения?

— Он проверял меня многие месяцы, заставляя драться с гораздо более взрослыми и сильными противниками. Он даже привел на площадку пять ветеранов, застрельщиков, самых опытных, из смертников, воевавших на Восточных Разломах. — Кейл замолчал.

— И что случилось?

— Он выставлял меня против них по очереди четыре дня подряд. И меня, и противника предупреждали: убить или умереть. На четвертый день Боско остановил испытание.

— Почему?

— Он увидел достаточно, чтобы больше не иметь никаких сомнений на мой счет. Пятый раз был бы напрасным риском. — Кейл улыбнулся отнюдь не радостной улыбкой: — В конце концов, никогда не знаешь, что может случиться в ходе поединка, правда? Всегда есть шанс попасть в ловушку.

— А потом?

— Потом он попробовал скопировать меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Много дней он измерял рану у меня на голове и старался воспроизвести ее на черепах, подобранных на кладбище. Потом сделал образец из глины. Потом полгода пытался повторить опыт.

— Не понял. Это как?

— Отобрал дюжину послушников моего возраста и моих габаритов, связал их и молотком выдалбливал им в черепах раны такой же формы, как моя, и на том же месте. Бил сильнее, слабее, еще слабее.

На минуту все замерли.

— И что? — наконец тихо вымолвил Випон.

— А то, что половина мальчишек умерли почти сразу же, а остальные... ну, они съехали с катушек. Их больше никто не видел.

— Их куда-то увезли?

— Можно и так выразиться.

— А потом?

— Боско начал тренировать меня сам. Раньше он этого никогда не делал. Иногда он заставлял меня работать по десять часов в день, выискивал любую слабинку. Если я что-то делал не так, задавал мне хорошую порку и объяснял ошибки. Потом он исчез на полгода и вернулся с десятью Искупителями, которые, как он сказал, были лучшими каждый в своем деле.

— И что это были за «дела»?

— В основном убийство людей — людей в доспехах, без доспехов, вооруженных, невооруженных... Убийство мечом, палкой, голыми руками... Или такое: как организовать массовое убийство... — Кейл помедлил.

— ...пленных?

— Не только пленных — кого угодно. Двое из этих Искупителей были вроде генералов: один занимался тактикой — сражения, отступления; большие, детально спланированные военные операции. Другой — бандитизмом: маленькие отряды, действующие на вражеской территории; вероломные убийства; как запугать местных жителей, чтобы заставить их помогать тебе, а не твоему врагу.

— И зачем все это делалось?

— Знаете, я не такой дурак, чтобы спрашивать.

— Это было связано с войнами Искупителей на Востоке?

— Говорю же — я никогда не спрашивал.

— Но у тебя должно было сложиться собственное мнение.

— Собственное мнение? Ну да. Это имело какое-то отношение к войнам на Востоке.

Випон смотрел на Кейла долгим тяжелым взглядом, тот вызывающе отвечал таким же. Потом, словно на что-то решившись, Випон обернулся к Альбину:

— Приведите двоих других ко мне домой как можно скорей.

Альбин сделал знак надзирателю, и они удалились.
Кейл опустился на лавку, а ИдрисПукке подошел вплотную к решетке.
— Интересная у тебя жизнь, — сказал он. — Тебе бы книги писать.

16

Закончив разговор со Смутным Генри и Кляйстом, Лорд Випон направился в палатку Маршала Матерацци, Дожа Мемфиса.

У Дожа было множество советников, потому что он был человеком, который любил советоваться и обсуждать разные вопросы, причем очень подробно. То, что он редко прислушивался к советам, было просто причудой того рода, какие часто проявляются у людей, с рождения облеченных неограниченной властью. Единственным исключением из этого правила — слушать, не слыша, — был Лорд Випон, который, благодаря собственной сети шпионов и информаторов, сам обладал огромной властью и непрекаемым талантом оказываться правым. Как гласил популярный стишок:

Канцлер господин Випон
Либо сеет, либо жнет.
А чего не знает он,
Вовсе знать не надо. Вот.

Не бог весть, конечно, какой стишок, но он был недалек от истины.

Маршал Матерацци слыл весьма жестоким человеком. Он создал величайшую из когда-либо существовавших в мире империй и вот уже двадцать лет правил ею. Чтобы столь долго удерживать ее в повиновении и предотвращать какие бы то ни было беспорядки, требовался выдающийся талант военачальника и политика, а также незаурядный ум. Но даже Маршал, притом что Випон на протяжении всего этого времени оставался его канцлером, никогда не мог понять, как тому удалось обрести такую власть. Однажды, на третий год своего правления, он к ужасу своему осознал, что не может обходиться без Випона. Поначалу это вызвало у него чрезвычайно враждебное отношение: такое положение было недопустимо, поскольку делало его жизнь уязвимой для наемных убийц, но что еще хуже — грозило превратить его в марионетку. Однако Випон недвусмысленно дал понять, что останется его верным слугой до тех пор, пока тот не будет вмешиваться в его канцлерские дела и вообще, черт побери, досаждать ему. С того дня, хотя их отношения и нельзя было назвать совсем уж напряженными, они стали более, как говорят мемфисские крестьяне, «сваристыми».

Будучи препровожденным к Матерацци, Випон поклонился и получил приглашение сесть.

— Как здоровье, Випон?
— Благодарю, прекрасно, мой Лорд, а ваше?
— О, превосходно.

Наступила неловкая пауза — неловкая для Маршала; Випон просто сидел, добродушно улыбаясь.

— Насколько мне известно, вы сегодня встречались с посольством от норвежцев.
— Это так.

Один из приграничных народов, покоренных Матерацци более пятнадцати лет назад, норвежцы энергично ухватились за преимущества, предоставленные им оккупацией, — хорошие дороги, палатка с центральным отоплением, роскошные импортные товары, — однако не отказались при этом от свирепой страсти к сражениям. Пять лет назад уставший к тому времени от войн Маршал, которого все больше беспокоили постоянно растущие расходы на содержание необозримой империи, решил прекратить ее дальнейшее разрастание. Норвежцы, хоть и трогательно преданные своему сюзеру, всегда доставляли

хлопоты, пытаясь, вопреки многократным приказам не делать этого, расширять собственную территорию на север при каждом удобном случае. Будучи весьма хитроумными, они провоцировали своих соседей, обычно устраивая всевозможные трюки, чтобы представить дело так, будто на них напали и им не оставалось ничего иного, кроме как, защищаясь, вторгнуться на земли агрессора. Как было прекрасно известно Випону, эти «нападения» на самом деле совершались норвежскими солдатами, переодетыми в армейскую форму соседней страны, которую они жаждали разграбить.

— Что они сказали в свое оправдание?

— О, как всегда, прикинулись жертвами, — ответил Випон, — миролюбивыми жертвами, которые вынуждены защищать себя и империю, чьими безупречно верными вассалами они являются.

— А вы что им сказали?

— Я сказал им, что не вчера родился, и, если они не вернут свою армию в казармы, мы можем рассмотреть вопрос о предоставлении им независимости.

— И как они это восприняли?

— Все шестеро побелели от страха и пообещали отвести свои войска в течение недели.

Матерацци внимательно посмотрел на Випона:

— Может, нам в любом случае предложить им независимость, а заодно и кое-кому еще? Больно уж дорого обходится управление их территориями и наведение там порядка. Это пожирает больше, чем мы собираем в виде налогов, я не ошибаюсь?

— Близко к тому. Но в таком случае вам придется либо сократить армию, получив огромное количество рассерженных солдат, которые станут без дела рыскать по стране, навлекая неприятности на нашу голову, либо платить им из своего кармана.

Матерацци хмыкнул:

— Меж двух огней?

— Именно, мой Лорд. Но если вы хотите, чтобы я всерьез рассмотрел вопрос о...

— Почему вы забрали мальчишку, который сломал мой меч?

Внезапная перемена темы была излюбленной тактикой Матерацци, призванной обескуражить собеседника, который его раздражал.

— Я отвечаю за безопасность в городе.

— Вы отвечаете за все, что чревато беспорядками, но вы не полицейский. Это не имеет к вам никакого отношения. Он сломал мой меч, который бесценен, и серьезно ранил моего племянника и четырех сыновей членов двора. Они жаждут его крови, и, я бы сказал, не без оснований, но главное — его крови жажду я.

Випон задумчиво произнес:

— Может быть, Лезвие еще можно починить?

— Вы ничего в этом не смыслите. Не притворяйтесь, что это не так.

— И в самом деле не смыслю, но знаю человека, который смыслит. Префект Уолтер Каталка только что вернулся из своей миссии в Райбене.

— Почему он не доложил мне о своем возвращении?

— Он совсем плох — скорее всего, и года не протянет.

— А какое отношение все это имеет к моему мечу?

— В докладе Каталки есть большой раздел, посвященный райбенскому искусству работы с металлом. Он пишет, что никогда не видел подобного мастерства. Я немного поговорил с ним, и он сказал, что, если Лезвие в принципе поддается починке, то это под силу именно райбенским оружейникам. — Випон сделал паузу. — Разумеется, это будет сделано под мою ответственность и за мой счет.

— Почему? — поинтересовался Матерацци. — Что для вас значит этот мальчишка, если вы готовы взять на себя такие хлопоты и расходы?

— В вашем вполне понятном раздражении, вызванном тем, что случилось с бесценной вещью, и ранением вашего племянника, вы, если позволите мне быть откровенным, не обратили внимания на тот факт, что четырнадцатилетний подросток сумел одолеть живую

легенду — пятерых самых многообещающих воинов Матерацци, включая того, который должен, как предполагается, стать величайшим воином поколения. По-вашему, это не заслуживает самого пристального внимания?

— Тем более от него надо избавиться.

— А не хотите узнать, как он приобрел свой удивительный дар?

— Ну и как?

— Этого молодого человека, Кейла, обучили Искупители из Святилища.

— Они никогда не доставляли нам хлопот.

— В прошлом — нет, но, судя по тому, что рассказал мне этот юноша, за последние семь лет в жизни Святилища произошли большие перемены. Теперь они обучают гораздо больше солдат и делают это гораздо более жестко.

— Вы боитесь, что они могут напасть на нас? Это будет большой глупостью с их стороны.

— Во-первых, опасение по поводу таких вещей входит в мои обязанности. Во-вторых, вспомните, сколько королей и императоров думали то же самое о вас тридцать лет назад.

Матерацци вздохнул, и вздох этот был полон раздражения и тревоги: да, строительство его великой империи сопровождалось священным кровавым террором, но следовало признать, что за последние десять лет мира Маршал утратил охоту к войнам. Безжалостный воин, чье имя некогда было синонимом ненасытного завоевателя, превратился в человека, уже покидающего пределы среднего возраста и мечтающего о спокойной жизни: о том, чтобы никогда больше не нужно было замерзать от холода сегодня и умирать от жары завтра и чтобы никогда больше не нужно было дрожать от страха при мысли — Маршал как-то спяну поделился с Випоном этой жуткой картиной, — что какой-нибудь крестьянин с распухшими суставами, которому неожиданно повезет и он сподобится, удачно нанеся удар, вспороть Маршалу живот, начнет размахивать его кишками, намотанными на кривой садовый нож.

Маршал никогда и никому в этом не признавался, но истинная ненависть к войне поселилась в нем после той зимы, которую, умирая от голода, он провел среди льдов Штетла, дойдя до того, что питался останками своего любимого полкового сержант-майора.

— Ну, и каков ваш план? Уверен, что он у вас уже созрел, и хорошо бы, чтобы он дал мне возможность утихомирить моего брата, бушующего из-за Конна.

Випон положил на стол перед Маршалом письмо. Оно было от Конна Матерацци. Маршал вскрыл письмо и начал читать. Закончив, он положил его обратно на стол.

— Конн Матерацци обладает множеством великолепных качеств, но я никогда не подозревал, что среди них числится благородство.

— Ваше знание человеческой натуры, Маршал, пример для всех нас. А как насчет тщеславия? Я переговорил с Конном и обратил его внимание на то, что наказать Кейла за победу над ним означало бы выставить его самого в смешном свете. Он согласился.

— Нельзя допустить, чтобы этот ваш мальчишка слонялся по Мемфису. Отцы города этого не потерпят, да и я тоже. Не хватало еще, Випон, чтобы подумали, будто я на все закрыл глаза.

— Разумеется, нет. Но все знают, что он в тюрьме. Если он сбежит, гнев падет на мою голову.

— Вы хотите его освободить?

— На самом деле нет. Мальчик обладает уникальным Даром, не говоря уж о том, что он и его друзья — незаменимые для нас источники сведений об Искупителях и их намерениях, а уж о замыслах Искупителей нам нужно знать как можно больше. Я вплотную занимаюсь этим, и мальчики нужны мне, чтобы проверять информацию, которую я получаю. Они слишком ценны для нас — ценны в гораздо большей степени, нежели любой меч или разбитые головы кучки испорченных буянов, которые получили то, что они с лихвой заслужили.

— Помилуй бог, вы бросаете мне вызов?

— Если вы недовольны мной, мой Лорд, я немедленно подам в отставку.

Матерацци опять раздраженно вздохнул.

— Вы в своем репертуаре! Опять! Никто пикнуть не может, чтобы вы не взорвались, как порох. Чем старше вы становитесь, Випон, тем нетерпимей.

— Приношу свои извинения, Маршал, — сказал Випон с притворным покаянием. — Должно быть, раны делают мой характер более скверным, чем мне хотелось бы.

— Вот именно! Мой дорогой Випон, вам следует быть осторожней. Вы прошли через тяжкие испытания, непомерно тяжкие. Я слишком долго держу вас у себя, это непростительный эгоизм с моей стороны. Вам нужно отдохнуть.

Випон встал, кивнул, соглашаясь с озабоченностью Маршала, и собрался уходить. Но, когда он подошел к двери, Матерацци любезно окликнул его:

— Так, значит, вы позаботитесь о починке меча за свой счет и о том, другом деле?

17

Два дня спустя ИдрисПукке и Кейл медленно двигались верхом по Седьмой дороге — одной из широких мощеных дорог, в разные стороны расходящихся от Мемфиса и в любое время суток забитых транспортом с товарами, которые стекались в этот величайший центр мировой торговли и вытекали из него.

После многочасового молчания Кейл задал вопрос:

— Тебя посадили в тюрьму, чтобы шпионить за мной?

— Да, — ответил ИдрисПукке.

— Неправда.

— А чего ты тогда спрашиваешь?

— Хотел посмотреть, можно ли тебе доверять.

— Нельзя, как видишь.

— А Канцлер Випон тебе доверяет?

— До тех пор, пока я остаюсь в безвыходном положении.

— Тогда почему он поставил условие, что мои друзья будут в безопасности, пока я с тобой?

— Спросил бы у него сам.

— Я спрашивал.

— И что он ответил?

— «Любопытной Сесили нос откусили».

— Ну, вот видишь.

Кейл помолчал.

— Что он сделал, чтобы быть уверенным, что ты меня не бросишь?

— Заплатил мне.

Полной ложью это не было, однако далеко не только деньги привязывали ИдрисаПукке к Кейлу. Потому что иметь деньги мало, нужно, чтобы нашлось место, где их можно тратить. Однако никакого приличного места, где за поимку ИдрисаПукке уже не была бы назначена награда, а то и хуже — не за поимку, а за его голову, — просто не существовало.

Випон непринужденно нарисовал ИдрисуПукке его будущее, то есть наглядно показал, что такового у него нет, и предложил выход. Прежде всего — умеренно комфортабельное убежище, где он мог спрятаться на несколько месяцев, а потом, если ИдрисПукке сделает все, как надо, — возможность временного помилования, которое позволит ему избежать смертной казни, по крайней мере, со стороны официальных властей некоторых территорий, находящихся под владычеством Матерацци.

— А как быть с теми, кто жаждет разделаться со мной, но к официальной власти не имеет отношения? — спросил он тогда Випона.

— Это твоя забота, — ответил Випон. — Но если тебе удастся сблизиться с мальчиком, вывести нечто полезное и уберечь его от неприятностей, кое-что для тебя у меня, может

быть, и найдется.

— Это не слишком надежно, мой Лорд, — осмелился возразить ИдрисПукке.

— Для человека в твоём положении, иными словами, для человека, не имеющего никакого положения, и это, полагаю, весьма щедрое обещание, — ответил Випон и жестом велел ИдрисуПукке удалиться, бросив ему вслед: — Если тебе пообещают что-нибудь получше, советую сразу же согласиться.

Помолчав еще час, Кейл спросил:

— Что мы собираемся делать в том месте, куда мы едем?

— Держаться подальше от неприятностей. А еще тебе придется там кое-чему поучиться.

— Например?

— Потерпи, пока окажемся на месте.

— Ты знаешь, что за нами следят? — спросил Кейл.

— Тот уродливый верзила в зеленой куртке?

— Да, — разочарованно подтвердил Кейл.

— Слишком откровенно, тебе не кажется?

Кейл, обернувшись, посмотрел на верзилу так, словно откровенность поведения их преследователя была очевидна и ему.

ИдрисПукке рассмеялся:

— Кто бы за этим ни стоял, он рассчитывает, что мы поймаем этого парня и оставим его в какой-нибудь придорожной канаве. Настоящий хвост — ярдах в двухстах позади.

— И как он выглядит?

— Они. И это твой первый урок. Посмотрим, сумеешь ли ты их вычислить, прежде чем я с ними справлюсь.

— Ты хочешь сказать — убьешь?

ИдрисПукке посмотрел на Кейла:

— Какой ты кровожадный маленький головорез. Випон ясно дал понять, что мы должны стать невидимыми, и я не собираюсь оставлять позади себя след из мертвых тел.

— А что ты собираешься делать?

— Смотри и учись, сынок.

Через каждые пять миль на всех дорогах, ведущих в Мемфис, стояли небольшие караульные посты, в которых дежурило не более полудюжины солдат. У одного из таких постов ИдрисПукке неожиданно вступил в пререкания с капралом — к немалому удивлению Кейла.

— Ради бога, человеке, это ведь дорожный патент, подписанный самим Канцлером Випоном.

Капрал словно бы оправдывался, но был тверд:

— Простите, сэр. Ваш патент выглядит вполне официально, но я никогда прежде такого не видел. Обычно подобные бумаги подписывает главнокомандующий. Я знаю, как выглядят такие документы, и знаю подпись главнокомандующего. Постарайтесь встать на мое место. Нет уж, лучше я пошлю за лейтенантом Уэбстером.

— И сколько это будет тянуться? — спросил озлобленный ИдрисПукке.

— Вероятно, до завтра.

ИдрисПукке в изнеможении застонал и отошел к окну. Минуту спустя он сделал знак Кейлу приблизиться.

— Подожди снаружи, — шепотом велел он ему.

— Но мне ведь, кажется, велено наблюдать и учиться?

— Не спорь, черт тебя дери, просто делай, что я говорю. Выйди через заднюю дверь и сделай так, чтобы тебя здесь не видели.

Улыбнувшись, Кейл выполнил распоряжение. Позади караулки на невысокой стене сидели четверо солдат. Они курили и, судя по всему, отчаянно скучали. Спустя минут пять

появился ИдрисПукке. Кивком предложив Кейлу следовать за ним, он повел лошадей по задней аллее в сторону от главной дороги.

— Ну? — спросил Кейл. — Что происходит?

— Он их арестует и дня два продержит в камере.

— Как тебе удалось его переубедить?

— А ты как думаешь?

— Я не знаю, потому и спрашиваю.

— Я его подкупил. Пятнадцать долларов ему и по пятерке каждому из его людей.

Кейл был искренне потрясен. Какими бы порочными, жестокими и ограниченными ни были Искупители, мысль о том, что можно пренебречь долгом за деньги, была для них исключена.

— Но ведь у нас есть дорожный патент, — сказал он с негодованием. — Почему мы должны им платить?

— Нечего лезть из-за этого на рожон, — раздраженно сказал ИдрисПукке. — Смотри на это как на часть своего образования. Просто прими к сведению как факт, расширяющий твои представления о том, каковы люди на самом деле. Не воображай, — сердито продолжил он, — будто только потому, что Искупители обращались с тобой, как с собакой, ты знаешь все о том, какое гнилое и продажное скопище ублюдков представляет собой человечество.

На этой гневной ноте ИдрисПукке закончил свою речь и прищипил коня, не произнеся до конца дня больше ни слова.

Наверное, кого-то удивит, что ИдрисПукке — притом что он привык к гораздо худшим человеческим проявлениям — так разозлился из-за того, что его выпотрошил циничный пехотный капрал. Но скажите, многим ли из нас, чтобы сорваться, требуется действительно большое несчастье, если мы пребываем в дурном расположении духа? Потерянного ключа, попавшего под ногу острого камня, спора по какому-нибудь ничтожному поводу бывает достаточно, чтобы довести до белого каления даже вполне уравновешенного человека, когда он находится в соответствующем настроении. Каким бы ограниченным ни было Кейлово понимание человеческой натуры (исключая, конечно, натуру жестоких фанатиков), ему хватило ума оставить ИдрисаПукке в покое, пока тот не придет в себя.

Как бы то ни было, ИдрисПукке догадался, кто послал слежку за ними, и его гнев и страх были вполне оправданны: он прекрасно понимал, что Китти Заяц не позволил бы, чтобы его шпионов так легко раскололи. Те двое, которых ИдрисПукке вычислил и которые сидели теперь под замком, явно были приманкой, их послали специально, чтобы они были пойманы. А тем временем, пока Кейл и ИдрисПукке возвращались на главную дорогу и потом, на следующий день, сворачивали к Белому Лесу, за ними следили две другие пары глаз, но уж эти маскировались куда более хитроумно.

Солнце ярко светило, и воздух был чистым, как родниковая вода, когда они начали подъем в гору. Вчерашнее дурное настроение ИдрисаПукке развеялось, он снова стал бодр духом и без умолку болтал, рассказывая Кейлу о своей жизни, своих приключениях и своих взглядах, коих у него было в избытке. Вы можете подумать, что Кейла, способного на злую ярость и устрашающее насилие, раздражало то, что его спутник мнил себя наставником, а его — учеником, но следует помнить, что Кейл, несмотря на все свои железные качества, был еще очень молодым человеком, а обширность и специфический характер жизненного опыта ИдрисаПукке, его взлеты и падения, его любви и ненависти, могли захватить даже самого пресыщенного слушателя. Не в последнюю очередь Кейла подкупали умение ИдрисаПукке иронизировать над собой и готовность винить себя самого за большую часть провалов, случавшихся из-за отклонений от добродетели. Взрослый, смеющийся над собой, — для Кейла это было нечто не просто незнакомое, а почти немыслимое. Смех у Искупителей вообще считался грехом — кознями самого дьявола.

Не то чтобы мироощущение ИдрисаПукке было хоть сколько-нибудь радостным, но свой пессимизм он выражал с трезвым удовольствием знатока и охотно включал себя в общую систему остроумного цинизма, что казалось Кейлу странно утешительным и в то же

время забавным. Кейл был не из тех, кому нравилось слушать людей, свято верящих в изначальную доброту человека, — эта вера противоречила его повседневному опыту. Но его гнев притуплялся и даже стихал, когда он слушал того, кто высмеивал людскую жестокость и глупость.

— Существует несколько способов привести человека в хорошее настроение, — вещал ИдрисПукке без всякого конкретного повода, — помимо того, чтобы рассказать ему об ужасном несчастье, недавно постигшем тебя самого.

Или:

— Жизнь для таких людей, как мы с тобой, — это путешествие, в котором никогда не знаешь, той ли дорогой ты идешь. По ходу движения возникают все новые и новые цели, пока ты начисто не забываешь о том, куда направлялся изначально. Мы — как алхимики, которые в поисках способа получения золота попутно изобретают полезные снадобья, удобные методы классификации разного рода вещей, фейерверки. Единственное, чего они никогда не получают, так это само золото!

Кейл смеялся:

— И почему я слушаю твои рассказы? При первой нашей встрече ты ползал у меня в ногах, а в двух других случаях оказался в тюрьме.

Выражение легкого презрения промелькнуло на лице ИдрисаПукке, словно это были знакомые упреки, едва ли заслуживающие ответа.

— Так учись на моих ошибках, мастер Молокосос. И сделай вывод из того факта, что, проведя сорок лет в коридорах власти, я все еще жив, а это можно сказать лишь об очень немногих из тех, кто вместе со мной ходил по тем коридорам. Кстати, позволю предположить: если ты не проявишь гораздо больше здравого смысла, чем проявлял до сих пор, с тобой случится то же, что с теми, кого уже нет.

— До сих пор у меня все как-то обходилось.

— Неужели?

— Да.

— Тебе просто везло, сынок, причем крепко везло. Плевать, что ты хорошо умеешь махать кулаками. То, что ты пока не болтаешься на веревке, — результат скорее везения, чем здравомыслия. — ИдрисПукке помолчал, потом вздохнул. — Ты доверяешь Випону?

— Я никому не доверяю.

— Любой дурак может сказать, что он крутой и ни на кого не полагается. Беда в том, что порой приходится. Люди могут быть благородными, жертвенными, могут обладать другими замечательными достоинствами — такие люди существуют, но неприятность состоит в том, что эти добродетели имеют свойство появляться и исчезать. Никто не ожидает, что благодушный мужчина или добрая женщина будут благодушны и добры каждый день и каждую минуту, зато все приходит в ужас, если человек, которому они доверяли целый месяц, а то и целый год, вдруг на час или на день окажется не заслуживающим доверия.

— Если на человека нельзя полагаться всегда, значит, он вообще не заслуживает доверия.

— А на тебя можно положиться?

— Нет. Я знаю, ИдрисПукке, что способен на благородный поступок — могу спасти невинных, — он иронически улыбнулся, — могу защитить этих невинных от злодеев и нечестивцев. Но это не свойство характера — когда я спас Рибу, возможно, это был просто хороший день. А может быть, и плохой. Но в другой раз ничего подобного я делать в спешке не буду.

— Ты в этом уверен?

— Нет, но буду стараться изо всех сил.

С полчаса они ехали молча. Наконец Кейл спросил:

— А ты доверяешь Випону?

— Зависит от обстоятельств. Смотря в чем.

Кейл неуютно поерзал в седле.

— Он пообещал, что если я останусь с тобой и буду хорошо себя вести, то со Смутным Генри и Кляйстом все будет в порядке. Он, мол, их защитит. Защитит?

— Значит... ты беспокоишься о своих друзьях? А ты не такой бессердечный, каким хочешь казаться.

— Ты так думаешь? Попробуй положиться на мою сердечность — увидишь, куда тебя это заведет.

ИдрисПукке рассмеялся:

— Что касается Випона, надо помнить, что он великий человек, а у великих людей — великие обязанности. Одна из них — не держать своих обещаний.

— Ты просто умничаешь.

— Вовсе нет. Вокруг Випона плавают множество крупных щук, а ты и твои друзья для него вовсе не щуки — так, рыбешки. Что если сотня жизней или тем паче будущая безопасность Мемфиса с миллионами его душ окажутся в зависимости от того, сможет ли он нарушить слово, данное трем таким карасикам, как ты с твоими друзьями? Как бы ты поступил на его месте? Скажи мне, ты что, считаешь себя круче всех?

— Кляйст мне не друг.

— Как ты думаешь, что нужно от тебя Випону?

— Он хочет, чтобы я проникся к тебе доверием и рассказал всю правду о том, что происходит у Искупителей. Думает, что они могут представлять опасность.

— А они могут?

Кейл испытующе посмотрел на него.

— Искупители — заразная сыпь на лице земли. — Казалось, он хотел сказать что-то еще, но заставил себя остановиться.

— Ты хотел еще что-то сказать.

— Да, хотел.

— Что?

— То, что я знаю, а тебе придется выяснить самому.

— Ну и пожалуйста. Что касается доверия к Випону... Ему можно доверять до определенного момента. Он будет прилагать все усилия, чтобы охранить твоего друга и того, другого, который тебе не друг, но лишь до той поры, пока не станет важным обратное — не охранять их. Пока их значимость не будет истолкована как-то неправильно, они у него — как за каменной стеной.

Кейл и ИдрисПукке продолжили свой путь молча. Ни один из них пока не осознавал, что глаза Китти Зайца наблюдают за ними и его уши слушают их.

В четыре часа дня ИдрисПукке спешил и, сделав знак Кейлу последовать его примеру, направил стопы в, казалось, совершенно девственный лес. Пробираясь сквозь него было трудно даже без лошадей, и прошло почти полных два часа, прежде чем деревья стали редеть, кустарник расступился и показалась еще одна, явно редко используемая дорога.

— Вижу, ты отлично знал, куда идти, — сказал Кейл в спину ИдрисуПукке.

— От тебя ничто не укроется, господин Всезнайка.

— И откуда ты знаешь это место?

— Когда я был мальчишкой, мы с братом часто приходили сюда, в «Кроны».

— А кто твой брат?

— Канцлер Леопольд Випон.

Даже будь у Кейла другая биография, можно было бы сказать, что следующие два месяца, проведенные в охотничьем домике под названием «Кроны», были самыми счастливыми в его жизни. Что уж говорить о мальчишке, для которого и два месяца в седьмом круге ада были бы существенным улучшением по сравнению с жизнью в Святилище.

Счастье Кейла было ни с чем не сравнимо — это было просто счастье. Он спал по двенадцать часов в сутки, иногда больше, пил пиво, а по вечерам с наслаждением покуривал с ИдрисомПукке, которому стоило немалых усилий убедить его, что стоит лишь преодолеть первое отвращение, и курение станет и великим удовольствием, и одним из немногих истинно надежных утешений, какие способна предоставить жизнь.

Вечерами они сидели на просторной деревянной веранде охотничьего домика, слушая стрекот насекомых и наблюдая за ласточками и летучими мышами, резвящимися на исходе дня. Порой они часами молчали, лишь изредка ИдрисПукке прерывал тишину своими шутивными сентенциями о жизни, ее удовольствиях и иллюзиях.

— Одиночество — замечательная вещь, Кейл. По двум причинам. Во-первых, оно позволяет человеку оставаться наедине с самим собой, а во-вторых, избавляет от необходимости терпеть других.

Кейл, глубоко затягиваясь дымом, кивал с пониманием, доступным только человеку, который каждый час своей жизни, во сне и наяву, проводил в обществе сотен других людей и за которым всегда наблюдали и шпионили.

— Быть общительным опасно, — продолжал ИдрисПукке, — даже смертельно опасно, потому что это значит быть в контакте с людьми, а большинство из них унылы, порочны, невежественны и на самом деле общаются с тобой лишь потому, что не в состоянии выдержать собственное общество. Большинство людей сами себе надоели и рады тебе не как другу, а как возможности отвлечься, ты для них — вроде партнера по танцам или полоумного актера с кучей затасканных баек. — Актеров ИдрисПукке не любил особо и часто разглагольствовал об их недостатках, хотя пафос его пропадал даром, поскольку Кейл никогда в жизни не видел театра и для него мысль о том, что можно притворяться кем-то другим за деньги, была попросту непостижима.

Потом они могли просидеть в наступающих сумерках час или больше, не произнеся ни единого слова, пока ИдрисПукке не заговаривал снова:

— Конечно, ты еще молод, и тебе только предстоит испытать самое сильное из всех чувств — любовь к женщине. Каждая женщина и каждый мужчина должны испытать, что значит любить и быть любимым. Женское тело — это высшее воплощение совершенства, какое я когда-либо видел. Но, чтобы быть безупречно честным с тобой, Кейл, — хоть тебе это и безразлично, — замечу: жаждать любви, как сказал один великий остроумец, значит жаждать быть прикованным цепью к душевнобольному.³

Он открывал новую бутылку пива, наливал в кружку Кейла четверть содержимого — всегда только четверть, и эти четверти никогда не следовали одна за другой, — а табака ему больше не давал, ссылаясь на то, что это будет перебором удовольствия и что излишество в курении может нанести вред чутью молодого человека.

И после этого, иногда уже ближе к рассвету, Кейл начинал предвкушать то, что стало для него почти самым большим наслаждением, — теплую постель, мягкий матрас и одиночество: никакого храпа, никаких стонов и выкриков, никакого вонючего пердежа сотен соседей, — лишь тишина и покой. В те дни Кейл испытал блаженство быть просто живым.

Он начал часами бесцельно бродить по лесу, исчезая сразу после пробуждения и возвращаясь уже после наступления ночи. Холмы, случайно встретившийся луг, реки, настороженный олень, голуби, воркующие в кронах деревьев в полуденный зной, благословенная возможность просто погулять одному — все это доставляло даже большее наслаждение, чем пиво и табак. Единственное, что омрачало его счастье, были мысли об Арбелле Лебединой Шее, чей образ невольно возникал перед ним поздно ночью или в полдень, когда он лежал на берегу реки, где были слышны лишь редкие всплески рыб, пение птиц да легкий шелест ветра в листве. Вспоминая о ней, Кейл испытывал странные и

³ Кого имеет в виду ИдрисПукке, сказать трудно, но приведенное высказывание на самом деле принадлежит Джорджу Мелли (1926–2007) — английскому джазовому певцу, критику, писателю и действительно очень остроумному человеку (*Прим. ред.*)

непрощенные чувства, которые неприятно дисгармонизировали с дарованным ему дивным покоем. Арбелла заставляла его сердиться, а он не хотел больше сердиться, он хотел всегда чувствовать лишь то, что впервые почувствовал здесь, всем телом ощущая тепло и впитывая глазами зеленую красу великолепного летнего леса: волю, праздность и свободу от ответственности за кого бы то ни было.

Еще одним величайшим наслаждением, которое Кейл открыл для себя, была еда. Есть, чтобы жить, набивать живот только для того, чтобы утолить изнуряющий голод, — это одно, и совсем другое — получать удовольствие от вкусной еды. То, что люди зачастую воспринимают как нечто само собой разумеющееся, для мальчика, чей рацион большую часть жизни состоял из «лаптей мертвеца», оказалось настоящим чудом.

ИдрисПукке был великим гурманом, и, пожив в разное время почти во всех уголках цивилизованного мира, он считал себя экспертом в этой области, как, впрочем, и в большинстве других. Готовить он любил почти так же, как есть, но, к сожалению, желая поскорее дать своему усердному ученику как можно более обширные знания о мире, иногда срывался на фальстарт.

Первая попытка познакомить Кейла с чудесным искусством кулинарии окончилась печально. Однажды Кейл вернулся в сторожку после десятичасового отсутствия, голодный как волк и готовый сожрать даже священника, и вдруг обнаружил, что его ждет Императорский Пир — импровизация ИдрисаПукке на тему самого впечатляющего блюда, какое он когда-либо едал: фирменного блюда кухни Дома Имуре Лантаны, что в городе Апсны. Многие ингредиенты, правда, пришлось заменить: хрячи хрены в горах было не найти, потому что местные жители считали свинью нечистым животным, а шафран был слишком дорог, да и не слыхивали о нем в этих краях. К тому же в блюде отсутствовало то, что, по мнению многих, составляло его изюминку: не будучи сентиментальным, ИдрисПукке все же не смог заставить себя вымочить в бренди десять птенцов жаворонков, которых следовало жарить потом в раскаленной печи менее тридцати секунд.

Вернувшийся с почерневшим от загара лицом и умирающий с голоду Кейл громко и радостно рассмеялся при виде деликатесов, с гордостью выставленных перед ним ИдрисомПукке.

— Начни с этого, — предложил улыбающийся повар, и Кейл почти в буквальном смысле слова набросился на блюдо, где были выложены крутоны из белого хлеба с рублеными пресноводными креветками под соусом из квашеной дикой малины.

После того как Кейл съел пять таких крутонов, ИдрисПукке кивком указал на пальчики из мяса запеченной на решетке утки со сливовой подливкой, а потом, деликатно посоветовав сбавить скорость, — на жареные цыплячьи крылышки в хлебных крошках с хорошо прожаренной картофельной соломкой.

После всего этого Кейла, конечно, свирепо вырвало. ИдрисуПукке много раз приходилось видеть, как людей выворачивает наизнанку, и сам он неизбежно оказывался в подобном положении. Он воочию наблюдал в Квенланде малоприятный тамошний обычай прерывать банкет из тридцати девяти последовательно подаваемых блюд коллективными посещениями желчегонок или блеваториев — посещениями, крайне необходимыми после каждых десяти примерно блюд, если, конечно, гости хотели досидеть до конца и не нанести смертельного оскорбления хозяевам, каковым считалась неспособность добраться до тридцать девятого блюда. Но даже по сравнению с этим конвульсии Кейла являли собой истинно эпическую картину: его переполненный желудок извергал не только все, съеденное за предшествовавшие двадцать минут, но, казалось, все, что побывало в нем за всю жизнь мальчика.

Вконец обессилив, парень отправился в постель. На следующее утро он появился во дворе с таким зеленым лицом, какое ИдрисПукке видел только у трупа трехдневной давности. Кейл сел, с величайшей осторожностью выпил чашку слабого чая без молока и едва слышным голосом стал объяснять ИдрисуПукке причину своего жестокого недомогания.

— Что ж, — сказал ИдрисПукке, после того как Кейл рассказал ему, чем они питались у Искупителей, — если когда-нибудь мне захочется плохо о тебе подумать, я вспомню в твоё оправдание, что от ребенка, возвращенного на «лаптях мертвеца», трудно ожидать многого. — Он помолчал и добавил: — Надеюсь, ты не будешь возражать, если я предложу тебе совет?

— Не буду, — сказал Кейл, слишком слабый, чтобы почувствовать себя оскорбленным.

— Способность человека благожелательно относиться к другим людям имеет некоторый предел. Если когда-нибудь в приличной компании всплывет тема еды, пожалуй, о крысах лучше не упоминать.

19

Смутному Генри и Кляйсту удалось побыть с Кейлом всего несколько минут перед его поспешным отъездом, так что они успели перекинуться словом лишь насчет крайней подозрительности нового появления ИдрисаПукке. О том, чтобы подробно разузнать обо всем, что случилось с Кейлом, после того как его выволокли из летнего сада, не могло быть и речи. Кляйст, к своему глубокому недовольству, не смог даже выговорить Кейлу за то, что из-за его недисциплинированности и эгоизма они с Генри оказались в глубоком дерьме. Но вышло так, что вполне резонные опасения Кляйста, будто Кейл навлек на них всеобщую враждебность, в данном случае не совсем оправдались. Враждебность, конечно, ощущалась, но то, что Кейл задал такую трепку сливкам Монда, заставило эти «сливки», хотя и обуреваемые жадной мести, все же с чрезвычайной осторожностью отнестись к Смутному Генри и Кляйсту — вдруг они наделены таким же даром? Монд боялся не тяжелых увечий, даже не смерти, а унижения от трепки, которую могли задать люди, занимающие столь очевидно низкое положение на социальной лестнице.

Випон сослал обоих на кухню, где у них в любом случае не было возможности подраться с кем-либо, кто имел хоть какой-то общественный вес. Легко можно представить себе, какие проклятья призывал Кляйст на голову Кейла за то, что по его милости вынужден был мыть тарелки по десять часов в день. Однако в их положении нашлось и неожиданное преимущество: служащие кухни, имевшие зуб на заносчивый и самодовольный Монд, — а таковых было много — взирали на двух новичков с восхищением, которого оказалось достаточно, чтобы после месяца работы судомоями их перевели на более интересную работу. Кляйст предложил свою помощь в мясном цеху и поразил всех своими способностями «прирожденного» мясника. Ему хватило ума не рассказывать о тех мелких животных, на которых он оттачивал свое мастерство.

— Мне нравится работать по-крупному, — радостно сообщил он Смутному Генри, после того как ловко разделал огромную голштинскую корову.

Смутному Генри пришлось довольствоваться кормлением животных и разноской случайных сообщений в соседние палатки — от него требовалось доставлять их ко входам для прислуги. Это давало ему возможность видиться с Рибой, которая теперь не выходила у него из головы. Их встречи были мимолетными, но ее лицо каждый раз светилось, и говорила она взволнованно, касаясь руки Генри и улыбаясь ему своей очаровательной улыбкой, обнажавшей некрупные белые зубы. Однако довольно скоро Смутный Генри начал замечать, что она почти никого не обделяла этой своей улыбкой и демонстрацией благорасположения. Это было у Рибы в крови: открытость и желание завоевать всеобщую симпатию, — и люди откликались на ее порыв, зачастую сами удивляясь тому, как много стала значить для них эта обаятельная улыбка. Но Смутный Генри хотел, чтобы Рибка улыбалась только ему.

С тех пор как они вдвоем провели в Коросте пять дней, он хранил темный секрет, связанный с Рибой. Поначалу, изумленный, он относился к ней с трепетным почтением, словно ему выпало совершить пешее путешествие с ангелом. Всякого мужчину когда-либо завораживала женская красота, но представьте себе, как был околдован ею паренек, который вырос в полном неведении о том, что подобные существа вообще есть на свете. Проведя

несколько дней в компании Рыбы, он начал понемногу успокаиваться, однако в нем зародились более глубинные чувства, нежели уважительное восхищение. Он тщательно следил за тем, чтобы своим поведением ненароком не унизить небесное создание (хотя, в сущности, ему было совершенно невдомек, что может входить в понятие «унизить»). Нечто, чему он не знал названия, бродило глубоко внутри него.

Как-то раз они набрали на маленький оазис с родником, к счастью полноводным, вокруг которого образовалось крохотное озерцо. Рыба радостно рассмеялась, а Смутный Генри из врожденной деликатности зашел за небольшой холм, тянувшийся вдоль озерца. Здесь, лежа на спине, он начал свою первую великую битву с дьяволом. Искупитель Хауэр, бывший его духовным наставником в течение десяти лет, был бы оскорблен до глубины души, узнай он, сколь слабым оказалось сопротивление Генри и сколь неэффективными были его, Хауэра, бесконечные запугивания насчет того, что ад неминуемо ждет всех, кто совершает преступления против Святого Духа (именно-Святого Духа, по причинам, которых наставник никогда не объяснял, особо травмировали грешные желания подобного рода). Дьявол вмиг овладел волей Генри, который, перевернувшись на живот, медленно выполз, словно тот самый змий, слуга Вельзевула, из-за гребня холма. Была ли когда-нибудь еще столь щедро вознаграждена уступка искушению? Рыба стояла в воде, которая доходила ей до середины бедра, и лениво плескалась в ней. Ее груди, хотя Генри и не с чем было сравнивать, казались огромными, а венчавшие их ареолы были такого восхитительного бледно-розового цвета, какого Генри никогда в жизни не видел. Грудь колыбалась в такт движениям Рыбы с такой грацией, что он задохнулся от восхищения. А между ее ног... Но далее нам вход запрещен, хотя Генри и на миг не пришлось в голову принять во внимание этот запрет. Дьявол полностью овладел им. При виде секретнейшего из секретных мест у него замерло дыхание.

В душе Генри было выжжено множество образов ада, но в ней не было — до этого божественного мига — ни одного образа рая. И вот оно — само воплощение благодати в изящной складке мягкой кожи, к коей немислимо было прикоснуться, и это вызвало в его душе такой звонкий трепет, что она звенела и сотрясалась от восторга вплоть до того самого дня, когда Генри суждено было умереть.

Преображенный этим священным трепетом, Смутный Генри медленно отполз за гребень холма. Рыба же еще долго продолжала плескаться, понятия не имея о священном прозрении, происходящем за ближним холмом. Даже если бы Генри остался на берегу озерца и открыто наблюдал за ней, она не увидела бы в этом ничего предосудительного. Рыбе нравилось доставлять удовольствие мужчинам. В конце концов, именно для этого ее и растили. Что же до Смутного Генри, то его можно сравнить с камертоном, по которому разок ударили, и он начал вибрировать — и продолжал вибрировать еще много месяцев спустя. Природа наделила Генри способностью испытывать страстное желание, но прожитые годы жизни не доставили ни опыта, ни понимания, которые помогли бы ему справиться с ним.

С устройством Рыбе повезло гораздо больше, чем мальчикам. Для начала ее сделали горничной горничной личной горничной мадемуазель Джейн Вельд. Каким бы низким ни было это положение в жестоком мире дамской прислуги, иным требовалось лет пятнадцать службы, чтобы его завоевать. Племянница Канцлера Випона отнеслась к Рыбе с особой неприязнью, раздосадованная тем, что ей пришлось — и все это видели — держать в своем штате под-подгорничную столь низкого звания. Однако ее неприязнь стала ослабевать (а вместе с этим начала возрастать и без того сильная неприязнь со стороны других горничных), когда выяснилось, что Рыба обладает уникальными умениями, которые так ценятся в дамской прислуге: она была величайшей мастерицей изящно и безболезненно укладывать волосы; она умела выдавить прыщ или угорь на лице настолько деликатно, насколько это вообще в человеческих возможностях, а потом замаскировать красноту так, что та была совершенно не видна; лица расцветали под воздействием домашних кремов и лосьонов, в приготовлении которых Рыба была просто волшебницей; уродливые ногти становились изящными, ресницы — густыми, губы — алыми, ноги — гладкими (причем

волосы с них она удаляла без обычной чудовищной боли). Одним словом, Рибка оказалась находкой.

Это поставило мадемуазель Джейн перед вопросом: что делать с двумя ее другими, теперь уже не нужными личными горничными, старшая из которых служила ей с детства. Будучи во многих отношениях воплощением того, что называют холодной красавицей, мадемуазель Джейн не была совсем уж бессердечной и не могла заставить себя вот так прямо заявить старой Брайони, что больше не нуждается в ее услугах. Она понимала, как расстроится Брайони, а кроме того, ее очень тревожило, что та была в курсе многочисленных секретов, которыми мадемуазель Джейн с ней опрометчиво делилась: имея достаточный повод, разозленный человек может вспылать желанием выдать их. Решив избавить Брайони от болезненной процедуры увольнения после двенадцати лет беспорочной службы, мадемуазель Джейн отправила старую горничную купить тюбик розмаринового кольдкрема, а сама велела тем временем собрать ее вещи. По возвращении несчастная горничная обнаружила лишь пустую комнату и слугу, вручившего ей конверт. В конверте лежали двадцать долларов и записка с благодарностью за верную службу и сообщением, что Брайони переводят в качестве горничной к дальней родственнице бывшей хозяйки в отдаленную провинцию. В знак признательности за вышеупомянутую верную службу в долгой дороге ее будет сопровождать слуга, который передал Брайони конверт и которому приказано неотлучно находиться при ней и охранять ее до самого пункта назначения. Мадемуазель Джейн желала Брайони удачи и выражала надежду, что ее дальнейшая судьба сложится наилучшим образом. Не прошло и двадцати минут, как Брайони уже сидела в седле и вместе со своим защитником направлялась к новой жизни. Больше о ней никто никогда не слышал.

Вторую горничную — на тот случай, если Брайони была так же несдержанна на язык, как ее хозяйка, — тоже сослали в глухой угол, и мадемуазель Джейн получила возможность наслаждаться жизнью, в которой прыщи, угри, тонкие губы и непослушные волосы стали не более чем воспоминанием.

В течение нескольких месяцев молодая аристократка пребывала в раю. Благодаря искусству Рибки ее довольно посредственная внешность неправдоподобно преобразилась к лучшему. У нее появилось еще больше поклонников, что побуждало ее — как требовали традиции ухаживания, принятые у Матерацци, — относиться к ним еще более презрительно и насмешливо. Если вы когда-либо разбивали чье-нибудь сердце, вам хорошо известно, что не существует средства, сколь бы редким и дорогим оно ни было, которое могло бы доставить такое же острое наслаждение, как сознание того, что ты — средоточие чьих-то грез и желаний и что в твоей власти всего лишь легкой улыбкой или взглядом раздавить человека.

Поначалу ничего вокруг себя не замечавшая от восторга, гордящаяся тем, что теперь разбивает больше сердец, чем даже ненавистная Арбелла Лебединая Шея, мадемуазель Джейн со временем стала подмечать нечто настолько странное и невиданное, что в течение нескольких недель оно представлялось ей плодом собственной фантазии.

Кое-кто из молодых аристократов — правда, не все, а лишь кое-кто, — казалось, вовсе не были так уж удручены ее неизменными отказами, как она того ожидала. Конечно, и эти претенденты стенали, вздыхали, горько жаловались и умоляли ее взять отказ обратно, подобно всем другим, однако, как мы видели, мадемуазель Джейн обладала определенной чуткостью (пусть лишь в том, что касалось ее самой), отчего она и начала подозревать, что все эти проявления чувств не были до конца искренними. И что это могло означать? Быть может, думала девушка, она просто привыкла разбивать сердца, и острота удовольствия притупилась, как то бывает с удовольствиями, коим слишком часто предаешься? Но нет, это было не так, поскольку сама она испытывала ничуть не ослабевающий прилив чувств, когда речь шла о тех поклонниках, которые искренне страдали от ее холодности. Что-то происходило.

Позднее утро мадемуазель Джейн по обыкновению отводила для разбивания сердец и

не скупилась на время, иногда посвящая минут по тридцать тем, кто был особенно хорош в мольбах и изливании жалоб на ее красоту, бездушие и жестокость. На этот раз она решила все утро отдать тем, кого подозревала, чтобы либо утвердиться в своих тревожных сомнениях, либо развеять их. Ее покои были устроены так, что она легко могла подглядывать за своими поклонниками в момент их прибытия и ухода, чем мадемуазель Джейн и воспользовалась в то утро.

Уже через несколько часов ее ярость разыгралась не на шутку, потому что худшие опасения подтвердились сверх всякой меры. И все из-за этой неблагодарной потаскушки Рыбы.

Трижды в то утро мадемуазель пришлось выдерживать притворные жалобы на разбитое сердце от молодых людей, которые, как стало теперь очевидно, приходили к ней исключительно из-за того, что это давало возможность, явившись пораньше и быстро покончив с унизительной процедурой ползания на коленях перед мадемуазель Джейн, остальное время паяться на жирную шлюху Рыбу. Это было невероятно унизительно; они не только обманывали самую красивую и желанную женщину Мемфиса (что было преувеличением — мадемуазель Джейн в лучшем случае была номером пятнадцатым в списке первых красавиц, — впрочем, учитывая ее состояние крайнего гнева, преувеличением вполне простительным), но они еще и предпочитали мадемуазель Джейн существу размером с дом, которое колыхалось при каждом шаге, как бланманже.

Это оскорбление — а для женщины рода Матерацци быть названной толстой считалось смертельным оскорблением, — конечно, тоже не полностью соответствовало действительности. Да, Рыба составляла разительный контраст своей хозяйке и вообще всем женщинам Матерацци, но она отнюдь не колыхалась, как бланманже; кроме того, в те два месяца, что Рыба провела в Мемфисе, она была так занята, что не имела ни времени, ни возможности есть столько, сколько ела в Святилище, в результате чего значительно потеряла в своей масляной пухлости. То, что прежде казалось слишком уж необычным, теперь стало весьма соблазнительно необычным. Привыкшие к мальчишеской худощавости и неприветливости женщин Матерацци, юноши Матерацци все с большим интересом заглядывались на изгибы фигуры и покачивающиеся округлости Рыбы, когда она медленно прогуливалась со своей надменной хозяйкой. Равно привлекательными для них были ее веселая улыбка и приветливое обращение. Мужчины Матерацци были с детства воспитаны на ритуалах рыцарской любви, подразумевавших безответное и безнадежное обожание бесстрастного объекта поклонения, который ни во что их не ставил. Поэтому тот факт, что значительное количество поклонников перенесло свое внимание на пышнотелую красавицу, которая отнюдь не смотрела на них как на гадость, которую кошка приволокла из сада, едва ли нуждается в объяснении.

В приступе чудовищной ярости мадемуазель Джейн выбежала из своего укрытия в главную приемную, где Рыба только что закрыла дверь за юным Матерацци, который вышел на улицу улыбаясь, со взором, затуманенным желанием, и стала громко звать домоправительницу:

— Анна-Мария! Анна-Мария!

Рыба в изумлении взирала на свою пунцовую от гнева хозяйку.

— Что случилось, мадемуазель?

— Заткни свой поганый рот, ты, пузатая бочка с салом, — притворно вежливым тоном произнесла мадемуазель Джейн к крайнему изумлению Анны-Марии, которая поспешно явилась на истеричные крики хозяйки. Взглянув на нее так, словно еще секунда, и она взорвется, мадемуазель Джейн указала на Рыбу: — Вышвырни эту коварную мошенницу из моего дома. И чтобы я больше никогда не видела здесь эту проشمандовку!

Мадемуазель Джейн собралась было завершить свою тираду увесистой пощечиной, но передумала, заметив, как удивление на лице Рыбы сменилось гневом от такого чудовищного оскорбления.

— Убрать ее с глаз моих! — крикнула она Анне-Марии и, шелестя шелками, метнулась

обратно в свои покои.

20

ИдрисПукке не оставил попыток переучить желудок Кейла. Его новая диета поначалу должна была быть простой — в конце концов, разве не простота является проверкой мастерства хорошего повара? В следующий раз вернувшись с прогулки, Кейл увидел еще одно фирменное блюдо ИдрисаПукке: свежую форель, выловленную в озере близ сторожки, чуть подкопченную, с вареным картофелем, травами и листьями. К картошке Кейл отнесся с осторожностью, поскольку она была сдобрена небольшим количеством растопленного масла, но все прекрасно удержалось в желудке, так что он даже попросил добавки.

Так, день за днем, шло время. Кейл, как и прежде, совершал долгие прогулки то с ИдрисомПукке, то без него. Они часами сидели и разговаривали, вернее, говорил, конечно, в основном ИдрисПукке. Он также учил Кейла ловить рыбу, вести себя за столом в культурном обществе (не рыгать, не чавкать, есть с закрытым ртом) и пересказывал ему свою удивительную жизнь, порой прохаживаясь на собственный счет, что поначалу смущало Кейла. Посмеяться над взрослым означало получить суровую порку, а следовательно, тот, кто приглашал тебя посмеяться над ним, не заслуживал доверия. Одновременно ИдрисПукке продолжал обогащать Кейла своей жизненной философией.

— Любовь между мужчиной и женщиной — лучшее подтверждение того факта, что все в мире надежды есть лишь бессмысленные заблуждения, ибо любовь сулит чрезмерно много, а дает чрезмерно мало.

Или:

— Я знаю, мне нет необходимости говорить тебе, что весь этот мир — сущий ад, но постарайся понять, что в этом аду мужчины и женщины, с одной стороны, — души, подвергающиеся адским мучениям, а с другой — сами черти, которые эти мучения устраивают.

И еще:

— Ни один по-настоящему разумный человек никогда ничего не примет на веру только потому, что некий авторитет утверждает, будто так оно есть. Не верь ни во что, в чем ты лично не убедился.

В ответ Кейл рассказывал ему о своей жизни у Искупителей.

— Поначалу мы боялись не только побоев. В те первые дни мы верили в то, что они говорили: что якобы, даже если нас не застукают за чем-то неподобающим, мы все равно грешны от рождения и что Бог видит все, что мы делаем, поэтому мы независимо ни от чего обязаны признаваться во всех неблагоприятных поступках. А если не признаемся, умрем в грехе, попадем в ад и будем там гореть вечно. Мальчики действительно умирали каждые несколько месяцев, а Искупители говорили нам, что они отправились в ад, где корчатся в вечном пламени. В те времена я, бывало, лежал ночами напролет без сна после молитвы, которая начиналась словами: «Если я умру сегодня ночью». Иногда я был совершенно уверен, что стоит мне заснуть, и я умру, после чего буду пребывать в вечных муках. — Он помолчал: — ИдрисПукке, сколько тебе было лет, когда ты узнал, что такое страх?

— Во всяком случае, гораздо больше пяти. Это случилось во время битвы при Козлиной реке. Сколько же мне тогда было?.. Семнадцать. На нас напали во время разведывательного рейда. Это было мое первое настоящее сражение. Не то чтобы я не был тренирован. Был, притом весьма недурно, я был третьим в своем классе. Но друзская кавалерия неожиданно перевалила через гору, все смешалось, поднялся дикий шум, и начался всеобщий хаос. Я потерял дар речи, у меня язык словно бы прилип к нёбу. Я весь дрожал и чуть не... ну...

— Не обоссался? — подсказал Кейл.

— Почему бы и не так, если говорить прямо? Когда все кончилось, а дело-то продолжалось минут пять, не больше, я оказался жив. Но я даже не обнажил свой меч.

— Это кто-нибудь заметил?

— Да.

— И что сказал?

— Сказал: «Ничего, привыкнешь».

— И тебя не выпороли?

— Нет. Но если бы такое случилось еще раз, думаю, я долго не протянул бы. — ИдрисПукке тоже помолчал, потом спросил: — Значит, ты ничего подобного никогда не испытывал?

Это был совсем не простой вопрос. Одним из условий, на которых брат — чтобы быть совершенно точным, сводный брат — отпустил ИдрисаПукке и вверил ему Кейла, было то, что он должен был узнать о мальчике все, особенно выяснить причину его полного бесстрашия и определить, является ли оно его исключительным качеством или Искупители умеют таковое воспитывать.

— Я постоянно боялся, когда был маленьким, — ответил Кейл после паузы. — Но потом это кончилось.

— Почему?

— Не знаю.

Разумеется, это не было правдой, во всяком случае, полной правдой.

— А теперь ты совсем ничего не боишься? — спросил ИдрисПукке.

Кейл задумчиво посмотрел на него. В последние несколько недель он увидел и узнал много такого, что удивляло его, и за это он был благодарен ИдрисуПукке. Он испытал много странных, незнакомых эмоций — чувство дружбы, ощущение доверия. Однако требовалось нечто большее, чем несколько недель доброты и щедрости, чтобы заставить Кейла утратить бдительность. Он подумал, не сменить ли тему, но затем решил, что, похоже, не имело особого значения, если на этот вопрос он ответит правдиво:

— Я испытываю страх перед вещами, которые могут навредить мне в целом. Я знаю, что хотят сделать со мной Искупители. Это трудно объяснить. Но бой... — тут совсем другое. Что ты там говорил насчет сражения при... — Кейл вопросительно посмотрел на ИдрисаПукке.

— При Козлиной реке, — подсказал тот.

— ...ну да, так вот все это — трясучка, боязнь обоссаться...

— Что-то непохоже, чтобы ты щадил мои чувства.

— ...Я испытываю нечто прямо противоположное. Я становлюсь холодным, бесчувственным, и в моей голове все четко проясняется.

— А потом?

— Что ты имеешь в виду?

— Потом тебе бывает страшно?

— Нет. Обычно я вообще ничего не чувствую — за исключением того случая, когда я отдела Конна Матерацци. Это было очень приятно. Но когда я убивал солдат на ринге, мне вовсе не было приятно. В конце концов, они не сделали мне ничего плохого. — Кейл замолчал. — Я больше не хочу об этом говорить.

ИдрисуПукке хватило мудрости не испытывать удачу дальше, так что в течение нескольких следующих недель Кейл возобновил свои прогулки в одиночестве, а по вечерам они пили, курили и ели вместе. Постепенно, по мере того как желудок Кейла закалялся, пища становилась более сытной: рыба, жаренная в хрустящем кляре, больше масла в овощах, немного сливок к ежевике...

Все два месяца, в течение которых Кейл и ИдрисПукке наслаждались покоем и безмятежностью «Крон», за ними наблюдали мужчина и женщина. В этом не было ни заботы, ни желания оберечь — представьте себе плотную материнскую опеку, только лишенную любви.

В сказках о хороших и плохих людях только хорошие страдают от чудовищного

невезения, несчастных случаев и ошибок. Плохие всегда предусмотрительны, действуют организованно и строят хитроумные планы, которые срываются лишь в последнюю долю секунды. Зло всегда на пороге победы. В реальной жизни и плохие, и хорошие совершают простейшие ошибки, которых, казалось бы, так легко избежать, и у тех, и у других бывают неудачные дни, и те, и другие сбиваются с пути. У людей глубоко порочных хватает слабостей, помимо желания убивать и увечить. Даже в самой суровой и жестокой душе есть уязвимые места. Даже в самой безводной пустыне встречаются свои озера, тенистые деревья и тихие ручейки. Не только дождь одинаково окропляет праведного и неправедного, но и везение-невезение с его непредвиденными победами и незаслуженными поражениями.

Дэниел Кэдбери, привалившийся к тутовому дереву, закрыл книгу, которую читал, — «Печального принца» — и довольно хмыкнул.

— Тише! — шикнула на него, услышав звук захлопнувшейся книги, женщина, которая, стоя к нему спиной, во что-то внимательно вглядывалась. Она резко повернула голову.

— До него две сотни ярдов, — сказал Кэдбери. — Парень ничего не слышит.

Убедившись, что Кейл продолжает спать, лежа внизу, на берегу реки, женщина снова посмотрела на Кэдбери, на этот раз просто так. Будь он кем-нибудь другим, а не убийцей, бывшим галерным рабом и время от времени осведомителем Китти Заяц, Кэдбери мог бы занервничать. Женщина была не то чтобы уродливой, скорее просто абсолютно никакой, но ее глаза, в которых не проглядывало ничего, кроме враждебности, кого угодно могли заставить чувствовать себя неуютно.

— Хочешь почитать? — спросил Кэдбери, протягивая ей книгу. — Она очень занятная.

— Я не умею читать, — ответила женщина, полагая — вполне, надо сказать, справедливо, — что он над ней насмехается.

При обычных обстоятельствах Кэдбери поостерегся бы дразнить Дженнифер Планкетт, убийцу, которую Китти Заяц обожал и ценил настолько, что держал исключительно для личных, самых трудных поручений.

Кэдбери даже испуганно вскрикнул, когда Китти Заяц объявил, кто будет его напарником:

— Только не Дженнифер Планкетт! Пожалуйста!

— Согласен, не очень приятная компания, — проболтал тогда Китти, — но слишком много важных персон интересуется этим мальчиком, включая меня, и интуиция подсказывает мне, что в твоём случае могут понадобиться навыки членовредительства того рода, какими Дженнифер Планкетт владеет непревзойденно. Потерпи ее ради меня, Кэдбери.

На том разговор и закончился.

Только из-за скуки Кэдбери вызывающе провоцировал эту опасно талантливую убийцу. Они следили за мальчиком вот уже месяц, но тот лишь ел, спал, плавал, ходил и бегал. Даже удовольствие, которое Кэдбери получал от «Печального принца», книги, которую Дэниел с наслаждением перечитывал в двенадцатый раз за двенадцать лет, не спасало: он становился все более беспокойным.

— Я не хотел тебя оскорбить, Дженнифер.

— Не называй меня Дженнифер.

— Но должен же я как-нибудь тебя называть.

— Нет, не должен. — Она не отводила взгляда и не моргала. Ее терпение имело пределы, и они были не так уж широки.

Кэдбери пожал плечами, давая понять, что уступает, но Дженнифер Планкетт не шелохнулась. Он начал подумывать, не следует ли ему приготовиться, однако в следующий момент она, словно зверь, не принимающий человеческой компании, отвернулась и снова стала наблюдать за спящим мальчиком.

«У нее странный не только взгляд, — подумал Кэдбери, — но и то, что за ним стоит. Она вроде живая, но я понять не могу, как именно существует в ней жизнь».

Учитывая свою профессию, Кэдбери прекрасно знал людей, склонных к убийству. В

конце концов, он сам был одним из них. Он убивал, когда требовалось, редко испытывал при этом удовольствие, а иногда делал это неохотно и даже чувствовал угрызения совести. Большинство же наемных убийц получают некоторое удовольствие от того, что они делают, — кто больше, кто меньше. Дженнифер Планкетт была совсем особенной. Кэдбери не мог понять, что происходило с ней, когда она убивала. То, чему он оказался свидетелем, когда Планкетт ликвидировала двух соглядатаев, которых арестовали подкупленные Идрисом Пукке солдаты, не было похоже ни на что виденное им прежде.

После своего освобождения, так и не поняв, что исполняют роль подсадных уток, те двое каким-то образом все же отыскивали «Кроны» и разбили лагерь в лесу, в полумиле от охотничьего домика. Не посоветовавшись с Кэдбери — что было неэтично с профессиональной точки зрения, но он решил не заострять на том внимания, — Дженнифер Планкетт подошла сзади к этим двоим, когда они, сидя у костра, кипятили чай, и заколола обоих. Что больше всего поразило Кэдбери, так это полное отсутствие малейших признаков суеты и волнения. Она убила их, приложив не больше усилий, чем прилагает мать, собирая игрушки своих детей, — с какой-то усталой рассеянностью. Мужчины осознали, что происходит, только в момент смерти. Даже самым жестоким на его памяти палачам требовалось настроиться на убийство. Дженнифер Планкетт — нет.

Его размышления были прерваны шумом, послышавшимся от реки: мальчик проснулся и встал. Он вскарабкался на крутой берег, отошел от края ярдов на двадцать, издал низкий протяжный клич: «У-у-у-у-у-у-у!» — и, постепенно ускоряясь, побежал обратно. Голос его становился все выше и достиг пронзительной точки, когда он прыгнул с берега, словно бомба, пролетел по воздуху и нырнул в реку, расплескав воду вокруг себя. Почти в тот же миг тело его словно бы выстрелило из воды; он озорно закричал, обожженный ледяным холодом, расхохотался и вылетел на берег. Там, совершенно нагой, он закружился в каком-то безумном танце, вопя и смеясь от несравненного наслаждения, какое получаешь, выбравшись из ледяной воды на прогретый солнцем летний воздух.

— Хорошо быть молодым, да? — сказал Кэдбери, невольно разделяя мальчишеский восторг Кейла.

И тут он увидел ошеломляющее подтверждение своим словам: Дженнифер Планкетт улыбалась! Ее лицо преобразилось, словно его коснулась кисть небесного живописца. Дженнифер Планкетт была влюблена! Однако, что бы ни представлял собой рай, в который перенес ее мальчик, она тотчас покинула его, почувствовав на себе взгляд Кэдбери, и уставилась на напарника, моргая, как ястреб или дикая кошка. Потом выражение ее лица стало отсутствующим, и она снова повернулась к реке.

— Как думаешь, что Китти Заяц собирается с ним сделать? — спросила она.

— Понятия не имею, — ответил Кэдбери. — Но уверен, что ничего хорошего. А жаль, — добавил Дэниел совершенно искренне, — он кажется таким счастливым пареньком.

Еще не закончив фразы, Кэдбери пожалел о том, что произнес ее, но он еще не оправился от потрясения, вызванного тем зрелищем, которому только что оказался свидетелем. Это было так же невероятно, как увидеть змею, покрасневшую от нежности.

«Пусть это послужит мне уроком, — подумал он, — чтобы не воображал, будто знаю, что происходит в чужой душе».

Продолжая размышлять, что означает и чем чреват этот невиданный поворот событий, он снова сел на землю и прислонился спиной к тутовому дереву.

Как оказалось, выяснить это ему предстояло очень скоро. Кэдбери был слишком умен, чтобы пытаться обсуждать случившееся, и притворился спящим, однако из-под неплотно прикрытых век следил за Дженнифер. Он уже вытащил свой моттовский нож и спрятал его под правым, дальним от нее бедром, крепко обхватив ладонью рукоять. Не менее получаса Кэдбери наблюдал за ее неподвижной спиной. Воздух меж тем время от времени оглашали восторженные вопли мальчика, его смех и плеск воды.

А потом Дженнифер повернулась и направилась к Кэдбери, как всегда, без малейших признаков суеты и волнения, на ходу занося нож для смертельного удара. Он отразил его

левой рукой и снизу ударил правой с зажатым в ней моттовским ножом. Даже в тот момент, когда, сцепившись в смертельном клинче, почти касаясь друг друга губами и глядя прямо друг другу в глаза, они катались по ковру из опавших осенних листьев, устилавших землю, он не мог не восхищаться быстротой ее реакции. То один, то другая оказывались сверху, и лишь им двоим были слышны их жаркое хриплое дыхание и шорох сухих листьев. Наконец стало сказываться его физическое превосходство. Жилистое тело Планкетт извивалось, корчилось, выворачивалось из всех сил, но Кэдбери удалось пригвоздить ее; казалось, все было кончено. Однако, помимо ненависти и гнева, оставалось еще одно оружие, к которому могла прибегнуть Дженнифер: ее наводящая ужас любовь. Как могла она сдаться и умереть? Сделав глубокий вдох, женщина резко перевернулась на бок, лишив Кэдбери равновесия, рывком освободилась от его левой руки, вскочила и со всех ног бросилась вниз по склону — к своему дорожному мальчику.

— Томас Кейл! Томас Кейл! — кричала она на бегу.

Обнаженный мальчик, карабкавшийся вверх по покрытому мхом крутому берегу, поднял голову и застыл с открытым ртом при виде мчавшейся к нему гарпии, которая отчаянно вопила, вновь и вновь повторяя его имя:

— Томас Кейл! Томас Кейл!

В своей проклятой жизни Кейлу довелось повидать много необычного, но это зрелище было самым странным из всего виденного: какое-то бесполое существо с диким выражением лица, с жутким, безумным взглядом, размахивая ножом, несло прямо на него. Пораженный, он побежал туда, где лежали его вещи, нащупал меч, уронил его, схватил снова и успел приподнять в тот самый момент, когда существо с истошным воплем навалилось на него.

Послышался резкий всхлип и гулкий шлепок — как будто мужская ладонь хлопнула по крупу лошади. Дженнифер словно бы отрывисто кашлянула и покатилась, переворачиваясь через голову, мимо ошарашенного Кейла, пока с грохотом не впечаталась в ствол остролистого дуба.

Кейл спрятался за дерево, его сердце колотилось и трепетало, как только что пойманная птица. Он стал озираться в поисках убежища. Вокруг дерева была неровная дуга открытого пространства шириной от сорока до шестидесяти ярдов. Кейл взглянул на тело. Теперь стало ясно, что это женщина. Скорчившись, она лежала у основания дуба на боку, вполоборота к нему, из спины у нее торчало что-то похожее на оперение треххвостовой стрелы, наконечник которой едва выглядывал из груди. Из носа текла кровь, каждые три-четыре секунды на землю падала капля. Попасть в столь стремительно несущуюся мишень было непросто, но не невозможно. Стрела была пущена оттуда, откуда прибежала женщина, так что, куда бы ни двинулся сейчас Кейл, ему придется пересечь линию огня. Чтобы добраться до укрытия, понадобится секунд пять-шесть — вполне достаточно для одного, не более, выстрела, но выстрел достигнет цели, если стрелок хорош. А он, похоже, так же хорош, как Кляйст. У Кляйста три из каждых четырех таких выстрелов попадали в цель.

— Эй! Сынок!

«Ярдах в двухстах, строго впереди», — определил Кейл.

— Чего тебе? — крикнул он в ответ.

— Как насчет того, чтобы сказать спасибо?

— Спасибо. А теперь почему бы тебе не убраться?

— Ах ты, неблагодарный маленький засранец, я ведь только что спас тебе жизнь.

«Интересно, он двигается? Судя по звуку, да».

— Кто ты?

— Твой ангел-хранитель, парень, вот кто я. Она была плохой девчонкой, очень плохой.

— А чего ей было нужно?

— Перерезать тебе горло, приятель. Она этим зарабатывала на жизнь.

— Почему мне?

— Понятия не имею, дружок. Випон послал меня присматривать за тобой и его

непутевым братцем.

— Почему я должен тебе верить?

— Ни почему. В любом случае не забивай себе голову. Я просто не хочу, чтобы ты шел за мной. Не хотелось бы, чтобы я был вынужден следующую стрелу всадить в тебя, особенно после тех усилий, которые я приложил, чтобы спасти тебе жизнь. Так что оставайся на месте в течение пятнадцати минут, за это время я уйду, не причинив тебе вреда. Хорошо?

Кейл поразмыслил: броситься со всех ног, догнать этого человека, схватить его и выбить из него правду? Или получить на бегу стрелу в спину? Судя по голосу, человек не шутил. Так или иначе, выбор был.

— Хорошо. Пятнадцать минут.

— Слово чести?

— Что?

— Не важно.

С этим оба — и Кэдбери, и Кейл — начали движение: Кэдбери ретировался с полной выкладкой в самую глухую часть леса, а Кейл, стараясь держаться за деревом, соскользнул в реку и осторожно поплыл вдоль берега прочь от этого места.

Три часа спустя Кейл и ИдрисПукке снова были на берегу и осматривали тело мертвой женщины, лежавшее под покровом густых деревьев. Они потратили два часа, пытаясь найти хоть какие-нибудь следы добровольного спасителя Кейла, но так ничего и не выявили. ИдрисПукке обыскал труп и быстро обнаружил три ножа, две удавки, тиски для пальцев, кастет, а во рту, вдоль десны слева — гибкое лезвие с дюйм длиной, обернутое шелком.

— Какова бы ни была ее цель, — сказал ИдрисПукке, — продавать тебе бельевые прищепки она явно не собиралась.

— Ты ему веришь?

— Твоему спасителю? Выглядит правдоподобно. Не могу сказать точно, верю ли я ему, но надо признать: если бы он хотел убить тебя, он мог бы сделать это в любой момент за последний месяц. И все же чую я здесь какой-то душок.

— Ты действительно думаешь, что его послал Випон?

— Не исключено. Слишком много возни вокруг такой личности, как ты. Не обижайся.

Причина, по которой Кейл не обиделся на замечание ИдрисаПукке, состояла в том, что он и сам думал так же.

— А женщина? — спросил он наконец.

— Ее надо просто скинуть в реку.

Так они и сделали, и это был конец Дженнифер Планкетт.

В тот вечер безопасности ради они ужинали внутри дома, обсуждая, что делать дальше в связи со странными событиями этого дня.

— Штука в том, — сказал ИдрисПукке, — что мы мало что можем сделать. Если бы те, кто убил женщину, кем бы они ни были, хотели сделать с тобой то же самое, они бы давно уже это сделали. Или сделают завтра.

— Ты сказал, что все это чем-то воняет.

— Вполне вероятно, что Випон послал кого-нибудь следить за нами, пусть по каким-то своим, не известным нам соображениям. Возможно также, что кто-нибудь из Монда, кого ты прилюдно унизил, нанял кого-то угробить тебя. У этих хватило бы и денег, и желчи. Похоже, что женщина собиралась на тебя напасть — у нее в руке был нож. Мужчина ей помешал, а потом убрал ее. Но это просто факты. Притом не все, к тому же мы можем в дальнейшем обнаружить нечто, что заставит нас взглянуть на них совсем в другом свете. Но пока соображение только одно: останься мы здесь или смени место — мы все равно полностью незащитны перед лицом любого человека, у которого есть четкая цель и достаточно злобы или мстительности в сердце. Мы истолковываем факты так, а не иначе, потому что и сами могли бы поступить подобным образом. Возражения есть?

— Нет.

— Ну, значит, так тому и быть.

Прятаться в доме особого смысла не было. Кейл хорошо понимал это, поэтому он вышел наружу покурить. В фатализме ИдрисаПукке был резон, но, в конце концов, речь ведь шла о его, Кейла, судьбе. Как любил повторять сам ИдрисПукке, всякий философ может философски относиться к зубной боли, кроме того, который эту боль испытывает. Погруженный в эти мысли, Кейл почти не обратил внимания на откормленного голубя, расхаживавшего по столу на террасе и клевавшего засохшие хлебные крошки.

— Не двигайся, — тихо произнес за спиной Кейла ИдрисПукке.

Он медленно приближался к голубю с кусочком хлеба в вытянутой руке. Когда голубь начал клевать хлеб, ИдрисПукке осторожно обхватил его ладонью, потом сжал крепче. Перевернув его вверх ногами, он снял с одной лапки надетое на нее маленькое металлическое кольцо. Кейл в изумлении взирал на его действия.

— Это почтовый голубь, — объяснил ИдрисПукке. — Его послал Випон. Подержи. — Он передал птицу Кейлу, разъял кольцо, достал из него листок тонкой рисовой бумаги и принялся читать послание. По мере чтения лицо его мрачнело. — Отряд Искупителей захватил Арбеллу Лебединую Шею.

Кейл покраснел от неожиданности и смущения.

— Зачем?

— Здесь об этом ничего не сказано. Дело в том, что она пребывала на озере Констанц. Это в пятидесяти милях отсюда. Кратчайший путь оттуда к Святилищу пролегает через перевал Кортина — милях в восьмидесяти к северу от нас. Если отряд Искупителей поедет по этой дороге, мы должны обнаружить его и дать знать войскам Випона, которые он уже выслал. — ИдрисПукке выглядел озабоченным и взволнованным. — Бессмыслица какая-то. Это ведь фактически объявление войны. Зачем Искупители пошли на такое?

— Не знаю. Но смысл должен быть. Без одобрения Боско подобное не могло случиться. А Боско всегда знает, что делает.

— Ладно. Нынче новолуние, поэтому ночью ни они, ни мы двигаться не можем. Сейчас соберем вещи, поспим, а на заре выступим. — ИдрисПукке глубоко вздохнул. — Хотя, видит бог, у нас очень мало шансов перехватить их.

21

Утром ИдрисПукке разрешил выступать, только когда стало достаточно светло, чтобы все отчетливо видеть. Кейл настаивал, что надо рискнуть раньше, но ИдрисПукке не трогался с места.

— Если одна из лошадей в темноте подвернет ногу, мы не сможем двигаться дальше.

Кейл понимал, что ИдрисПукке прав, но ему так не терпелось поскорее пуститься в путь, что он стонал от бессильного раздражения, на что ИдрисПукке минут двадцать не обращал никакого внимания. Наконец он дал команду, и они тронулись.

В течение следующих двух дней они останавливались только для того, чтобы дать отдых лошадям и поесть. Кейл все время подгонял ИдрисаПукке, тот спокойно возражал, что ни лошадям, ни ему самому — в отличие от Кейла — более быстрый темп не по силам. Если Искупителей предстояло засечь, то в этот момент все четверо обязаны быть дееспособными: хотя бы одна лошадь должна быть в форме, чтобы можно было на ней быстро доехать до ставки Матерации и передать информацию о численности и маршруте движения отряда Искупителей.

— Кажется, ты совсем не беспокоишься о девушке, — заметил Кейл.

— Именно потому, что я о ней беспокоюсь, я и настаиваю, чтобы все делалось по-моему, потому что я прав. А тебе-то что до Арбеллы Лебединой Шеи?

— Ничего. Но если я помогу остановить Искупителей, у Маршала появится разумная причина стать по отношению ко мне более великодушным, чем теперь. К тому же мои друзья находятся в заложниках в Мемфисе.

— Мне казалось, у тебя нет друзей — вас ведь свели вместе лишь обстоятельства.

— Я спас им жизнь — думаю, это достаточно дружеский поступок.

— О! — сказал ИдрисПукке. — Я-то считал, что героем ты стал вынужденно.

— Так и есть.

— И кто же ты тогда, мастер Кейл: человек, благородный по призванию или просто по стечению обстоятельств?

— Я вообще не благородный.

— Это ты так говоришь. Не уверен, что где-то там, в глубине, не прячется латентный герой.

— Что такое «латентный»?

— Еще не проявившийся, но готовый проявиться.

Кейл недобро усмехнулся:

— Если ты так думаешь, то будем надеяться, что ты не окажешься в положении, когда потребуется в этом убедиться.

ИдрисПукке счел за благо прекратить дальнейшую дискуссию.

На второй день они спустились на основную дорогу, ведущую к перевалу Кортана. Дорогой ее можно было назвать весьма условно.

— Вот уже шестьдесят лет, как ею никто не пользуется — с тех пор, как Искупители закрыли границы.

— Как далеко от перевала находится Святилище? — поинтересовался Кейл.

— Ты не знаешь?

— Искупители не разбрасывают повсюду географические карты — они вообще не делают ничего, что облегчило бы нам побег. Еще несколько месяцев назад я считал, что Мемфис находится за тысячи миль от нас.

Не будь ИдрисПукке в этот момент увлечен разглядыванием багряно-золотистой стрекозы, он бы распознал ложь по выражению лица Кейла, который и сам почувствовал, что разоблачил себя.

— Я хочу сказать... — добавил он, — я не знал, что это не так, пока не попал сюда.

Теперь ИдрисПукке уловил-таки замешательство — в голосе.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Ну, если ты так говоришь...

Испугавшись, что выдал то, что очень старательно скрывал, Кейл следующие десять минут хранил гробовое молчание. Когда же заговорил ИдрисПукке, казалось, что он все забыл, — да он и впрямь забыл.

— От перевала до Святилища добрые две сотни миль, но им незачем идти так далеко. В двадцати милях от границы находится гарнизон — Город Мучеников.

— Никогда о нем не слышал.

— Ну, он не так уж велик, но стены в нем очень толстые. Чтобы взять его, нужна целая армия.

— И что нам делать?

— Ничего. Матерацци обожает девчонку. Он отдаст им то, что им нужно.

— Откуда ты знаешь, что им что-то нужно?

— Другого смысла не вижу.

— То, в чем видишь смысл ты, и в чем — Искупители, это небо и земля.

— Значит, у тебя появилась идея? Ну, насчет того, что все это значит.

— Нет.

— К тебе это не имеет отношения?

Кейл рассмеялся:

— Искупители — банда ублюдков, но неужели ты думаешь, что они действительно способны развязать войну с Мемфисом из-за трех мальчишек и толстой девчонки?

ИдрисПукке хмыкнул:

— Если ставить вопрос так, как это делаешь ты, — нет. Но с другой стороны, ты врал

мне все эти последние два месяца.

— А кто ты такой, чтобы взыскивать правду?

— Лучший друг, какой у тебя есть.

— Неужели?

— Да, так уж случилось. Так ты ничего не хочешь мне сказать?

— Нет. — Тон, которым это было произнесено, пресекал любые дальнейшие разговоры.

Двадцать минут спустя они наткнулись на свежее кострище.

— Что думаешь? — спросил Кейл, глядя, как ИдрисПукке просеивает золу сквозь пальцы.

— Еще теплая. Несколько часов, не больше. — Он кивком указал на примятую траву и взрыхленную землю. — Сколько их, как ты думаешь?

Кейл вздохнул:

— Наверное, не меньше десяти, но не больше двадцати. Прости, я в этом плохо разбираюсь.

— Я тоже. — ИдрисПукке задумчиво и неуверенно огляделся. — Думаю, одному из нас нужно ехать обратно, чтобы сообщить Матерацци, каково положение вещей.

— Зачем? Это что, заставит их ехать быстрее? А даже если и заставит, что они станут делать, когда доберутся сюда? Стоит предпринять малейшее военное действие — и Искупители убьют ее. Они никогда не сдадутся, уж можешь мне поверить.

ИдрисПукке вздохнул:

— Ну, и что ты предлагаешь?

— Найти их и следить за ними, оставаясь незамеченными. Когда станет ясно, сколько их, мы решим, как поступить. Приведем маленький отряд Матерацци и все сделаем тихо. Вот что я думаю, пока мы их не засекали. Но все может оказаться по-иному.

ИдрисПукке шмыгнул носом и сплюнул на землю.

— Ладно. Ты их лучше знаешь.

Пять часов спустя начало темнеть. Кейл и ИдрисПукке забрались на вершину небольшого холма, находившегося как раз перед въездом на перевал Кортин — гигантскую расщелину в гранитной скале, которая знаменовала северную границу между владениями Искупителей и Матерацци.

С холма открывался вид на котловину глубиной футов двадцать и длиной ярдов восемьдесят, в которой они заметили шесть Искупителей, разбиравших лагерь. В центре группы сидела Арбелла Матерацци, вероятно, связанная, потому что она ни разу не пошевелилась за все время наблюдения. Минут через пять два Искупителя отошли к кустарнику, располагавшемуся в стороне, ярдах в двухстах.

— Если тебя удивляет, что их всего шестеро, то имей в виду: по крайней мере еще четверо наверняка несут караул по периметру. Одного верхового они послали в гарнизон, чтобы их встретили по другую сторону перевала.

— Я поспкачу обратно и постараюсь найти отряд Матерацци, — сказал ИдрисПукке.

— Зачем?

— Если они недалеко, может, рискнут выступить в темноте. Пусть они по дороге лишатся даже половины лошадей — в конце концов, Искупителей здесь самое большее дюжина.

— А если вы не поспеете сюда до рассвета, они скроются на перевале, и тогда их уже не достать. И даже если нет, нападение при свете дня означает неминуемую смерть Для девушки. Мы остановим их до того, как они тронутся в путь, или никогда.

— Но нас всего двое, — напомнил ИдрисПукке.

— Да, — ответил Кейл, — но один из нас — я.

— Это же самоубийство.

— Если бы это было самоубийством, я бы на это не пошел.

— Тогда почему ты это предлагаешь?

Кейл пожал плечами:

— Если я спасу девушку, то Его Гнусность Маршал будет обязан мне до гробовой доски. Во всяком случае, достаточно обязан, чтобы дать денег — много денег — и отпустить.

— Куда?

— Куда-нибудь, где тепло, где есть хорошая еда и главное — как можно дальше от Искупителей, чтобы только не за край света.

— А твои друзья?

— Друзья? О, они тоже смогут уйти. Почему бы нет?

— Риск слишком велик. Лучше оставить ее в заложницах, а Матерацци сможет выкупить ее, отдав Искупителям то, чего они хотят.

— А почему ты так уверен, что она — заложница? — холодно и раздраженно спросил Кейл.

ИдрисПукке воззрился на него:

— Ну-ну, выкладывай, может, теперь наконец мы узнаем правду?

— Правда состоит в том, что вы думаете, будто Искупители похожи на вас — пусть более злобные и сумасшедшие, но такие же, будто то, чего хотите вы и чего хотят они, ну... основывается на одном и том же. Но это не так. — Он вздохнул. — Не скажу, что я их понимаю, нет. Я думал, что понимаю, пока не убил этот мешок дерьма, Пикарбо. Я рассказывал тебе, что сделал это, чтобы не дать ему, ну, как бы сказать, копать во внутренностях девушки.

— То есть насиловать?

Кейл покраснел — ему не понравилось, что его поправили.

— Как ни назови, но он делал с ней вовсе не это. Он расчленил ее.

Тут Кейл во всех подробностях правдиво рассказал ИдрисуПукке, что случилось той ночью.

— Господь милосердный! — в ужасе воскликнул ИдрисПукке, когда он закончил. — Но зачем?!

— Понятия не имею. Вот поэтому я и сказал, что перестал думать, будто понимаю, что происходит в их грязных умишках.

— Но зачем им делать это с Арбеллой Матерацци?

— Говорю же: я не знаю. Может, они хотят посмотреть, как устроены женщины Матерацци, ну... — он запнулся, — изнутри. Не знаю. Но то, что они потребуют за нее денег, исключено. Это не в их правилах.

— Гораздо менее исключено, что они хотят вернуть тебя.

Кейл глотнул воздух, чтобы не рассмеяться.

— Они хотели бы устроить из моей казни показательный пример — ритуальный костер по всем правилам. И, не буду отрицать, они на многое пошли бы, чтобы заполучить меня, но начать войну с Матерацци из-за послушника?! Такого за тысячу лет ни разу не было. — Он мрачно ухмыльнулся. — Полагаю, Маршалу тоже это пришло в голову. Бьюсь об заклад, петух не успеет прокукарекать, как нас, всех четверых, уже будут везти в Святилище в порядке жеста доброй воли. Ты разве так не думаешь?

ИдрисПукке промолчал, потому что именно так он и подумал. Минуты две молчали оба.

— Да, риск есть. Но получиться может, — продолжил Кейл. — На нее мне наплевать, — солгал он, — я бы не стал рисковать жизнью ради испорченной соплячки Матерацци. Но если Искупители увезут ее, я потеряю все. А если мы ее отобьем — все приобрету. И ты, между прочим, тоже, не меньше меня. Единственное, что тебе надо сделать, это прикрыть меня. Если у меня ничего не выйдет, ты имеешь все шансы уйти. Кстати, давай смотреть правде в глаза: никто не скажет тебе спасибо, если выяснится, что ты ее нашел, но ничего не предпринял и позволил им ее увезти.

ИдрисПукке улыбнулся:

— Несправедливость жизни — лучший аргумент в споре. Хорошо. Рассказывай свой план.

— Всю жизнь, почти каждый день, Боско вколачивал в меня три слова: внезапность, жестокость, стремительность. Теперь он пожалеет, что делал это. — Кейл нарисовал в опавшей сухой хвое круг: — По этой окружности будет четверо часовых: на востоке, западе, юге и севере. Луны сегодня нет, поэтому придется ждать рассвета. Ты убьешь западного часового, как только сможешь его различить. После этого я прикончу южного. Тебе придется остаться на позиции западного часового, поскольку это единственное место, находящееся на расстоянии выстрела от скалы, к которой привязана девушка. Я вытащу ее оттуда, перерезав веревки. Ты умеешь кричать по-птичьи?

— Могу совой, — нерешительно сказал ИдрисПукке. — Но в этих местах совы не водятся.

— Искупители этого не знают. — Кейл помолчал. — А как кричит сова?

ИдрисПукке продемонстрировал.

— А что если часовой поднимет шум, когда я попытаюсь на него напасть?

— Попытаешься?! — потрясенно переспросил Кейл. — Никаких попыток быть не должно. И я не желаю слышать, что ты, мол, сделаешь все возможное. Напортачишь — и я покойник. Понял?

Задетый, ИдрисПукке с вызовом посмотрел на Кейла:

— За меня не беспокойся, парень.

— А я беспокоюсь. Итак, как только услышу твой сигнал, я убью часового на южной позиции. Минута уйдет на то, чтобы надеть его рясу. После этого я как можно спокойней войду в лагерь. Пока остальные часовые будут выяснять, что происходит...

— А почему бы сначала не убить всех четверых?

— Мы не сможем долго ползать вокруг, не выдав себя. Я предлагаю то, что наиболее безопасно. В лагере начнется суматоха, но я буду выглядеть так же, как все остальные. К тому же будет еще почти темно. Если ты хорошо сделаешь свое дело, много времени мне не понадобится.

— А что мне делать потом?

— Пока часовые на северной и восточной позициях не начнут стрелять, ты не сможешь определить, где они находятся. Но когда начнут, стреляй в ответ, не давай им поднять голову. Я оттащу девушку вон туда, за валун. Там они смогут достать нас только непосредственно сверху. — Кейл улыбнулся. — И вот тут начнется хитрость. Ты должен не дать им оказаться прямо над нами и позади нас, пока я не пробежу нужный отрезок. До тех пор, пока ты не дашь им занять твою позицию, девушка будет в безопасности. Как только я выбегу из-за выступа, мы окажемся двое на двое.

— Но это же сорок ярдов по открытой местности, причем последние пятнадцать — в гору. Если они хоть что-то умеют, у тебя не много шансов.

— Они многое умеют.

— А впрочем, чего я волнуюсь из-за этой самоубийственной пробежки — тебе ведь прежде нужно будет в одиночку убить шестерых вооруженных мужчин. Это же смешно! Нет, нужно ждать отряд Матерацци.

— Они убьют ее прежде, чем Матерацци до нее доберутся. Мой план — ее единственный шанс. Положись на меня: я сделаю все быстрее, чем рассказываю. Будет почти темно, они не будут ожидать нападения перед самым рассветом и не смогут отличить меня от своих. А когда поймут, что на них все-таки напали, подумают, что это Матерацци и что враг повсюду; ничего такого, что я придумал, им и в голову не придет.

— Потому что надо быть идиотом, чтобы в это поверить.

— Под угрозой окажется моя жизнь, не твоя.

— И девушкина.

— Девушкина чего-то стоит только в том случае, если ее освободителями станем мы. Без этого и ты — ничто, а то и хуже. Простой выбор, я бы сказал.

Шесть часов спустя ИдрисПукке стоял над телом убитого южного часового.

В былые времена ИдрисПукке командовал множеством сражений, в которых погибали тысячи людей. Но он давно уже не убивал человека лицом к лицу. Он задержал взгляд на остекленевших глазах, раздвинутых губах, оскаливших зубы, и задрожал всем телом. В результате попытка изобразить крик совы породила звук, способный вызвать сомнения у любого, кто когда-либо слышал, как кричит настоящая сова. Но не прошло и минуты, как он различил фигуру Кейла, бесшумно и медленно двигавшегося вниз по склону, чтобы оставшиеся часовые, если и заметят его, не насторожились.

Ужас охватил ИдрисаПукке при виде, казалось бы, совсем еще мальчика, спокойно приближающегося к шестерым спящим мужчинам.

Он не знал, чего ждать дальше, но того, что произошло, не мог бы и вообразить. Кейл обнажил свой короткий меч и мгновенно вонзил его в первого спящего, человек не успел ни шелохнуться, ни вскрикнуть. По-прежнему неторопливо Кейл подошел ко второму. Снова резкий мощный удар — и опять ни звука. Когда он приближался к третьему Искупителю, тот зашевелился и даже приподнял голову. Удар! Если человек и издал какой-то звук, то ИдрисПукке его не услышал. Кейл двинулся к четвертому, который уже сидел и, запрокинув голову, сонно тарачился на него, озадаченный, но не испуганный. Быстрый удар клинком сверху вниз в горло, и Искупитель повалился навзничь с криком, сдавленным, но громким.

Проснулись пятый и шестой — опытные бойцы, закаленные во многих боях и привыкшие к неожиданностям. Первый из них закричал и бросился прямо на Кейла, целясь ему в голову коротким копьём; Кейл отразил удар, одновременно направив острие меча противнику в шею, но промахнулся, клинок прошел сквозь ухо. Мужчина взревел от боли и, корчась, упал на землю. Последний из шестерых, утратив обычное присутствие духа и позабыв весь свой многолетний бойцовский опыт, в ужасе глазел на товарища, судорожно хватавшего сухие листья, на глазах пропитывавшиеся кровью. Молча, парализованный страхом, неподвижный, как древесный ствол, он перевел взгляд на Кейла и успел увидеть, как тот молниеносным движением меча пробил ему грудь. Один лишь всхлип — и мужчина рухнул рядом с продолжавшим рычать от боли товарищем.

Впервые за все это время Кейл побежал, он направлялся к девушке, которая, проснувшись, стала свидетельницей трех последних убийств. Связанную по рукам и ногам, Кейл рывком поднял ее, перекинул через плечо и побежал, чтобы укрыться позади огромного валуна, прислонившись к которому она до того спала. Стрела просвистела мимо его левого уха и отколошила от скалы.

ИдрисПукке послал ответную стрелу. Последовал немедленный выстрел другого часового, стрела со свистом пронеслась сквозь крону дерева, за которым прятался ИдрисПукке.

В течение нескольких следующих минут стрелы непрерывно летели с обеих сторон, но ИдрисПукке разгадал систему: один часовой ловил цель, другой прикрывал его. С каждой секундой становилось светлей, и шансы Кейла на успешный прорыв таяли. ИдрисуПукке пора было уходить, иначе он оказался бы загнанным в угол.

Кейл жестом показал Арбелле, чтобы она сидела тихо и не высывалась, а затем, выбежав из-за валуна, бросился к месту, где начинался подъем из низины. ИдрисПукке, натянув тетиву, ждал, чтобы вражеский лучник выдал себя поспешным выстрелом, но тот был хитер и хладнокровен: он выжидал, пока Кейл добежит до подъема, где ему придется сбавить скорость и где в него будет легче попасть. Всего четыре секунды понадобилось Кейлу, чтобы перебежать равнинный участок, и вот он уже карабкается вверх, его руки и ноги утопают в сосновых иголках, толстым слоем покрывающих землю и замедляющих движение. Он уже одолел три четверти подъема, как вдруг поскользнулся на древесном корне, облепленном глиной, и, вцепившись руками в землю, замер, шаря ногами в поисках опоры. Это продолжалось не более секунды, однако темп был потерян, и лучник получил достаточно времени: стрела, словно оса, прожужжавшая над вазой с фруктами, ударила в Кейла в тот момент, когда он переваливал через гребень.

У ИдрисПукке подскочило сердце — в сумерках трудно было увидеть, куда попала стрела, но звук — мягкий и твердый одновременно — он распознал безошибочно.

Теперь он сам оказался в беде, оставшись единственной заботой обоих стрелков. Сиди он неподвижно, шансы его невелики, но начини двигаться — они засекут его позицию, а потом, заняв ее, просто перевалят через гребень и прикончат девушку. Теперь, когда их осталось только двое, они наверняка это сделают. Окружавший его кустарник был густым, но то, что до сих пор служило укрытием только ему, теперь помогало прятаться и часовым. Сейчас все было на руку им, а не ему.

В течение следующих пяти минут много невеселых мыслей пронеслось у него в голове. Наводящий ужас факт приближения смерти и соблазн побежать. Если он умрет здесь, а это неминуемо, как подсказывал чертик, сидевший где-то в уголке сознания, девушку не ждет ничего хорошего — просто вместо одного будет два трупа. Но если он бросит ее, ему придется с этим жить. «Хотя, — искушал чертик, — с этим можно будет смириться. Живая собака лучше мертвого льва».

Так, воткнув меч в землю прямо перед собой и держа лук наготове, ИдрисПукке ждал, терзаясь мыслями, сменявшими друг друга в его мозгу. Ждал. Ждал...

Кейл был привычен к боли, но стрела, вонзившаяся чуть выше лопатки, причиняла такую боль, какой он прежде никогда не испытывал. Звук, вырывавшийся у него сквозь стиснутые зубы, напоминал скулеж, и никакое мужество, никакая сила воли не могли остановить его, равно как и кровь, теплой струей стекавшую по спине. Его начала бить дрожь, как в припадке. Потом он попытался сделать глубокий вдох, но горло перехватило спазмом. Нужно было сесть и попытаться восстановить самообладание, но он полз и полз, завывая, пока не потерял сознание. Очнувшись, он не знал, сколько времени прошло — секунды, минуты? Скоро за ним придут, и он должен встретить их стоя. Кейл подполз к сосне и, держась за нее, начал подниматься. Это оказалось невероятно трудно. Он передохнул, потом снова пополз вверх. Встань или тебе конец! Но единственное, что ему удалось сделать, это развернуться и прислониться к стволу здоровым плечом. Его вырвало, и он снова потерял сознание. Второй раз он очнулся от боли: Искупитель, стоявший ярдах в десяти от Кейла, швырнул в него камень размером с кулак.

— Думал, можешь прикинуться мертвым? — сказал он. — Где остальные?

— Что вы сказали? — Кейл знал: чтобы оставаться в сознании, надо говорить.

— Где остальные?

— Они там. — Он попытался поднять руку, чтобы указать направление, противоположное тому, где находился ИдрисПукке, но боль пронзила его, и он снова отключился. Еще один камень — и сознание вернулось.

— Что? Что?

— Где они, или следующую стрелу я пущу тебе промеж ног.

— Их двадцать... Я знаю Искупителя Боско... Это он послал меня...

Искупитель, уже решивший, что все равно не добьется толка от Кейла, и поднявший было лук, при упоминании имени Боско удивился. Откуда кому-то здесь знать о великом Лорде Воителе? Он опустил лук, и этого оказалось достаточно.

— Боско говорит... — Кейл начал бормотать что-то нечленораздельное, словно снова собирался вот-вот упасть в обморок, и Искупитель, ничего не подозревая, сделал несколько шагов вперед, чтобы услышать, что он говорит. Тогда Кейл сделал резкий выпад здоровой, левой рукой и засветил ему камнем точнехонько в лоб. У Искупителя закатились глаза, он разинул рот и рухнул на землю. Кейл снова потерял сознание.

ИдрисПукке по-прежнему ждал, оставаясь на маленьком неровном пятнышке, замкнутом деревьями и кустами, достаточно густыми, чтобы ни он не видел, что происходит за его пределами, ни его никто не видел снаружи. У него за спиной находился тридцатифутовой

высоты валун, у подножия которого, по другую сторону, все еще сидела, как он надеялся, Арбелла Матерацци. За кустами послышался слабый шорох. ИдрисПукке поднял лук, натянул тетиву и замер в ожидании. Внутри круга влетел камень. ИдрисПукке инстинктивно едва не выпустил стрелу, на что и надеялся бросавший, но сдержался. Поводя луком туда-сюда, чтобы держать под контролем все пространство, откуда мог появиться стрелок, он дрожащим голосом крикнул:

— Иди сюда, твой шанс получить стрелу в живот будет половина на половину! — и тут же бесшумно метнулся на три шага в сторону, чтобы обмануть противника. Стрела со свистом прошла кусты, пролетела мимо ИдрисаПукке как раз на расстоянии тех самых трех шагов и исчезла за гребнем валуна. — Уходи, и мы не станем тебя преследовать! — Он молниеносно пригнулся и сместился в другую сторону. Еще одна стрела. И снова почти точно в то место, где он только что стоял. Подавать голос не следовало. Прошло двадцать секунд. Собственное дыхание так громко отдавалось в ушах ИдрисаПукке, что он был уверен: Искупитель тоже слышит его и знает, где он находится.

И тут с расстояния ярдов двухсот донесся высокий пронзительный крик боли и ужаса. Потом наступила тишина. Казалось, все вокруг замерло, только ветер шелестел в листве деревьев. Так продолжалось несколько минут.

— Это был твой друг, Искупитель. Теперь остался только ты, — крикнул ИдрисПукке, опять метнувшись в сторону. — Еще одна стрела. И снова мимо. — Беги прямо сейчас, мы не станем тебя догонять. Обещаю.

— Почему я должен тебе верить?

— Моему напарнику понадобится две или три минуты, чтобы добраться сюда. Он за меня поручится.

— Ладно. Согласен. Но попробуйте только нарушить договор — и, клянусь богом, я прихвачу с собой одного из вас.

ИдрисПукке решил не отвечать. Поскольку Кейл был где-то там, явно живой и очень злой, ему оставалось только ждать. На самом деле Кейл, снова потерявший сознание после того, как убил Искупителя, действительно пришел в себя, но был не в том состоянии, чтобы хоть что-то предпринять, не говоря уж о том, чтобы спешить на помощь ИдрисуПукке. Однако после десяти минут ожидания, когда тревога его достигла высшего накала, ИдрисПукке услышал справа из-за кустов тихий голос Кейла:

— ИдрисПукке, я собираюсь подойти и не хочу, чтобы ты снес мне голову.

«Слава богу», — мысленно произнес ИдрисПукке, опуская лук и ослабляя тетиву.

Довольно долго в кустах шла какая-то возня, потом Кейл предстал перед ним.

ИдрисПукке сел, сделал долгий выдох и стал шарить в кармане в поисках табака.

— Я уж думал, что ты мертв.

— Нет, — коротко ответил Кейл.

— Что там с часовым?

— Вот он действительно мертв.

ИдрисПукке мрачно рассмеялся:

— Ты осторожен и не делаешь ошибок.

— Я не знаю, что это значит.

— Не важно. — ИдрисПукке скатал тонкую сигарку и закурил. — Хочешь? — предложил он, взглядом показав на свою сигарку.

— Честно говоря, — сказал Кейл, — я не очень хорошо себя чувствую, — и упал лицом вниз, окончательно потеряв сознание.

Кейл не приходил в себя три недели и не раз за это время оказывался на пороге смерти. Отчасти это происходило из-за инфекции, привнесенной в рану наконечником стрелы, но главным образом из-за лечения дорогостоящих докторов, которые не отходили от него ни днем, ни ночью и чьи пагубно дурацкие методы (кровопускания, выскабливания, обливания) почти сделали то, чего не смогли сделать долгие годы жестокого обращения в Святилище.

Эти горе-лекари и доконали бы его, если бы временное ослабление жара не позволило Кейлу на несколько часов прийти в себя. Открыв глаза и смутно созная, где он и что происходит, он увидел прямо перед собой старика в красной скуфейке, глядящего на него сверху вниз.

— Кто вы?

— Я доктор Ди, — ответил старик, после чего снова приставил острый и не очень чистый нож к вене под мышкой Кейла.

— Что вы делаете?! — воскликнул Кейл, отталкивая его руку.

— Спокойно, — бодрым голосом сказал старик. — У вас нехорошая рана в плече, она загноилась. Вам надо сделать кровопускание, чтобы вывести яд из организма. — Он снова взял Кейла за руку и попытался прижать ее.

— Отойди от меня прочь, чертов лунатик! — заорал Кейл, хотя он был так слаб, что крик обернулся не более чем шепотом.

— Лежи смирно, черт тебя дерит! — завопил в ответ врач, и на счастье этот-то крик оказался слышен за дверью и встревожил ИдрисПукке.

— Что происходит? — спросил он, появившись в дверях, и, увидев, что Кейл пришел в себя, воскликнул: — Слава богу! — Подойдя к кровати, он низко склонился над юношей: — Рад тебя видеть.

— Скажи этому старому ослу, чтобы убирался вон.

— Он — твой врач, он здесь, чтобы помочь тебе.

Кейл снова вырвал руку, зажмурившись от пронзившей его боли.

— Убери его от меня, — сказал он, — или, клянусь богом, я перережу глотку старому ублюдку.

ИдрисПукке сделал знак врачу удалиться, что тот и сделал с видом оскорбленного достоинства.

— Посмотри мою рану.

— Но я ничего не смыслю в медицине. Давай я позову доктора, пусть он посмотрит.

— Много крови я потерял?

— Да.

— Тогда мне не нужна помощь какого-то недоумка, чтобы потерять еще больше. — Он перевернулся на правый бок. — Скажи мне, какого она цвета?

Осторожно, хотя все равно невольно причиняя Кейлу сильную боль, ИдрисПукке оттянул грязную неряшливую повязку.

— В ней полно гноя, бледно-зеленого, а края красные. — Его лицо помрачнело, такие смертельные раны ему уже доводилось видеть.

Кейл вздохнул.

— Мне нужны трупные черви.

— Что?!

— Трупные черви. Я знаю, что делаю. Нужно штук двадцать. Промой их пять раз в чистой питьевой воде и принеси мне.

— Давай я приведу другого врача.

— Прошу тебя, ИдрисПукке. Если ты не сделаешь того, о чем я прошу, мне крышка. Пожалуйста.

Двадцать минут спустя, исполненный дурных предчувствий, ИдрисПукке вернулся с двумя десятками тщательно промытых червей, извлеченных из мертвого ворона, найденного в яме. Призвав на помощь служанку, он стал строго выполнять подробные указания Кейла:

— Чисто вымой руки, потом вымой их в кипяченой воде... Положи червей на рану. Налож чистую повязку, чтобы она плотно прилегала к коже... Следи, чтобы я все время лежал на животе. Вливай в меня как можно больше воды... — После этого Кейл снова отключился и не приходил в себя четыре дня.

Когда он в следующий раз открыл глаза, ИдрисПукке сидел у его постели. Кейл увидел облегчение в его взгляде.

— Ну, как ты?

Кейл сделал несколько глубоких вдохов-выдохов.
— Неплохо. Я горячий?
ИдрисПукке потрогал его лоб.
— Не очень. Первые два дня ты просто горел.
— Сколько я проспал?
— Четыре дня, только вряд ли это можно назвать сном: большую часть этого времени ты был очень беспокойным. Сильно шумел. И тебя трудно было удержать на животе.
— Загляни под повязку. Чешется.
Неуверенно ИдрисПукке оттянул край повязки. То, что он увидел, заставило его поморщиться и даже фыркнуть от отвращения.
— Плохо? — взволнованно спросил Кейл.
— Господи милосердный!
— Что?!

— Гной исчез. И краснота тоже — почти. — ИдрисПукке посильней оттянул повязку — раскормленные черви подвое, по трое стали падать на постель. — Никогда ничего подобного не видел.

Кейл вздохнул с огромным облегчением.
— Выкинь этих червей и принеси других. Все сначала.
С этими словами он погрузился в глубокий сон.

22

Три недели спустя ИдрисПукке и все еще зеленый после болезни Кейл направлялись в Великую Мемфисскую цитадель.

Втайне Кейл ожидал некоего официального чествования и, хотя не желал признаться в этом даже себе самому, жаждал его. В конце концов, он в одиночку убил восемь человек и спас Арбеллу Лебединую Шею от ужасной смерти. Не то чтобы он требовал многого за опасности, коим подвергал свою жизнь: парадное шествие нескольких тысяч человек, забрасывающих его цветами и скандирующих его имя, а в качестве кульминации — приветствие от прекрасной Арбеллы Лебединой Шеи, которая, вся в шелках, со слезами на глазах, стояла бы на помосте рядом со своим бесконечно благодарным отцом, не способным произнести ни слова от обуревающих его чувств. Этого было бы достаточно.

Однако вместо парада и цветов он увидел все тот же будничный Мемфис в его всегдашней безжалостной гонке за зарабатыванием и тратой денег. Сегодня, в ожидании грозы, под затянутым тучами небом, он выглядел пасмурным. Когда они приближались к главным воротам цитадели, неожиданно раздался громкий звон колоколов Большого Собора, подхваченный мелодичным перезвоном с колоколен остальных городских церквей. У Кейла екнуло сердце. Но ИдрисПукке остудил его надежды:

— В колокола звонят, чтобы отгонять молнии, — пояснил он, кивая на горизонт, откуда шла гроза.

Десять минут спустя они уже спешили перед замком Лорда Випона. Их встречал лишь один слуга.

— Привет, Стиллнох, — сказал ему ИдрисПукке.

— С возвращением, сэр, — ответил Стиллнох, мужчина с таким морщинистым и ссохшимся лицом, что оно, по мнению Кейла, больше походило на старческую мошонку. ИдрисПукке повернулся к обессиленному, но весьма рассерженному юноше:

— Я пойду к Випону, а тебе Стиллнох покажет твою комнату. Встретимся за обедом. — С этими словами он прошел через главный вход, Кейла же Стиллнох повел к двери поменьше в дальнем конце замка.

«Наверняка какая-нибудь вонючая конура», — подумал Кейл со все возрастающим раздражением.

На самом деле комната, а точнее, комнаты оказались чрезвычайно симпатичными. Там

имелось нечто вроде гостиной с мягким диваном и дубовым обеденным столом, ванная с отдельным туалетом — о таком Кейлу доводилось слышать, но он всегда отвергал подобные слухи как дикую фантазию, — и, разумеется, спальня с широкой кроватью, на которой лежала мягкая перина.

— Не желаете ли легкий завтрак, сэр? — спросил Стиллнох.

— Желаю, — ответил Кейл, предполагая, что это должно было означать еду. Стиллнох поклонился и вышел, но когда он вернулся двадцать минут спустя, Кейл спал, растянувшись на кровати.

До Стиллноха тоже доходили слухи. Опустив на стол поднос, на котором стояли пирог со свининой, вареные яйца, жареная картошка и пиво, он стал внимательно разглядывать спящего мальчика. С обтягивавшей скулы зеленовато-желтой кожей — следствие инфекции, которая чуть не убила его, — героем тот отнюдь не выглядел, но если он задал этому самоуверенному хлыщу Конну Матерацци такую трепку, то заслуживает уважения и восхищения, подумал Стиллнох, бережно укрыл юношу одеялом, задернул шторы и удалился.

— Он прошел через их лагерь как сама Смерть. Уж я-то навидался убийц на своем веку, но такого, как этот мальчик, не видел никогда.

ИдрисПукке сидел напротив брата, пил чай и был явно взволнован.

— Это все, что ты можешь о нем сказать, — что он убийца?

— Честно признаться, если бы это было все, я бы бежал от него без оглядки и посоветовал бы тебе заплатить ему и избавиться от него.

Випон казался удивленным:

— Боже милостивый, в преклонном возрасте ты, кажется, стал сентиментален? Такие люди, как он, полезны, это несомненно, но я спрашиваю тебя, есть ли в нем что-нибудь еще, кроме способностей палача?

ИдрисПукке вздохнул:

— Я бы сказал, очень много. Если бы ты задал мне этот вопрос до битвы на перевале Кортана — если это можно назвать битвой, — я бы сказал, что он — удачная находка. Он много перестрадал, но у него есть мозги, он очень сообразителен — хотя и прискорбно невежествен в некоторых отношениях, а кроме того, я бы сказал, что у него доброе сердце. Но то, что случилось, шокировало меня. Вот так. Я не знаю, что с ним делать. Мне он нравится, но — чтобы быть откровенным — и пугает меня.

Випон задумался, откинувшись на спинку кресла.

— Что ж, — сказал он наконец, — несмотря на все сомнения, он, как вижу, заслужил твою высокую оценку. Признаться честно, мою тоже. И, судя по всему, ты сумел с ним поладить. Маршал Матерацци прощает тебе все твои грехи и отныне относится к тебе благожелательно — как голландец ко льдинке в своей бороде. — Випон улыбнулся. — Если бы не необходимость держать это дело в секрете, вам обоим устроили бы пышное чествование с оркестром и наградами. — Он снова улыбнулся, на этот раз насмешливо. — Тебе бы это понравилось, правда?

— Да, понравилось бы, — согласился ИдрисПукке. — Почему бы и нет? Видит бог, давненько уж никто не радовался встрече со мной.

— А кто виноват?

— Я, дорогой братец, — рассмеялся ИдрисПукке, — только я сам.

— Тебе, пожалуй, стоит объяснить парню, почему его встречают так тихо.

— Честно говоря, думаю, ему на это плевать. Спасение Арбеллы Лебединой Шеи было для него лишь средством добиться чего-то для себя самого. Он считал, что рискнуть жизнью в данном случае — в его интересах, вот и все. О ней и речи не было. При всех своих сомнениях, я похвалил его за храбрость, но он лишь посмотрел на меня как на дурака. Ему нужны деньги, чтобы благополучно убраться настолько далеко от своих прежних хозяев, насколько можно уплыть по морю. Он не из тех, для кого похвала или хула что-то значат. Ему они безразличны.

— Тогда он действительно исключительная личность, — сказал Лорд Випон, вставая. — В любом случае, независимо от того, прав ты или нет, Маршал желает лично выразить ему свою признательность сегодня вечером. Разумеется, Арбелла Лебединая Шея тоже, хотя, когда он ей это объявил, выражение лица у нее было такое, словно она предпочла бы съесть слизня.

23

— Ради бога! — воскликнул Маршал, обращаясь к дочери. — Ну, взбодрись же ты!

— Он меня пугает, — ответила смертельно бледная, но оттого не менее красивая девушка.

— Пугает? Да он спас тебе жизнь! Что с тобой?

— Я знаю, что он спас мне жизнь, но это было ужасно.

Маршал раздраженно вздохнул.

— Конечно, это было ужасно. Убийство всегда ужасно, но он сделал то, что требовалось сделать, и рисковал при этом собственной жизнью — более чем рисковал, учитывая обстоятельства. А ты стоишь тут и ноешь про то, как это было ужасно. Лучше подумай, как ужасно было бы, если бы он тебя не спас.

У Арбеллы Лебединой Шеи, не привыкшей к тому, чтобы ее подобным образом отчитывали, вид стал еще более несчастным.

— Я знаю, что он спас мне жизнь, но все равно — я его боюсь. Ты не видел, каким он может быть, а я видела — дважды. Он не такой, как все, кого я когда-либо знала, он — не человек.

— Смешно. Никогда ничего смешнее не слышал. Богом тебя заклинаю: будь с ним любезна, иначе обещаю тебе много неприятностей.

К подобного рода угрозам Арбелла тоже не привыкла и была уже готова сменить роль испуганной девочки на нечто более энергичное, но тут открылась дверь маленькой столовой, и их спор прервал слуга:

— Канцлер Випон с гостями, мило-о-ор, — объявил он.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — бодро воскликнул Маршал, с таким усердием стараясь создать теплую атмосферу, что и Випон, и ИдрисПукке заметили напряженность, которая висела в комнате.

Кейл не заметил ничего, кроме присутствия красавицы Арбеллы Лебединой Шеи, которая стояла у окна и изо всех сил пыталась — безуспешно — сдержать дрожь. С тех пор, как узнал, что она будет на обеде, он вообще не испытывал ничего, кроме острого желания и страха увидеть ее, и теперь тоже едва сдерживал дрожь.

— Значит, ты и есть Кейл? — сказал Маршал, тепло пожимая ему руку. — Благодарю тебя, благодарю. Я никогда не смогу достойно отплатить тебе за то, что ты сделал. — Он перевел взгляд на дочь: — Арбелла, — интонация была одновременно и подбадривающей, и угрожающей.

Высокая стройная красавица медленно, с естественной грацией подошла к Кейлу и протянула ему руку.

Кейл взял ее так, словно не знал, что с ней делать. Он не заметил, что лицо Арбеллы — кто бы мог подумать, что такое возможно! — сделалось бледным, как лунный свет на снегу.

— Спасибо за все, что ты для меня сделал. Я очень тебе признательна.

ИдрисуПукке пришло в голову, что даже в последних словах осужденного, которого ведут на виселицу, бывает больше жизни и энтузиазма. Маршал метнул на дочь гневный взгляд, однако увидел, что она действительно смертельно боится стоящего перед ней парня. К крайнему раздражению дурными манерами дочери примешивалось его собственное замешательство. Какой бы глубокой ни была его благодарность, а она была глубока и искренна, поскольку он обожал дочь, Маршал вынужден был признаться себе, что Кейл в некотором роде его разочаровал.

Учитывая грозную репутацию юноши, Маршал ожидал... впрочем, он и сам не знал, чего именно ожидал, — быть может, увидеть человека, обладающего некой величавостью облика, харизмой, по его опыту, присущей всем сильным и жестоким мужчинам. Кейл же напоминал молодого крестьянина, по-своему — без утонченности — красивого, но ошеломленного и смущенного присутствием царственных особ, как это обычно и бывает с крестьянами. Как могло подобное создание победить лучшего из молодых Матерации и в одиночку убить столько воинов, оставалось неразрешимой загадкой.

— Давайте поедим. Вы, должно быть, очень голодны. Садись рядом со мной, — сказал он, обняв Кейла за плечи.

Только усевшись напротив Арбеллы, не поднимавшей глаз от тарелки, Кейл обратил внимание на обилие лежавших перед ним приборов: целый взвод разнокалиберных вилок и не менее многочисленный отряд ножей, тупых и острых. Больше всего привел его в замешательство предмет, походивший на орудие особо изощренной пытки, предназначенное, скажем, для отрезания носа или члена. Он напоминал щипцы, только каким-то загадочным способом выгнутые и перекрещенные на концах.

Кейл и так уже испытывал неприятную и противоречивую смесь обожания и ненависти к сидевшей напротив женщине, которая за минуту до того пожала ему руку с таким выражением лица, словно то была не рука, а дохлая рыба. Неблагодарная, но великолепная сука. Теперь же Кейл был уверен, что выглядит именно так, как больше всего боялся выглядеть: глупо, и это было уж совсем невыносимо. Ни ужасная боль, ни даже сама смерть не пугали его — в конце концов, кто лучше него самого умел справляться с ними, но перспектива показаться смешным почти лишала его чувств.

Он чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда Стиллох, о присутствии которого он даже не подозревал, возник у него за спиной совершенно бесшумно — без злого умысла, разумеется, — и, поставив перед ним тарелку, любезно прошептал почти в ухо:

— Улитки, сэр.

Не имея понятия о том, каким героем почитает его Стиллох, Кейл решил, что «улитки» — это смертельное оскорбление со стороны слуги, которому претит видеть безродного мальчишку среди великих и благородных. С другой стороны, подумал он, пытаясь успокоиться, возможно, это предупреждение. Но если так, то о чем? Он посмотрел на то, что лежало в тарелке, и смятение его усилилось. Это были шесть предметов, похожих на крохотные спиралевидные солдатские шлемы с жуткого вида пятнистыми липкими слизняками, выползающими из них. Безусловно, выглядели они так, что предупреждение не казалось излишним.

— О! — воскликнул ИдрисПукке, шумно нюхая воздух, как худший актер в пантомиме. — Превосходно. Улитки в чесночном масле!

Сидя рядом с Кейлом, он заметил уже и то, как напугало Кейла обилие приборов, теперь же, при виде улиток в раковинах, он увидел в его глазах неподдельный ужас. Сумев своим восклицанием привлечь внимание Кейла, а также, надо признать, и внимание всех присутствующих, он взял причудливо выглядевший инструмент в правую руку и сжал его ручки. Два похожие на ложки конца разошлись, и одним из них он зачерпнул улитку. Потом разжал пальцы, и «ложки» сомкнулись, крепко стиснув раковину. После этого он взял маленькую шпатель с ручкой из слоновой кости, покопался ею внутри раковины и очень ловко, чтобы не сказать театрально, притом так, чтобы Кейл видел, как это делается, выкопал из нее нечто, напоминавшее (несмотря на чеснок, петрушку и масло, которыми оно было сдобрено) зеленовато-серый комок слизи величиной с мочку уха. Потом он сунул его в рот и — опять театрально — причмокнул.

Поначалу озадаченные его странным представлением сотрапезники вскоре смекнули, зачем он его затеял, и старательно делали вид, что не замечают, с каким отвращением уставился Кейл на свое первое блюдо.

Вас наверняка удивит, что мальчик, охотно евший крыс, воротил нос от улиток. Но он никогда прежде не видел улиток, и кто сказал, что при прочих равных вы сами не предпочли

бы лоснящуюся, упитанную шуструю крысу вяло выползающей из-под древесной гнилушки и оставляющей за собой отвратительный слизистый след улитке?

Исподтишка еще раз тщательно проследив за движениями своего приятеля, Кейл взял щипцы, подхватил раковину, с помощью шпажки выковырял из нее серую аморфную скользкую массу, повременил, прилежно наблюдая за остальными, потом положил в рот и начал жевать с видом человека, поедающего собственное яичко.

К счастью, другие блюда оказались такими же или, по крайней мере, выглядели так же, как то, чем кормил его ИдрисПукке. Не спуская глаз со своего наставника, он более или менее правильно сумел воспользоваться остальными приборами, хотя вилки по-прежнему были для него трудно управляемым инструментом. Беседу за столом вели исключительно трое мужчин. Никаких дел — только воспоминания, истории о тех или иных событиях прошлого, в которых все они участвовали, за исключением тех, которые касались былых опрометчивых поступков и изгнания ИдрисаПукке.

За все время обеда Арбелла Лебединая Шея ни разу не подняла глаз от тарелки, хотя ела очень мало. Кейл время от времени бросал на нее взгляд, и каждый раз она казалась ему все более прекрасной: длинные светлые волосы, зеленые миндалевидные глаза и... губы! Красные, как плод шиповника, на фоне бледной кожи. А шея такая длинная и стройная, что любые сравнения были бы бессильны. Он возвращался к еде, а душа его звенела, как гулкий колокол. Но в этом звуке слышались не только радость и обожание, были в нем также гнев и обида. Она не смотрела на него, потому что не желала находиться в его обществе. Она ненавидела его, и он (как могло быть иначе?) ненавидел ее в ответ.

Как только было подано последнее блюдо, клубника со сливками, Арбелла Лебединая Шея сказала:

— Простите, я неважно себя чувствую. Можно мне уйти?

Отец посмотрел на нее, ради гостей постаравшись скрыть свой гнев, и лишь молча кивнул, надеясь, что она и так заметила его крайнее недовольство: мол, я поговорю с тобой позже.

Девушка обвела быстрым прощальным взглядом стол, пропустив, однако, Кейла, и удалилась. Буря чувств хлопотала в, казалось бы, твердой, как гранит, душе юноши — любовь, горечь, ярость...

Как бы то ни было, с уходом девушки отпала необходимость избегать темы ее похищения и его загадочных целей. Также стало ясно, почему улицы города не наводняли толпы людей, громогласно воздающих вечную признательность Кейлу за его удивительную храбрость, проявленную при освобождении Арбеллы Матерацци. Просто о ней мало кто знал. Маршал принес извинения Кейлу и объяснил: если бы о похищении стало известно, объявление войны оказалось бы неизбежным, а они с Лордом Випоном придерживались того мнения, что, прежде чем предпринять столь радикальный шаг, необходимо узнать все, что можно, об этом непостижимом выпаде Искупителей.

— Мы пока слепы, — сказал Кейлу Випон, — и поэтому вынуждены повременить сломя голову бросаться в подобное предприятие. ИдрисПукке сказал мне, что ты понятия не имеешь, зачем они совершили столь провокационное деяние?

— Не имею.

— Ты уверен?

— Зачем мне лгать? Я вижу в этом не больше смысла, чем вы. Единственная война, о которой всегда говорили Искупители, это война против Антагонистов. И даже в этом случае они рассуждали лишь о том, что Антагонисты поклоняются Анти-Искупителю и являются еретиками, которых следует стереть с лица земли.

— А о Мемфисе они когда-нибудь говорили?

— С отвращением и очень редко — для них это рассадник всяческих извращений и греха, место, где все продается и все покупается.

— Грубо, — вставил ИдрисПукке, — но можно понять, что они имеют в виду.

Маршал и Випон нарочито проигнорировали его замечание.

— Значит, тебе нечего нам сказать? — спросил Дож.

Кейл сообразил, что интерес к нему сейчас будет потерян, а ведь это его единственный шанс завоевать себе будущее среди людей могущественных.

— Разве вот еще что: если Искупители на что-то решились, они не остановятся. Я не знаю, зачем им понадобилась ваша дочь, но они будут продолжать попытки похитить ее, чего бы это им ни стоило.

При этих словах Маршал побледнел. Кейл не упустил своего шанса:

— Ваша дочь очень... — он запнулся, подыскивая нужное слово, — прославленная особа. Я имею в виду, что по всей империи люди уважают и ценят ее — своими ушами слышал — как самое дорогое ее достояние и украшение.

В ней воплощено все то, чем восхищаются в Матерацци. Она символизирует всех вас, так?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Маршал.

— Может быть, они хотели донести до вас послание... — он запнулся.

— Какое послание? — спросил Маршал, который становился все более и более взволнованным.

— Похитить Арбеллу Матерацци или убить ее означает показать вашим подданным, что Искупители могут добраться даже до самых высокопоставленных лиц страны. — Он сделал паузу, опять-таки ради большей эффектности. — Вероятно, они понимают, что повторить похищение невозможно, но, с моей точки зрения, они не успокоятся. Они всегда доводят начатое до конца. Для них так же важно дать вам понять это, как и то, что они могут достать каждого. Они пытаются сказать вам, что ни в коем случае не остановятся.

К этому моменту Маршал стал совершенно белым.

— Здесь она будет в безопасности. Мы окружим ее кольцом охраны, внутрь которого никому ходу не будет.

Кейл сделал вид, что смущен больше, чем был смущен на самом деле:

— Мне сказали, что она находилась под охраной сорока стражников, когда ее похитили из замка на озере Констанц. Кто-нибудь из них выжил?

— Нет, — ответил Маршал.

— А на сей раз — это всего лишь мое мнение, я ничего не утверждаю — они придут с единственной целью: убить. Вы уверены, что восемьдесят или сто восемьдесят человек смогут их остановить?

— Если история чему и учит, мой Лорд, — вставил ИдрисПукке, — так это тому, что тот, кто готов пожертвовать собственной жизнью, может убить кого угодно.

Никогда еще Випон не видел Маршала таким растерянным и встревоженным.

— А ты можешь их остановить? — спросил Маршал у Кейла.

— Я? — Кейл сделал вид, будто такая мысль ему и в голову не приходила, подумал с минуту, потом сказал: — Во всяком случае, наверное, скорее, чем кто бы то ни было другой. К тому же у меня есть Смутный Генри и Кляйст.

— Кто? — переспросил Маршал.

— Это друзья Кейла, — пояснил Випон, которому становилось все более интересно, к чему ведет Кейл.

— У них такие же таланты, как у тебя? — поинтересовался Маршал.

— У них — собственные таланты, у каждого свой. Втроем мы можем противостоять всему, что нашлют Искупители.

— Ты очень уверен в своих силах, Кейл, — заметил Випон, — учитывая, что в течение последних десяти минут ты сам рассказывал нам о неуязвимости Искупителей.

Кейл перевел взгляд на него:

— Я сказал, что их ассасины неуязвимы для вас. — Он улыбнулся. — Я не говорил, что они неуязвимы для меня. Я лучший из воинов, когда-либо воспитанных Искупителями. Это не хвастовство, а просто факт. Если вы мне не верите, сэр, — он снова посмотрел на Матерацци, — спросите свою дочь и ИдрисаПукке. А если их свидетельств недостаточно,

спросите Конна Матерацци.

— Попридержи язык, щенок, — взорвался Випон; гнев пришел на смену его любопытству. — Никогда не смей разговаривать с Маршалом Матерацци в таком тоне.

— Мне говорили вещи и похуже, — перебил его Маршал. — Если ты можешь обеспечить безопасность моей дочери, я сделаю тебя богатым и разрешу разговаривать со мной, как тебе заблагорассудится, черт возьми. Но берегись, если то, что ты говоришь, неправда. — Он встал. — Я хочу, чтобы завтра к середине дня передо мной лежал письменный план ее защиты. Идет?

Кейл кивнул.

— С настоящего момента каждый солдат в городе должен неотлучно находиться на своем посту, — добавил Маршал. — А теперь, если не возражаешь, оставь нас. И ты, ИдрисПукке, тоже.

Кейл и ИдрисПукке встали, поклонились и вышли.

— Это было настоящее представление, — сказал ИдрисПукке, закрывая за собой дверь. — Хоть доля правды во всем тобой сказанном была?

Кейл рассмеялся, но не ответил.

А если бы ответил, то ответ состоял бы в том, что мало что из его зловещих предостережений основывалось на чем-либо, кроме желания заставить Арбеллу Лебединую Шею обратить на него внимание. Он ярился от ее неблагодарности и еще больше любил ее. Но она заслуживала наказания за то, как она с ним обошлась, а что могло быть лучше, чем иметь право видеть ее, когда он сам пожелает, и неограниченную возможность своим присутствием превращать ее жизнь в мучение? Конечно, тот факт, что его присутствие ей так противно, ранил ему сердце, но он, как никто другой, умел жить со столь болезненным противоречием в душе.

Страх за дочь усугублял тревогу Маршала и делал его легкой добычей для Кейла с его зловещими предсказаниями. Випон был в этом уверен не меньше, чем ИдрисПукке. С другой стороны, никакого вреда в том, что предлагал Кейл, он не видел. А мысль, что Искупители могут попытаться убить Арбеллу, не казалась такой уж невероятной. Во всяком случае, так Маршал будет видеть, что необходимые меры предпринимаются, пока сам Випон день и ночь будет докапываться до сути истинных намерений Искупителей.

Випон был уверен, что в какой-то форме война неизбежна, и смирился с мыслью, что готовиться к ней необходимо, пусть и тайно. Но для Випона вести войну, точно не зная, чего хочет враг, означало ввязаться в неотвратимо нарастающую катастрофу. Поэтому он был доволен тем, что Кейл что-то задумал, что бы это ни было. Впрочем, не так уж трудно догадаться. Совершенно очевидно, что парень не знал, какими мотивами руководствовались похитители, но с ним как с телохранителем Арбелла Матерацци была в безопасности. По-своему — не по-отечески, как Маршал — Випон был не менее благодарен Кейлу за ее спасение, чем Дож: о том, каким был бы политический подтекст, окажись обожаемая представительница королевского рода во власти такого кровавого и бесчеловечного режима, как режим Искупителей, страшно было даже подумать. Доходившие с Восточного фронта вести о бедственном и безвыходном положении Антагонистов в войне с Искупителями были чудовищны, настолько чудовищны, что в них трудно было бы поверить, если бы не жалкие ошметки уцелевших и сумевших проникнуть через границу на территорию Матерацци людей, в один голос рассказывавших те же ужасы, о которых говорилось и в донесениях агентов Випона. Если война с Искупителями действительно надвигалась, то она обещала быть такой, каких еще не видел свет.

24

— Расскажи мне, что ты знаешь о войне Искупителей с Антагонистами.

Випон мрачно смотрел на Кейла поверх своего огромного письменного стола. ИдрисПукке сидел у окна, делая вид, что его гораздо больше интересует то, что происходит в

саду.

— Они Анти-Искупители, — сказал Кейл. — Они ненавидят Искупителя и всех его приверженцев и хотят стереть священную память о его доброте с лица земли.

— И ты в это веришь? — спросил Випон, удивленный тем, как внезапно нормальная речь Кейла превратилась в монотонный бубнеж.

— Это то, чему нас учили и что мы дважды в день повторяли во время службы. Я не верю ничему, что говорят Искупители.

— Но что ты сам знаешь об Антагонистах — об их верованиях?

Вопрос озадачил Кейла, он задумался и несколько секунд молчал.

— Ничего. Нам никогда не говорили, что Антагонисты во что-нибудь вообще верят. Единственное, чего они хотят, это разрушить Единственно Истинную Веру.

— И ты не спрашивал?

Кейл рассмеялся:

— О Единственно Истинной Вере вопросов не задают.

— Если ты знал, что Антагонисты так ненавидят Искупителей, почему не попытался бежать на восток?

— Тогда нам пришлось бы пройти полторы тысячи миль по земле Искупителей, а потом попытаться пересечь семьсот миль траншей на Восточном фронте. И даже если бы нам хватило глупости попытаться это сделать, нам всегда говорили, что Антагонисты убивают любого Искупителя, лишь завидев его. Нам постоянно рассказывали о святом Искупителе Георгии, которого заживо сварили в коровьей моче, или о святом Искупителе Павле, которого вывернули наизнанку, запихнув ему в горло крюк, а потом четвертовали, привязав за руки и за ноги к лошадям. Они беспрерывно талдычили — вернее, распевали — о темницах, огне и мече. Как я уже сказал, мне и в голову никогда не приходило, что Антагонисты верят во что бы то ни было, кроме необходимости убивать Искупителей и разрушать их Единственно Истинную Веру.

— Так думают все послушники?

— Некоторые — да, многие — нет. Они никогда ничего другого не знали, поэтому и вопросами не задаются. Для них весь мир ограничен Святилищем. Они верят, что будут спасены, если будут верить, а если не будут, гореть им вечно в адском огне.

Випон начинал терять терпение.

— Война с Антагонистами, когда ты родился, шла уже двести лет. Ты постоянно твердишь, что единственное, к чему тебя — тебя особенно — готовили, помимо того, чтобы быть приверженцем Единственно Истинной Веры, это сражаться, и тем не менее ты ничего не знаешь ни о победах, ни о поражениях, ни о тактике, ни о том, как та или иная битва была выиграна или проиграна. Мне в это трудно поверить.

Скепсис Випона был совершенно оправданным. На самом деле Кейл детально изучал каждую битву, каждое столкновение между Искупителями и Антагонистами, при этом Искупитель Боско стоял над ним и бил шипованным ремнем каждый раз, когда он допускал ошибку в анализе. В течение десяти лет, по четыре часа в день, Кейл только и делал, что зубрил битвы войны на востоке. Но с другой стороны, правдой было и то, что он ничего не знал о том, во что верят Антагонисты. Его решение солгать, будто он ничего не ведает о войне, основывалось столько же на интуиции, сколько и на расчете: если предстоит война между Искупителями и Матерацци, то она неминуемо принесет бедствия и смерть. Кейл не собирался в этом участвовать, но если он откроет то, что ему известно, Випон заплатит любую цену, чтобы втянуть его.

— Единственное, о чем нам рассказывали, это славные победы, а также поражения, случившиеся из-за предательства. Но это были просто рассказы — без подробностей. А вопросов задавать не положено. Лично меня, — продолжал он лгать, — обучали только убивать людей, вот и все. Ближний бой — и трехсекундное убийство, это все, что я знаю.

— Что такое, Господи прости, трехсекундное убийство? — подал голос от окна ИдрисПукке.

— А то самое и есть, — ответил Кейл. — Исход схватки на смерть решается за три секунды, и к этому надо стремиться. Все остальное — вся эта ерунда, которой вы обучаете Монд, — чушь собачья. Чем дольше продолжается бой, тем больше случается неожиданностей. Ты можешь споткнуться, твой более слабый противник нечаянно нанесет удачный удар или успеет подметить твою слабость, сумеет воспользоваться ею и взять верх. Так что надо либо убить в первые три секунды, либо расхлебывать последствия. Искупители там, на перевале Кортина, приняли собачью смерть, потому что я не дал им шанса умереть как-нибудь по-иному.

Кейл намеренно шокировал собеседников. С самого раннего детства он был таким же искусным лжецом, как потом убийцей. И по той же причине: это было необходимо, чтобы выжить. Он уводил их в сторону от того, что они хотели узнать о его прошлом, тем, что рассказывал правду о чем-то другом. И, разумеется, чем откровенней и грубей — даже для таких многоопытных людей, как Випон и ИдрисПукке, — была эта правда, тем лучше срабатывал прием. Если Матерацци верили, что он всего лишь молодой, но безжалостный убийца, то укрепить их в этом мнении было в его интересах. В том, что он говорил, содержалось достаточно правды, чтобы рассказ казался убедительным, но это была далеко не вся правда.

Випон задал ему еще несколько вопросов, но, до конца ли он поверил Кейлу, нет ли, было совершенно ясно, что тот ни за что не проговорится, если не захочет, так что он перешел к плану обеспечения безопасности Арбеллы Лебединой Шеи.

По этому письменному плану, а также по ответам Кейла на уточняющие вопросы Випона, стало очевидно, что он так же искусен в предотвращении смерти, как и в ее причинении. Удовлетворившись наконец ответами Кейла, по крайней мере конкретно этими, Випон придвинул к себе толстую папку и открыл ее.

— Прежде чем ты продолжишь, я хотел бы тебя кое о чем спросить. Я располагаю большим числом донесений от беженцев с территории Антагонистов, от двойных агентов, а также захваченными документами, касающимися особой политики Искупителей, которую они называют Рассеянием. Ты что-нибудь слышал об этом?

Кейл пожал плечами.

— Нет.

На сей раз у Випона не возникло сомнений — очень уж искренне озадаченным было выражение его лица.

— Есть доклады, — продолжил Випон, — которые имеют отношение к чему-то, что называется Актами Веры. Этот термин тебе знаком?

— Казни за преступления против религии, засвидетельствованные правоверными.

— Здесь говорится, что до тысячи пленных Антагонистов за раз отправляются в специальные городские центры Искупителей, где их сжигают заживо. Тем, кто отрекается от своей ереси, оказывают милость: их душат, прежде чем сжечь. — Он помолчал, пристально глядя на Кейла. — Как ты думаешь, такие Акты Веры возможны?

— Да. Возможны.

— Существуют другие свидетельства, подтверждаемые захваченными документами, в которых говорится, что эти казни — лишь начало. В этих документах есть упоминание о Рассеянии всех Антагонистов. Кое-кто из моих людей считает, что план состоит в том, чтобы после победы депортировать все население Антагонистов на остров Малагасию. Но некоторые беженцы утверждают, что Рассеяние предполагает уничтожение всего их населения после депортации на остров, чтобы бесповоротно покончить с ересью. Мне трудно в это поверить, но ты лучше разбираешься в природе Искупителей, чем любой из нас. Что ты думаешь по этому поводу? Такое возможно?

Некоторое время Кейл молчал, явно раздваиваясь между ненавистью к Искупителям и чудовищностью того, о чем его спрашивали.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Ни о чем таком я никогда не слышал.

— Послушай, Випон, — вступил ИдрисПукке, — Искупители — безусловно, сборище

кровавых бандитов, но, помню, двадцать лет назад, во время Монтского восстания, ходили слухи, будто они в каждом захваченном городе собирают всех грудных детей, на глазах матерей подбрасывают их в воздух и насаживают на свои мечи. Все верили, но это оказалось мерзкой ложью. Ничего такого никогда не было. По собственному опыту знаю: одна подлинная жестокость рождает десять легенд о жестокости.

Випон кивнул. Встреча проходила малопродуктивно, и он чувствовал одновременно и разочарование, и обеспокоенность сведениями, доходящими с востока. Но и нечто более обыденное не давало ему сейчас покоя. Он подозрительно взглянул на Кейла:

— Ты куришь. Я чувствую запах табака.

— Курю. А вам какое дело?

— А это уж я сам решаю, наглый щенок. — Он посмотрел на Идриса Пукке, который с улыбкой продолжал созерцать вид из окна. Випон снова повернулся к Кейлу: — Я думал, у тебя больше мозгов, чем нужно для того, чтобы просто во всем подражать Идрису Пукке. На него ты должен смотреть как на наглядный пример того, чего делать не следует. Что же касается курения, то это детская болезнь, привычка, мерзкая глазу, отвратительная для носа, пагубная для мозгов и опасная для легких, к тому же дыхание у курильщика смрадное, а мужчина, который долго предается этой вредной привычке, становится женоподобным. А теперь убирайтесь, оба.

25

Четыре часа спустя Кейл, Смутный Генри и Кляйст обосновались в палатке, в комфортабельных комнатах, примыкающих к покоям Арбеллы Матераци.

— А что если станет ясно, что мы понятия не имеем, как быть телохранителями? — спросил Кляйст, когда они приступили к еде.

— Ну, я им этого говорить не собираюсь, — ответил Кейл. — А ты? Да и вообще — что в этом трудного? Завтра сделаем обход помещения и посмотрим, что нужно устроить, чтобы обеспечить в нем собственную безопасность. Вспомни, сколько раз тебе приходилось это делать. Потом закроем вход сюда для всех посторонних, один из нас всегда будет находиться непосредственно при ней. А если она захочет выйти, чего мы не будем поощрять, то только в пределах цитадели, причем двое из нас и еще дюжина стражников будут ее постоянно сопровождать. Вот и вся сложность.

— А почему было просто не взять награду за ее спасение и не уйти?

Вопрос Кляйста был вполне разумен, Кейл знал, что именно так и следовало поступить, и именно так поступил бы, если бы не чувства, которые он испытывал к Арбелле Лебединой Шее.

— Здесь для нас так же безопасно, как в любом другом месте, — сказал он. — А деньги мы получим и за ее спасение, и за ту работу, которую делаем сейчас. Работа не пыльная, деньги хорошие, а к тому же тут нас от Искупителей охраняет целая армия. Если у тебя на примете есть местечко получше — скатертью дорога.

На том и порешили. В первую ночь за дверью спальни Арбеллы Лебединой Шей дежурили Смутный Генри и Кляйст.

— Пока мы не осмотрели место и не составили план охраны, нужно быть начеку, — напутствовал их Кейл, мысленно представляя себе, как предстанет на следующий день перед Арбеллой в качестве ее всемогущего защитника. Он продемонстрирует ей свое полное презрение, она будет робкой и испуганной, а он — довольным собой, но с неизгладимой печатью былых страданий на лице.

На следующее утро Арбелла Лебединая Шея показалась из своих личных покоев в девять часов. Горничные, которые принесли завтрак, предупредили ее, что в холле дежурят два охранника, а также двое нечесаных громил, каких они прежде видели разве что среди тех, кто чистит конюшни.

С ледяной миной на лице Арбелла вышла в холл, но помимо стражников, стоявших, как

положено, по стойке смирно по обе стороны двери, обнаружила вместо Кейла двух юношей, которых никогда прежде не видела.

— Вы кто и что здесь делаете?

— Доброе утро, леди, — учтиво сказал Смутный Генри.

Проигнорировав приветствие, она повторила:

— Ну?

— Мы ваши телохранители, — сказал Кляйст, стараясь не выдать потрясения, которое он испытал при виде ее ошеломляющей красоты, и прикрываясь маской безразличия, словно бы говорившей: навидался я красивых аристократок на своем веку, меня ничем не удивишь, а уж ты — особенно.

— А где ваш... — она старалась подобрать название пообидней, — главарь? — выговорила она наконец, все же недовольная собой.

— Ищете меня? — отозвался Кейл, как раз вышедший из-за угла ближайшего коридора в сопровождении двух мужчин, которые несли длинные бумажные свитки.

— Кто эти люди?

— Это ваши телохранители. Вот это Генри, а другой — Кляйст. Я наделил их всеми полномочиями, так что, пожалуйста, делайте все, что они попросят.

— Значит, они — твои... приспешники? — сказала она, постаравшись произнести это как можно более оскорбительно.

— Приспешники? Что это?

— Бесы, — победно вымолвила она. — Вроде мух, которые сопровождают Вельзевула, когда он покидает преисподнюю.

Неудивительно, что Генри и Кляйста подобное замечание возмутило, а вот Кейла — восхитило.

— Да, — сказал он, подмигивая приятелям. — Это, несомненно, мои приспешники.

— Что-то хиловаты они для телохранителей, тебе не кажется?

Кейл сочувственно посмотрел на друзей.

— За их вид мне и самому неловко — глаза бы на них не глядели. Но что касается хилости... Не желаете ли выставить против них парочку Матерацци? Увидите, какие они хилые.

— Значит, они такие же головорезы и убийцы, как ты?

Генри эти слова глубоко оскорбили, а Кляйсту явно понравились.

— Да, — безо всякой обиды ответил Кейл, — точно такие же головорезы и убийцы, как я.

Не найдя, что сказать на это, Арбелла Лебединая Шея удалилась в свои покои, громко хлопнув дверью.

Через десять минут она услышала стук в дверь и дала знак своей личной горничной открыть. Когда та исполнила распоряжение, ей доставило огромное удовольствие увидеть, как Кейл вытаращил глаза от удивления. Это была Рибя.

Восхождение Рибы на столь высокую должность было по-своему не менее причудливым, чем восхождение Кейла. Проследив за тем, чтобы Рибу выдворили из апартаментов мадемуазель Джейн, старая служанка Анна-Мария тут же проследовала в палатку, принадлежавшую достойной Эдит Матерацци, матери Арбеллы Лебединой Шеи и отрешенной жене Маршала. Надо пояснить, что с первого дня их официального брака, заключенного двадцать лет назад, они всегда были друг для друга чужими людьми, и зачатие Арбеллы являлось результатом самого холодно-бесстрастного семейного союза в истории королевского двора. Старания Маршала любой ценой избегать встреч с женой чаще всего увенчивались успехом, а вот о его попытках отрицать ее власть и влияние на ход дел в Мемфисе этого сказать было никак нельзя.

Достопочтенная Эдит Матерацци знала обо всех скелетах в мемфисских шкафах, и мало что из происходившего в городе мрачного и тайного было ей неизвестно, а то и — если

требовали обстоятельства — не инициировано ею самой. Не располагая никакой официальной властью — за этим Маршал тщательно следил, — достопочтенная Эдит Матерацци пользовалась влиянием, чаще всего опиравшимся как раз на ее осведомленность обо всех тех скелетах, которые прячет почти каждая семья, сколь бы знатной и неприкасаемой она ни была. Вот и теперь, не прошло и получаса после истерической выходки мадемуазель Джейн, как достопочтенная Эдит Матерацци уже все знала от своей шпионки, Анны-Марии, и позаботилась о том, чтобы рассерженная, хотя и смущенная Рибашла убежище в ее палатце.

Когда Випону доложили о случившемся и о том, что Рибашла теперь в когтях достопочтенной Эдит Матерацци, он немедленно призвал к себе племянницу и устроил ей страшный нагоняй. Она вышла из его кабинета, рыдая и воя от ужаса, но ничего другого не оставалось, как только ждать, что задумала старая ведьма.

Достопочтенная Эдит Матерацци времени зря не теряла. Ей было известно, что происходит нечто, касающееся ее дочери. Сплетни о том, что три недели назад, во время пребывания на озере Констанц, та вдруг исчезла, имели широкое хождение и включали в себя спекуляции насчет тайного замужества и тайных же родов. Однако ни о чем столь ужасном, что произошло на самом деле, слухов не просочилось. Достопочтенная Эдит Матерацци потратила немало времени и денег, чтобы докопаться до того, что там в действительности произошло, однако усилия оставались покуда бесплодными, а провалов эта дама не терпела.

— С тобой хорошо обращались? — спросила достопочтенная Эдит Матерацци, похлопывая по кушетке рядом с собой и теплой улыбкой приглашая Рибашла сесть. Нервничая, но при этом не забывая об осторожности, Рибашла сделала, как велели. Ей уже доставало опыта общения с мемфисской знатью, чтобы понять, что происходит нечто странное: малейшие различия в общественном статусе здесь подчеркивали так, словно они были ниспосланы самим Господом Богом, а к чужакам относились свысока и насмешливо, независимо от того, сколь высокое положение те занимали в своих провинциях. Рибашла не раз слышала саркастический рассказ о том, как некая графиня из Кару, более десяти лет назад собравшись посетить Мемфис, якобы продала свой хлеб, чтобы оплатить поездку. С тех пор эта гротескная выдумка, словно постыдный ярлык, прилипла к даме, поскольку в Кару свинья считалась нечистым животным. Так с какой же стати, думала Рибашла, опускаясь на кушетку, столь знатная госпожа обращается со мной так любезно?

— Прежде всего, моя дорогая, мне очень жаль, что Джейн так дурно обошлась с тобой, — сказала достопочтенная Эдит Матерацци. — Это ее ничуть не оправдывает, но должна сказать, что я дружила с ее покойной матерью и знаю: Джейн всегда была девочкой испорченной — другого слова не подберешь, ей постоянно во всем потакали. Впрочем, теперь так принято: дети ни в чем не знают отказа, а результат ты видишь сама. Такова нынешняя жизнь, — заключила она, тяжело вздохнув и похлопав Рибашла по руке. — И меня это глубоко печалит.

Рибашла, не зная, как ей следует на это реагировать, лишь вымолвила:

— Да, мадам.

— Хорошо, — сказала достопочтенная Эдит Матерацци, давая понять, что якобы довольна ее ответом. — А сейчас я хочу попросить тебя о большом одолжении. — Рибашла не поверила своим ушам. — У меня, как тебе известно, тоже есть дочь, — печально вздохнула достопочтенная Эдит Матерацци. — И я за нее волнуюсь. — Она посмотрела на Рибашла: — Ты ее видела?

— Мадемуазель Арбеллу? Да, мадам.

— Ах, — на сей раз достопочтенная Эдит Матерацци вздохнула с нежностью, словно бы навеянной каким-то давним дорогим воспоминанием. — Она так красива, не правда ли?

— Да, мадам.

Теперь достопочтенная Эдит Матерацци взяла Рибашла за руку:

— Так вот, я хочу оказать тебе доверие и одновременно помочь, потому что чувствую,

что у тебя доброе сердце и ты способна понять материнскую тревогу. Я права, Рибба?

— Да, мадам, надеюсь, что это так, — ответила девушка, насторожившись.

— Я так и думала, — с облегчением сказала достойная Эдит Матераци, словно она заглянула в Риббину душу и увидела там сплошную доброту и сочувствие своей материнской тревоге. — Мне тяжело говорить об этом, но материнство важнее гордости, как ты сама наверняка поймешь, когда станешь матерью, — она снова вздохнула, теперь горестно. — Мой муж ненавидит меня и делает все, что в его силах, чтобы не давать мне видиться с дочерью. Что ты об этом думаешь?

Рибба в изумлении вытаращила глаза:

— Я думаю, что это очень грустно, мадам.

— Так и есть. Он препятствует нашим встречам и настраивает дочь против меня. Но я лишена возможности бороться, потому что, если она встанет на мою сторону, это пагубно скажется на ее будущем. Этого я допустить не могу. Поэтому, Рибба, мне остается только терпеть. Я вынуждена смириться с тем, что моя собственная дочь, которую я люблю всем сердцем, считает меня холодной, равнодушной, совершенно ею не интересующейся. Как тебе это?

— Я... — Рибба колебалась. — Я думаю, что это должно быть для вас ужасно.

— Да, это ужасно. Но ты можешь мне помочь.

Рибба еще больше вытаращила глаза, не зная, что на это ответить.

— Я слышала, что ты замечательная наперсница и обладаешь непревзойденными умениями в области женской косметики.

— Спасибо, мадам.

— Все говорят о том, как твои таланты преобразили эту неблагодарную девицу Джейн. По правде сказать, красавицей она не была, но ты сделала из нее почти красавицу.

— Благодарю, мадам.

Достойная Эдит Матераци выдержала паузу.

— Так вот, я хочу, чтобы ты сделала кое-что, что, кстати, поможет и тебе получить замечательное место. Я устроила так, что ты станешь косметичкой моей дочери.

— О! — воскликнула Рибба.

Достойная Эдит Матераци улыбнулась:

— Действительно — о! Разве это не чудесно?

— Да, мадам.

— Уверена, ты отлично справишься. Но я попрошу тебя о двух вещах. Одну из них тебе сделать будет трудно, потому что я вижу: ты девочка добрая и честная. — Она посмотрела на Риббу, которая уже чувствовала подвох. — Я хочу, чтобы ты не говорила моей дочери, что попала к ней благодаря мне. — Она крепко сжала руку Риббы, словно желая предотвратить ее совершенно естественный протест. — Знаю, тебе кажется, что это дурно, и понимаю тебя, но это необходимо по той причине, что иначе она тебя не примет. Чтобы сделать большое добро, иногда приходится допустить маленькое зло. И второе, о чем я тебя попрошу, это время от времени заходить ко мне и рассказывать, как она живет, о чем говорит, что ее тревожит. Всякие мелочи, те, которыми дочь обычно делится с любящей матерью. Ты сможешь это сделать, Рибба?

Разумеется, она могла, а кроме того, что еще ей оставалось? Она заключила соглашение с достойной Эдит Матераци, и, если даже она ей полностью не доверяла, что это меняло? У Риббы действительно не было выбора, и они обе это знали.

Его Святейшество Искупитель Боско сидел у себя на балконе и смотрел вниз, на солдат, которые заполняли все пространство Святилища сколько видел глаз. Кричали люди, ревели мулы, ржали кони, которых с проклятиями и ругательствами понукали погонщики. Зрелище и звуки великого приготовления доставляли ему удовольствие — в конце концов, это было началом воплощения честолюбивой цели всей его жизни. Он съел еще ложку своего любимого супа из куриных ножек и зеленых овощей, который в Мемфисе называли

«ослиной радостью» и ценили только за его полезность, а отнюдь не за вкусовые качества.

Раздался стук в дверь.

— Войдите.

Это был Искупитель Стремечко Рой.

— Вы хотели меня видеть, Ваше Благодетельство.

— Я хочу, чтобы ты взял двадцать Искупителей и попытался убить Арбеллу Матераци.

— Но, Ваше Святейшество, это невозможно! — запротестовал Рой.

— Я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Если бы это было возможно, я не посылал бы именно тебя.

Раздосадованный и испуганный, Рой тем не менее подавил желание спросить Боско, что, черт побери, тот имел в виду.

— Ты злишься на меня, Искупитель Стремечко Рой.

— Я безропотно повинуюсь вам, Ваше Благодетельство.

Боско встал и сделал знак Искупителю подойти к столу, на котором лежала карта мемфисских укреплений.

— Ты ведь участвовал в осаде Ворхейса, не так ли?

— Да, Ваше Благодетельство.

— Сколько он продержался?

— Почти три года.

Боско указал на карту мемфисских фортификаций:

— Исходя из своего богатого опыта, как ты думаешь, сколько времени понадобится, чтобы сровнять с землей Мемфис?

— Больше.

— Насколько больше?

— Гораздо больше.

Боско повернулся и посмотрел на него.

— Какими бы могущественными мы ни были, мы можем растратить много ресурсов, пытаясь взять Мемфис силой, вот почему мы этого делать не будем. Ты слышал, что говорят о том, почему мы похитили Арбеллу Матераци?

Искупитель Рой был явно смущен:

— Слушать сплетни — грех, и еще больший грех передавать их, Ваше Благодетельство.

Боско улыбнулся:

— Конечно. Но в данном случае я разрешаю тебе нарушить обет и отпускаю твой грех заранее.

— Больше всего говорят о том, что она — тайно обращенная Антагонистка, распространяющая их слово, что она ведьма, что она устраивает оргии, тысячами совращает мужчин и под пыткой заставляет пленных Искупителей осквернять себя поеданием креветок.

Боско кивнул:

— Она выдающаяся грешница, если все это правда.

— Я только передаю слухи, я не сказал, что верю в них.

— Тем лучше для тебя, Искупитель, — улыбнулся Боско. — Причина, по которой я приказал похитить ее, состоит в том, что я хотел выманить Матераци за пределы мемфисских крепостных стен. Для любого подданного их империи она — королева, они поклоняются ей как идолу из-за ее молодости и красоты. Она для них — звезда на тверди небесной. По всей империи, в любой занюханной дыре, превозносят ее достоинства, многие из которых, разумеется, вымышлены или, во всяком случае, преувеличены. Ее обожают все, Искупитель, и в первую очередь — ее отец. Тем не менее, узнав, что похищение провалилось, я не слишком огорчился. Достаточно дать им понять, что мы способны сделать нечто столь ужасное, — и моя цель может считаться достигнутой. По идее, Матераци должны были бы стремительно рвануться из Мемфиса, полные жизненных сил и готовые стереть нас с лица земли.

Боско сел и пристально посмотрел на крепкого мужчину, стоявшего перед ним.

— Но ничего подобного не случилось, — продолжил он, — вот о чем ты, разумеется, сейчас думаешь и считаешь, что я ошибаюсь. Ты просто слишком деликатен или боишься произнести это вслух. Но ошибаешься как раз ты, Искупитель. А Маршал Матерацци, напротив, согласен со мной. Как выяснилось, он хоть и любящий отец, но отнюдь не сентиментальный человек. Он сохранил факт похищения в тайне именно потому, что знает: сдержат народную жажду мщения было бы невозможно. И это возвращает меня к тебе, Искупитель. У тебя ведь очень хорошие отношения с этим, ну там, в...

— В Китти-городе, Ваше Святейшество.

— Я хочу, чтобы ты убедил его помочь тебе организовать нападение отряда в тридцать, может, пятьдесят солдат — сколько ты сочтешь нужным. Ты скажешь этим солдатам, что среди Искупителей слухи о ее постыдном и греховном вероотступничестве уже широко распространились и что, если им придется умереть — а так оно и будет, — их занесут в анналы мучеников за веру. Позаботься, чтобы у всех командиров, которых ты отберешь, были свидетельства о мученичестве, удостоверяющие, что они исполняют волю Бога. Если повезет, кто-нибудь из них выживет и проживет достаточно долго, чтобы Матерацци успели под пытками вырвать у них правду. На сей раз я не желаю, чтобы наши действия сохранились в секрете ни при каких обстоятельствах. Тебе ясно?

— Да, Ваше Благодетельство, — ответил побледневший Искупитель Стремечко Рой.

— Ты совсем побелел, Искупитель. Скажу тебе, что твоей собственной смерти не требуется. Напротив. А кроме того, тебе следует набрать для этой операции таких солдат, которые так или иначе себя запятнали. То, о чем я тебя прошу, отвратительно, но необходимо.

После того как Искупитель Стремечко Рой усвоил, что ему жертвовать собственной никчемной жизнью необходимости нет, щеки его снова порозовели.

— Китти Заяц, — сказал он, — захочет узнать, в чем его заставляют участвовать. Вряд ли он сочтет, что быть замешанным в чем-то столь сомнительном в его интересах.

Боско отмахнулся:

— Пообещай ему все, что хочешь. Скажи, что, когда победим, мы сделаем его сатрапом Мемфиса.

— Он не дурак, Ваше Святейшество.

Боско вздохнул и немного подумал.

— Отвези ему золотую Страбонову статую Вождедеющей Венеры.

Искупитель Стремечко Рой удивился:

— Я думал, ее распилили на десять кусков и бросили в жерло вулкана в Дельфах.

— Это всего лишь слух. Богохульство и непристойность этой статуи заткнет уши этому твоему существу — дурак он или не дурак — и сделает его глухим ко всем вопросам, которые могли бы его смутить.

26

В течение следующих нескольких недель Кейл, причиняя боль самому себе, наслаждался мучительным удовольствием, которое получает человек, портя жизнь тому, кого обожает и ненавидит одновременно. Если бы он захотел признаться себе в этом — но он ни за что не хотел, — то следовало бы сказать, что от всего этого ему было уже тошно.

Кейл никогда четко не представлял себе, чего именно ожидает, становясь телохранителем Арбеллы Лебединой Шеи. Чувства, которые он к ней питал — острое желание и такое же острое негодование, — трудно было бы примирить и зрелому мужчине, что уж говорить о юноше, представлявшем собой странную помесь брутального опыта и полной невинности. Быть может, обладай он хоть каким-то обаянием, это помогло бы Арбелле не ежиться от страха каждый раз, когда он с ней заговаривал, но откуда взяться обаянию в таком существе? Физическое отвращение, которое она испытывала в его

присутствии, несомненно, глубоко ранило его, но единственной доступной для него реакцией была еще большая враждебность.

Эти странные отношения между Кейлом и ее хозяйкой были источником большого беспокойства для Рыбы. Ей нравилась Арбелла Лебединая Шея, даже при том, что ее амбиции простирались дальше положения горничной, независимо оттого, насколько знатной была дама, которой она прислуживала. Арбелла была добра и деликатна, а поняв, что ее горничная еще и умна, стала непринужденной и откровенной с ней. И тем не менее, Рыба была до благоговения преданна Кейлу. Он рисковал жизнью, чтобы спасти ее от того ужаса, который она всячески старалась забыть, но в кошмарных снах он возвращался к ней снова и снова. Она не могла понять холодности Арбеллы по отношению к Кейлу и решительно вознамерилась наставить хозяйку на путь истинный.

То, как она это сделала, стороннему наблюдателю могло показаться странным: она намеренно, притворившись, будто споткнулась, пролила на него горячий чай, предварительно позаботившись влить в чашку холодной воды, чтобы не обварить слишком сильно. Тем не менее чай был достаточно горячим. Кейл, вскрикнув от боли, сорвал с себя тонкую хлопковую тунику.

— О, прости, прости, — запричитала Рыба, суетясь, схватила кружку холодной воды, предусмотрительно оставленную поблизости, и вылила на него. — Тебе больно? Прости.

— Что с тобой? — беззлобно сказал Кейл. — Сначала ты пытаешься обварить, а потом утопить меня.

— О, — всхлипывала Рыба, — мне так жаль. — Продолжая извиняться и суетиться вокруг него, она вручила ему маленькое полотенце.

— Да успокойся ты, выживу, — утешил он ее, вытираясь, и добавил, обращаясь уже к Арбелле: — Мне придется переодеться. Пожалуйста, не покидайте своих покоев, пока я не вернусь.

Когда он вышел, Рыба повернулась, чтобы посмотреть, сработала ли ее уловка. Как и любая сложная хитрость, она произвела сложный эффект. Что действительно вызвало у Арбеллы жалость, причем такую, какой она даже заподозрить в себе не могла, во всяком случае, по отношению к Кейлу, так это рубцы и шрамы на его спине. Едва ли можно было найти на ней маленький пяточок, на котором не было бы следов его жестокого прошлого.

— Ты сделала это нарочно?

— Да, — призналась Рыба.

— Зачем?

— Чтобы вы увидели, что ему пришлось вынести, и не были так суровы — при всем моем к вам уважении.

— Что ты имеешь в виду? — спросила изумленная Арбелла.

— Можно мне говорить откровенно?

— Нет, нельзя!

— Тем не менее я скажу, раз уж все равно зашла так далеко.

По меркам местной знати, Арбелла не была напыщенной гордячкой, однако никто, тем более какая-то служанка, никто, кроме отца, никогда не смел говорить с ней в таком тоне. От потрясения она лишилась дара речи.

— Сейчас между вами и мной, мадемуазель, — быстро заговорила Рыба, — быть может, не так много общего, но когда-то я тоже имела возможность почти ни в чем себе не отказывать, и будущее представлялось мне полным удовольствий, которые я буду получать и дарить сама. Все надежды рухнули в одночасье, и я поняла, как страшна и как невероятно жестока жизнь.

Она в подробностях поведала обо всем случившемся внимавшей ей с широко открытыми глазами хозяйке, не утаив ничего об ужасной судьбе своей подруги и о том, как Кейл, рискуя всем и не убоившись собственной, еще более чудовищной участи, спас ее самое.

— Он не раз говорил мне во время нашего побега через Коросту, что мое спасение —

самый глупый и безумный поступок, который он когда-либо совершал.

— И ты ему веришь? — выдохнула потрясенная Арбелла.

Риба рассмеялась:

— Не совсем. Мне кажется, иногда он говорит серьезно, а иногда шутит. Но я видела его спину (Риба позволила себе эту подмену действующих лиц ради достижения цели, тем более что это не противоречило истине), когда мы мылись в источнике — одному Богу известно, как он отыскал его в том жутком месте, — и Генри рассказал мне, что делали с Кейлом в Святилище. С самого раннего детства Кейла этот Искупитель Боско наказывал его за малейшую провинность — чем проще был проступок, тем лучше. Он ставил ему в вину все: скрещенные большие пальцы во время молитвы, отсутствие хвостика в цифре девять при письме... Он выволакивал его перед строем и яростно избивал: валил на землю и колотил ногами. А потом сделал из него убийцу.

К этому времени Риба взвинтила себя до крайней степени ярости, причем направленной не только против Искупителей.

— Поэтому странно, что ему вообще могло прийти в голову и пальцем пошевелить ради меня или вас, не говоря уж о том, чтобы рисковать собственной жизнью. — Как ни невозможно это себе представить, глаза Арбеллы Лебединой Шеи стали еще больше. — Так что, мадемуазель, думаю, давно пришло время перестать вам смотреть на него, задрав свой очаровательный носик, и выказать ему благодарность и сострадание, коих он заслуживает.

Теперь Риба уже несколько утратила чистоту намерений, коими руководствовалась, начиная свою отповедь, и отчасти любовалась собственным праведным гневом и смущением хозяйки. Но дурочкой она не была, поэтому поняла, что пора остановиться. В комнате надолго наступила тишина. Стараясь не заплакать, Арбелла часто моргала. Увлажнившимся взором она обвела стены, потом снова посмотрела на Рибу, потом опять на стены и тяжело вздохнула:

— Такое мне и в голову не приходило. Я была глубоко права.

В этот момент послышался стук в дверь, и вошел Кейл. Он не заметил той явной перемены, которая произошла в атмосфере комнаты за время его отсутствия. Перемена, между тем, была гораздо более глубинной, нежели думали Риба и даже юная аристократка, полагавшая, будто она многое поняла. Арбелла Лебединая Шея, красивая и желаннейшая из желанных, действительно была тронута и испытала жалось при виде страшных мет жестокости на спине Кейла, но к этому чувству примешивалось и другое, менее благородное: невиданной силы вожеление.

Обнаженный до пояса Кейл являл собой полную противоположность стройным юношам Матерации, сильным и ловким. Кейл был широк в плечах и неправдоподобно узок в талии. В нем не было никакого изящества, это был комок мускулов и мощи, сравнимый с быком или волком. Его исполосованная шрамами фигура не привлекла бы внимания скульптора своей красотой. Но одного взгляда на него в тот момент хватило Арбелле Матерации, чтобы что-то — не только сердце — замерло в ней.

27

— Итак, Искупитель, — проворковал Китти Заяц, поскребывая ногтями поверхность стола, на которой стояла золотая статуя Страбоновой Вождеющей Венеры. От замирающего звука его голоса Искупителю Стремечку Рою казалось, что в ухо его мягко заползает нечто более ужасное, чем человек в состоянии себе вообразить. — Это очень странно, — продолжал Китти Заяц, уставившись на статую. Во всяком случае, Искупителю Стремечку Рою казалось, что он не сводит с нее глаз, на самом деле лицо Китти Зайца было, как всегда, скрыто под опущенным серым капюшоном, за что Искупитель возблагодарил Бога.

— Статуя ваша, если вы нам поможете. Какое значение имеют наши намерения?

Тихое поскрипывание ногтей по дереву продолжалось еще некоторое время, потом —

Искупитель чуть не подпрыгнул от испуга — вдруг прекратилось, и полностью закрытая рукавом рука протянулась к статуе. Еще миг — и серая ткань чуть соскользнула назад, приоткрыв руку. Только это была не рука. Представьте себе нечто серое и волосатое, похожее на собачью лапу, но длиннее, с крапчатыми ногтями. Впрочем, что бы вы ни вообразили, оно будет далеко от жуткой действительности. Несколько секунд эти ногти нежно, как мать поглаживает младенца по лицу, ласкали статую, потом снова спрятались под рукавом.

— Красивая вещица, — проклокотал Китти Заяц. — Но я слышал, что ее распилили на десять частей и бросили в жерло вулкана в Дельфах.

— Как видите, нет.

Последовал долгий выдох, напоминавший горячее, влажное и дурно пахнущее дыхание большого и злобного пса; Искупитель даже ощутил кожей движение воздуха.

— У вас ничего не выйдет, — по-голубиному проворковал Китти Заяц.

— Это лишь ваше мнение.

— Это факт, — резко оборвал Китти Заяц.

— В любом случае это наше дело.

— Вы собираетесь развязать войну, а это уже и мое дело.

Повисла долгая пауза.

— В целом я ничего не имею против войны, — продолжил Китти Заяц. — В прошлом я всегда извлекал выгоду из войн. Вы бы удивились, мой дорогой Искупитель, если бы узнали, сколько денег можно нажить на поставках низкокачественного провианта, спиртного и утвари даже при самой малозначительной войне. Мне нужны письменные гарантии того, что в случае вашей победы ничто из моего имущества не пострадает и что я буду иметь свободный и охраняемый проход куда пожелаю.

— Мы согласны.

Ни один из них другому не верил. Китти Заяц, конечно, был рад подзаработать на войне, однако его планы простирались гораздо дальше.

— Потребуется время, — снова смрадно выдохнув, сказал Китти Заяц, — но наш план будет готов не позже, чем через три недели.

— Это слишком долго.

— Возможно, но именно столько времени это займет. До свидания.

На этом Искупителя Стремечко Роя препроводили из личных покоев Китти Зайца во двор и дальше — в город.

На площади перед виселицей собралась толпа, глазевшая на болтавшихся в петлях двух юношей не старше шестнадцати лет. На шее у каждого имелась табличка с надписью: «НАСИЛЬНИК».

— Кто такой насильник? — спросил у сопровождавшего его охранника Искупитель Стремечко Рой, знавший по опыту, что невинность и жестокость способны мирно сосуществовать.

— Любой, кто пытается сбежать, не заплатив, — последовал ответ.

Направляясь к тщательно охраняемым теперь внешним помещениям покоев Арбеллы Лебединой Шеи, Кейл размышлял. Несмотря на всю свою недоверчивость и обиду по отношению к Арбелле Лебединой Шее, даже он начал замечать, что ее обращение с ним сделалось мягче. Она больше не сверкала на него гневно очами и не съеживалась, когда он оказывался рядом. Порой он даже спрашивал себя, не таится ли в ее взгляде некий важный смысл (хотя, конечно, ему и в голову бы не пришло опознать в нем жалость или желание), но тут же отказывался от предположения за полной его бессмысленностью. И тем не менее нечто необычное происходило.

Погруженный в эти мысли, Кейл лишь в последний момент заметил на краю тренировочной арены группу мальчиков лет десяти, которые угрюмо и злобно бросались друг в друга камнями. Подойдя ближе, он увидел, что один из них был постарше, лет

четырнадцати или около того, высокий, стройный и красивый, как подобает отпрыску рода Матераци. Но что было страннее всего, так это то, что младшие мальчики, как оказалось, бросались камнями не друг в друга, а в этого подростка, обзывая его при этом обидными словами: «Придурок! Недоносок! Слюнявый горлосранец! Говеный губошлеп!» — и снова град камней. А подросток, несмотря на свой рост, лишь пытался увернуться в страхе и смятении, вздрагивая, когда камень попадал в него. Один угодил ему прямо в лоб, и мальчик рухнул на землю, как мешок. Орава уже было обступила его и начала пинать ногами, но тут подоспел Кейл, рванул одного за ухо, наподдал другому, слегка пнул ногой под зад третьего. Через секунду вся банда уже мчалась врассыпную, на ходу выкрикивая ругательства.

— Увижу такое еще раз, маленькие подонки, — въеду сапогом в дупу по самое голенище! — крикнул он им вслед, потом склонился над обмякшим на земле подростком. — Все в порядке, они разбежались, — сказал он свернувшемуся клубком плачущему парнишке, который закрывал лицо руками.

Никакой реакции, мальчик продолжал поскуливать.

— Я тебя не обижу. Они ушли, — повторил Кейл.

По-прежнему — никакой реакции. Начав немного раздражаться, Кейл тронул его за плечо. Мальчик вскинулся и инстинктивно выбросил руку вперед, нечаянно заехав Кейлу по лбу. От удивления и боли Кейл отпрыгнул назад, а паренек, глядя на него в крайнем изумлении, стал отползать к стене, жутко озираясь в поисках своих мучителей.

— Черт! — сказал Кейл. — Черт! Черт! Черт! — У мальчишки оказались железные костяшки, Кейлу показалось, будто он получил скользящий удар молотком. — Что с тобой, чертов маньяк? — заорал он на тарасившего глаза подростка. — Я тебе помог, а ты чуть не снес мне голову.

Мальчик продолжал молча со страхом глядеть на Кейла и наконец заговорил, только это была не человеческая речь, а набор каких-то нечленораздельных хрюканий и кряканий.

Не привычный к хромым, слепым и прочим калекам — они в Святилище долго не задерживались, — Кейл не сразу понял, что парень немой. Он протянул ему руку. Медленно, с опаской, подросток принял ее, и Кейл помог ему подняться.

— Идем со мной, — сказал он. Мальчик смотрел на него, выпучив глаза и не произнося ни звука. Не только немой, но и глухой, понял Кейл, жестом показал ему следовать за ним, и мальчик, скуля от боли и унижения, повиновался.

Когда десять минут спустя Кейл во временном караульном помещении бинтовал ему рану, туда ворвалась Арбелла Лебединая Шея в сопровождении Рыбы. Увидев кровь на лице мальчика, сидевшего перед Кейлом, она страшно закричала:

— Что ты с ним сделал?!

— Ты что несешь, сучка бешеная? — забывшись от возмущения, закричал он в ответ. — Его избивала банда твоих сопливых обожателей, а я их разогнал.

Устыдившись, она смущенно посмотрела на него, сожалея, что испортила то, над чем трудилась несколько последних дней.

— Прости. Прости, — сказала она так жалобно и сокрушенно, что Кейл испытал острое удовлетворение. Впервые он ощутил собственное превосходство в ее присутствии. Тем не менее он лишь снисходительно фыркнул. — Мне очень неловко, — повторила она, подошла к мальчику, взволнованно осмотрела его и поцеловала. Кейл никогда не видел, чтобы она кому-нибудь выказывала такое сострадание, и, потрясенный, не мог отвести глаз. Мальчик сразу же начал успокаиваться. Гладя его по голове, Арбелла Лебединая Шея сказала:

— Это мой брат, Саймон. Большинство людей называют его Саймоном-Недоумком — не в моем присутствии, конечно. Он глухонемой. Что случилось?

— Он был на тренировочной арене, и компания малолеток бросалась в него камнями.

— Изверги! — вздохнула она, ласково посмотрев на брата. — Пользуются тем, что им все сойдет с рук, потому что он не может пожаловаться.

— А у него что, нет телохранителя?

— Есть, но ему хочется побыть одному, и он постоянно сбегает от него, чтобы

потренироваться на арене, он хочет быть таким же, как другие. Но его ненавидят и боятся, потому что он отсталый — говорят, будто он одержим дьяволом.

Почувствовав себя гораздо лучше, Саймон начал тыкать пальцем в Кейла и изображать: сначала как в него кидали камни, потом — как Кейл его спас.

— Он хочет тебя поблагодарить.

— Откуда ты знаешь? — излишне прямолинейно поинтересовался Кейл.

— Ну ладно, я, может, точно и не знаю, но у него доброе сердце, пусть он немного и отстает в развитии. — Она разжала ладонь Саймона и протянула ее Кейлу. Сообразив, чего от него ждут, Саймон так энергично затряс руку Кейла, что тот не сразу смог ее отнять. Между тем кровь просочилась сквозь временную повязку на голове мальчика. Кейл жестом велел ему сесть и под бдительным надзором Арбеллы снял ее. Рана длиной в два дюйма имела устрашающий вид.

— Эти малолетние ублюдки могли выбить ему глаз. Нужно зашить.

Арбелла Лебединая Шея с удивлением посмотрела на Кейла:

— Что ты имеешь в виду?

— Рану надо зашить так же, как ты зашиваешь порванную рубаху или носок, — пояснил он и сам же рассмеялся: — Разумеется, не так, как это делаешь ты.

— Я позову врача.

Кейл насмешливо фыркнул:

— Ваш врач, который меня лечил, непременно прикончил бы меня, если бы его не остановили. Дело не только в том, что у твоего брата останется большой шрам, такие рваные раны опасны тем, что долго не заживают. Десять против одного, что она загноится, и тогда — бог знает... А три-четыре стежка стянут ее, и потом никто даже не найдет места, где она была.

Арбелла Лебединая Шея смотрела на него в полной растерянности:

— Давай я сначала все же позову врача, чтобы он его осмотрел. Постарайся понять меня.

Кейл пожал плечами:

— Дело хозяйское.

Спустя час прибыли два врача, которые долго и громко спорили друг с другом, но кровотечение остановить так и не сумели, а сделали только хуже, потому что непрерывно копались в ране, травмируя ее. В конце концов они так намучили Саймона и боль стала такой невыносимой, что он больше не давал им к себе приблизиться. Кровь между тем продолжала хлестать из раны.

Понаблюдав за этим несколько минут, Кейл вышел и возвратился через полчаса. Саймон стоял, забившись в угол, и никого к себе не подпускал, даже сестру.

Кейл отвел Арбеллу в сторону.

— Слушай, — сказал он, — я купил на базаре порошок тысячелистника, который останавливает кровь. — Он кивком показал на драму, разыгрывавшуюся в углу: — Это плохо кончится. Почему ты не спросишь у отца, что он думает по этому поводу?

Арбелла тяжело вздохнула:

— Для моего отца он не существует. Ты должен понять — это страшный позор иметь такого сына. Я сама могу принять решение.

— Ну, так решай.

Через несколько секунд докторов выпроводили, всем остальным тоже велели выйти. В комнате остались только Кейл и Арбелла. Перестав завывать, Саймон из своего угла подозрительно следил за ними. Так, чтобы Саймон видел, что он делает, Кейл развернул пакетик с порошком, насыпал немного порошка в ладонь, жестом показал на него, потом на рану Саймона, потом на собственный лоб. Подождав немного, он медленно приблизился к Саймону и встал на колени, при этом он все время держал порошок на вытянутой ладони. Саймон не сводил с него настороженного взгляда. Взяв щепотку порошка, Кейл все так же медленно поднес ее к голове Саймона и запрокинул голову, давая мальчику понять, чтобы он

сделал то же самое.

Как бы ни был недоверчив Саймон, он тем не менее повиновался. Кейл посыпал все еще кровоточившую рану порошком шесть раз, потом отступил назад, чтобы дать парнишке время расслабиться.

Через десять минут кровотечение прекратилось. Теперь уже немного успокоившийся Саймон позволил Кейлу подойти снова и с помощью бинта очистить рану. Несмотря на то что процедура была явно болезненной, Саймон терпел, пока Кейл осторожно делал свое дело под присмотром Арбеллы Лебединой Шеи. Закончив, он вывел Саймона на середину комнаты и уложил на стол. После этого достал из внутреннего кармана лоскуток шелка и развернул его. Саймон неотрывно и внимательно следил за его действиями.

В шелковый лоскуток было воткнуто несколько иголок, по-разному изогнутых, в их ушки уже были заправлены шелковые нитки разной длины. Во взгляде Саймона снова вспыхнула тревога, когда Кейл поднес к его глазам одну из них. С помощью всех доступных пантомимических приемов он пытался показать раненому, что собирается делать, но страх на лице мальчика проявлялся все отчетливей. Каждый раз, когда Кейл пытался сделать стежок, ничего не понимающий Саймон начинал кричать и визжать.

— Он не даст тебе этого сделать. Попробуй что-нибудь другое, — сказала расстроенная Арбелла.

— Послушай, — теряя терпение и начиная раздражаться, воскликнул Кейл, — рана глубокая. Я же сказал: может начаться заражение, и тогда ему действительно будет от чего кричать, если он вообще не замолкнет навечно.

— Он не виноват, просто не понимает.

С этим трудно было спорить, поэтому Кейл отошел от стола и вздохнул. Но через несколько секунд он снова приблизился к Саймону, достал из внутреннего кармана маленький ножик и, не успели Арбелла с Саймоном понять, что происходит, глубоко прорезал себе левую ладонь у основания большого пальца.

Впервые за последние часы в комнате установилась мертвая тишина. И Саймон, и его сестра, шокированные увиденным, молча взирали на ладонь Кейла. Кейл же, отложив нож, взял со стола бинт, пропитанный порошком тысячелистника, и крепко прижал его к кровоточащей ране.

В течение следующих пяти минут он не произнес ни слова, потом отнял бинт от руки, увидел, что кровь почти остановилась, медленно подошел к столу, выбрал иголку и продемонстрировал ее Саймону так, словно собирался показать волшебный фокус. После этого он осторожно пристроил кончик иглы к ране и начал сшивать ее края, туго стягивая их. Делал он это с таким сосредоточенным видом, будто штопал носок. Когда нитка кончилась, он завязал на конце узелок и взял другую иглу. Все это он проделал три раза, пока рана не оказалась крепко сшитой. Тогда он поднес руку к глазам Саймона, дал ему ее как следует разглядеть, вопросительно посмотрел ему в глаза и подождал. Побледневший Саймон вздохнул и кивнул в знак согласия. Кейл взял следующую иголку из своего набора, поднес ее к ране мальчика (он мысленно называл его мальчиком, хотя они были ровесниками) и начал шить.

Он сделал пять необходимых стежков, разумеется, под нескончаемые завывания и визги побелевшего как молоко Саймона, а закончив, улыбнулся и пожал ему руку в знак похвалы за то, что он выдержал эту адскую боль.

Потом, повернувшись к почти такой же белой и трясущейся Арбелле Лебединой Шее, сказал:

— Он молодец. И он гораздо умней, чем о нем думают.

Демонстративное представление Кейла достигло цели, на которую он рассчитывал. Ослепленная, потрясенная, испуганная и изумленная Арбелла Матерацци взидала на стоявшее перед ней сверхъестественное существо и уже почти любила его.

У гвельфов — народа, славящегося грубостью нравов, — есть поговорка: ни одно

доброе деяние не остается безнаказанным. В справедливости этого присловья Кейлу вскоре предстояло убедиться. К несчастью для себя, в силу воспитания Кейл не умел вести себя так, как те гадкие, по-детски жестокие мальчишки, — его учили сразу убивать. Ему было неведомо, что значит умерять собственную ярость, и на свою беду, не рассчитав силы, он сломал два ребра одному из мучителей Саймона. По печальному совпадению, мальчишка оказался сыном Соломона Соломона, который уже и так жаждал мести за поражение пятерых своих лучших учеников, а теперь и вовсе вышел из себя из-за ущерба, причиненного его сыну.

Соломон Соломон был нежным и во всем потакающим сыну родителем, какими часто бывают жестокие убийцы. Тем не менее он вынужден был скрывать свою неутраченную ярость. Невозможно было вызвать Кейла на дуэль по той причине, что он нанес травму его сыну в момент, когда это маленькое чудовище участвовало в избииении сына Маршала Матерации. Какое бы горе, какой позор ни испытывал Маршал, имея недоумка в качестве единственного мужского наследника, он страшно разгневался бы из-за посягательства на свою родовую честь, и при всем своем военном искусстве и важном положении Соломон Соломон вполне мог очутиться на корабле, который вез бы его в какую-нибудь глухую дыру на Ближнем Востоке надзирать за погребениями в лепрозории. К терзавшей его злобе против Кейла добавилась смертельная ненависть, которая искала лишь удобного случая. И случай не заставил себя долго ждать.

Неудивительно, что Саймон-Недоумок, как называли его вдали от ушей его отца и сестры, пристрастился проводить все свободное время с Кейлом, Кляйстом и Смутным Генри. Удивительно то, что это глухонемое пополнение вовсе не раздражало их компанию, как можно было бы предположить. Он был таким же презренным чужаком, как и они сами, но они жалели его, потому что он был так близок ко всему, что представлялось им раем — деньгам, высокому положению в обществе, власти, — и в то же время так недостижимо далек от всего этого. А кроме того, делалось все, чтобы он никому не досаждал.

Его поведение и впрямь бывало неуравновешенным и эмоционально несдержанным, но только потому, что никто не взял на себя труд привить Саймону манеры, подобающие воспитанным мальчикам. На него лишь кричали, когда он кого-то раздражал, — что не оказывало никакого эффекта, поскольку он был глух, — или давали хорошего пинка под зад, что свой эффект оказывало. А полезнее всего, как вскоре все сообразили, было просто полностью игнорировать его, когда он раздражался своими нечленораздельными тирадами или демонстрировал дурное поведение. Это Саймон ненавидел больше всего и, вероятно, поэтому очень быстро усвоил «кодекс основных навыков общения послушника Искупителей». Хотя навыки эти не способствовали его адаптации в мемфисских гостиных, они были единственными четкими правилами обращения с людьми, каким кто-либо когда-либо его учил.

Арбелла рассказала Кейлу, что к Саймону приставляли самых лучших учителей, однако ничего из этого не вышло. У мальчиков было по крайней мере одно большое преимущество перед лучшими мемфисскими учителями: Искупители разработали простой язык знаков, которым надлежало пользоваться в различные дни и недели, когда разговаривать было строго запрещено. Послушники же, на которых была возложена епитимья постоянного молчания, развили и усовершенствовали этот язык.

Потерпев неудачу в попытках научить Саймона хотя бы несколькими словами, Кейл стал объяснять ему знаки своего языка жестов, и тот мгновенно их подхватил: вода, камень, человек, птица, небо и так далее. Через три дня после начала уроков, когда они с Кейлом шли через парк, в котором имелся пруд с двумя плавающими на нем утками, Саймон потянул его за рукав и изобразил: «водоплавающие птицы». Именно в тот момент Кейл задумался: а такой ли уж Саймон отсталый? В течение следующей недели Саймон впитал в себя искупительский язык жестов, как сухая губка впитывает влагу. Выяснилось, что он не только не тупой, а, напротив, весьма восприимчивый к ученью.

— Нужен кто-то, кто будет придумывать для него «слова», — сказал Кейл, когда они

вчетвером обедали в караульном помещении.

— Какой в этом смысл, если больше никто не будет знать, что они означают? — возразил Кляйст. — Чем это ему поможет?

— Но ведь Саймон не абы кто, правда? Он — сын Маршала. Можно за деньги нанять человека, который будет «читать» его знаки и переводить их на обычный язык.

— Лебединая Шея заплатит с удовольствием, — подхватил Смутный Генри.

Но такой поворот в планы Кейла не входил.

— Это потом, — сказал он. — Думаю, он заслуживает того, чтобы сначала отомстить отцу и всем остальным — кроме Лебединой Шеи, — совершив что-нибудь значительное. Пусть он всем им покажет! Я сам кого-нибудь найду и сам заплачу.

Объясняя свои мотивы, Кейл, безусловно, говорил правду, но не всю правду. Он отдавал себе отчет в том, что Арбелла Лебединая Шея существенно изменила свое к нему отношение, но не знал, насколько существенно. В конце концов, у него не было опыта (да и откуда бы ему взяться?) в таких вопросах, как чувства красивой и желанной девушки к человеку, который все еще смертельно пугал ее. И Кейл решил: чтобы произвести на нее впечатление, — чем более ошеломляющее, тем лучше, — он должен сделать что-нибудь очень эффектное.

Вот как на следующий день Кейл вместе с ИдрисомПукке, который был его советником в этом деле, очутился в кабинете гофмейстера Контории Ученых — института, широко известного в народе под названием «Мозгарня». Здесь обучали государственных чиновников, в большом количестве требовавшихся для управления империей. Самые важные посты — не только губернаторов провинций, но вообще всех руководителей, имеющих власть и влияние, — разумеется, оставались за Матерацци. Однако все понимали, хотя публично и не признавали, что среди Матерацци нет нужного количества тех, кто в достаточной мере обладает умом и общим здравым смыслом, чтобы управлять столь огромными владениями эффективно или, прямо скажем, хоть как-то. Для этого-то и создали Мозгарню, учреждение, действовавшее в строгом соответствии с принципом отбора по личным достоинствам, чтобы система управления не пришла в хаос из-за некомпетентности руководителей.

Повсюду, где губернатором той или иной покоренной провинции назначался сын-идиот или племянник-расточитель, его окружали внушительным количеством выпускников Мозгарни, чтобы максимально уменьшить масштабы ущерба, который он мог причинить. Таким образом, исключительно из эгоистических соображений аристократия создала это средоточие мудрости, дававшее умным и честолюбивым сыновьям купцов (но, конечно, не бедняков) простор для реализации своих амбиций и открывавшее для них определенные возможности в будущем. Это также удерживало их от участия в антигосударственных заговорах, которые погубили немало аристократий и в прошлом, и впоследствии.

Гофмейстер смерил взглядом ИдрисаПукке, чья репутация на его глазах претерпела множество взлетов и падений, с некоторой подозрительностью. Подозрения несколько не уменьшало и присутствие рядом с ним свирепого на вид молодого головореза, пользовавшегося еще более дурной, хотя и несколько загадочной славой.

— Чем могу служить? — спросил он как можно менее услужливо.

— Лорд Випон просит вас оказать нам все возможное содействие, — отвечал ИдрисПукке, доставая письмо из внутреннего кармана и кладя его на стол перед гофмейстером.

Гофмейстер так же подозрительно, словно оно могло оказаться не совсем подлинным, пробежал письмо глазами.

— Нам нужен самый выдающийся из ваших ученых в качестве конюшего для одного из высокопоставленных членов семьи Маршала, — пояснил ИдрисПукке.

Гофмейстер взбодрился — это могло оказаться полезным:

— Понимаю. Но разве подобный пост обычно не предназначен для кого-нибудь из самих Матерацци?

— Обычно — да, — согласился ИдрисПукке так, словно эта неколебимая, навечно высеченная на каменных скрижалях традиция не имела никакого значения в реальности. — Но в данном случае нам нужен конюший, обладающий знаниями и талантом в области языков. Кто-нибудь гибкий, способный к самостоятельному мышлению. У вас есть такой человек?

— У нас много таких людей.

— Тогда мы берем лучшего.

Вот так и получилось, что два часа спустя ошеломленный, с трудом верящий в свою удачу Йонатан Коолхаус вступил в цитадель и с почтением, подобающим конюшему одного из Матерацци, был препровожден в палаццо, на половину Арбеллы Лебединой Шеи, а там — в караульное помещение.

Если Йонатан Коолхаус никогда и не слышал изречения генерала Войда: «Никакая новость не бывает хороша или плоха настолько, насколько кажется поначалу», — то ему предстояло на собственном опыте убедиться в его справедливости. Он предполагал оказаться в величественных покоях, в приемной, ведущей в роскошную жизнь, коей, по его мнению, заслуживали его таланты. Вместо этого он очутился в караулке, заставленной многочисленными койками, тянувшимися вдоль стен вперемежку со стойками для разнообразного оружия самого устрашающего вида. Что-то сразу пошло не так.

Спустя полчаса в караулку вошли Кейл и Саймон Матерацци. Кейл представился сбитому к тому времени с толку ученому, Саймон тоже хрюкнул нечто нечленораздельное. Затем Йонатан Коолхаус выслушал, что от него требуется: он должен был употребить свои способности на то, чтобы разработать для Саймона совершенный язык знаков, а после сопровождать его повсюду и быть его толмачом. Представьте себе разочарование бедняги Йонатана. Он наметил себе славное будущее на самой вершине мемфисского общества, а оказалось, что в действительности ему предстояло стать всего лишь рупором для Матерацци, которого равняли с деревенским придурком.

Кейл велел слуге проводить Коолхауса в его комнаты, которые оказались ничуть не лучше тех, которые он занимал в Мозгарне. Потом его привели в покои Саймона, где Смутный Генри должен был продемонстрировать ему основные знаки и жесты немого языка Искупителей. Это дало возможность приунывшему Коолхаусу отвлечься от печальных мыслей. По крайней мере, его врожденный лингвистический дар не пропадет втуне, а создание языка знаков не потребует больших усилий, быстро решил он.

За два часа Коолхаус записал все уже имеющиеся знаки и постепенно заинтересовался новым делом: оно нуждалось скорее в творческом подходе, нежели в зубрежке, и процесс создания нового языка мог оказаться интересным. Никакая новость не бывает хороша или плоха настолько, насколько кажется поначалу. Так или иначе, ему ничего не оставалось кроме как продолжать, как бы он ни сокрушался по поводу того факта, что вся его «удача» свелась к необходимости учить придурка.

Однако в течение нескольких следующих дней Коолхаус начал пересматривать свое мнение. На протяжении всей своей жизни Саймон был почти полностью предоставлен самому себе, не имел ни малейшего понятия о дисциплине, никогда не ведал над собой контроля, не получал никакого систематического образования и воспитания. Коолхаус вскоре понял, что сможет успешно учить Саймона благодаря двум обстоятельствам: его страху и преклонению перед Кейлом и отчаянному желанию найти общий язык с окружающими, которое возникло после того, как он почувствовал, сколь исключительное удовольствие заключено в таком общении, пусть даже на примитивном уровне, какой способен был обеспечить ограниченный беззвучный язык Искупителей. Сочетание этих факторов делало Саймона куда более перспективным учеником, чем могло показаться на первый взгляд, и они очень быстро продвигались вперед, несмотря на то, что процесс обучения по меньшей мере дважды в день прерывался приступами раздражения, вызванными тем, что Саймон порой не мог понять, чего от него хочет Коолхаус.

Когда такой приступ случился в первый раз, встревоженный Коолхаус послал за

Кейлом. Тот быстро привел Саймона в чувство, пригрозив задать ему хорошую трепку, если он будет себя плохо вести. Саймон, который после случая с зашиванием раны верил, что Кейл может все, быстро присмирел. Кейл разыграл спектакль передачи Коолхаусу всех полномочий чинить ужасную, хотя и непонятно какую именно расправу, и инцидент оказался исчерпанным. Коолхаус продолжил учить, а Саймон, которому кроме всего прочего очень хотелось угодить Кейлу, — учиться. Коолхаусу было велено ни при каких условиях никому не рассказывать, чем он занимается, а относительно его присутствия был пущен слух, будто он — временный телохранитель Саймона.

Не имея понятия о более амбициозных планах Кейла в отношении ее брата, Арбелла Лебединая Шея прекрасно видела, как много Кейл делает для него в настоящий момент. В Святилище игры были запрещены, любая игра считалась грехом. Самое большее, во что разрешалось «играть» послушникам, это учебное упражнение: две команды, разделенные линией, которую строго-настрого запрещалось пересекать, старались поразить противника кожаным мешком на веревке. Если вам это кажется безобидной забавой, то знайте, что кожаный мешок был набит большими камнями. Серьезные травмы случались сплошь и рядом; смертельные исходы были редки, но тоже не исключены. Видя, что от праздной жизни в Мемфисе мышцы у их тройцы начали становиться дряблыми, Кейл возродил игру, правда, мешок набивался не камнями, а песком. По-прежнему представляя собой сугубо тренировочное упражнение, это занятие стало казаться им на удивление забавным, поскольку больше не грозило увечьями, и, предаваясь ему, они часто хохотали от удовольствия. В отсутствие четвертого игрока они позволили Саймону присоединиться к ним. Он был неуклюж и не обладал грацией других Матерации, но полон такой бесшабашной энергии и энтузиазма, что постоянно сам себе причинял боль. Однако, судя по всему, его это не огорчало. Мальчики так шумели, хохотали и подшучивали над ошибками и неловкостью друг друга, что звуки игры не могли не достигать слуха Арбеллы. Часто, стоя у окна, выходящего в сад, она наблюдала, как ее брат веселится, играет и впервые с удовольствием живет собственной жизнью.

И это тоже глубоко проникало ей в душу — конечно, наряду со странной властью, которую обретал над ней Кейл: ей нравилась его мощная мускулатура и даже запах пота, выступавшего на коже, когда он бежал, метал, догонял и при этом смеялся.

Однажды после часового отсутствия Кейла Арбелла велела Риббе привести его. Пока она тщательно прихорашивалась в спальне, чтобы выглядеть небрежно красивой, Кейл ждал в гостиной. Поскольку ему впервые представилась возможность остаться одному и спокойно осмотреться, он начал систематически изучать все вокруг, от книг на столе до ковров и огромного портрета супружеской четы, доминировавшего над всем, что находилось в комнате. Его-то он пристально и разглядывал, когда вошла Арбелла и, остановившись у него за спиной, сказала:

— Это мой прадед со своей второй женой. Из-за них разразился грандиозный скандал, потому что они были по-настоящему влюблены друг в друга.

Кейл хотел было спросить, почему именно их портрет она повесила у себя в гостиной, но Арбелла поспешно сменила тему:

— Я хотела поблагодарить тебя за все, что ты сделал для Саймона, — произнесла она застенчиво и мягко.

Кейл не ответил, потому что не знал, что сказать, — ведь впервые с момента их встречи предмет его смущенного обожания говорил с ним так ласково, — и потому, что был наповал сражен любовью.

— Я имею в виду, что видела сегодня, как вы играете в свою игру. Саймон был так счастлив, что есть люди, с которыми... — она чуть было не сказала «он может поиграть», но сообразила, что этот юноша, который был способен и на жестокость, и на доброту, может неправильно ее понять, — которые к нему по-дружески расположены, — закончила она после заминки. — Я чрезвычайно тебе признательна.

Кейлу очень понравилась ее интонация.

— Не за что, — ответил он. — Саймон быстро все схватывает, если ему объяснить. Мы сделаем из него железного... — Уже произнося это, он понял, что говорит не совсем то, что нужно, и добавил: — Я хотел сказать: мы научим его, как постоять за себя.

— Но вы не собираетесь учить его чему-то слишком опасному? — всполошилась Арбелла.

— Мы не будем учить его убивать, если тебя это беспокоит.

— Прости, — сказала она, удрученная тем, что снова обидела его. — Я не хотела показаться грубой.

Но Кейл уже не был так болезненно чувствителен по отношению к ней, поскольку видел значительное потепление с ее стороны.

— Да нет, все в порядке. Ты прости, что я был так обидчив. ИдрисПукке всегда напоминает мне, что я всего лишь хулиган и должен следить за своим поведением, когда общаюсь с воспитанными людьми.

— Да неужели он прямо так и говорит? — рассмеялась она.

— Конечно. Он не слишком церемонится со мной, когда речь заходит о моей чувствительной стороне.

— А она у тебя есть?

— Не знаю. Думаешь, хорошо ее иметь?

— Думаю, прекрасно.

— Ну, тогда я постараюсь, хотя не знаю как. Может, ты могла бы меня одергивать, когда я веду себя как хулиган?

— Боюсь, мне будет слишком страшно, — ответила она, томно моргая.

Он расхохотался:

— Знаю, все думают, что я не более добродушен, чем хорек, но больше я не собираюсь никого убивать только за то, что меня называли головорезом.

— О, в тебе так много хорошего, — сказала она, продолжая трепетать ресницами.

— Но все равно я головорез?

— Вот, опять ты становишься излишне обидчивым.

— Знаешь, вот ты меня отчитала, и я никого не буду убивать, и вообще буду стараться стать лучше.

Она улыбнулась, он засмеялся в ответ и сделал еще один шаг в самую глубину ее смятенного сердца.

Кляйст учил Саймона и Коолхауса оперять стрелы гусиными перьями. После третьей неудачной попытки Саймон так разъярился, что сломал стрелу и швырнул обломки через всю комнату. Кляйст спокойно посмотрел на него и знаком велел Коолхаусу перевести:

— Еще раз так сделаешь, Саймон, и я тебе заеду сапогом прямо в дупу.

— В дупу? — переспросил Коолхаус, желая показать, сколь омерзительна ему любая грубость, даже непонятная.

— Ты ведь очень умный, вот и разберись, что это значит.

— Угадай, что я нашел внизу, в подвале? — сказал Смутный Генри, входя в комнату с таким видом, будто кто-то намазал его кусок хлеба маслом и джемом.

— Откуда, черт возьми, мне знать, что ты нашел в подвале? — ответил сидевший за столом Кляйст, поднимая голову.

Но Смутный Генри не позволил ему сбить свой восторг.

— Идем, сам увидишь.

Он так бурно радовался, что Кляйсту стало интересно. Генри повел их в подвальный этаж палатки, а там — по коридору, становившемуся чем дальше, тем темней, к маленькой двери, которую не без труда открыл. Через высокое створное окно в помещение за дверью проникало достаточно света.

— Я как-то разговорился с одним старым солдатом, — рассказывал на ходу Смутный Генри, — он мне рассказывал свои военные истории — кстати, весьма интересные — и между прочим упомянул, что пять лет назад участвовал в поисковой экспедиции в Коросте.

Они там гонялись за Мужиками и наткнулись на боевой Джаггернаут Искупителей, который отстал от основного обоза. Возле Джаггернаута стояли всего два Искупителя, которым они велели убираться, а сам джаггернаут — конфисковали.

Генри подошел к чему-то, накрытому брезентом, и приподнял один край. Под брезентом лежала куча реликвий: священные виселицы разных размеров, сделанные из дерева и металла, статуэтки святой Сестры Повешенного Искупителя, почерневшие пальцы ног и рук всяких мучеников, хранившиеся в маленьких изящно украшенных шкатулках-реликвариях, а в одной лежал даже нос, по крайней мере, Смутный Генри решил, что это нос, хотя по прошествии семисот лет трудно было сказать наверняка. Была там правая рука святого Стефана Венгерского и даже отлично сохранившееся сердце.

Коолхаус взглянул на Смутного Генри:

— Что это все такое? Я не понимаю.

Смутный Генри взял в руки маленькую, заполненную на три четверти бутылочку и прочел наклейку:

— Это «священное масло, выступившее на поверхности гроба святой Вальбурги».

Кляйст начал терять терпение, к тому же вся эта куча реликвий будила в нем дурные воспоминания.

— Надеюсь, ты привел нас сюда не для того, чтобы показать этот хлам?

— Нет, — ответил Генри и перешел к куче размером поменьше, тоже накрытой брезентом, который он сдернул одним движением, как факир сдергивает шелковый платок, чтобы продемонстрировать кульминацию фокуса, — неделей раньше он видел такое представление в палаццо.

Кляйст засмеялся:

— А, это другое дело, по крайней мере, теперь и ты хоть на что-то сгодишься, — сказал он.

На полу, сваленные в кучу, лежали разнообразные — легкие и тяжелые — арбалеты. Смутный Генри поднял один из них, снабженный заводным механизмом с кремальерой.

— Смотри: лук-самострел. Не сомневаюсь, что с таким многое можно сделать. А это... — Он поднял маленький арбалет с прикрепленной к нему сверху коробочкой. — Это, я думаю, обойменный магазин. Я про такие слышал, но никогда не видел.

— Выглядит, как детская игрушка.

— Когда мне сделают стрелы — посмотрим. Ни при одном арбалете стрел нет. Матерацци, наверно, бросили их, потому что не знали, для чего они предназначены.

Саймон сделал несколько знаков пальцами Коолхаусу.

— Ему не нравится то, что ты сказал про Генри.

Кляйст посмотрел на него с недоумением:

— А что я про него сказал?

— Мол, теперь и он «хоть на что-то сгодится». Саймон хочет, чтобы ты извинился перед Генри, иначе он тебе заедет сапогом прямо в дупу.

Ничего удивительного, что Саймону была недоступна манера, в какой мальчики общались друг с другом. До встречи с ними он сталкивался лишь с прямыми оскорблениями или откровенным заискиванием. Глядя в глаза Саймону, Кляйст заговорил. Пальцы Коолхауса забегали синхронно его словам:

— Смутный Генри — это тот, кого Матерацци называют... — Он забыл нужное слово и долго искал его. — Чекино.⁴ Профессиональный убийца. И пользуется он всегда только арбалетом.

Лишь два часа спустя Кейл появился в караульном помещении, и новость об арбалетах сразу же повергла его в дурное расположение духа.

⁴ Искаженное ит. *cecchino* — снайпер

— Ты сказал Саймону и Коолхаусу, чтобы они об этом не распространялись?
— Почему это мы не должны об этом распространяться? — удивился Кляйст.
— Потому что, — сильно раздражаясь, ответил Кейл, — я не вижу ни одной веской причины, по которой кто-либо должен знать, что Генри — снайпер.

— А не веские причины есть?
— То, чего они не знают, не может причинить нам вреда. Чем меньше им о нас известно, тем лучше.

— Это, конечно, очень ценный совет от человека, устроившего такое побоище в саду.
— Послушай, Кейл, как я могу вынести арбалеты из подвала и как-то ими воспользоваться так, чтобы никто об этом не узнал? — сказал Генри. — Кроме того, мне нужно кому-то заказать стрелы для них и потренироваться.

Впрочем, в любом случае было уже поздно. Два дня спустя всех троих вызвали к капитану Альбину. Выглядел он не в последнюю очередь удивленным.

— Генри, ты ведь не похож на убийцу.
— А я и не убийца, я — снайпер.
— Йонатан Коолхаус говорит, что ты был чекино.
— Меньше слушайте Коолхауса.
— Значит, ты снайпер, который не убивает людей? Тогда чем же ты занимаешься?
Генри был обижен, но на удочку не попался, тем не менее все кончилось тем, что ему велели продемонстрировать свое искусство.

— Я слышал об этой штуковине, но хотелось бы увидеть ее в действии, — сказал Альбин.

— Там не одна штуковина, их там шесть.
— Отлично, шесть. Поле Грез подойдет?
— Какая у него протяженность?
— Ярдов триста или около того.
— Нет.
— А сколько же тебе надо?
— Около шестисот.

Альбин рассмеялся:
— Ты хочешь сказать, что можешь этими штуками поразить цель на расстоянии шестисот ярдов?

— Только одной из них.
Альбин посмотрел на него с недоверием:
— Думаю, мы можем перекрыть западную оконечность Королевского парка. Через пять дней, идет?

— Через восемь. Нужно, чтобы мне изготовили стрелы, и на всех арбалетах надо перетянуть тетиву.

— Очень хорошо, — Альбин перевел взгляд на Кляйста: — Коолхаус сказал мне, что ты хороший лучник.

— У этого Коолхауса слишком большое хлебало.
— Независимо от размера его хлебала, это правда?
— Лучший, чем вы когда-либо видели.
— Тогда тебе тоже придется продемонстрировать свое искусство. А как насчет тебя, Кейл? Есть ли у тебя еще какой-нибудь кролик в шляпе?

Восемь дней спустя небольшая группа генералов Матерации, сам Маршал, пожелавший присутствовать лично, и Випон собрались за двойным кордоном из больших парусиновых ширм, обычно используемым для того, чтобы прогонять оленей мимо светских дам, которым захотелось немного поохотиться. Альбин, так же, как и Кейл, проявляя предосторожность, решил, что лучше не афишировать показательную стрельбу. Он не мог бы сказать почему, но точно знал, что эта троица мальчишек всегда что-то скрывает и потому непредсказуема. А в

их главаре Кейле было нечто, что казалось опасно чреватым смутой. Альбин предпочитал не будить лиха.

Уже через пять минут после начала демонстрации он понял, что совершил ужасную ошибку. Очень трудно даже в тайная тайных собственной души смириться с тем, что другие люди, менее способные, сообразительные, усердные и жаждущие учиться, просто по рождению всегда будут в первую очередь иметь возможность присосаться к тому, что поэт Демидов называет «великим свиным корытом жизни». Часто общаясь с Випоном — человеком умным, трудолюбивым и обладающим выдающимися способностями, — Альбин в силу чувства детской справедливости, все еще жившего в его душе, сознательно закрывал глаза на тот факт, что аристократ Випон так же легко стал бы Канцлером, даже будь он полным болваном. Генералы, ожидавшие начала демонстрации, были не более и не менее достойны генеральского звания, нежели любые другие, выбранные по принципу происхождения. Мемфисские пекари, пивовары, каменщики признавали и чтили право рождения так же свято, как любая герцогиня из рода Матерацци.

«Ты идиот, — мысленно корил себя Альбин, — и заслужил это унижение».

Дело даже не в том, что эти трое были детьми — пусть и весьма странными детьми, а в том, что они были неизвестно кем. В порядке вещей уважать каменщика или оружейника, большинство Матерацци считали вульгарным оскорбить даже слугу. Но этих мальчишек вообще нельзя было отнести к какой бы то ни было общественной категории, они были никем, мигрантами и при этом, что самое главное, один из них так далеко пошел. Не то удивляло, что генералы предали забвению поругание Монда и Соломона Соломона, повсеместно воспринимавшееся как хамская выходка, — это, в конце концов, было делом самих Матерацци. Но несправедливость по отношению к членам низших классов следовало улаживать тихо, а если она не была улажена, значит, ей и надлежало оставаться неулаженной. В этом случае оскорбленный не должен был брать дело в свои руки, а тем более действовать в столь радикальной и унижительной для обидчика манере. То, что Кейл взял на себя смелость самостоятельно разрешить свой конфликт, таило в себе серьезную угрозу.

«А может, они и правы», — подумал Альбин.

Первым демонстрировал свое мастерство Кляйст. Двенадцать деревянных солдатских манекенов, обычно использовавшихся для тренировочных боев на мечах, были установлены на расстоянии трехсот ярдов. Матерацци были знакомы с луками, но пользовались ими преимущественно для охоты; у них это были изящные, богато инкрустированные изделия.

Лук Кляйста больше всего, с их точки зрения, напоминал ручку метлы, и им казалось невероятным, что такой грубый и уродливый предмет можно согнуть. Кляйст упер один конец лука в землю и придавил его внутренней поверхностью левой стопы. Подхватив петлю тетивы, он начал гнуть лук. Покоряясь его недюжинной силе, деревянный брус толщиной с большой палец очень крупного мужчины стал медленно сгибаться, и, когда он образовал дугу, Кляйст осторожно накинул петлю на зубрину другого конца. Повернувшись к стрелам, полукругом воткнутым в землю у него за спиной, он вытащил одну, вставил ее в тетиву, оттянул до самой щеки, прицелился и выстрелил. Все это он исполнил словно бы одним непрерывным плавным движением.

Стрелы вылетали из лука одна за другой с интервалом в пять секунд, и каждые пять секунд раздавался характерный хлопок. Когда он закончил, один из людей Альбина выбежал из-за деревянного частокола-укрытия и просигналил флажками: одиннадцать попаданий из двенадцати. Маршал энергично зааплодировал, генералы последовали его примеру, хотя и с меньшим энтузиазмом.

— О, прекрасно! — сказал герцог.

Разозленный вялостью реакции генералов, Кляйст обиженно поклонился и уступил место Смутному Генри.

— Существуют три основных типа арбалетов, — бодро начал тот, не сомневаясь, что зрители разделяют его восторг. Он подошел к самому легкому из двух арбалетов,

установленных перед ним на подставках. — Вот это одноножный. Его так называют потому, что для стрельбы из него нужно поставить одну ногу вот сюда. — Он поднял правую ногу и вставил ступню в стремя-хомут, расположенный в верхней части арбалета.

С помощью крюка, висевшего у него на поясе, Смутный Генри закинул петлю, потом с силой опустил ногу, одновременно откинувшись и выпрямив спину, чтобы спусковой механизм захватил и закрепил тетиву.

— А теперь, — сказал Смутный Генри уже не так бодро, заметив неодобрительные взгляды генералов, — я вставляю снаряд и...

Он прицелился и выстрелил.

Когда раздался громкий шлепок, отчетливо слышный даже с такого дальнего расстояния и означавший, что тяжелая стрела поразила цель, Смутный Генри с облегчением крикнул.

— Отличный выстрел! — воскликнул герцог.

Генералов все это не просто не впечатлило, они взирали на Смутного Генри с угрюмым презрением. Ожидавший, что мощь и точность выстрела вызовут изумление, Генри сразу же сник, потерял уверенность и заколебался. Он перешел к следующему арбалету, гораздо большему по размерам, чем первый, но имевшему почти такую же конструкцию.

— А это двуножный арбалет, который называют так, потому что нужно... э-э... вставлять в стремя обе ноги... э-э... а не одну. И это означает, — добавил он, запинаясь, — что его мощность... э-э... еще больше.

Он проделал те же операции, что и в первый раз, прицелился во вторую мишень и поразил ее с такой силой, что голова деревянного солдата раскололась надвое.

Осуждающая тишина сделалась холодной, как лед на вершине великого ледника Соляная гора. Будь Генри постарше и более опытен в искусстве презентаций, он мог бы остановить представление и избежать потерь. Но он не был ни достаточно взрослым, ни достаточно искушенным, поэтому двигался напрямик к своей последней и самой большой ошибке. Сбоку лежал какой-то громоздкий предмет, который он предварительно накрыл брезентом из подвала палатки. На сей раз не было никаких эффектных фокусов — с помощью Кейла Генри просто стащил брезент в сторону, под ним оказался стальной арбалет, вдвое превышавший размерами предыдущий и неподвижно привинченный к толстому столбу, прочно вкопанному в землю. Огромный духовой механизм был прикреплен к задней части орудия. Смутный Генри начал заводить механизм, выкрикивая через плечо:

— Этот арбалет слишком неповоротлив для использования непосредственно в сражении, но, наведя его с помощью лебедки, благодаря стальной дуге можно поражать цель на расстоянии трети мили.

Последнее утверждение вызвало хоть какую-то реакцию, нарушившую ледяное молчание: среди генералов раздались смешки откровенного недоверия. Поскольку Смутный Генри заранее не рассказывал ни Кейлу, ни Кляйсту о возможностях своей самой крупной находки, они тоже сомневались, хотя и молча. Однако на сей раз всеобщий скептицизм не обескуражил, а подхлестнул Генри. Он все еще был достаточно молод, достаточно глуп и достаточно невинен, чтобы верить: если доказать людям, что они не правы, они не станут тебя за это ненавидеть. Он сделал знак одному из людей Альбина поднять сигнальный флаг. В ответ после небольшой паузы в дальнем конце парка поднялся другой флаг и был сдернут брезент с выкрашенной белой краской мишени около трех футов в диаметре.

Генри прильнул плечом к прикладу арбалета, сделал эффектную паузу и выстрелил. Раздался громopodobный треск, и полтонны мощи, сдерживавшейся в стали и крепчайшей пеньке, вырвалось на свободу. Красная стрела метнулась по направлению к белой мишени, словно гонимая собственным бесом, и миг исчезла из вида. Было весьма изобретательно со стороны Генри покрыть стрелу красным порошком, потому что, когда она вонзилась в мишень, красная пыль весьма драматично осыпала все ее белое поле.

В первый момент все вскрикнули от удивления, но вслед за этим снова раздалось скептическое ворчание, даже — а можно сказать, и особенно — со стороны Кляйста и Кейла.

Безусловно, это было выдающимся стрелковым достижением — хотя и не таким выдающимся, как казалось на первый взгляд: Генри потратил много часов, чтобы точно и неподвижно укрепить арбалет в нужном положении и настроить его на строго определенное расстояние.

Повисло долгое напряженное молчание, которое Маршал попытался разрядить тем, что лично подошел к Смутному Генри, задал ему массу вопросов и, выслушивая ответы, с готовностью выражал изумление и восхищение: «Да неужели?! Боже милостивый! Это просто невероятно!» Он сделал знак своим генералам приблизиться, и те подошли, чтобы осмотреть арбалет вблизи, с энтузиазмом герцогини, которой предложили осмотреть труп собаки.

— Что ж, — сказал один из них, — если когда-нибудь нам понадобится убить кого-то с безопасного расстояния, мы будем знать, к кому обратиться.

— Не надо иронизировать, Гастингс, — пожурил его Маршал с видом недовольного, но жизнерадостного дядюшки и, обернувшись к Генри, добавил: — Не обращай на него внимания, юноша. По-моему, это потрясающе. Отличная работа.

На этом представление было сочтено законченным, и Маршал со своими генералами удалился.

— Тебе повезло, — съязвил Кейл, — что он не пощекотал тебя под подбородком и не одарил испанской карамелькой.

— И сколько времени тебе понадобилось, чтобы настроить этот арбалет?

— Не так уж много, — соврал Генри.

Все помолчали.

— На днях я узнал на мемфисском базаре новое слово, — сказал Кляйст: — Хренотень.

На следующий день Випон в своем кабинете говорил мальчикам:

— Не вижу необходимости объяснять почему, но вам пришло время узнать, как действует механизм внутренних взаимоотношений в государстве Матерацци. Военные никому не подчиняются, кроме Маршала. Хотя я и являюсь его главным политическим советником, когда речь идет о войне, мое влияние значительно уменьшается. Тем не менее безучастным к военным вопросам я оставаться не могу, а следовательно, должен принять во внимание ваши незаурядные способности, особенно по части причинения физического ущерба. Должен признаться со стыдом, — продолжал он безо всякого стыда, — что время от времени ваши способности будут мне нужны, а посему вам необходимо понимать кое-что из того, чего вы пока не понимаете. Капитан Альбин превосходный полицейский, но он не принадлежит к клану Матерацци и, позволив генералам увидеть ваше представление, проявил непонимание кое-каких вещей, которые начинает усваивать только сейчас и которые вашей троице тоже следовало бы иметь в виду. Матерацци испытывают глубокое отвращение к убийству, не требующему риска. Они считают, что оно унижает их достоинство и является уделом обыкновенных убийц и ассасинов. Броня Матерацци лучшая в мире — именно поэтому она такая безумно дорогая. Многим Матерацци требуется до двадцати лет, чтобы выплатить долг за одни только латы. Ниже своего достоинства они почитают и драться с теми, кто не обладает их бойцовским мастерством и такой же броней, как у них. Эти огромные суммы они платят за то, чтобы сражаться с равным себе противником, убить которого или быть убитым которым означает сохранить свой престиж даже в смерти. А какой престиж в том, чтобы убить свинопаса или мясника?

— Или быть убитым ими, — вставил Кейл.

— Вот именно, — подтвердил Випон. — Попробуйте встать на их место.

— Мы не свинопасы и не мясники, мы хорошо обученные солдаты, — возмутился Кляйст.

— Я не хотел вас обидеть, но вы не имеете общественного положения. Вы используете оружие и методы, отрицающие все то, во что верят они. Вы для них что-то вроде ереси. Вы ведь знаете, что такое ересь, не так ли?

— А какой во всем этом смысл? — спросил Кейл. — Тяжелая стрела арбалета или легкая стрела лука — они не знают и знать не хотят, кем был твой дед по материнской линии. Убийство оно и есть убийство. Даже если вставить крысе золотой зуб, она все равно останется крысой.

— Конечно, — согласился Випон, — но, нравится это тебе или нет, Матерацци исповедуют свои принципы уже триста лет и не собираются менять их только потому, что ты считаешь по-другому. — Он посмотрел на Кляйста. — Твоя стрела может пробить броню Матерацци?

Кляйст пожал плечами:

— Не знаю, я никогда не стрелял ни в одного Матерацци при полных доспехах. Но эта броня должна быть чертовски прочной, чтобы остановить четырехунциевую стрелу, пущенную с расстояния сотни ярдов.

— Тогда посмотрим, что можно сделать, чтобы дать тебе возможность испытать ее на деле. Генри, а эти твои стальные снаряды для арбалета, у Искупителей их много?

— Прежде я только слышал о них, никогда ни одного не видел. А мой учитель за всю свою жизнь видел лишь два, так что — не думаю.

— Я видел, сколько времени уходит на то, чтобы зарядить и настроить такой арбалет. Матерацци справедливо отвергли их в качестве орудия для боя.

— Это я ведь и сам сказал, когда вам его показывал, — возразил Смутный Генри. — Зато снаряд, выпущенный из такого арбалета, как эти, наверняка может пробить броню. Я это видел. И делал.

— А если это будет броня Матерацци?

— Дайте мне ее испытать.

— В свое время. Завтра я направлю к вам одного из своих секретарей и одного из моих военных советников. Я хочу, чтобы вы изложили, а они записали на бумаге все, что вы знаете о тактике Искупителей. Ясно?

Глаза у всех троих хитро забегали, но никто не возразил.

— Чудесно. А теперь ступайте.

28

История дуэлей учит, что должна существовать неразрешимая причина, ведущая к убийству одного человека другим. Истинные причины, однако, редко оказываются запечатленными. Те, что дошли до нас, представляют собой мелочные оскорбления, реальные или надуманные: несовпадение мнений относительно красоты глаз некой дамы, замечание, бросающее тень на честность партнера по карточной игре, и тому подобное. Знаменитая дуэль между Соломоном Соломоном и Томасом Кейлом произошла из-за спора, кому первым выбирать куски мяса.

Кейл оказался вовлеченным в это дело из-за того, что повар, нанятый готовить для тридцати человек, охранявших Арбеллу Лебединую Шею день и ночь, пожаловался на ужасное качество мяса, которое ему доставляли. Возвращенные на «лаптях мертвеца», трое мальчиков даже не заметили, что еда, которой их кормили, была нехороша. А вот солдаты выразили повару свой протест, тот же, в свою очередь, пожаловался Кейлу.

На следующий день Кейл отправился к поставщику; за неимением других дел с ним пошел и Смутный Генри. Если бы Кляйст не дежурил в тот момент, он бы тоже присоединился к ним. Дело в том, что охранять женщину, какой бы красивой она ни была, двадцать четыре часа в сутки — весьма утомительное занятие, особенно когда тебе известно, что опасность, ей угрожающая, почти полностью выдумана. Это, разумеется, не касалось Кейла, поскольку он был влюблен в Арбеллу Лебединую Шею и охотно проводил сколько угодно времени, просто любуясь ею или осуществляя свой план заставить ее полюбить его.

План работал даже тогда, когда Кейл и Смутный Генри бродили по базару в поисках своего поставщика. У себя в палатах Арбелла Лебединая Шея пыталась разговорить упорно

сопротивлявшегося Кляйста, чтобы побольше узнать о Кейле. Нежелание Кляйста говорить объяснялось тем, что он отлично понимал: ей отчаянно хочется услышать от него истории из прошлой жизни Кейла, которые представляли бы того либо в жалостном, либо в благородном свете, а он почти так же отчаянно не желал доставлять Кейлу радость, удовлетворяя ее любопытство.

Однако Арбелла была чрезвычайно способным и обаятельным дознавателем, к тому же решительно настроенным. За несколько недель она вытянула из Кляйста и гораздо более податливого Генри очень многое о Кейле и его прошлом. На самом деле неразговорчивость Кляйста лишь еще больше укрепляла ее в предположении, что прошлое юноши, в которого она постепенно влюблялась, было поистине ужасным. Сдержанные и вырванные против воли замечания Кляйста, подтверждавшие рассказы Смутного Генри, делали эти рассказы только более правдоподобными.

— Это правда, что тот человек, Боско, жестоко с ним обращался?

— Да.

— А почему он выбрал именно Кейла?

— Наверное, такая уж у него судьба.

— Пожалуйста, скажи мне правду. Почему он был с ним так жесток?

— Да он просто помешанный, особенно на Кейле. То есть он не такой, как ваши сумасшедшие, которые беснуются или несут бред. За все то время, что провел в Святилище, я ни разу не слышал, чтобы он даже голос повысил. Но тут он совершенно обезумел, почище, чем десяток кошек в одном мешке.

— А это правда, что он заставил его драться насмерть с четырьмя взрослыми мужчинами?

— Да... но Кейл их победил только из-за той дырки в голове, которая подсказывает ему, кто что собирается сделать.

— Тебе не нравится Кейл, да?

— А чему там нравиться?

— Роба сказала мне, что он спас тебе жизнь.

— Учитывая, что сначала он сам поставил ее под угрозу смерти, я бы сказал, что мы квиты.

— Чем могу служить, молодой человек? — стараясь перекричать шум базара, радостно поинтересовался мясник.

Кейл так же радостно прокричал в ответ:

— Ты можешь прекратить посылать мясо дохлых кошек и собак в караульное помещение Западного палаццо?

С куда менее радостным видом мясник извлек из-под прилавка грозного вида дубинку и направился к Кейлу.

— Кем это ты себя возомнил, говнюк ты маленький, что так разговариваешь со мной?

Несмотря на внушительные габариты, он очень быстро подскочил к Кейлу, размахивая на ходу своим оружием. Кейл поднырнул под просвистевшую у него над головой дубинку, оттолкнул мясника и, сделав подсечку, помог ему рухнуть ничком в грязь, после чего, наступив на запястье, вырвал у него дубинку.

— А теперь, — сказал он, слегка постукивая ею по затылку обидчика, — мы с тобой пойдем на склад или где ты там хранишь мясо, ты выберешь самые лучшие куски и впредь каждую неделю будешь присылать мне такое же хорошее мясо. Ну, как? Мы поняли друг друга?

— Да!

— Отлично. — Кейл перестал оглаживать дубинкой затылок мясника и позволил мужчине встать.

— Сюда, — сказал мясник голосом, полным сильно разбавленной желчи.

Втроем они отправились в кладовую позади лавки, забитую говяжьими, свиными,

бараньими окороками и вырезкой; в углу лежали тушки поменьше — кошек, собак и еще каких-то неведомых Кейлу существ.

— Выбирай самое лучшее, — велел Смутный Генри.

Мясник начал снимать с крюков огузки и филеи, когда сзади послышался знакомый голос:

— А ну прекрати!

Это был Соломон Соломон с четверкой своих самых опытных бойцов. Если кому-то покажется странным, что такой человек, как Соломон Соломон, лично отбирал мясо для своих людей, то следует иметь в виду, что его бойцы охотнее смиряться с ранениями, лишениями, болезнями и даже смертью, нежели с плохой едой. Соломон Соломон придавал большое значение тому, чтобы кормить своих солдат самыми лучшими продуктами, и старался, чтобы они это знали.

— Это что ты такое делаешь? — спросил он мясника.

— Отбираю куски для новой стражи палаццо, — ответил тот, кивком указывая на Кейла и Смутного Генри, которых Соломон Соломон нарочито не замечал. Выйдя на середину кладовой, он с любопытством окинул ее взглядом:

— Я хочу, чтобы все это было сегодня же доставлено в Толландские казармы. Разумеется, кроме того дерьма, что свалено в углу, — сказал он и, посмотрев на кучу, отобранную для Кейла, добавил: — Это тоже.

— Мы пришли первыми, — возразил Кейл. — Эта куча — тому доказательство.

Соломон Соломон взглянул на него так, словно никогда прежде не видел:

— У меня в этом деле приоритет. Хочешь оспорить?

Несмотря на жару снаружи, внутри кладовой всегда царил холод, потому что она была высечена в глубине скалы, а по углам стояли огромные брусы льда, тем не менее после вопроса Соломона Соломона температура, казалось, упала еще ниже. Можно было не сомневаться, что за ответом Кейла последует нечто ужасное. Видя это, Смутный Генри попытался смягчить обстановку:

— Сэр, — обратился он к Соломону Соломону, — нам много не нужно, всего на тридцать человек.

Соломон Соломон даже не взглянул в сторону Генри, похоже, он действительно его не слышал.

— У меня в этом деле приоритет, — повторил он Кейлу. — Хочешь оспорить?

— Как вам угодно, — ответил Кейл.

Так, чтобы Кейл отлично все видел, Соломон Соломон, явно исполняя некий ритуал, очень медленно поднял правую руку и открытой ладонью почти ласково хлопнул Кейла по щеке. Потом опустил руку и застыл в ожидании. Кейл в свою очередь поднял правую руку, так же медленно, осторожно поднес ее к лицу Соломона Соломона, но в последний момент изо всей силы взмахнул кистью — раздался громкий шлепок! В напряженной тишине он прозвучал, как гулкий звук святой книги, резко захлопнутой в пустой церкви.

Четверо возмущенных солдат рванулись к нему.

— Стоять! — приказал им Соломон Соломон и, снова обращаясь к Кейлу, сообщил: — Капитан Грей придет к тебе сегодня вечером.

— Милости прошу, а зачем?

— Увидишь.

С этими словами он повернулся и вышел.

— Ну, что там с нашим мясом? — весело спросил Кейл, как только дверь за солдатами закрылась. Он посмотрел на вытаращившегося мясника, потрясенного и напуганного той смертельной драмой, которая разыгралась на его глазах, и добавил: — Что-то мне подсказывает: полагаться на то, что ты выполнишь мой заказ, нельзя.

— Сэр, от этого зависит больше, чем моя жизнь.

— Тогда лучше, если кое-что мы унесем сами. — Кейл взвалил на плечо половину коровьей туши и вышел.

Как оглушительный треск, который распространяется по высохшему лесу, когда молния ударяет в одно из деревьев, слух о том, что произошло в кладовой мясника, мгновенно облетел весь Мемфис. Маршал потребовал, чтобы конфликт был немедленно утрясен. Випон выругался. Они послали за Кейлом и велели ему немедленно отказаться от дуэли.

— Но мне сказали: если я откажусь, каждый будет иметь право прикончить меня при первой встрече без предупреждения.

С этим трудно было поспорить, потому что это было правдой, так же, как и то, что Кейл оказался в этом деле страдательной стороной. Тогда перед Маршалом и его Канцлером предстал призванный Соломон Соломон, однако, несмотря на бурю негодования, обрушенную на него первым, и откровенную угрозу со стороны последнего отправить его похоронных дел мастером в лепрозорий на Ближнем Востоке, Соломон Соломон оставался непоколебим. Маршал пришел в ярость:

— Если ты не прекратишь это, тебя повесят! — кричал он.

— Не прекращу и не повесят, — отвечал Соломон Соломон и был прав: даже Маршал не мог ни предотвратить дуэль после того, как пощечины нанесены, ни наказать участников.

Випон попытался воззвать к снобизму Соломона Соломона:

— Что, кроме бесчестия, принесет тебе убийство четырнадцатилетнего мальчишки? Он — никто. У него нет даже отца с матерью, не говоря уж о родовом имени, достойном того, чтобы убить парня на поединке. О чем, черт возьми, ты думаешь, унижая себя подобным образом?

Это был сильный аргумент, но Соломон Соломон просто не стал на него отвечать.

Дальнейшие увещания были бессмысленны. Маршал рывкнул, чтобы он убирался вон, и исполненный праведного гнева Соломон Соломон удалился.

Встреча Кейла с Арбеллой Лебединой Шеей, как вы можете догадаться, была не менее бурной. Арбелла умоляла Кейла не ввязываться в драку, но поскольку альтернатива была еще ужасней, вскоре она уже произносила яростные филиппики против Соломона Соломона, а потом помчалась к отцу, чтобы умолять его остановить смертоубийство.

Во время слезного свидания с Арбеллой Кейлу пришлось в голову призвать Генри, чтобы тот подтвердил его версию событий. Когда вконец расстроенная девушка ушла, Кейл обратил внимание, что Смутный Генри смотрит на него явно неодобрительно.

— В чем проблема? — спросил он.

— Ты моя проблема.

— Это почему еще?

— Потому что ты пытаешься делать вид, будто не знал совершенно точно, что последует за его вопросом, хочешь ли ты оспорить его приоритет.

— Я пришел туда первым. Ты это прекрасно знаешь.

— И ты собираешься убить или умереть ради чего — ради нескольких кусков мяса?

— Нет. Я собираюсь убить или умереть потому, что он раз двадцать отметелил меня ни за что. Я никому и никогда больше не позволю так со мной обращаться.

— Соломон Соломон — это тебе не Конн Матерацци и не горстка полусонных Искупителей, которые не видели, как ты к ним подкрался. Он может тебя убить.

— Думаешь, может?

— Да.

— Надеюсь, он согласится с тобой, что я дурак, потому что в этом случае его ждет еще большее потрясение, когда я переломлю его, как прут.

Опера Россо, или Красная Опера, — это великолепный полукруглый амфитеатр с видом на Мемфисский залив, красота которого способна поразить даже бывалых путешественников. Он так круто поднимается непосредственно от арены, что известны случаи, когда перевозбужденные зрители, падая с верхних рядов, разбивались насмерть. Но истинное назначение Илья Рапидо,⁵ как называли этот головокружительный каскад трибун, состояло в том, чтобы каждый из тридцати тысяч зрителей, собиравшихся вокруг арены, которую он опоясывал, чувствовал себя так, словно непосредственно участвует в действе, даже сидя в самом верхнем ряду.

Бывшая некогда сценой, на которой происходили многочисленные дуэли и гладиаторские бои, в эти дни Красная Опера стала местом, куда Мемфис приходил единственно для того, чтобы посмотреть корриду и травлю медведей собаками (хотя последний род развлечений начал выходить из моды). Профессиональные боксерские бои и публичные казни проводились здесь же. Никто из мемфисцев не хотел упустить возможность поглазеть, как лучшие из лучших — а к таковым уже, несомненно, причислили и Кейла — убивают друг друга на глазах толпы. Когда еще выпадет другой шанс понаблюдать такое?

Отрицательное отношение Маршала к дуэлям и гладиаторским боям объяснялось не столько его жалостливостью, хотя к старости он действительно перестал находить удовольствие в подобных кровавых забавах, сколько крупными неприятностями, которые они порождали. Гладиаторские бои, в которых один из двух участников был обречен на смерть, — в отличие от дуэлей, где для завершения боя достаточно было первой крови, — вызывали непримиримое возмущение членов семьи поверженного. А последующая кровная вражда и убийства из мести сеяли столько горя, что Маршал решил употребить всю свою власть, как формальную, так и неформальную, чтобы не допускать подобного развития событий. Смертельные поединки не только порождали беспорядки, но и провоцировали неуважение к правящим классам.

В день поединка между Кейлом и Соломоном Соломоном огромная площадь перед Оперой Россо была забита уже с утра. Многотысячные очереди тянулись к каждому из десяти входов, а те, кто понимали, что не смогут попасть внутрь, слонялись по базарам и ярмарочным палаткам, которые по таким выдающимся случаям составляли целые городки. Повсюду сновали полицейские и жандармы, присматривавшие за ворами и скандалистами и вынюхивавшие крамолу, ибо они хорошо знали, что любое недовольство может перерасти в суровую потасовку. Все городские спекулянты и бандиты были тут как тут: замшеголовые в красно-золотых жилетках и посеребренных сапогах; хулиганы в белых подтяжках и черных шляпах с высокими тульями; мошенники в котелках, с моноклями и тонкими усиками. Толпы девиц; лоллардисты-бормотуны в длинных плащах, в ботфортах до бедра и с бритыми головами; желтобилетницы с нарисованными красной помадой губами-бантиками, в тесных красных корсетах и длинных черных, как ночь, чулках. Повсюду стояли шум и гам — крики, смех, свист, взрывы музыки... Когда на площади появлялся кто-то из юных Матерацци, раздавались фанфары, и толпа с завистливым восхищением глазела на него.

И половина каждого потраченного здесь пенни оседала в кармане Китти Зайца.

Во время казней простонародье любило швырять в осужденных мертвых кошек. Хотя преступники и предатели, по общему мнению, того заслуживали, во время мероприятий, подобных нынешнему, такое поведение строго запрещалось, любое проявление неуважения в присутствии кого-либо из Матерацци считалось недопустимым. Тем не менее никакие запреты не могли удержать местных жителей, и огромные кучи мертвых кошек, горностаев, собак, куниц, а иногда и африканских муравьедов громоздились и росли возле каждого из десяти входов.

Ровно в полдень звуки фанфар оповестили о прибытии Соломона Соломона. Десять минут спустя никем не узнанные Кейл, Смутный Генри и Кляйст проследовали сквозь толпу,

⁵ Быстрый (*ит.*)

обратив на себя внимание лишь наблюдавших за порядком в очередях полицейских, которые, приостановив движущийся поток людей, с мрачным любопытством пропустили их в Оперу Россо.

31

В сумрачном помещении, располагавшемся под Оперой и обычно предназначенном только для Матерацци, чтобы они втайне от посторонних глаз могли разогреваться перед тем, как начать убивать друг друга, Кейл сидел вместе с Кляйстом и Смутным Генри и размышлял о том, что его ждет впереди. Еще два дня назад его мысли не отягощало ничто, кроме бешеного гнева и жажды мести — очень сильных, но хорошо знакомых ему чувств. Все изменилось, однако, после того, как он, обнаженный, лежал под дорогими хлопковыми простынями с Арбеллой Лебединой Шеей, впервые в жизни ощутил власть блаженства.

Представьте себе, что это означало для Кейла — Кейла, умиравшего с голоду, Кейла озверевавшего, Кейла-убийцы — оказаться в объятиях самой красивой юной женщины, гладившей его по волосам и осыпавшей поцелуями, и сгорать от пламенной страсти. А теперь он сидел в тусклой комнате, пахнувшей сыростью, в то время как над его головой Опера заполнялась тридцатью тысячами зрителей, жаждущих увидеть, как он умрет. Два дня назад единственное, чем он руководствовался, было желание выжить, острое, звериное, яростное, но где-то в глубине души одновременно с этим таилось и равнодушие: умрет он или будет жить, по большому счету ему было все равно. Теперь же ему это отнюдь не было безразлично, и впервые за очень долгое время он испытывал страх.

Любить жизнь, конечно, было замечательно, но только не в этот день, единственный из всех.

Так сидели они втроем, и Смутный Генри с Кляйстом чуяли совершенно незнакомые волны страха, исходившие от человека, которого, независимо от того, нравился он им или нет, считали непробиваемым. С каждым приглушенно доносившимся сюда взрывом приветствий, с каждым стуком гигантских дверей, многократно повторенным эхом, с каждым лязгом невидимых механизмов, управлявших подъемниками, возбужденное ожидание битвы и вера уступали место сомнениям и страху.

Когда до начала поединка оставалось полчаса, кто-то тихо постучал, Кляйст открыл дверь и впустил Лорда Випона и ИдрисаПукке. Смущенные странной атмосферой, царившей в темном помещении, они заговорили едва ли не шепотом:

— Он в порядке?

— Да.

— Ему ничего не нужно?

— Нет. Спасибо.

Потом наступила тишина, какая бывает у постели тяжелобольного. ИдрисПукке, явившийся свидетелем ужасной резни Искупителей у перевала Кортина, был озадачен. Канцлер Випон, мудрый и хитрый, отдававший себе отчет в том, что никогда прежде не встречал создания, подобного Кейлу, видел теперь перед собой мальчика, которому предстояла ужасная смерть на глазах у ревущей толпы. Все эти дуэли всегда казались ему безрассудными и незаконными, теперь же они начали принимать и вовсе гротескные формы, и он был их решительным противником.

— Позволь мне пойти поговорить с Соломоном Соломоном, — обратился он к Кейлу. — Это преступная глупость. Я придумаю какое-нибудь извинение, предоставь это мне.

Он встал, собираясь выйти, и что-то шевельнулось внутри у Кейла, что-то необычное, чего, как он думал, ему не дано было больше никогда почувствовать: «Да, я не хочу этого. Не хочу. Пусть все это прекратится». Но когда Випон приблизился к двери, нечто другое, не гордость, нет, а глубокое осознание реального положения вещей, заставило Кейла окликнуть его:

— Прошу вас, Канцлер Випон! Ничего хорошего из этого не выйдет. Моего отступления он желает даже больше, чем моей смерти. Что бы вы ни сказали, это не будет иметь никакого значения. Он возьмет верх надо мной, ничего не дав взамен.

Випон не стал спорить, потому как понимал, что Кейл прав. Раздался громкий стук в дверь:

— Пятнадцать минут! — Потом дверь отворилась: — К тебе пришел викарий.

Поразительно маленький человечек в черном костюме с белым жестким стоячим воротником, напоминавшим ошейник, ласково улыбаясь, вошел в комнату.

— Я пришел, — сказал он, — чтобы благословить тебя. — И, помолчав, добавил: — Если ты этого хочешь.

Кейл посмотрел на ИдрисаПукке, ожидавшего, что он прогонит священника. Но Кейл, догадавшись, улыбнулся и сказал:

— Это не повредит.

Он протянул ИдрисуПукке руку, и тот пожал ее:

— Удачи тебе, парень, — сказал он и быстро вышел.

Кейл кивнул Випону, Випон кивнул ему в ответ и тоже удалился. В комнате остались лишь три мальчика и викарий.

— Ну что, начнем? — весело сказал он, словно собирался совершить обряд венчания или крещения. Достав из кармана серебряную коробочку, он открыл крышку и показал Кейлу находившийся внутри порошок. — Это пепел сожженной коры дуба. Он символизирует бессмертие, — сказал викарий с таким видом, словно сам он не больно-то верил в подобные небылицы. — Можно? — Он окунул в порошок указательный палец и нарисовал им на лбу Кейла короткую линию. — Помни: прах ты есть и в прах возвратишься, — бодрым голосом провозгласил он. — Но помни также: грехи твои, что алее багряницы, станут белее снега, и красное, как кровь, станет белым, как шерсть ягненка. — Он захлопнул крышку серебряной коробочки, положил ее обратно в карман и с ощущением выполненного долга добавил: — Гм... ну, удачи тебе.

Когда он направился к двери, Кляйст крикнул ему вслед:

— Соломону Соломону вы сказали то же самое?

Викарий обернулся и посмотрел на Кляйста так, словно старался запомнить его.

— Ты знаешь, — ответил он со странной улыбкой, — не думаю. — И с этим вышел.

Был и еще один посетитель. Услышав, как кто-то тихо скребется в дверь, Смутный Генри открыл ее, и в комнату проскользнула Рибба. Он покраснел, когда она мимоходом стиснула ему руку. Кейл сидел, уставившись в пол, и казался растерянным. Рибба подождала, пока он поднимет голову. Увидев ее, он удивился.

— Я пришла пожелать тебе удачи, — нервной скороговоркой произнесла она, — попросить прощения и передать вот это. — Она протянула ему записку. Кейл сломал печать и прочел:

«Я люблю тебя. Пожалуйста, возвращайся ко мне».

С минуту все молчали, потом тишину нарушил сам Кейл:

— За что ты просишь прощения?

— Это я виновата в том, что ты оказался здесь.

Кляйст издевательски хмыкнул, но ничего не сказал.

Передавая записку Смутному Генри на сохранение, Кейл посмотрел на Риббу:

— Мой друг пытается сказать, что все это устроил я сам. Я не добряк. Это правда.

Как и любой из нас в ее ситуации, Рибба хотела все же снять с себя ответственность и в своем нетерпении пошла дальше:

— И все же я думаю, что это моя вина, — повторила она.

— Думай как хочешь.

Эти слова привели ее в такое уныние, что Смутному Генри тут же стало жалко ее, он сам вложил руку в ее ладони и вывел девушку в коридор, где было еще темней, чем в комнате.

— Какая я идиотка, — рассердилась на себя Рибб, и слезы потекли у нее из глаз.

— Не волнуйся. Он хотел сказать, что не винит тебя. Просто у него сейчас голова другим занята.

— Что же будет?

— Кейл победит. Он всегда побеждает. Мне надо идти.

Она снова сжала ему ладонь и поцеловала в щеку. Генри посмотрел на нее долгим взглядом, в котором отразилось множество странных чувств, потом вернулся в комнату ожидания. Десять минут спустя Кейл, молча и автоматически, принялся выполнять разогревающие упражнения. Кляйст и Смутный Генри, посапывая от усилий, присоединились к нему: вращательные движения руками, вытяжение ножных мышц... И тут раздался громкий стук в дверь:

— Пора, господа, пррррошуууу!

Мальчики переглянулись. Наступила короткая пауза, потом — бэнс! — лязгнула задвижка на другой двери, в дальнем конце комнаты. Створки медленно, со скрипом начали расходиться, и луч света мгновенно прорезал сумрак, словно само солнце ждало Кейла за дверью; а еще через несколько мгновений яркий свет ворвался в еще недавно темную комнату, как мощный порыв ветра, словно он желал затолкать мальчиков назад, в безопасный мрак.

Двинувшись вперед, Кейл услышал последние слова, которые произнес его внутренний голос: «Беги. Уходи, прошу тебя. Какое тебе до всего этого дело? Беги».

Еще несколько шагов — и вот он на пороге, под открытым небом.

Одновременно с ослепляющим солнечным ливнем на него обрушился оглушительный и оскорбительный рев толпы, похожий на тот, что сопутствует медвежьей травле. Казалось, что наступил конец света. По мере того как Кейл продолжал продвигаться вперед — пять, пятнадцать, двадцать футов — и глаза привыкали к свету, он начинал различать не сплошную стену лиц тридцатитысячной аудитории, которая колыхалась, свистела, кричала и пела, а в первую очередь мужчину, стоявшего в центре арены и державшего в руках два меча в ножнах. Кейл старался не смотреть в сторону, на Соломона Соломона, но ничего не мог с собой поделать.

Соломон Соломон вышагивал слева от него, ярдах в тридцати, выпрямившись и сосредоточенно глядя на человека в центре арены. Он казался гигантом, гораздо более высоким и широким в плечах, чем был, когда Кейл видел его в последний раз, — будто вырос и раздался вдвое. Но больше всего Кейла потрясло то, что от ужаса его самого стала покидать сила, которая делала его непобедимым почти половину жизни. Язык, сухой, как песок в пустыне, прилип к нёбу; мышцы бедер болезненно обмякли, так что он едва держался на ногах; чтобы поднять руки, обычно крепкие, как ствол дуба, казалось, нужно было совершить нечеловеческий подвиг; и в ушах ощущалось странное шипучее жжение, заглушавшее даже вой, свист и крики толпы. Вдоль стены амфитеатра с интервалом ярда в четыре стояли несколько сотен солдат, попеременно поглядывавших то на зрителей, то на огромную арену.

Хулиганы в цилиндрах весело пели:

НИКТО НАС НЕ ЛЮБИТ, А НАМ ВСЕ РАВНО
НИКТО НАС НЕ ЛЮБИТ, А НАМ ВСЕ РАВНО
МЫ ЛЮБИМ ЛОЛЛАРДИСТОВ, МЫ ЛЮБИМ ГУГЕНОТОВ
ЛЮБИМ, ДА? ЛЮБИМ, ДА? ЛЮБИМ, ДА? ДА?
0-0-0-0-0-0-0, НЕТ, Я ТАК НЕ ДУМАЮ
ЗАТО МЫ ЛЮБИМ МЕМФИССКИЕ ДРАКИ...

Потом они воздевали руки высоко над головами и, хлопая в ладоши, скандировали, одновременно в такт поднимая и опуская поочередно то правое, то левое колено:

ТЫ ДОЛЖЕН ЖИТЬ, ИНАЧЕ — СМЕРТЬ!
ТЫ ДОЛЖЕН ЖИТЬ, ИНАЧЕ — СМЕРТЬ!
ТЫ ДОЛЖЕН ЖИТЬ, ИНАЧЕ — СМЕРТЬ!
ТЫ ДОЛЖЕН ЖИТЬ, ИНАЧЕ — СМЕРТЬ!

Стараясь переплюнуть их и одновременно раздражить участников схватки, лысые лоллардисты-бормотуны радостно распевали:

ПРИВЕТ, ПРИВЕТ, ТЫ КТО ТАКОЙ?
ПРИВЕТ, ПРИВЕТ, ТЫ КТО ТАКОЙ?
ТЫ, МОЖЕТ, РУПЕРТ? МОЖЕТ, ЛЮК?
ТЕБЕ ВОТ-ВОТ ПРИДЕТ КАЮК.
ТАК КТО Ж ТЫ ВСЕ-ТАКИ ТАКОЙ?
НЕ БУДЕМ ВРАТЬ, НЕ БУДЕМ ВРАТЬ,
НЕ БУДЕМ ПОПУСТУ БОЛТАТЬ,
НО СКОРО БУДЕШЬ ТЫ ЛЕЖАТЬ,
НА КАМНЕ МРАМОРНОМ ЛЕЖАТЬ,
С ВЕНКОМ НА ЛБУ, КРАСИВ, СУРОВ,
НО БЕЗ ЯИЦ И БЕЗ ЗУБОВ.
ПРИВЕТ, ПРИВЕТ, ТЫ КТО ТАКОЙ?

С каждым шагом Кейл словно все глубже увязал в болоте; слабость и страх, впервые за долгие годы ожившие в нем, казалось, взбунтовались у него в желудке и голове.

И вот он на месте, Соломон Соломон рядом, ярость и мощь, исходившие от него, словно бы образовывали вокруг его фигуры ореол, горевший, как второе солнце.

Комендант-оружейник жестом велел им встать по правую и левую руку от него и провозгласил:

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КРАСНУЮ ОПЕРУ!

Весь амфитеатр, в едином порыве вскочив на ноги, заревел — кроме той секции, где сидели Матерацци, там мужчины лишь лениво взмахнули руками, а женщины холодно поаплодировали. Это не были представители высшего эшелона клана Матерацци, те сочли неуместным присутствовать при столь вульгарном событии и выражать поддержку Соломону Соломону, ведь тот был человеком «не совсем их круга»: хотя он и занимал почетное положение в военной иерархии, но был правнуком всего лишь торговца, сколотившего себе состояние на вяленой рыбе. Впрочем, несколько представителей избранного матерацциевского общества, в том числе — поневоле — и сам Маршал, все же прибыли к самому началу представления, но заняли места в тщательно закамуфлированных частных ложах, откуда наблюдали за происходящим на арене, поедая свежие креветки утреннего улова. Секция, предназначенная для Монда, искрила ненавистью к Кейлу, море рук волнами накатывало в его сторону, сопровождаемое презрительным скандированием:

«БУМ-ЛАКА-ЛАКА-ЛАКА-БУМ-ЛАКА-ЛАКА-ЛАКАТАКТАКТАК».

С верхнего ряда западной трибуны какой-то умелец — головорез или просто хулиган, — сумевший обмануть бдительность обыскивавших всех при входе полицейских, широкой дугой швырнул на арену дохлую кошку, та шлепнулась в песок всего в двадцати футах от Кейла — толпа взорвалась от восторга.

Паника встрепенулась в поникшей душе Кейла, словно в ней прорвало плотину, все эти годы сдерживавшую копившийся страх, и вот он хлынул наружу, сметая на своем пути все: его внутренности, нервы, всю его злость и волю. Даже позвоночник задрожал от трусости, когда Комендант-оружейник вручил Кейлу меч. Он едва мог поднять руку, чтобы вынуть его из ножен, так ослабел он в один момент. Меч был таким тяжелым, что он с трудом удерживал его в безжизненно повисшей вдоль тела руке. Сейчас в Кейле сохранялись только ощущения: горький привкус смерти и страха на языке, жар слепящего солнца под веками,

шум толпы в ушах и стена неразличимых лиц перед глазами.

Комендант-оружейник поднял руки. Амфитеатр замер. Комендант-оружейник резко опустил руки — толпа взревела, как одно гигантское животное, и Кейл увидел, что человек, который вот-вот должен был зарубить его, медленно, целенаправленно двинулся к нему, дрожащему, обуянному паникой мальчишке.

Где-то глубоко внутри жалобный голосок подначивал, моля о спасении: «ИдрисПукке, спаси меня, Андреас Випон, спаси меня, Генри и Кляйст, спасите меня, Арбелла Лебединая Шея, спаси меня». Но никто не мог ему сейчас помочь, кроме человека, которого он ненавидел больше всех на свете. Именно Искупитель Боско защитил его от опаснейшего удара, именно благодаря ему кровь Кейла не обагрила песок — сказались годы воспитания на жестокости, на повседневном страхе и ужасе, воспоминание о них помогло ему воспрянуть. Воды страха, затопившие его по самую грудь, начали замерзать. Пока Соломон Соломон быстро двигался по кругу, холод распространился вниз и, пройдя сквозь сердце и живот, дошел до ног и рук. За несколько секунд, словно чудесное лекарство, снимающее чудовищную боль, старое, хорошо знакомое, спасающее жизнь чувство онемения, безразличия к страху и смерти вернулось к Кейлу. Он снова стал самим собой.

Соломон Соломон, которого поначалу сбивала с толку неподвижность Кейла, теперь ринулся в атаку: меч занесен, взгляд сосредоточен, внимание сконцентрировано — опытный посланник жестокой смерти, он двигался на расстоянии вытянутого меча, потом на мгновение замер. Они пристально смотрели друг другу в глаза.

Перед мысленным взором Кейла мелькали отрывочные картинки: пожилая женщина в толпе, улыбающаяся ему, как добрая бабушка, и одновременно проводящая большим пальцем по горлу слева направо; окоченевшая дохлая кошка на земле, похожая на грубо сработанную игрушку; молодая танцовщица на краю арены, ее рот широко открыт в смутении и ужасе. И противник, шаркающий по песку; шорох под его ногами раздавался в ушах громче, чем шум толпы, который в тот момент казался бесконечно далеким.

И тут Соломон Соломон, собрав всю свою силу, рубанул мечом.

Кейл пронырнул у него под рукой и, пока Соломон Соломон пытался рассечь его пополам, сам сделал резкое движение мечом сверху вниз. Они быстро поменялись местами. Зрители на трибунах разочарованно засвистели. Ни один из поединщиков, казалось, не был задет. Однако Кейл вдруг почувствовал, как что-то капает, а потом и струится с его руки, и увидел свой отсеченный левый мизинец лежащий на песке, маленький и смешной.

Он сделал шаг назад, теперь ужасная, невыносимая боль пронзила его. Соломон Соломон стоял и всем своим существом впитывал кровь и боль противника, дело еще не было завершено, но был сделан серьезный шаг к убийственному финалу. Когда кровь на песке стала видна зрителям, на трибунах поднялся медленно нараставший рев. Со скамей, занятых простолюдинами, слышались свист и отдельные выкрики ободрения в адрес неудачника; из лож Матерацци — приветственные возгласы; с трибун Монда — насмешки. Постепенно шум стих. Соломон Соломон, понимая, что теперь он хозяин положения, ждал, когда потеря крови, боль и страх смерти сделают за него его дело.

— Стой смирно, — сказал он, — и, возможно, тогда ты умрешь быстро. Хотя ничего не обещаю.

Кейл посмотрел на него так, словно эти слова его озадачили. Потом сделал круговое движение мечом, как будто взвешивал его, и выполнил ленивый медленный выпад, целясь в голову противника. Инстинкт, выработанный годами практики, заставил Соломона Соломона броситься в контратаку на слабого противника, мощные ноги с тяжелым топотом по-спринтерски понесли было его на Кейла, но уже на втором шаге он начал заваливаться, будто сраженный снарядом, выпущенным из арбалета Генри, и рухнул грудью и лицом в песок.

Толпа издала изумленный вздох, словно бы вырвавшийся из одной могучей груди.

Удар Кейла сверху вниз, нанесенный во время первой атаки, вовсе не прошел мимо цели. Если первый удар Соломона Соломона отсек Кейлу мизинец, то Кейл разрубил

Соломону Соломону ахиллово сухожилие. Именно поэтому, несмотря на боль в руке, он был так удивлен тем, что Соломон Соломон казался целехоньким. И именно поэтому он так небрежно взмахнул мечом, готовясь ко второму удару, — он просто хотел заставить противника двигаться.

Несмотря на страх и изумление, Соломон Соломон мгновенно собрался, встал на колено здоровой ноги и начал размахивать перед собой мечом, отгоняя Кейла.

— Ах ты, грязный мешок с дерьмом! — прошипел он тихо и сразу вслед за этим издал громкий крик ярости и отчаяния.

Кейл отступил, чтобы оставаться вне пределов его досягаемости, и ждал. Еще один вопль гнева и унижения. Кейл просто наблюдал, как Соломон Соломон постепенно осознает свое поражение.

— Ладно, — со злостью и горечью произнес Соломон Соломон, — ты победил. Я сдаюсь.

Кейл посмотрел на Коменданта-оружейника:

— Мне сказали, что мы должны драться, пока один из нас не умрет.

— Всегда разрешается проявить милосердие.

— Например, сейчас? Что-то я не припоминаю, чтобы кто-нибудь выдвигал такое условие.

— Поверженный противник имеет право попросить пощады. Просьба не обязательно должна быть удовлетворена, и никто не осудит победителя, если он откажет в ней. Но, повторяю, всегда можно проявить милосердие. — Комендант-оружейник взглянул на коленопреклоненного поединщика: — Если хочешь быть помилованным, Соломон Соломон, ты должен попросить пощады.

Соломон Соломон затряс головой, словно внутри него происходила борьба, как оно в сущности и было. Кейл же, поначалу сбитый с толку, ощутил огромное и продолжавшее расти негодование.

— Прошу тебя о...

— Заткнись! — гаркнул Кейл, переводя взгляд со своего поверженного врага на Коменданта-оружейника и обратно. — Все вы лицемеры! Вы думаете, что можете менять правила, как вам это выгодно. Все эти ваши разговоры о благородстве, стоящие не больше, чем куча верблюжьего говна, значат только то, что вы присвоили себе власть делать все так, как нужно вам. Все вы просто кучка сволочных лжецов.

— Он должен выкупить у тебя свою жизнь за десять тысяч долларов.

Кейл внезапно сделал выпад, и Соломон Соломон с криком повалился на землю, в плече у него зияла глубокая рана.

— Скажи мне, — продолжал Кейл, обращаясь к нему, — ты стоишь больше или меньше? Ты избивал меня безо всякой причины и без пощады, но посмотри на себя теперь. Это же ребячество. Сколько десятков людей ты угробил, не дав им ни малейшего шанса? А теперь, когда настал твой черед, ты вымаливаешь для себя исключения? — Кейл задохнулся от отвращения. — А почему, собственно? Это твоя судьба; когда-нибудь и меня настигнет моя. На что тебе жаловаться, старик?

Произнеся все это, Кейл встал над Соломоном Соломоном, потянув за волосы, запрокинул ему голову и одним ударом перерубил шею до затылка, после чего отпустил обмякшее тело, и оно свалилось на землю лицом вверх; невидящие глаза были открыты, из носа, пульсируя, продолжала изливаться кровь. Но вскоре кровотечение прекратилось, с Соломоном Соломоном было покончено навсегда.

В последние секунды жизни Соломона Соломона Кейл не чувствовал, не видел и не слышал ничего: ни боли в левой руке, ни рева амфитеатра. Ярость оглушила и ослепила его. Теперь и боль, и шум толпы начинали возвращаться. Шум был странным: никаких приветственных возгласов ниоткуда, кроме двух маленьких секций, где сидели люди, слишком пьяные, чтобы понимать, что произошло; кое-где слышались свист и отдельные выкрики, но в основном все молчали от изумления, не веря своим глазам.

Смутный Генри и Кляйст в шоке наблюдали за происходящим со скамьи, где им было велено ждать. Первым понял, что собирается сделать дальше Кейл, Смутный Генри. «Уходи», — прошептал он про себя, а потом крикнул Кейлу:

— Не надо!

Он попытался пробраться вперед, но был остановлен полицейским и солдатом. А в центре арены Оперы Россо Кейл, поддев ногой мертвое тело, бросил меч ему на живот, ухватил за ноги и поволок по земле к трибуне, заполненной Матерацци. Раскинутые руки мертвеца волочились за ним, голова подпрыгивала на не слишком ровной поверхности, и кровь оставляла на ней прерывистый ярко-красный след. Комендант-оружейник сделал знак солдатам, стоявшим перед первым рядом трибун, сомкнуть ряды. Матерацци и молодежь из Монда смотрели на происходящее в немом оцепенении.

Все еще держа ступни Соломона Соломона под мышками, Кейл остановился, посмотрел вверх их голов, словно все эти аристократы были всего лишь никчемным сбродом, и отпустил ноги мертвеца — они стукнулись о землю с глухим звуком.

Тогда он простер руки над головой и громко закричал с победной злостью. Комендант-оружейник знаком велел полицейскому пропустить Генри и Кляйста. Когда они подбежали к Кейлу, он ходил взад-вперед перед солдатами, охранявшими трибуны, похожий на лесного хорька, ищущего лазейку в курятник, а потом начал безжалостно бить себя кулаком в грудь, с каждым ударом восторженно восклицая: «Mea culpa! Mea Culpa! Mea maxima culpa!» Толпа не понимала, что он кричит, но перевода ей и не требовалось. Разъяренная людская лавина, словно одно гигантское живое существо, хлынула с трибун, изрыгая в ответ свою ненависть. Тут Генри и Кляйст поймали Кейла и повели, обхватив за плечи.

— Все хорошо, Кейл, — сказал Кляйст, осторожно сжимая его. — Наплыв ты на всех них.

— Пора, Томас. Идем с нами.

Не переставая сыпать оскорблениями в адрес толпы, он позволил препроводить себя к двери комнаты ожидания, которая уже через полминуты закрылась за ними. И вот они снова сидели в этой тускло освещенной комнате, оцепенев от ужаса неизвестности. Прошло всего десять минут с тех пор, как они покинули ее.

В своем палаццо Арбелла Лебединая Шея с лихорадочным нетерпением и страхом ждала известий. Она не могла заставить себя поехать в Оперу и воочию увидеть его смерть, которую считала неотвратимой. Интуиция подсказывала ей, что она больше никогда не увидит своего возлюбленного. Вдруг за дверью послышался шум борьбы, дверь распахнулась, и, задышающаяся, с широко открытыми глазами, в комнату ворвалась Рибба.

— Он жив!

Можете себе представить, что происходило той ночью, когда они наконец остались наедине: на обессиленного юношу обрушились тысячи восторженных поцелуев, ласки и прочие выражения любви и обожания. Если в тот день ему и пришлось пройти сквозь долину смертной тени, то ночью он был сполна вознагражден за свои испытания пребыванием в раю. Впрочем, и преисподняя оставалась неподалеку: боль в левой руке была настолько сильной, что, казалось, никогда еще никакая другая, даже более серьезная рана ему такой не доставляла. На исступленном приеме, который был ему оказан, он мог сосредоточиться лишь благодаря небольшой дозе опиума, которую удалось раздобыть для него Смутному Генри и которая быстро притупила невыносимо острую боль.

Позже он попытался объяснить Арбелле, какие чувства его обуревали перед схваткой с Соломоном Соломоном. Возможно, из-за опиума или нечеловеческого напряжения и страха, пережитых днем, или из-за неминуемой, казалось, смерти, которой он заглянул в глаза, связанная речь давалась ему с трудом. Он и хотел и боялся объяснить ей свои чувства. В конце концов она остановила его из жалости, видя его смятение и ужас, а может, и ради себя самой. Она не хотела никаких напоминаний о странном пакте своего возлюбленного со смертью.

— Меньше говоришь — быстрее забываешь.

Выпроваженный из ее апартаментов на закате стражник вернулся, и Кейл покинул

Арбеллу (после множества новых выражений любви). Выяснилось, что дежурил в ту ночь один Смутный Генри.

— Ну, как ты? — спросил он.

— Не знаю. Странно.

— Хочешь чаю? — Кейл кивнул. — Тогда вскипяти воду. Я присоединюсь к тебе, как только сдам дежурство.

Через десять минут Генри вернулся в караульное помещение, вода как раз закипела. Они сидели молча, пили чай и курили — к этому удовольствию Кейл пристрастил и Смутного Генри, и Кляйста, которого теперь редко можно было видеть без самокрутки в зубах.

— Что пошло не так? — минут пять спустя спросил Смутный Генри.

— Я чуть в штаны не наложил.

— Я уж думал, что он тебя убьет.

— Так и было бы, будь он чуточку менее бдительным. Он думал, то, что я не двигаюсь, это какой-то трюк.

Они немного помолчали.

— И что же изменилось?

— Не знаю. Это случилось в считанные секунды — будто кто-то облил меня ледяной водой.

— Значит, повезло.

— Да.

— А что теперь?

— Я вообще-то об этом еще не думал.

— Лучше бы подумать.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам здесь теперь конец.

— Почему? — спросил Кейл, отводя взгляд и делая вид, что он сворачивает очередную самокрутку.

— Ты убил Соломона Соломона и свалил его тело, как мешок, перед Матерации. Ты им бросил вызов.

— Бросил вызов?

— Может, чтобы обозлить их? — Кейл не ответил. — Думаю, их злость примет весьма неприятные формы. В следующий раз это будет уже не поединок лицом к лицу. Кто-нибудь просто уронит кирпич тебе на голову.

— Ладно. Я понял.

Но Смутный Генри еще не закончил.

— А что будет, когда они узнают о тебе и Арбелле Матерации? Вся твоя защита — это Випон и ее отец. Как ты думаешь, что он сделает, когда узнает, — устроит вам свадьбу? Берешь ли ты, Арбелла Матерации, со всей своей красотой и добродетелями, в мужья этого подпаса и мастера устраивать неприятности, Томаса Кейла в законные мужья?

Кейл поднялся, у него был усталый вид.

— Мне нужно поспать. Я не могу сейчас об этом думать.

32

Кейл провалился в глубокий сон без сновидений, когда занималась заря, и пока он не уснул, в ушах его звенели слова Смутного Генри, которые нельзя было не признать справедливыми. Проснулся он спустя пятнадцать часов, теперь уже от колокольного звона. Однако то был не мелодичный перезвон, сзывающий в основном не слишком ревностных мемфисских верующих на церковный праздник, а пронзительно-неистовый тревожный набат. Выпрыгнув из постели, Кейл помчался по коридору ко входу в покои Арбеллы. У двери уже толпилось человек десять матерацциевых стражей, а с разных сторон к ней бежало

еще человек пять. Он забарабанил в дверь.

— Кто там?

— Это Кейл, открой.

Дверь была не заперта, и на пороге появилась испуганная Рибa; отстранив ее, в холл вышла сама Арбелла.

— Что происходит?

— Я не знаю. — Кейл махнул рукой в сторону матерацциевых охранников.

— Пять человек сюда. Задернуть все шторы и не высовываться. Усадите их в углу подальше от окон.

— Я хочу знать, что происходит. А вдруг что-нибудь с моим отцом?

— Зайди в комнату, — закричал Кейл в ответ на ее вполне разумное опасение. — И хоть раз, черт тебя возьми, сделай так, как тебе велят. И закройте дверь.

Рибa ласково взяла до смерти напуганную аристократку под руку и повела ее обратно в комнату, пятеро изумленных стражников, впервые слышавшие, чтобы с Арбеллой говорили в подобном тоне, последовали за ними. Как только дверь закрылась и щелкнул замок, Кейл обратился к командиру отделения:

— Я сообщу новости, как только что-нибудь узнаю. Кто-нибудь, дайте мне свой меч.

Командир сделал знак одному из своих людей отдать Кейлу свое оружие.

— А как насчет каких-нибудь штанов в придачу? — добавил он, что развеселило остальных солдат.

— Когда я вернусь, вам будет не до смеха, — пригрозил Кейл и с этими словами выбежал прочь. Через полминуты, преодолев два лестничных пролета, он выскочил во внутренний двор палаццо и увидел, что Смутный Генри и Кляйст уже выставили оцепление вдоль стен и, вооружившись один луком, другой арбалетом, собирались взобраться на стену.

— Ну? — спросил Кейл.

— Не совсем ясно, — ответил Генри. — Нападение где-то за пятой стеной — какие-то люди в одеяниях, похожих на рясы. Но это может быть и ошибкой.

— Как, бога ради, они могли так глубоко проникнуть?

Объяснение было простым. Мемфис — торговый город, который не подвергался нападениям уже несколько десятков лет, и ничто не предвещало, что это может произойти. Огромный поток товаров, который здесь ежедневно переходил из рук в руки, нуждался в свободном проходе через шесть внутренних стен, построенных для того, чтобы выполнять как раз противоположную функцию: никого не пропускать внутрь во время осады, последняя из которых случилась пятьдесят лет назад. Эти внутренние стены в мирное время сделались большой помехой, и постепенно в них появилось множество входов и выходов, туннелей для стока отходов, воды, мочи и экскрементов, в результате чего их защитная функция значительно ослабела. Китти Заяц подкупил суперинтенданта канализационной системы, и именно он провел человек пятьдесят Искупителей через пятую стену. Упоминание о какой бы то ни было связи с Китти Зайцем категорически запрещалось.

К тому времени, когда началась атака на палаццо, суперинтендант канализационной системы с перерезанным горлом торчал вверх ногами из мусорного ящика. Замысел Боско спровоцировать атаку со стороны Матерацци ценой жизни нескольких десятков темных личностей и извращенцев предполагал отчаянную схватку в самом сердце Мемфиса, охраняемом как ни одно другое место на свете. Согласно этому плану, нападение у пятой стены было инсценировано десятком Искупителей, в то время как сорок остальных, пробравшись через коллектор под палаццо, вышли во внутренний двор через смотровой колодец. Они появились там в своих черных рясах, как рой навозных жуков. Кейл как раз, отослав вооруженных луком и арбалетом Смутного Генри и Кляйста занять позиции на стене, думал, что делать с окружавшей его дюжиной Матерацци, когда все они, пооткрывав рты от удивления, одновременно увидели четыре десятка Искупителей, растекающихся от колодца как черное пятно.

— Стройся! Стройся! — закричал Кейл своим людям, и тут Искупители ударили. Он

хотел было отдать приказ Кляйсту, но, притом что шел ближний бой врукопашную, стрелять со стены было слишком рискованно. Однако в этот момент группа Искупителей попыталась, обойдя цепь Матерацци, прорваться ко входу в палаццо. Когда они уже расчистили себе проход, послышались резкий треск и лязг: Генри с Кляйстом выпустили снаряды, уже не опасаясь задеть своих. Истошный крик одного из Искупителей, который вцепился ногтями себе в грудь так, словно у него в нательной рубаше запуталась тигровая оса, привлёк внимание Кейла, он покинул цепь обороны и помчался ко входу в палаццо, рубанув одного, потом другого Искупителя по ахиллову сухожилию, третьему, набегавшему на него, стрела вонзилась в верхнюю часть бедра. Раненый попятился, некстати открыв рот в крике, — меч Кейла пронзил его от нижней челюсти до позвоночника. Прорвавшись через толпу сражающихся, Кейл добежал до двери палаццо и, обернувшись, оказался лицом к лицу с атакующими Искупителями. Напуганные стрелами и арбалетными снарядами, Искупители прибегли к хитрости: они укрылись за невысокими, по пояс, стенами, которые, сужаясь ко входу, образовывали V-образный коридор.

Кейл стоял спиной к двери, ожидая, когда они приблизятся. Теперь Искупители могли, припадая к земле под смертельным дождем из стрел и снарядов, сыпавшихся на них с окружающих двор стен, на четвереньках медленно подкрадываться к нему. Кейл нашарил сбоку от себя шестифутовую в диаметре кадку, в которой росло старое оливковое дерево, украшавшее вход, стал хватать камни величиной с кулак, красиво разложенные декоративной горкой вокруг дерева, и швырять их в Искупителей. Ничего напоминающего детскую забаву в этом не было: под градом булыжников раскалывались зубы и кости рук, Искупители в панике вскакивали и попадали под стрелы, несшиеся сверху, со стены. В отчаянии пятеро из тех, которые еще не были ранены, бросились на Кейла.

Он отбивался руками, ногами, кусался, Искупители падали, но даже посреди этой битвы не на жизнь, а на смерть какой-то частью сознания Кейл понимал, что происходит нечто странное. Это понимание росло по мере того, как он, стоя, словно герой исторического сказания, разил врагов, как будто это была всего лишь высокая трава: удар, блок, взмах меча — и вот все кончено. Матерацци, чьи потери составили всего три человека, стали теснить противника, и тут священники дрогнули и побежали, погибая на ходу либо от мечей догонявших их Матерацци, либо от стрел Кляйста и Смутного Генри, которые теперь, когда отпала необходимость защищать Кейла, настигали каждого Искупителя, пытавшегося добраться до люка коллектора, чтобы спастись.

Возбужденный битвой Кейл стоял на пороге палаццо с бьющимся сердцем, испытывая сильный прилив крови к голове. Расстилавшаяся перед ним картина внутреннего двора то приближалась, то отдалялась: предсмертный ужас, застывший на лице поверженного Искупителя; стражник, зажимающий руками живот, чтобы удержать кишки; едва слышное: «Да! Да!» из уст другого стражника, радующегося тому, что остался жив, что они победили, что он не опозорил себя в бою; юный Искупитель с лицом, бледным, как церковный воск, понимающий, что умирает, и Матерацци, стоящий рядом и глядящий на него сверху вниз. И все равно Кейл видел в этой сцене что-то неправильное. Он хотел окликнуть матерацциева стражника, предотвратить удар милосердия, но у него вырвался лишь слабый писк, заглушённый предсмертным воплем, нога юного Искупителя задергалась по земле в последней судороге.

— С тобой все в порядке, сынок? — спросил подошедший стражник. Кейл всхлипнул и сделал глубокий вдох.

— Останови их, — Кейл указал рукой на Матерацци, ходивших по двору и приканчивавших раненых Искупителей. — Мне нужно с ними поговорить. Немедленно!

Стражник отправился выполнять приказание. Кейл присел на низкую стенку и устался на мошку, пристроившуюся на краю лужицы крови: осторожно попробовав и найдя кровь съедобной, она принялась пить.

— В чем проблема? — спросил Кляйст, с важным видом подойдя к Кейлу. — Ты ведь пока жив, чего еще нужно?

— Что-то здесь не так.

— Ты забыл сказать спасибо.

Кейл уставился на него:

— Иди посмотри, есть ли хоть один выживший.

Кляйст хотел было ехидно спросить, от чего умер его последний раб, но заметил в Кейле что-то более странное, чем обычно, и передумал.

Смутный Генри тем временем начал проверять трупы, пересчитывая свои снаряды и горячо надеясь, что все жертвы мертвы. Он обратил внимание, что Кляйст делает то же самое, между тем как Матерацци приканчивали всех, кто еще шевелился.

— Кейл, иди взгляни, — крикнул Кляйст, переворачивая тело с застрявшей в спине стрелой. Смутный Генри наблюдал, как Кейл приблизился, но нерешительно отступил. — Смотри, — сказал Кляйст, — это же Уэстаби. — Кейл взгляделся в мертвое лицо восемнадцатилетнего парня, которое он видел каждый день, с тех пор как помнил себя.

— А это один из близнецов Гэддисов, — сказал Смутный Генри. В полной тишине он перевернул тело, лежавшее рядом. — И его брат.

Из дальнего конца сада, от люка коллектора, послышалась возня, крики, там четверо Матерацци пинали ногами и колотили Искупителя, лежавшего на земле. Вся троица бросилась к ним, пытаясь оттащить, но Матерацци отталкивали их, пока Кейл не вынул из ножен меч и не пригрозил изрубить на куски каждого, кто сейчас же не отойдет назад. Под недовольными взглядами Матерацци Кляйст и Смутный Генри оттащили Искупителя в сторону. Злобно настроенных стражников отвлек их товарищ, который подошел к четверке с мечом, согнутым в виде буквы L, без конца повторяя: «Нет, ты такое видел? Видел?» Кейл стал медленно пятиться к Кляйсту и Генри, не спуская глаз с четверки Матерацци.

Кейл, Кляйст и Смутный Генри склонились над Искупителем, который лежал без сознания, приваленный к стене палаццо — лицо опухло, губы вздулись, зубы выбиты.

— Знакомое лицо, — сказал Смутный Генри.

— Да, — согласился Кейл, — это Тиллманс, послушник Навратила.

— Искупителя Бамфила? — уточнил Кляйст, внимательней вглядываясь в бесчувственное лицо юноши. — Да, ты прав. Это действительно Тиллманс. — Кляйст дважды пощелкал пальцами перед лицом Тиллманса.

— Тиллманс! Просыпайся! — Он потряс его за плечи, и Тиллманс застонал. Потом медленно открыл глаза, но не мог сконцентрировать взгляд.

— Его сожгли.

— Кого сожгли?

— Искупителя Навратила. Его зажарили на сковороде за то, что трогал мальчиков.

— Жаль. Он был неплохой, зря не болтал, — сказал Кейл.

— Один раз он дал мне свиную котлету. — В устах Кляйста это звучало почти как панегирик, учитывая, что он никогда не отзывался об Искупителях хорошо.

— Он так кричал, что я не мог этого вынести, — сказал Тиллманс. — Потребовался почти час, чтобы прикончить его. А мне сказали, что со мной сделают то же самое, если я добровольно не пойду в этот отряд.

— Кто надзирал за вами в дороге?

— Искупитель Стремечко со своей когортой. Нам сказали, что, когда мы доберемся до этого места, к нам на помощь придут соглядатаи Божии и будут сражаться с нами, и если мы сделаем все как надо, нам позволят начать свою жизнь сначала. Не убивай меня, начальник!

— Мы не собираемся причинять тебе вред, только Расскажи все, что знаешь.

— Ничего. Я ничего не знаю.

— Кто были остальные?

— Не знаю. Такие же, как я, — не солдаты. Я хочу...

Глаза Тиллманса странно задвигались: один потерял фокус, другой смотрел поверх плеча Кейла, как будто он увидел что-то вдали. Кляйст сжал ему пальцы, но ответной реакции не последовало, взгляд Тиллманса становился все более отрешенным, а дыхание

прерывистым. Потом на миг он словно бы пришел в себя:

- Что это? — но тут же голова его безжизненно упала набок.
- Он не доживет до утра, — сказал Смутный Генри. — Бедный старина Тиллманс.
- Да, — согласился Кляйст. — И бедный старина Искупитель Бамфил. Такое пережить!

Кейлу было велено явиться в приемную Канцлера к трем часам и держать язык за зубами. Когда ему наконец разрешили войти в кабинет, Випон едва взглянул на него.

— Должен признаться, когда ты предсказывал, что Искупители попытаются захватить Арбеллу в Мемфисе, я сомневался: думал, ты это придумываешь, чтобы тебе и твоим друзьям было чем заняться. Извини.

Кейл не привык, чтобы человек власти признавал свои ошибки — особенно если он в сущности не так уж и ошибался, — поэтому почувствовал себя неловко. Випон вручил Кейлу отпечатанный листок, на нем был грубый рисунок женщины с обнаженной грудью, над рисунком надпись: «МЕМФИССКАЯ ШЛЮХА», а дальше — описание Арбеллы как всем известной распутницы, бритоголовой шлюхи, которая занимается проституцией и совращает невинных, втягивая их в сатанинские оргии с жертвоприношениями. «Она — воплощение греха, — говорилось в завершение, — вопиющее о небесном возмездии!»

В голове у Кейла как будто застучали молотки, он пытался понять, что все это значит.

— Нападавшие разбрасывали эти листовки на всем пути своего следования, — сказал Випон. — На сей раз уже не удастся сохранить все в тайне. Ведь здесь Арбелла Матерацци для всех — белее снега.

Хотя это уже не было полной правдой, гротескная лживость памфлета озадачила Кейла не меньше, чем Випона.

- Есть какие-нибудь соображения по этому поводу? — спросил Випон.
- Нет.
- Я слышал, ты допросил пленного.
- То, что от него осталось.
- Он сказал что-нибудь интересное?
- Только то, что и без того было ясно: это нападение предпринято не всерьез. Они не были даже настоящими солдатами. Человек десять из них мы знали — полевые повара, писари, несколько неоднократно провинившихся бывших солдат. Вот почему с ними оказалось так легко справиться.

— Никому больше этого не говори. Официальная версия состоит в том, что Матерацци одержали славную победу над отборными вражескими ассасинами, которых коварно наслали на Мемфис Искупители.

- Над их отборным отребьем.
- Все возмущены случившимся и восхищены доблестью и военным искусством наших солдат, отбивших нападение. Ни о чем, что противоречило бы этой версии, ни звука! Ты понял?

- Боско хочет спровоцировать вас, чтобы вы выступили против него.
- Что ж, он этого добился.
- Дать Боско то, что он хочет, — это глупая идея. Поверьте мне, я не лгу.
- Это меняет дело. И я тебе верю.
- Тогда вы должны сказать своим: если они думают, что смогут разгромить настоящую армию Искупителей так же, как этот отряд, то пусть хорошенько подумают еще раз.

Випон первый раз прямо посмотрел на стоявшего перед ним юношу:

— Бог мой, Кейл, если бы ты только знал, как мало здравого смысла у тех, кто правит миром. Ни разу за всю историю не было грозившего обрушиться на человечество бедствия, о котором кто-нибудь не предупреждал бы. И никому из провидцев не поверили, и ни для кого из них это ничем хорошим не кончилось. Матерацци никто ни в чем не сможет убедить, тем

более какой-то там Томас Кейл. Так устроен мир, и никто, ни такая незначительная персона, как ты, ни такая значительная, как я, ничего не может изменить.

— Так вы не собираетесь ничего сделать, чтобы остановить это?

— Нет, ни я, ни ты. Мемфис — сердце величайшей державы мира. Эта империя зиждется на очень простых вещах: торговля, алчность и общая вера в то, что Матерацци слишком могущественны, чтобы кто-либо рискнул бросить им вызов. Ждать внутри стен, когда Искупители возьмут нас в осаду, для нас неприемлемо. Боско не сможет победить, но мы можем проиграть. Единственное, что мы приобретем, это дурную славу: мы, мол, от него прячемся. Мы можем выдерживать осаду и двести лет, но не прошло бы и полугода, как восстания покатались бы отсюда вплоть до какой-нибудь Республики Ночной-Горшок-на-Море. Война неизбежна — нам остается лишь принять это к сведению.

— Я знаю, как будут драться Искупители.

Випон раздраженно посмотрел на него:

— И чего ты ждешь? Что с тобой посоветуются? Генералы, которые планируют кампанию, не только завоевали полмира, они либо сражались вместе с Соломоном Соломоном, либо были его выучениками, пусть большинство из них и не испытывало к нему особой симпатии. Но ты — мальчишка... ничтожество, которое дерется, как голодный пес. Забудь и думать. — Нетерпеливым жестом он велел Кейлу уходить, резко заметив на прощание: — Тебе не следовало убивать Соломона Соломона.

— А он бы оставил меня в живых?

— Конечно, нет — тем больше было причин использовать его слабость в своих интересах. Если бы ты оставил его в живых, ты бы заслужил высшую похвалу Матерацци, а он выглядел бы ничтожеством. Сила так же безжалостна по отношению к тому, кто ею обладает, как и к своим жертвам: в тот самый момент, когда она сокрушает врага, она же отравляет своего обладателя. Истина состоит в том, что никто не владеет такой силой, как ты, долго. Те, кому она дарована судьбой, слишком полагаются на нее, и в конце концов она разрушает их самих.

— Это вы сами придумали или кто-то другой, кто никогда не стоял перед толпой, беснующейся от жажды ради развлечения увидеть, как ему выпустят кишки?

— Ты что, жалеешь себя? Тебя вообще там не должно было быть, и ты это прекрасно знаешь.

Раздраженный, не в последнюю очередь тем, что не смог найти достойного ответа, Кейл повернулся, чтобы уходить.

— Кстати, в докладе о том, что случилось вчера вечером, твой вклад и вклад твоих друзей будет значительно приуменьшен. И не вздумай жаловаться.

— Это еще почему?

— После того, что ты устроил в Красной Опере, тебя презирают. Подумай о том, что я тебе сегодня сказал, и тебе самому это станет ясно. Но даже если не станет, все равно ничего не говори о том, что случилось вчера.

— Мне наплевать, что думают обо мне Матерацци.

— В этом как раз и состоит твоя проблема: тебе наплевать, что о тебе думают люди. Лучше бы это было не так.

В течение следующей недели Матерацци стекались в Мемфис из своих поместий. Движение по дорогам стало крайне затруднено из-за того, что в столицу устремились рыцари, их оруженосцы, их жены со слугами и бесчисленное множество воров, сутенеров, уличных девок, игроков, коммивояжеров, ростовщиков и обычных торговцев в погоне за большими деньгами, которые можно сделать на войне. Но происходило и другое коловращение, не имеющее отношения к деньгам: знать решала между собой сложные проблемы старшинства. То, какую позицию человек занимал в военном строю, символизировало его положение в клане Матерацци.

План сражения у Матерацци был отчасти военной стратегией, а отчасти напоминал

распределение мест за столом на королевской свадьбе. Вероятностей получить и нанести оскорбление здесь таилась масса. Вот почему, несмотря на неотложность военных приготовлений, Маршал большую часть времени посвящал тому, что устраивал званые обеды и всевозможные приемы исключительно для того, чтобы приглаживать опасно взъерошенные перья, объясняя, что то, что кажется малостью, на самом деле является величайшей честью и привилегией.

Именно на одном из таких банкетов, куда был приглашен и Кейл (по просьбе Випона, пытавшегося его реабилитировать), события — в который уж раз — получили неожиданное развитие. Несмотря на всегдашнее нежелание Маршала видеть Саймона, а особенно появляться с ним на публике, избежать этого удавалось не всегда, особенно если пригласить его просила Арбелла.

Лорд Випон был мастером распространения информации, как правдивой, так и ложной. Он располагал густой сетью агентов влияния на всех уровнях: от лордов до последнего чистильщика сапог. Если он хотел, чтобы что-то стало широко известно или, по крайней мере, считалось широко известным, он снабжал их сведениями, подлинными или вымышленными, а уж они разносили их по свету. Подобный способ распространения полезных и дезавуирования нежелательных слухов, разумеется, не нов, он использовался всеми правителями, от Короля Королей Озимандия до мэра какого-нибудь заштатного Ничего-Ни-На-Чем.

Разница между Випоном и всеми прочими практиками темного искусства сплетен состояла в том, что Випон знал: чтобы его информаторам поверили, когда это будет действительно необходимо, почти все, что они говорят, должно быть правдой. В результате любая ложь, которую Випону требовалось широко внедрить, обычно проглатывалась целиком. Некоторую часть этого своего ценного капитала он тратил на Кейла потому, что отлично знал, какая жажда мести клокочет в сердцах тех, кто был связан узами родства или дружбы с Соломоном Соломоном. Убийство Кейла казалось практически неизбежным. Випон же, независимо от того, что он сказал самому Кейлу, распространял слухи о том, как отважно тот сражался плечом к плечу с Матерацци, защищая Арбеллу. Тем самым он снижал для него, хотя и не ликвидировал полностью, угрозу быть отравленным или получить нож в спину в каком-нибудь темном переулке. Если бы Випона спросили, почему он тратит столь драгоценный капитал на Кейла, он и сам не смог бы этого объяснить. Но спрашивать было некому.

Випон с Маршалом ежедневно просиживали вместе по многу часов, пытались выработать план войны, который позволил бы расставить представителей высших эшелонов клана Матерацци на поле боя так, чтобы учесть все сложные вопросы их статуса и влияния. Следовало признать, что им не хватало Соломона Соломона, чья репутация героического воина делала его незаменимым, когда было необходимо вести переговоры и добиваться компромиссов между различными фракциями Матерацци, боровшимися за первенство на фронтовых позициях.

— Знаете, Випон, — сокрушенно говорил Маршал, — при всем моем восхищении той тонкостью, с какой вы улаживаете подобные вопросы, должен сказать: в этом мире остается очень мало проблем, которые нельзя было бы решить с помощью крупной взятки или просто сбросив врага с крутого обрыва темной ночью.

— Что вы имеете в виду, мой господин?

— Этот парень, Кейл. Я не защищаю Соломона Соломона — вы знаете, что я пытался остановить дуэль, — но, если признаться честно, я не думал, что у парня есть хоть один шанс против него.

— А если бы вы это знали?

— Не будьте высокомерны, не пытайтесь сказать, что вы всегда умеете поступить скорее правильно, чем мудро. Беда в том, что сейчас нам нужен Соломон Соломон; он умел все уладить и кнутом загнать этих сволочей в строй. Все просто: нам нужен Соломон Соломон и не нужен Кейл.

— Кейл спас вашу дочь, мой Лорд, и при этом чуть не расстался с собственной жизнью.

— Видите ли, из всех известных вам людей я единственный, кто не имеет права рассуждать с личной точки зрения. Я знаю, что он сделал, и благодарен ему. Но только как отец. Как правитель я вижу, что для государства Соломон Соломон представлял гораздо большую ценность, чем Кейл. Это совершенно очевидно, и вы не можете этого отрицать.

— О чем же вы сокрушаетесь, мой Лорд? О том, что не сбросили его с крутого обрыва до дуэли?

— Думаете, вы приперли меня к стенке своим вопросом? Я сокрушаюсь прежде всего о том, что не дал ему большой мешок золота и не велел проваливать и никогда больше не возвращаться. Что, впрочем, я и собираюсь сделать, когда эта война закончится.

— А что если бы он отказался?

— Мне бы это показалось очень подозрительным. Зачем он, вообще говоря, здесь ошивается?

— Затем, что вы дали ему хорошую работу в центре самой безопасной квадратной мили на земле.

— Значит, это моя ошибка? Ну что ж, в таком случае мне ее и исправлять. В этом мальчишке таится угроза. Он приносит несчастье, как тот парень, что сидел в чреве кита.

— Иисус из Назарета?

— Он самый. Как только с Искупителями будет покончено, Кейл уйдет, это решено.

Что еще портило Маршалу настроение, так это предстоявшая необходимость весь вечер сидеть рядом с сыном — такое унижение было для него невыносимо.

На самом деле банкет прошел неожиданно хорошо. Присутствовавшие вельможи, казалось, не только были готовы, но и сами хотели положить конец распрям и сплотиться перед лицом угрозы со стороны Искупителей Мемфису в целом и Арбелле Лебединой Шее в частности. В течение всего вечера она была так мила и общительна и так потрясающе красива, что ее состряпанный Искупителями карикатурный портрет представлялся еще более серьезной причиной оставить мелочные разногласия и сосредоточиться на угрозе, которую эти религиозные фанатики представляли для всех них.

Во время банкета Арбелла отчаянно старалась не смотреть на Кейла. Ее любовь и желание были так велики, что она опасалась, как бы они не стали очевидны даже самым толстокожим гостям. Кейл же, напротив, был угрюм, потому что расценивал это как ее стремление всячески избегать его. Он считал, что она его стыдится и смущена тем, что ее видят рядом с ним на публике.

В то же время опасения Маршала, что присутствие Саймона будет для него унижительным, оказались беспочвенными. Конечно, тот сидел молча, однако обычное выражение настороженности и испуганного замешательства исчезло с его лица. Оно казалось совершенно нормальным и выражало то интерес, то насмешку.

Маршал, тем не менее, все больше раздражался из-за того, что приходилось подавлять кашель, вызванный тем, что он подсознательно постоянно ждал трений между своими именитыми гостями.

Была и еще одна причина для раздражения — молодой человек, неотлучно находившийся рядом с Саймоном. Маршал не знал его, и тот за весь вечер не произнес ни слова, зато без конца работал правой рукой — тыкал пальцем, делал вращательные движения, складывал пальцы щепотью и все такое прочее, — изображая какие-то замысловатые знаки. В конце концов это начало так действовать Маршалу на нервы, что он хотел уже было велеть своему слуге Пепису подойти к нему и сказать, чтобы он либо прекратил это, либо убирался, когда Коолхаус встал и всем своим видом дал понять, что ждет тишины. Это было столь необычно в подобном обществе, что по столу прокатился глухой рокот, но разговоры действительно почти стихли.

— Меня зовут Йонатан Коолхаус, — провозгласил Коолхаус, — я языковой наставник Лорда Саймона Матерацци. Лорд Саймон Матерацци желает кое-что сказать.

При этих словах все замолкли окончательно — скорее от изумления, нежели из

почтения. Тогда Саймон встал и начал двигать правой рукой так же, как это весь вечер делал Коолхаус. Тот принялся переводить:

— Лорд Саймон Матерацци говорит, что вот уже несколько часов сидит напротив Провоста Кевина Лоселлса и что за это время Провост Лоселлс трижды отозвался о нем как о полном идиоте. — В этом месте Саймон улыбнулся добродушной широкой улыбкой. — Лорд Саймон хотел бы напомнить Провосту Лоселлсу известную поговорку о рыбаках, которые видят друг друга издалека, или детскую присказку: «От такого слышу».

Последовавший взрыв хохота был вызван как самой шуткой, так и видом Лоселлса, у которого выпучились глаза, а лицо стало красным, как свекла. Саймон сделал несколько быстрых движений правой рукой.

— Лорд Саймон говорит: «Кевин считает бесчестьем для себя сидеть напротив меня». — Саймон насмешливо поклонился Кевину, Коолхаус сделал то же самое. Правая рука Саймона опять задвигалась. — «Говорю тебе, Провост Лоселлс, что бесчестье это — для меня».

На этом Саймон с доброжелательной улыбкой сел, Коолхаус последовал его примеру.

Несколько секунд большинство присутствовавших удивленно таращились, хотя раздавались отдельные смешки и аплодисменты. А потом все как один, словно по некоему негласному договору, решили игнорировать случившееся, как будто ничего не произошло. За столом снова поднялся гул разговоров, смех, и все пошло как прежде, по крайней мере, внешне.

Наконец банкет закончился, гостей проводили, и Маршал в сопровождении Випона чуть ли не бегом направился в свои личные покои, куда заранее велел привести сына и дочь. Едва войдя, он спросил:

— Что происходит? Что это было за дурацкое представление? — Он посмотрел на дочь.

— Я ничего не знаю, — ответила она. — Для меня это было такой же неожиданностью, как для тебя.

На протяжении всего этого разговора изумленный Коолхаус, по возможности незаметно, жестами переводил Саймону каждое слово.

— Эй, ты там... Что это ты делаешь?

— Это э-э... это язык жестов, сэр.

— Что это еще такое?

— Сэр, это очень просто. Каждое положение моих пальцев означает какое-нибудь слово или действие. — Коолхаус так нервничал и говорил так быстро, что почти ничего невозможно было понять.

— Не части! — закричал Маршал. Дрожащий Коолхаус повторил то, что он только что сказал. Когда Саймон сделал какой-то знак Коолхаусу, Маршал не поверил своим глазам.

— Лорд Саймон просит... чтобы... чтобы вы не сердились на меня.

— Тогда объясни, что все это значит.

— Все очень просто, сэр. Каждое движение означает определенное слово или чувство.

Он ткнул себя в грудь большим пальцем:

— Я...

Коолхаус сжал пальцы в кулак и кулаком сделал круговое движение по груди:

— ...прошу прощения...

Он разжал большой палец, направил его вперед и постучал им как молотком:

— ...за то, что...

Теперь палец указывал на Маршала:

— ...вас...

Кулак задвигался взад-вперед:

— ...рассердил.

После этого он последовательно повторил все жесты с такой скоростью, что их почти невозможно было различить, и сказал уже без пауз:

— Я прошу прощения за то, что вас рассердил.

Маршал не отрываясь смотрел на сына, словно надеясь увидеть, правда ли это. На его лице явно читались и недоверие, и надежда. Потом он глубоко вздохнул и перевел взгляд на Коолхауса:

— Как я могу быть уверен, что это говорит мой сын, а не ты?

Коолхаус начинал постепенно обретать обычное спокойствие:

— Никак, мой Лорд. Так же, как никто не может быть уверен, что он один является мыслящим и чувствующим существом, а все остальные — машины, лишь притворяющиеся, что они могут мыслить и чувствовать.

— О, Господи, — сказал Маршал, — вот уж истинное дитя Мозгарни.

— Да, сэр, это так. Но как бы то ни было, все, что я сказал, — правда. Вы знаете, что другие люди думают как вы, потому что со временем здравый смысл подсказывает вам разницу между реальным и нереальным. Точно так же вы, если будете разговаривать со своим сыном через меня, увидите, что он, несмотря на свою необразованность и прискорбное невежество, обладает таким же острым умом, как вы или я.

Бесстрастная откровенность Коолхауса не могла не произвести впечатления.

— Прекрасно, — сказал Маршал. — Пусть Саймон расскажет мне, как все было, с самого начала и до сегодняшнего вечера. И не прибавляй ничего от себя, не старайся представить его умней, чем он есть.

В течение следующих пятнадцати минут Саймон впервые в жизни разговаривал с отцом, а отец — с ним. Время от времени Маршал задавал вопросы, но больше слушал. И к тому моменту, когда Саймон закончил, слезы текли по его лицу и по лицу его потрясенной дочери.

В конце Маршал встал и обнял сына:

— Прости, мой мальчик, прости меня.

После этого он велел одному из стражей привести Кейла. Коолхаус отнесся к этому распоряжению со смешанными чувствами. Объяснения Саймона, с точки зрения Коолхауса, несправедливо превозносили Кейла за идею обучить юношу языку жестов и недостаточно отдавали должное тому, что именно Коолхаус превратил набор примитивных жестов в живой полноценный язык. И теперь, похоже, его лавры должны были достаться этому молокососу Кейлу. А ведь Кейл был не меньше других потрясен тем, что произошло на банкете, потому что понятия не имел, насколько преуспел Коолхаус в обучении Саймона, — не имел в основном потому, что первый взял со второго торжественное обещание держать все в секрете, чтобы в один прекрасный день произвести фурор и, разумеется, завоевать заслуженно высокую репутацию.

Ожидавший выволочки Кейл был несколько смущен тем, что его приветствовали как спасителя и Арбелла, и Маршал, который винил себя за неблагодарность, однако не обязательно считал неверным свое решение избавиться от него.

Но и Арбелла чувствовала свою вину. После чудовищных событий в Опере Россо она проводила с Кейлом сладострастные ночи, но в дневное время выслушивала своих посетителей, живописавших ужасы Соломон Соломоновой смерти. Поскольку в прошлом она демонстрировала лишь неприязнь к своему таинственному телохранителю, никто не сдерживал себя в описании самых неприглядных подробностей случившегося. Кое-какими из них можно было пренебречь как сплетнями и отнести их на счет пристрастности рассказчиков, но ведь даже честнейшая и добродушнейшая Маргарет Обри сказала: «Не понимаю, почему я осталась. Поначалу мне было его очень жалко, он казался таким маленьким на этой огромной арене. Но, Арбелла, я никогда в жизни не видела более хладнокровно-жестокого человека. Перед тем, как убить, он с ним разговаривал, и я видела, что он улыбался. Мой отец сказал, что даже со свиньей нельзя так обращаться».

Можете себе представить, что почувствовала юная принцесса, услышав такое. Конечно, ей было обидно за своего возлюбленного, но разве она и сама не видела этой его странной, убийственной опустошенности? Кто бросил бы в нее камень за то, что в самой потайной глубине своего сердца она ощущала устрашающую дрожь, которую тщательно старалась

скрывать. Теперь все эти мысли были сметены открытием, что именно Кейл вернул ей брата почти из небытия. Арбелла поцеловала ему руку со страстью и восхищением и поблагодарила за то, что он сделал.

Кейл постарался особо обратить внимание на заслуги Коолхауса, но это мало что изменило. Напрочь забыв, что на самом деле именно Кейл обнаружил скрытые умственные способности Саймона Матерацци и придумал способ высвободить их, Коолхаус чувствовал себя обойденным. А то, что Кейл попытался включить и его в общую атмосферу признания и чествования, было, как начинал убеждать себя Коолхаус, лишь способом выпятить себя и задвинуть в тень его. Таким образом, в день, когда Кейл победил двух сомневающихся, он одновременно обрел еще одного врага.

33

В ту ночь Арбелла Матерацци обнимала Кейла, отбросив все сомнения. Каким храбрым был он — и какой неблагодарной оказалась она со своими претензиями! А теперь вот он еще и чудесно преобразил ее брата. Каким великодушным это делало его, каким умным и проницательным! Предаваясь любви с ним в ту ночь, она пылала страстью, боготворила его каждой клеточкой своего гибкого, податливого, совершенного в своей красоте тела. А какая благодать нисходила на зачерствевшую душу Кейла, какой восторг, какое наслаждение испытывал он. Позднее, расслабившись и ощущая нежное прикосновение ее рук и ног, он чувствовал себя так, словно льда в самой глубине его души коснулся теплый луч солнца.

— С тобой не должно случиться ничего плохого. Обещай мне это, — сказала Арбелла после долгого-долгого молчания.

— Твой отец и его генералы не намерены и близко подпускать меня к полю боя. Да у меня и у самого нет такого желания. Ко мне это не имеет никакого отношения. Моя работа — охранять тебя. Это все, что меня интересует.

— А что, если что-то случится со мной?

— Ничего с тобой не случится.

— Даже ты не можешь быть в этом уверен.

— В чем дело?

— Ни в чем. — Она обхватила его лицо ладонями и посмотрела прямо в глаза, словно что-то в них искала. — Видел тот портрет на стене в соседней комнате?

— Твоего прадедушки?

— Да, с его второй женой Стеллой. Я повесила его там потому, что в детстве, роясь в сундуке, в который никто не заглядывал лет сто, и перебирая старые семейные безделицы, нашла письмо. — Она встала, обнаженная и такая красивая, что у любого мужчины захватило бы дух, и подошла к комоду в дальнем конце спальни.

«Как могло случиться, подумал Кейл, что такое неземное создание полюбило меня?»

Порывшись в ящике, Арбелла вернулась с конвертом, из которого достала два плотно исписанных листка, и печально взглянула на них.

— Это последнее письмо, которое он написал Стелле во время осады Иерусалима, перед своей смертью. Я прочту тебе последний абзац, потому что хочу, чтобы ты кое-что понял. — Усевшись в изножье кровати, она начала читать:

Моя бесконечно дорогая Стелла,

судя по всему, через несколько дней, а быть может, уже завтра, мы снова пойдем в наступление. Не знаю, будет ли у меня еще возможность написать тебе, поэтому чувствую неотложную необходимость выразить то, что, вероятно, ты прочтешь, когда меня уже не будет.

Стелла, моя любовь к тебе бессмертна, она связывает меня с тобой такими крепкими узами, которые не может разорвать никто, кроме Бога. Если я не вернусь, моя дорогая Стелла, никогда не забывай, как сильно я любил тебя, и знай: когда я буду испускать свой последний вздох на поле боя, вместе с ним с моих уст

сорвется твое имя. Но, Стелла, если мертвые могут возвращаться на землю и, невидимые, обретаться рядом с теми, кого они любили, то я всегда буду подле тебя: при ослепительном свете дня и в глухом мраке ночи, в счастливейшие минуты твоей жизни и в самый горестный час, всегда, всегда... И если ты почувствуешь легкое дуновение ветерка на щеке, это будет мое дыхание. И если холодный воздух овеет твой пульсирующий висок, знай: то мой дух прошел мимо.

Арбелла подняла голову, в ее глазах стояли слезы.

— Это было последнее, что она от него получила. — Арбелла подползла к Кейлу и крепко прижалась к нему. — Я тоже связана с тобой. Помни: что бы ни случилось, я всегда буду рядом, и ты всегда будешь чувствовать, что мой дух хранит тебя.

Потрясенный, сраженный наповал этой красивой и страстной юной женщиной, Кейл не находил слов. Но вскоре слова уже и не были нужны.

34

Уилфред «Пятипузый» Пени, несший караул на городской стене Йорка, таращил глаза, чтобы не уснуть. Красивый рассвет занимался над лесом, окружавшим город, и Пятипузый подумал: каким бы унылым и безотрадным ни был ночной дозор, в конце наступает момент, который, сколько бы раз ты его ни видел, всегда заставляет тебя ощутить невероятную радость просто оттого, что ты жив. Именно в этот момент он заметил нечто настолько странное, что оно не столько встревожило, сколько озадачило его. Нет, этого не может быть, подумал он. Милях в трех с половиной от него что-то огромное и черное поднялось из-за леса и, паря на красно-голубом фоне неба, стало приближаться к городу.

Черный предмет увеличивался в размерах и двигался все быстрее; оглушенный подобно животному перед заклинанием, Пятипузый наблюдал, как, лениво вращаясь вокруг своей оси, огромная глыба величиной с корову пролетела над ним футах в двадцати и, ворвавшись в город, протаранив четыре больших дома и промчавшись сквозь клубы пыли и разлетающихся камней, приземлилась в городском Соловьином саду.

В течение последующих двух часов Искупители выпустили из своих передвижных осадных требюше⁶ еще десять снарядов и, пристрелявшись, нанесли стенам большой ущерб. Конструкция была новой, не опробованной в бою, и два орудия разломились вдоль большого рычага. Понтификальные инженеры, сопровождавшие Четвертую армию под командованием Искупителя Генерала-Принцепса, произвели необходимые замеры и, оценив недостатки своего нового передвижного сооружения, уже через час погрузили сломанные орудия на повозки и пустились в долгий обратный путь к Перестрельному.

Днем стало так жарко, что, хотя все птицы молчали, достаточно было и звона цикад, чтобы оглохнуть. В три часа отряд легкой кавалерии численностью в двести пятьдесят человек предпринял молниеносную вылазку из города с целью вызвать реакцию, по которой командир гарнизона мог бы судить о том, с чем он имеет дело. Град стрел, посыпавшийся с деревьев, заставил отряд отступить, единственным, чего добились Матерацци, были двое убитых, пятеро раненых и десять лошадей, которых пришлось прикончить. Оставив позиции вдоль линии деревьев под контролем Искупителей, всадники вернулись восвояси. Все ощутили грозное напряжение, которым была пронизана атмосфера, — как будто некое ужасное существо, затаив дыхание, изготавилось к прыжку. А потом, когда устрашающую тишину нарушили создания, сами же ее и породившие, все разразилось безудержным смехом: кузнечики, тревожно замолчавшие при появлении лошадей и успокоившиеся после их ухода, снова застрекотали все одновременно, словно были одним единым существом, а не миллионом разрозненных.

По-настоящему грязная работа началась в ту ночь, когда мастер-сержант Тревор Били и

⁶ Требюше (от фр. Trebuchet, букв. весы с коромыслом) — средневековая метательная машина.

десять его бойцов с исключительной неохотой и опасением отправились на разведку в Дадлейский лес. На рассвете Били и семеро его подчиненных вернулись из-за городской стены, приведя с собой двух пленных Искупителей, и мастер-сержант явился с докладом о проведенной ночной операции к губернатору Йорка.

— Бог ты мой, с чего бы это Искупители напали на нас?

— Понятия не имею, сэр, — ответил мастер-сержант Били.

— Это был риторический вопрос, мастер-сержант, который задают исключительно для того, чтобы выразить настроение, а не для того, чтобы добиться ответа.

— Да, сэр.

— Какова их численность?

— Между восемью и шестнадцатью тысячами, сэр.

— А поточнее сказать не можете?

— Мы рыскали по густому лесу в кромешной тьме, в расположении хорошо охраняемой армии, так что — нет, сэр, точнее сказать не могу. Может, меньше, может, больше.

— Дерзите, мастер-сержант.

— Я потерял сегодня троих своих людей, сэр.

— Мне очень жаль, но едва ли в этом виноват я.

— Конечно, сэр.

Три часа спустя мастер-сержант Били снова был в кабинете губернатора Агостино.

— Единственное, что мы смогли вытянуть из них, по крайней мере из одного, это их примерная численность. Прежде чем окончательно заткнуться, пленный сказал, что в лесу их около шести тысяч, но три дня назад армия разделилась. Да, и еще, что ими командует некто, кого они называют Принцепсом.

— Дайте мне часок побыть с ними наедине, сэр.

— Не думаю, чтобы ты был большим мастером выбивать сведения из пленных, чем Бадфорд. В конце концов, это его работа. А кроме того, я хочу, чтобы ты и трое твоих людей доставили депешу в Мемфис. Следуйте разными путями. Вам почти наверняка придется проходить через заставы Искупителей, так что пусть дойдет хоть один.

Через час после того, как Били и его люди покинули город, Искупители пробили брешь в южной стене, последовала короткая, но свирепая схватка с тремя сотнями вооруженных до зубов Матераци, поджидавшими их внутри. Нападающие были отброшены, потеряв двадцать человек, при этом ни один из Матераци, на первый взгляд, серьезно не пострадал. Только почти час спустя после атаки стало ясно, что трое Матераци бесследно исчезли.

Еще более странным было то, что несколькими часами позже четыре столба дыма поднялись в синее небо там, где располагались осадные орудия Искупителей. А вскоре после этого вернулась группа разведчиков, сообщившая губернатору, что армия Искупителей отступила и что они сожгли четыре свои осадные требюше, которые с таким трудом доставили в Йорк.

Когда три дня спустя Били добрался до Мемфиса, в городе уже знали о второй армии Искупителя Генерала-Принцепса, поэтому здесь не были слишком ошеломлены тем, что услышали от мастера-сержанта. Вторая армия Искупителей вместо того, чтобы атаковать окруженные тремя рядами стен города на своем пути, которые стратегически были ничуть не менее важны, чем Йорк, просто прошли мимо них и устремились к форту Непобедимому.

Среди Матераци ходила шутка: форт Непобедимый — вовсе не форт, но это не имеет никакого значения, потому что он и не непобедим тоже. На самом деле это была свободная территория с обширными долинами и пологими склонами, которые внезапно обрывались, уступая место узким каньонам и скалистым ущельям. Вместе эти контрастирующие ландшафты представляли собой лучшую и одновременно худшую площадку для действий как легкой, так и тяжелой кавалерии и как таковые являлись лучшим из возможных мест для военной практики Матераци со всех концов империи, которые постоянно притекали в форт Непобедимый и вытекали из него. Не бывало дня, чтобы в нем не находилось минимум пять

тысяч легко- и тяжеловооруженных всадников одновременно, у многих за плечами были годы опыта.

Искупителям не было никакого военного смысла атаковать форт Непобедимый: это означало бы бросить вызов военному могуществу Матерацци в одном из мест наибольшего сосредоточения их сил, на площадке, где они ежедневно оттачивали свое мастерство. Тем не менее четыре тысячи Искупителей расположили свои боевые порядки на покатом склоне перед фортом, провоцируя Матерацци напасть на них. Те так и сделали.

К несчастью для Искупителей, тысячный кавалерийский эскадрон Матерацци именно в это время возвращался с учений и ударил им в тыл; в результате Искупители оказались в кровавой мясорубке и потеряли почти половину своих людей. Пытаясь вырваться из окружения, оставшиеся две тысячи пробились к Темзийскому ущелью и соединились с четырьмя тысячами Искупителей, уже ожидавших там. Здесь почва была гораздо тверже и удобней для лошадей, и на сей раз удача не подвела Искупителей. Итак, первый день сражения завершился невразумительно. Второго не было вовсе. Проснувшись, Матерацци увидели, что Искупители отступили в горы, куда кавалерия последовать за ними не могла. Чего никак не могли взять в толк матерацциевы генералы в Мемфисе, так это какую цель могло преследовать нападение на форт Непобедимый.

Новости, доставленные в Мемфис днем позже, вызывали недоумение по разным причинам, но к недоумению неизменно примешивались ужас и отвращение.

В семь часов вечера одиннадцатого дня того же месяца вспомогательная конная инфантерия Искупителей под командованием Искупителя Петара Брзицы вошла в Гору Остолопов — деревню, насчитывавшую тысячу триста душ. Остался лишь один свидетель того, что там произошло: четырнадцатилетний подросток, который, будучи безнадежно влюблен в одну деревенскую красавицу, встал ни свет ни заря и отправился в ближний лес, чтобы выплакаться там вдали от насмехавшихся над ним старших братьев. На мальчика, наблюдавшего за пришельцами с дерева, отряд произвел странное впечатление, однако странность направлявшихся в деревню трех сотен солдат не казалась особо тревожной, потому что одеты они были в рясы — такого он никогда прежде не видел — и ехали на маленьких осликах, подпрыгивая на ухабах так, что процессия производила комическое впечатление — не то что великолепно грозная кавалерия Матерацци, на которую он однажды глазел, открыв рот, во время своей единственной поездки в Мемфис. Когда восемь часов спустя Искупители покидали деревню, все ее жители, кроме этого мальчика, были мертвы. Описание резни, представленное окружным шерифом, основывалось на рассказе мальчика и легло на стол Випона вместе с полотняным мешком.

Искупители быстро собрали всех жителей деревни и оповестили их через рупор, что это лишь временная оккупация и что если они будут оказывать содействие, никто не пострадает. Мужчин отделили от женщин, детей до десяти лет тоже собрали отдельно. Женщин отвели в деревенский зерновой амбар, пустовавший, пока не собрали урожай, мужчин — в зал собраний. Детей разместили в единственном трехэтажном доме, деревенской ратуше, на третьем этаже. По прибытии мы обнаружили, что Искупители соорудили в центре деревни столб, на котором оставили устройство, направляемое Вам вместе с этим письмом.

Випон открыл полотняный мешок. Внутри лежало что-то вроде перчатки с обрезанными пальцами наподобие тех, какие зимой надевают торговцы на базаре, чтобы держать руки в тепле, сохраняя при этом чувствительность пальцев. Перчатка была сделана из прочнейшей толстой кожи, а по самой толстой ее поверхности, вдоль внешнего края ладони, торчало лезвие длиной в пять дюймов, слегка изогнутое на конце в соответствии с изгибом человеческой шеи. На лезвии имелась надпись «Гравизо», означавшая место, где оно было изготовлено. На внутренней стороне перчатки, как на одежде школьников, был пришит ярлычок с аккуратно вышитым голубыми нитками именем владельца: «Петар Брзица».

Начав с женщин, Искупители начали выводить людей по одному. Их заставляли встать на колени, затем Искупитель, на руку которого было надето приспособление, прилагаемое к этой депеше, подходил сзади, запрокидывал жертве голову и молниеносно проводил лезвием по горлу. После этого тело оттаскивали в сторону, убирая с глаз, а из помещения, где содержались люди, выводили очередную жертву. По словам мальчика, каждое такое убийство от начала до конца занимало не более тридцати секунд. Не зная своей участи люди выглядели настороженными, но не испуганными, смерть же наступала так быстро, что никто не успевал даже слова молвить, и действительно, за весь день из деревни не донеслось ни единого крика. К тому времени, когда Искупители таким способом убили всех женщин (391 человек), часы на ратушной башне показывали час дня. Затем таким же образом расправились со всеми мужчинами деревни (503). Однако когда очередь дошла до детей младше десяти лет (304), Искупители, не имея больше надобности соблюдать осторожность, стали по одному и по двое сбрасывать их с балкона третьего этажа, чтобы те просто ломали себе шеи. Не пощадили даже самого маленького. За всю свою жизнь я никогда не слышал ни о чем подобном.

Джефффри Меноут, Шериф графства Малдон.

В течение трех дней все светлое время суток Кейл проводил в лесу, примыкавшем к Королевским паркам, наблюдая за учебными занятиями армии Матерацци в условиях, приближенных к боевым. Чуть раньше он попробовал на вес латы, оставленные в коридоре воином, пока сам он расквартировывался в одной из комнат Арбеллиной половины палаццо. Должно быть, это был весьма важный человек: город уже был наводнен Матерацци до такой степени, что ни любовь, ни деньги, ни ранг, который был важнее всего прочего, не могли никому обеспечить приличное жилье. В тот раз Кейл приблизительно определил вес доспехов — около семидесяти фунтов — и не мог понять, как — независимо от того, насколько надежной защитой служили эти доспехи, — в такой тяжести можно двигаться со сколько-нибудь приличной скоростью и поворотливостью. Но теперь, понаблюдав за учениями, он понял, что был совершенно неправ.

Его поразило, сколь быстро двигались солдаты, сколь невесомо они держались на ногах и как доспехи словно бы струились, повторяя каждое их движение. Воины могли вскакивать в седло и спешиваться с потрясающей легкостью. Конн Матерацци даже взобрался по приставной лестнице, перевалился через нее и запрыгнул в башню, которую ему якобы надлежало захватить. Удары, которые они обрушивали друг на друга, были способны человека без лат разрубить пополам, но эти рыцари стряхивали с плеч даже самые тяжелые мечи. Правда, имелось несколько уязвимых мест, например, верхняя и внутренняя поверхность бедер, но целиться в них было исключительно рискованно. Об этом стоит поразмыслить, решил Кейл.

— А-а! Попался, — сказал Кляйст, появившись из-за дерева вместе со Смутным Генри и Идрисом Пукке.

— Я еще пять минут назад слышал, как вы идете. Толстуха на тесной кухне наделала бы меньше шума.

— Випон хочет тебя видеть. — В первый раз Кейл взглянул на них.

— Он сказал зачем?

— Флот Искупителей под командованием этого засранца Коутса напал на какой-то порт Коллар, наполовину сжег его и отчалил. Один солдат сказал мне, что местные называют этот порт Маленьким Мемфисом.

Кейл закрыл глаза, как будто услышал очень плохую новость. Собственно, так оно и было. Когда он закончил объяснять почему, никто в течение некоторого времени не проронил ни слова.

— Нам надо бежать, — сказал Кляйст. — Немедленно. Сегодня же ночью.

— Думаю, он прав, — согласился Смутный Генри.

— Я тоже. Только я не могу.

Кляйст застонал в страшном раздражении:

— Ради бога, Кейл, как ты думаешь, чем вы кончите, ты и твоя леди Припенда?

— Может, лучше сразу — с моста в реку?

— Думаю, ты должен все рассказать Випону, — решил ИдрисПукке.

— Нам здесь конец. Почему никто из вас не хочет этого понять?

— Только заикнись об этом Випону — и мы все трое очутимся на дне Мемфисского залива, будем кормить рыб нашим почечным жиром.

— Вполне вероятно, что он прав, — заметил Смутный Генри. — Нас тут сейчас любят, как чирей на заднице.

— И мы знаем, чья это вина, — добавил Кляйст, глядя на Кейла. — Твоя, если ты не догадался.

— Я признаюсь Випону завтра. А вы двое уходите сегодня.

— Я не уйду, — сказал Смутный Генри.

— Нет, уйдешь, — сказал Кейл.

— Нет, не уйду, — уперся Генри.

— Нет, уйдешь, — не менее решительно настаивал Кляйст.

— Забирай мою долю и уходи.

— Мне не нужны твои деньги.

— Ну, не бери. Тебе ничто не мешает уйти одному.

— Да, не мешает, я просто не хочу.

— Почему? — удивился Смутный Генри.

— Потому что я боюсь темноты! — Выпалив это, Кляйст выхватил меч и стал крушить ближайшее дерево. — Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Вот так и получилось, что троица решила остаться и во всем признаться Випону. Все согласились, что сопровождать Кейла к Випону должен ИдрисПукке.

На этот раз Кейла не заставили ждать в приемной Випона, а сразу же проводили к нему. Первые десять минут Випон рассказывал ему о трех атаках Искупителей и резне, устроенной ими в Горе Остолопов. Потом он показал ему перчатку, оставленную на столбе в центре деревни.

— Там внутри есть имя. Ты знаешь этого человека?

— Брзицу? Он был дисциплинарным палачом в Святилище. Искупитель Брзица отвечал за казни всех, кто не предназначался для Актов Веры — «публичных казней для религиозного созерцания правоверными». — Тон, которым он это сказал, давал понять, что Кейл знал эту формулировку наизусть. — Акты Веры исполнялись более безгрешными Искупителями, чем он. Сам я этого не видел, но говорили, что никто быстрее Брзицы не умеет убивать с помощью этого инструмента.

— Я несу личную ответственность за то, чтобы найти этого человека, — тихо сказал Випон. Он сел и глубоко вздохнул. — Все эти нападения на первый взгляд абсолютно бессмысленны. Ты можешь мне что-нибудь сказать о стратегии, которую используют Искупители?

— Да.

Випон откинулся на спинку стула и посмотрел на Кейла, уловив в его ответе странную интонацию.

— Я знаком с этой тактикой, потому что именно я ее выработал, — добавил Кейл. — Если вы покажете мне карту, я смогу объяснить.

— Учитывая только что сказанное тобою, не думаю, что было бы разумно показывать тебе карту. Сначала объясни.

— Если вам нужна моя помощь, то мне необходима карта, чтобы объяснить, что они собираются делать дальше, и найти точку, где их можно остановить.

— Расскажи в общих чертах. Потом подумаем насчет карты.

Кейл видел, что Випон скорее сомневался, чем подозревал, но в любом случае он не

верил ему.

— Месяцев восемь назад Искупитель Боско вызвал меня в библиотеку Вережки Повешенного Искупителя — ни один Искупитель никогда не водил туда ни одного послушника — и дал задание изучить все материалы, касающиеся военной тактики Искупителей за последние пятьсот лет. Потом он дал мне все, что лично собрал по империи Матерацци, а собрал он немало, и велел составить план нападения.

— Почему тебе?

— Он десять лет обучал меня военной стратегии и тактике. Для этого у Искупителей есть специальная школа. Нас там было около двух сотен, и называли нас разработчиками. Я был лучшим.

— Ты от скромности не умрешь.

— Я — лучший. Скромность здесь ни при чем.

— Продолжай.

— Через несколько недель я решил исключить вариант внезапного нападения. Мне нравились неожиданности — как элемент тактики, разумеется, — но не в данном случае.

— Не понимаю. Ведь это и есть внезапное нападение.

— Нет. Вот уже сто лет Искупители воюют с Антагонистами — это преимущественно окопная война, и сейчас она практически зашла в тупик. Окопы располагаются там же, где и двенадцать лет назад. Чтобы выйти из тупика, нужно что-то новое, но Искупители ничего нового не любят. У них есть закон, позволяющий любому Искупителю убить послушника на месте, если тот сделал нечто неожиданное. Но Боско не такой, он всегда был человеком думающим, так он пришел и к мысли, что я отличаюсь от других и что он может использовать меня в своих целях.

— И как нападение на нас поможет им выйти из тупика в войне с Антагонистами?

— Я тоже не мог этого понять и спросил его.

— И?

— Ничего. Он только избил меня. Ну, я продолжил делать то, что он мне велел. Почему я не думал, что внезапность сработает против Матерацци, так это потому, что они воюют не так, как все остальные, — не так, как Искупители, не так, как Антагонисты. У Искупителей нет серьезной кавалерии и нет брони. У них главное — это лучники. Вы же редко их используете. Наши осадные орудия были огромными и неповоротливыми, каждое сооружалось на месте осады. У вас, должно быть, сотни четыре больших и малых городов, окруженных стенами, в пять раз более толстыми, чем те, к которым привыкли Искупители.

— Два осадных требюше, из которых стреляли по Йорку, сломались, а четыре оставшихся они сожгли. Почему?

— В первый же день они пробili стены, я правильно вас понял?

— Да.

— Они испытывали новое оружие в полевых условиях против врага нового типа вдали от дома. И если даже два орудия не выдержали испытания, другие-то два сработали.

— А еще два — нет.

— Значит, нужно их усовершенствовать — вот для чего все и затеяно.

— Что ты имеешь в виду?

— Нет никакого смысла неожиданно нападать на врага на его территории, если ты не уверен, что сможешь сокрушить его быстро. Боско всегда порол меня за то, что я был склонен к неоправданному риску. Но в этот раз я ничего рискованного не предлагал. Я знал, что Искупители не готовы, и считал, что нам... что им, — поправился он, — нужно провести короткую кампанию, как можно больше узнать о матерацциевых способах ведения войны, о том, насколько хороши их оружие и их броня, а потом отступить. Дайте мне карту.

— Почему я должен тебе верить?

— Я ведь здесь и рассказываю вам, что произошло, так? Это просто ускорило бы дело.

— А если все, что ты мне рассказываешь, обман и на самом деле тебя дергает и всегда дергал за ниточки Боско?

Кейл рассмеялся.

— Отличная мысль. Когда-нибудь я ею воспользуюсь. Дайте мне карту.

— Но предупреждаю: ничто не должно выйти за стены этого кабинета, — после недолгого размышления сказал Випон.

— Да даже если бы я и попытался, кто, кроме вас, стал бы меня слушать?

— Резонно, но чтобы не оставалось никаких сомнений, еще раз предупреждаю: если кто-нибудь узнает, что ты в курсе дела, наградой тебе будет веревка.

Випон прошел к стеллажу в дальнем конце комнаты и снял с него рулон толстой бумаги. Вернувшись к столу, он испытующе посмотрел на Кейла, не понимая, что того, кто привык всю жизнь скрывать свои истинные мысли, этим не проймешь. Потом он наконец решился и развернул карту, прижав края с помощью пресс-папье из венецианского стекла и тома «Печального принца», самой любимой из своих книг. Кейл вглядывался в карту с такой напряженной сосредоточенностью, какой Випон никогда прежде не видел на его лице. В течение следующего полчаса он отвечал на подробные вопросы Кейла о местах, где произошли нападения, о диспозиции войск и их вооружении. Потом минут десять Кейл изучал карту молча.

— Я хочу воды, — сказал он. Ему тут же принесли воду, и он залпом выпил ее.

— Ну?

— Матерацци окружили свои города стенами. Я понимал, что, если у нас не будет облегченных осадных орудий, которые можно легко перемещать от одного города к другому, мы можем с равным успехом трубить в трубы и ждать, что от этого стены падут. Я сказал Боско, что понтификальные инженеры должны построить гораздо более легкие орудия, чем те, которые мы имеем, и придумать механизм, с помощью которого их было бы легко устанавливать на лафетах и снимать с них.

— И ты сам все это сконструировал?

— Я? Нет. Я в этом ничего не смыслю. Я только знал, что требуется сделать.

— Но он не говорил тебе, что согласен с твоим планом и собирается претворить его в действие?

— Нет. Когда я впервые услышал о нападениях, я подумал, что я... ну, знаете... — он несколько раз обвел рукой вокруг головы, — что я немного чокнулся.

— Но ты не чокнулся.

— Я? Нет, моя голова варит как котелок. Смотрите: в Йорке они узнали то, что им было нужно, и ушли, прихватив с собой трех Матерацци, — им нужны были доспехи, не люди. Сейчас они, наверное, уже на полпути к Святилищу, где их ждут инженеры, чтобы хорошенько изучить броню.

— В форте Непобедимом ты потерпел поражение.

— Не я, Искупители.

— Но иногда, говоря о них, ты употребляешь слово «мы».

— Сила привычки, босс.

— Ладно. Так что, ты хочешь сказать, что твой план предусматривал поражение в форте Непобедимом?

— Не совсем так — просто неудачное стечение обстоятельств. Матерацци ведь не планировали нападение с тыла, просто они оказались там в неподходящий — для Искупителей, конечно, — момент. Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах. Так, кажется, говорят мемфисские ростовщики?

— Кажется, чтобы пройти в Гетто, нужен пароль.

— Мне об этом никто не говорил.

— Ты держишь ухо остро — смотри не порежься.

— Да, я все еще жив, если вы это имели в виду.

— Так значит, в форте Непобедимом все пошло не так?

— Вовсе нет.

— Как это?

— Сколько Искупителей там погибло?
— Две с половиной тысячи — приблизительно.
— Значит, они выдержали двойной натиск вашей кавалерии, и половине их все же удалось уйти. Они приходили туда, чтобы пощупать, из чего вы сделаны, а не для того, чтобы выиграть сражение.

— А порт Коллар?
— Вы называете его Маленьким Мемфисом. Почему?
— Он построен в лагуне, очень напоминающей здешнюю. И планировка города такая же. В провинции охотно используют проекты, которые однажды уже успешно осуществились... — Он оборвал себя на полуслове. — Понимаю. Да. — У него защекотало в носу, и он чихнул. — Извини. Так что должно случиться дальше?

Кейл пожал плечами:
— Я знаю только то, что было в плане, но это не значит, что они будут ему следовать.
— Почему бы им ему не следовать? До сих пор все шло более или менее успешно.
— Не более или менее, а просто — успешно. Они получили все, на что я рассчитывал. — Повисла неприятная пауза. Удивительно, но нарушил ее сам Кейл: — Прошу прощения. Если верить Боско, я страдаю грехом гордыни.

— А он не прав?
— Может, и нет.
— Ты знаешь этого Принцепса?
— Видел однажды. Он был тогда военным губернатором Северного побережья. Там никаких окопов нет — только горы и море. Вот почему он и руководит этой кампанией: он — лучшее, что у них есть для командования армией на марше, и тесно дружит с Боско, хотя, по слухам, больше ни у кого популярностью не пользуется.

— Ты знаешь почему?
— Нет. Но я читал все его боевые донесения. Похоже, воюя, он склонен самостоятельно мыслить. А от этого в Присутствии Нетерпимости нервничают. Я слышал, что Боско защищает Принцепса.

— Тогда зачем Принцепсу нужно, чтобы ты указывал ему, что делать?
— Это вам придется узнать у Боско. — Кейл вернулся к карте: — Где они сейчас? Випон указал точку в ста милях от Коросты, у самого обреза карты на севере:
— Кажется, они возвращаются в Святилище через Коросту.
— Похоже на то. Но это очень рискованно — вести армию, пусть даже такую маленькую, как эта, через Коросту летом.

— В твоём плане это не было предусмотрено?
— Это именно то, что предусмотрено в моем большом плане: должно выглядеть так, будто они направляются в Коросту через Гессельский лес, чтобы вы постарались оказаться там первыми и ждать, когда они сами на вас выйдут. Но, войдя в лес, они повернут на запад, перейдут реку вот здесь, по Стамфордскому мосту, и направятся в форт Эрролл на западном побережье, вот здесь. Флот, который сжег Маленький Мемфис, заберет их из гавани.

А если это не удастся — как я вычитал в библиотеке, у берега здесь довольно мелко, — в случае необходимости они смогут использовать весельные лодки. Даже если погода не будет благоприятствовать и флот запоздает, стоит им миновать Зияющую Щель, — он показал этот горный проход на карте, — и несколько сотен Искупителей легко смогут в течение многих дней сдерживать даже большую армию.

Випон так долго смотрел на него, не произнося ни слова, что Кейл почувствовал себя неуютно и начал злиться. Он чуть было уже не заговорил сам, но тут Випон задал ему вопрос:

— Неужели ты думаешь, что я поверю, будто человека твоего возраста, сколько тебе там, могут попросить разработать подобный план наступления и потом будут действовать в строгом соответствии с ним? Придумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Сначала на лице Кейла появилось непроницаемое выражение, бесстрастное, как у

мертвеца, и Випон уже было пожалел о своей откровенности, припомнив ледяной восторг, с каким этот парень прикончил Соломона Соломона. «Он больной, это точно», — подумал Випон. Но тут Кейл рассмеялся, а точнее, издал веселый лающий звук:

— Вы видели в Гетто, как ростовщики играют в шахматы?

— Да.

— Там много пожилых игроков, но есть и дети, причем гораздо моложе меня. Один из этих мальчишек всегда выигрывает, даже старик Равнин, ну, тот, с косичками, бородой и в смешной шляпе, не может его победить. Так вот Равнин говорит...

— Равнин? Ах, да, понимаю — Раввин.

— О, вот оно как. А я-то гадал, что бы это значило... Ну ладно, Раввин там или Равнин, этот старик говорит, что шахматы — дар, ниспосланный Богом, чтобы помочь нам постичь его небесный замысел, и этот малыш, который и читать-то толком не умеет, есть знак — чтобы мы уверовали в порядок, на котором зиждется все. У меня лично два дара: я могу убивать людей так же легко, как вы разбиваете тарелку, и еще я могу, глядя на карту или стоя на месте будущего сражения, сказать точно, как атаковать или защитить его. Мне это дано так же, как умение играть в шахматы тому пареньку из Гетто. Хотя подозреваю, что мой дар — не от Бога. Не верите — тем хуже для вас.

— И как бы ты их остановил? — спросил Випон и, помолчав, добавил: — Если бы захотел?

— Во-первых, я бы не позволил им дойти до Зияющей Щели, иначе они окажутся недостижимыми. Но мне нужна более крупномасштабная карта вот этой территории: отсюда досюда, — он обвел пальцем фрагмент приблизительно в двадцать квадратных миль, — и два-три часа времени, чтобы подумать.

Поверить этому странному существу или оставить его в покое? Когда наступает критический момент, в одном случае из двух самое лучшее — ждать. Это была любимая шутка отца Випона. «Просто ничего не делай, — говорил он, — стой на месте».

— Подожди в соседней комнате, я сам принесу тебе карты, — сказал Випон. — И держись подальше от окон.

Кейл встал и направился в личный кабинет Випона, однако, когда он уже закрывал за собой дверь, Випон окликнул его:

— Резня тоже была частью твоего плана?

Странное выражение появилось на лице Кейла, но, что бы оно ни означало, это не было обидой.

— А вы как думаете? — тихо спросил он и закрыл дверь.

Випон посмотрел на брата:

— Ты не проронил ни слова.

ИдрисПукке пожал плечами:

— А что было говорить? Ему надо либо верить — либо не верить.

— А ты веришь?

— Я верю не ему, а в него.

— И в чем разница?

— Он постоянно лжет мне, потому что не может позволить себе рисковать больше, чем он вынужден. Чрезмерная скрытность порой оборачивается ошибкой, но он ее постоянно повторяет.

— Лично я не уверен, что это такая уж ошибка.

— Понятное дело, ты ведь такой же скрытный, как Кейл.

— А что ты думаешь об этом конкретном случае?

— Он говорит правду.

— Согласен.

Приняв решение ввязаться в бой, Випон все более настойчиво и нетерпеливо желал увидеть план Кейла, однако разработка его заняла не три часа, а три дня.

— Вы хотите, чтобы план был хорошим или чтобы он появился немедленно? — отвечал Кейл на требования Випона показать ему хоть наметки.

Если Випон проявлял нетипичную для такого хладнокровного мыслителя, как он, нетерпеливость, то только потому, что был глубоко расстроен гибелью жителей деревни и тем, как расправа над ними перекликалась со странными сообщениями нескольких Антагонистов — беженцев с севера. Что-то в этой перчатке Брзицы — изысканные стежки и то, с каким мастерством лезвие было вделано в кожу, — особенно действовало ему на нервы, словно все зло и мстительность мира физически воплотилось в ней. Випон чувствовал себя не в своей тарелке, потому что считал себя человеком отнюдь не сентиментальным, почти циником и уж точно пессимистом. Он был уверен, что люди уже мало чем могут его удивить, и редко ошибался в своих ожиданиях. Для него не было новостью, что в мире существуют убийства и жестокость. Но эта перчатка свидетельствовала о чем-то настолько ужасном, что это невозможно было даже представить, словно ад, в который он давно уже не верил, считая его страшилкой для детей, отправил на землю своего посланника не с рогами и раздвоенными копытами, а в образе искусно сработанной перчатки.

В вопросах военной тактики Випону было трудно влиять на Матерацци, которые до истерики ревниво защищали свое исключительное превосходство в этой области. Випон не был военным и был политиком, что представляло собой два равных повода для подозрений. Существовала и еще одна проблема: здоровье Маршала Матерацци неумолимо ухудшалось; неприятная болезнь горла переросла в изнурительную грудную инфекцию, и он все реже и реже находил в себе силы появляться на бесчисленных совещаниях, где обсуждались планы кампании. Випону приходилось теперь иметь дело с новой, пусть и временной, реальностью. Тем не менее он справлялся с ситуацией, пуская в ход свое незаурядное искусство политика. Когда разведчики Матерацци потеряли след армии Искупителей в Гессельском лесу, особой тревоги поднимать не стали, учитывая, что существовал лишь один проход в Коросту, где ее и следовало спокойно ожидать.

Именно тогда Випон тайно встретился с заместителем главнокомандующего, коим являлся Маршал, фельд-генералом Амосом Нарциссом и сообщил ему, что, согласно донесениям его личных информаторов, Искупители имеют совсем другие намерения, но что сам он, по разным сложным причинам, не хотел бы светиться в этом деле. А вот если бы Нарцисс представил эту информацию военному совету Матерацци от своего имени, это, равно как и план сражения, который Випон тоже мог бы предложить на суд фельд-генерала, если тот пожелает, снискало бы ему большую славу.

Випон понимал, что Нарцисс обеспокоен. Фельд-генерал не был дураком, но и талантами не блистал, он был не более чем компетентным военачальником, которого очень тревожило то, что в силу слабого здоровья Маршала он оказался главным ответственным за всю кампанию. Он никому бы в этом не признался, но в душе отдавал себе отчет, что такая задача ему не по плечу. Випон постарался склонить его к сотрудничеству завуалированными, но вполне определенными обещаниями изменений в законе о налогообложении, которые будут очень выгодны для Нарцисса, и заверил в том, что уже лет двадцать длившемуся спору о наследстве, в который был вовлечен Нарцисс и который он, судя по всему, проигрывал, скоро будет положен благоприятный для него конец.

Фельд-генерал, однако, не был совсем уж продажным и ни при каких посулах не согласился бы принять к исполнению стратегию, которая ставила бы империю под угрозу. Он провел много часов, размышляя над планом Випона, а точнее сказать, Кейла, прежде чем решил, что его финансовые интересы и его профессиональная совесть не противоречат друг другу.

Кто бы ни придумал этот план, сказал Нарцисс Випону, этот человек знал, что делает. Не то чтобы он ясно выразил нежелание приписывать заслугу разработки этого плана другому, но Випон сам предусмотрительно заверил его, что над планом работало большое количество людей и что в любом случае его успех будет зависеть исключительно от профессионального мастерства того военачальника, который будет его осуществлять. Таким

образом, в конце концов Нарцисс стал считать его целиком и полностью своим планом и защищал его перед военным советом со всем энтузиазмом. Решающим аргументом для совета стало то, что пропавшая армия Искупителей объявилась именно в том месте, которое предсказал Нарцисс.

Существует знаменитое высказывание: хорошо, что войны так разорительно дороги, иначе мы никогда не прекращали бы их вести. Это высказывание легко повторяют, однако так же легко забывают, что войны могут быть справедливыми и несправедливыми, но дешевых войн не бывает. Проблемой для Матерацци было то, что лучшими в империи специалистами по финансам являлись евреи из Гетто. Евреи же, со своей стороны, смертельно устали от чужих войн, поскольку зачастую они приносили им разорение, независимо от исхода. Если они ссужали деньги впоследствии побежденной стороне, никто им их не возмещал, если они финансировали будущего победителя, тот слишком часто решал, что именно евреи в первую очередь каким-то образом несут ответственность за опустошительно дорогостоящую войну, и их следует изгнать. Таким образом отпадала необходимость возвращать кредиты. Поэтому Матерацци притворно заверяли евреев, что военные долги будут возмещены, в то время как финансисты из Гетто так же неискренне убеждали их, что такие огромные кредиты добыть очень трудно, разве что под непомерно высокие проценты.

Именно наблюдая за этими переговорами, Китти Заяц увидел свой шанс и разрешил проблему, предложив Матерацци кредитовать все их военные расходы. Евреи испытали при этом огромное облегчение, поскольку считали богопротивным само существование Китти-города. Все знали, что они ни при каких обстоятельствах не будут вести дела с его хозяином, даже под страхом высылки. Китти же больше заботили Матерацци. Несмотря на все свое взяточничество, склонность к шантажу и политическую коррумпированность, он знал, что в общественном мнении Мемфиса растет возмущение мерзкими порядками, установленными в Китти-городе, и что какие-то акции, направленные против него, рано или поздно неизбежны. Он сообразил, что война, тем более такая, в которой накал общественных страстей столь высок, заглушит то, что он считал временной вспышкой морального осуждения, направленного против места, где он вел свой бизнес. Финансируя то, что представлялось ему короткой военной кампанией, Китти Заяц не без оснований полагал, что это обезопасит его собственное положение в Мемфисе на много лет вперед.

И вот наконец Матерацци были готовы выступить против Искупителей. Имея грандиозный план Нарцисса, сорок тысяч воинов при полном боевом снаряжении покинули город под восторженные приветствия бесчисленных людских толп. Был пущен слух, что Маршал Матерацци заканчивает работу над разработкой стратегии войны и присоединится к своим войскам позже. Это было ложью. Маршал пребывал в очень плохом состоянии из-за внезапно осложнившейся грудной инфекции, и было похоже, что он никоим образом не сможет участвовать в кампании.

Искупители, впрочем, находились в еще более тяжелом положении из-за вспышки дизентерии, которая унесла не так уж много жизней, но ослабила большое количество солдат. В придачу к этому план обмануть Матерацци, заставив их ждать перед входом в Коросту, в то время как сами Искупители будут направляться в противоположную сторону, явно провалился. Почти в тот самый момент, когда они вышли из Гессельского леса, передовые силы Матерацци численностью в две тысячи человек возникли на противоположном берегу реки Оксус, и начиная с этого момента любое передвижение армии Искупителей отслеживалось и доводилось до сведения фельд-генерала Нарцисса.

К удивлению Принцепса, не было сделано ни малейшей попытки задержать его армию, и менее чем за три дня они проделали почти шестьдесят миль. К этому времени тяжелые последствия дизентерии постепенно ослабили более половины его войска, и он решил сделать передышку на полдня у Сгоревших Мельниц. Он послал депутацию к защитникам города, угрожая вырезать всех его жителей так же, как это было сделано в Горе Остолопов, если они немедленно не сдадутся и не обеспечат его людей продовольствием. Жители

выполнили приказ. На следующий день Искупители продолжили поход к Зияющей Щели.

Теперь, увидев, какое ужасное впечатление произвела на местное население резня в Горе Остолопов, Принцепс высылал вперед небольшие отряды численностью всего в двести человек и, используя ту же тактику, обеспечивал бесперебойное снабжение своей все еще ослабленной армии продовольствием, качество которого было значительно лучше того, к которому она привыкла, и это сильно поднимало ее боевой дух.

Составленный Кейлом план пробной кампании против империи Матерацци до сих пор доказывал свою эффективность, но теперь Искупители вступали на территорию, которая была лишь в самых общих чертах описана в документах, имевшихся в библиотеке Святилища. Одной из самых важных позиций плана была задача привести с собой двадцать картографов и разослать их группами по двое в разные концы для составления максимально подробной карты местности, где на будущий год планировалось наступление. Три группы, которые должны были описывать дорогу, лежавшую впереди, не вернулись, и Принцепс оказался теперь на территории, о которой имел лишь самое смутное представление. На следующий день он попытался перевести свою армию через Оксус у Белой Излучины, но армия, преследовавшая его по противоположному берегу, выросла до пяти тысяч. Он был вынужден отказаться от попытки и углубиться в труднопроходимую местность. Немногочисленные тамошние деревни, которые можно было бы использовать для добычи продовольствия, были заранее эвакуированы армией Матерацци, и все ценное и полезное из них вывезено.

В течение следующих двух дней Искупители с возрастающим отчаянием искали способ переправиться через реку, а Матерацци на противоположном берегу были полны решимости этого не допустить. С каждым часом войско Искупителей все больше выдыхалось и слабело от голода и симптомов дизентерии и за день продвигалось не более чем на десять миль. Но потом удача им улыбнулась. Их разведчикам удалось захватить местного пастуха с семьей. Отчаянно стараясь спасти свою семью, пастух рассказал им о старом, теперь не используемом бросе, через который, как он считал, можно перевести даже крупную армию. Отправленные на разведку солдаты доложили по возвращении, что переправа будет трудной и потребуются ее хорошенько подремонтировать, но перейти на другой берег вполне возможно. Тем более, что ее совершенно никто не охраняет.

Счастье продолжало улыбаться Искупителям. Обширные болота на противоположном берегу Оксуса вынуждали дозорных Матерацци довольно далеко отходить от берега и на время исчезать из виду. Едва не отчаявшиеся вконец Искупители почувствовали теперь прилив надежды. За два часа на другом берегу был оборудован плацдарм, а остальные Искупители принялись латать то, что осталось от старой переправы, камнями из окрестных домов. К середине дня брод стал проходимым, и переправа основных сил армии через Оксус началась. На закате последний Искупитель благополучно перебрался на противоположный берег. Хотя небольшой отряд Матерацци, объявившись, и наблюдал с безопасного расстояния завершающую стадию переправы, они ничего не предпринимали, лишь продолжали наблюдать и слать депеши Нарциссу.

На следующий день, пройдя три мили, Искупители наткнулись на место, заставившее Принцепса осознать, что его армии пришел конец. Дорога здесь представляла собой месиво из грязи, напоминавшее плохо вспаханное поле, а кусты, росшие вдоль нее на расстоянии десяти ярдов с каждой стороны, были смяты: здесь прошли десятки тысяч Матерацци. Поняв, что между ними и Зияющей Щелью их поджидает армия, во много раз превосходящая численностью его собственную, Принцепс сделал все, что мог, чтобы обезопасить оставшуюся информацию, которая являлась главной целью плана Кейла. Оставшиеся в живых картографы нарисовали как можно больше копий тех карт, которые успели составить, и Принцепс для надежности разослал их по десяти разным направлениям в надежде, что по крайней мере один из них сумеет добраться до Святилища. Потом он провел короткую службу, и армия продолжила свой путь.

В течение двух дней они не слышали и не видели ничего, что свидетельствовало бы о

близости врага. Но вскоре разразился проливной дождь. Под пронизывающим ветром и ледяным ливнем армия карабкалась по очередному крутому склону, сохраняя боевой строй, но когда она показалась над гребнем горы, на простиравшейся внизу равнине уже выстроилась, поджидая их, огромная армия Матерацци. И с обеих сторон из соседних долин к ней продолжало стекаться пополнение. Дождь прекратился, из-за облаков вышло солнце, Матерацци расчехлили свои знамена и штандарты; красно-сине-золотые, они весело затрепетали, и солнце засияло на серебристых доспехах воинов.

Сражение, несмотря на все попытки Искупителя генерала-Принцепса уклониться от него, было теперь неизбежно. Но не в тот день. Уже почти стемнело, и Матерацци, нагнав страху смерти и вечных мук на наблюдавших за ними Искупителей, отошли немного ниже и северней. Видя это, Искупители тоже чуточку отступили и устроили себе какое-никакое укрытие, которое им позволили занять только после того, как Принцепс приказал, чтобы каждый из его лучников срезал с дерева по шестифутовому суку, годному для сооружения защитного частокола. Опасаясь, что Матерацци могут начать наступление ночью, Принцепс запретил разжигать костры, по которым противник мог бы определить местоположение лагеря. Промокшие, замерзшие и голодные, Искупители уселись прямо на землю; они принимали последнее причастие, молились и ждали смерти. Принцепс ходил между ними, раздавая священные медали Святого Иуды, покровителя гиблых дел. Он молился о спасении своей души и душ своих солдат с каждым — от копателей выгребных ям до двух епископов, назначенных командовать ударными частями тяжеловооруженной пехоты.

— Помните, — воодушевленно говорил он каждому священнику и каждому солдату, — что все мы прах и в прах возвратимся.

— И начнем возвращаться уже завтра к этому времени, — подхватил один из монахов, на что Принцепс, к большому удивлению своего архидиакона, рассмеялся:

— Это ты, Данбар?

— Он самый, — ответил Данбар.

— Что ж, тут ты не ошибаешься.

Большинство Матерацци находились от них на расстоянии меньше полумили, их костры горели ярко, и до Искупителей доносились обрывки песен, отборные ругательства в их адрес, а иногда, ближе к утру, в стылом ночном воздухе — отдельные фразы обычных разговоров. Мастер-сержант Били находился еще ближе. Получив на то добро штаба Нарцисса, он лежал, припав к земле, менее чем в пятидесяти ярдах от лагеря Искупителей и высматривал: что полезного он мог сделать.

Несчастный, мокрый, озябший, голодный и полный страха перед завтрашним днем, Искупитель Колм Малик пробрался к одной из нескольких палаток, которые Искупители Четвертой армии принесли с собой.

«Сам виноват, — подумал он. — Вызвался добровольцем, хотя мог бы спокойно сидеть в Святилище, раздавая пинки под зад послушникам».

Он поднырнул под полог внутрь палатки и увидел Искупителя Петара Брзицу, который смотрел на мальчика лет четырнадцати, сидевшего на полу со связанными за спиной руками. На побелевшем лице мальчика было странное выражение — разумеется, вполне понятного страха, но и чего-то еще, что Малик никак не мог определить. Может быть, ненависти?

— Ты хотел меня видеть, Искупитель.

— Да, Малик, — сказал Брзица. — Я хотел спросить, не можешь ли ты сослужить мне службу.

Малик кивнул с полнейшим отсутствием энтузиазма, надеясь, что это поможет ему избежать поручения.

— Этот мальчишка — шпион или убийца, подосланный Матерацци, он утверждает, что был свидетелем экзекуции в Горе Остолопов. С ним надо разобраться.

— Да? — Малик был озадачен.

— Как раз перед тем, как наши пикетчики поймали его и привели ко мне, я получил

полное отпущение всех моих грехов от самого архиепископа.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Убийство безоружного, как бы он того ни заслуживал, требует последующего официального отпущения. Я не могу убить его сам и просить архиепископа снова отпустить мне грех, — он подумает, что я идиот. Ты уже исповедался?

— Еще нет.

— Тогда в чем проблема? Отведи его в лес и избавься от него.

— А не мог бы ты попросить кого-нибудь другого?

— Нет. Давай, покончи с ним.

Вот так и случилось, что Малик повел обезумевшего от страха мальчика через насквозь промокший лагерь, мимо многочисленных монахов, бормотавших молитвы друг другу, мимо сторожевых постов в ближайший лес.

С каждым шагом сердце Малика проваливалось все глубже в его промокшие сапоги: дать коленкой под зад или выпороть — одно, а перерезать горло мальчику, который уже и так был свидетелем настолько ужасного деяния, что Малика начинало тошнить при одной мысли о своей невольной причастности к нему, — другое, это было выше его сил. Ведь на завтра ему наверняка предстояло оказаться перед лицом Создателя. Как только они зашли за кусты, где их не было видно из лагеря, он схватил мальчика и зашептал ему в ухо:

— Я тебя отпускаю. Беги вон туда, слышишь? И не оглядывайся. Понял?

— Да, — ответил испуганный мальчик.

Малик перерезал веревку на его запястьях и некоторое время смотрел, как он, спотыкаясь и всхлипывая, исчезает в темноте. Подождал несколько минут, чтобы убедиться, что, обезумев от страха, мальчик не заблудится и не выйдет обратно к сторожевой линии. А если завтра кто-нибудь и узнает, это будет уже неважно. В надежде, что этот акт милосердия перевесит множество его прегрешений перед такими же мальцами, Малик вернулся в лагерь и напрямую напоролся на нож мастера-сержанта Тревора Били.

Кейл встал задолго до рассвета. По мере того как небо постепенно светлело, к нему присоединялись Смутный Генри, потом Кляйст и наконец последним, уже на заре, ИдрисПукке. Они стояли на вершине холма Силбери, откуда открывался вид на все поле битвы.

Холм Силбери был не настоящим холмом, а огромным курганом, который некогда был сооружен с целью, о которой теперь уже никто не помнил, народом, о котором все давно забыли. Его плоская вершина представляла собой превосходную смотровую площадку не только для наблюдателей, которые должны были следить за передвижениями противника, — хотя поле сражения неплохо просматривалось с любой точки позиций Матерацци, — но и для многочисленных прихлебателей двора, послов, военных атташе, важных гражданских персон и даже для знатных женщин рода Матерацци.

Одной из них была Арбелла Лебединая Шея, которая настояла на своем присутствии, несмотря на горячие протесты со стороны отца и Кейла, которые в один голос напоминали, что она является главной мишенью для Искупителей и что в сумятице и дыму сражения ничью безопасность нельзя гарантировать. Она возражала, что ее отсутствие, в то время как другие женщины будут наблюдать за боем на месте, покажется постыдным, особенно в свете того, что война ведется во имя ее спасения. Десятки тысяч мужчин будут рисковать жизнью ради нее, так что ее отсутствие можно будет истолковать только как трусость.

Споры продолжались до самого последнего дня перед сражением, когда Маршал наконец уступил, но не раньше чем получил от Нарцисса подтверждение как плачевного состояния, так и малой численности армии Искупителей, а также заверение в безопасности площадки на холме Силбери. Склоны холма были слишком круты, чтобы кто-то мог легко забраться на него, а отход в случае необходимости, напротив, прост, быстр и надежен. Кейл выходил из себя и уже решил, что при первых признаках опасности уведет Арбеллу, — если потребуется, даже силой. Увидев боевые порядки, выстроившиеся с раннего утра, он

немного успокоился.

Диспозиция представляла собой треугольник. Сам Кейл находился в левом нижнем углу, а сорокапятитысячная армия Матерацци широкой лентой протянулась вдоль всего основания. Искупители занимали верхний угол. С обеих сторон треугольник окаймляли густые, почти непроходимые сизые леса, между ними простиралось обширное поле, в большей своей части недавно вспаханное, лишь позиции Матерацци отчеркивала широкая полоса ярко-желтой стерни. Расстояние между армиями, по прикидкам, составляло от девятисот до тысячи ярдов.

— Сколько их, как думаешь? — спросил Кейл Смутного Генри, кивая в сторону Искупителей.

Смутный Генри молчал не менее полуминуты, потом предположил:

— Тысяч пять лучников. И приблизительно тысяча девятьсот тяжеловооруженных пехотинцев.

— Нужно отдать должное Нарциссу, — заметил ИдрисПукке, зевая. — Отступать Искупителям некуда, и если они начнут атаку при таком неравенстве сил, он порубит их на куски. Пойду посмотрю, как там насчет завтрака.

Кляйст отправился с ним туда, где старый слуга раздувал огонь, лицо у него было красное, как вареный лобстер, рядом стояло блюдо с темными яйцами и лежал копченый окорок величиной с лошадиную ляжку. Пока они наблюдали за действиями слуги, к ним присоединился сеттер одной из дам Матерацци, он повиливал хвостом в надежде, что и его пригласят разделить трапезу.

Внизу, в лагере Матерацци, никто больше не отдавал должного Нарциссу, у всех нашелся повод для недовольства. Хотя его тактический план был широко поддержан и вызывал восхищение, притом восхищение людей, которые были исключительно опытными и искусными воинами, за двадцать лет службы они привыкли к тому, что за Маршалом Матерацци оставалось последнее слово в вопросах старшинства командиров, участвующих в военных действиях. Его прискорбное отсутствие на поле битвы привело к тому, что долго скрывавшееся соперничество начало снова поднимать голову, и никаких действенных способов уладить его не просматривалось.

В придачу ко всему Нарциссу пришлось внести изменения в свой план по трем пунктам, что часто бывают вынуждены делать даже великие генералы. Это означало, что вельможи королевских кровей, которым прежде были предназначены важные роли на передовой, передвигались на пусть тоже важные, но не такие почетные позиции в арьергарде. Они воспринимали это как бесчестье, бросающее тень на их жизни, сам смысл которых определялся для них лишь в терминах военной славы и доблести.

Достоинство плана, состоявшее в том, чтобы заманить Искупителей на узкое поле, теперь обернулось недостатком, поскольку было слишком много обладающих большим военным опытом, личными умениями и храбростью вельмож и слишком мало почетных позиций, чтобы удовлетворить их всех. Кроме того, вельможи — некоторые не без оснований — были убеждены, что они лучшие для решения той или иной задачи и что уступить только ради того, чтобы не нарушать общего согласия, слишком опасный компромисс, который может нанести ущерб империи, с которой они были связаны узами чести и за которую почитали за счастье умереть. Каждый имел свой аргумент, и большинство из них были убедительными. Чтобы заставить их прийти к согласию, требовались все дипломатическое искусство и многолетний авторитет Маршала Матерацци, коими Нарцисс, при всей своей компетентности, не обладал.

В конце концов он решил назначить всех наиболее могущественных вельмож командовать частями на передовой, и только тех, которых, как он считал, можно позволить себе обидеть, перевести на второстепенные роли. Хотя это являлось лучшим решением, какое он мог придумать, структура командования стала чрезвычайно сложной, и с каждым часом, по мере прибытия свежих сил, тоже требовавших для себя достойного места в предстоявшем великом действе, ситуация еще больше запутывалась.

Нарцисс утешался тем, что, хотя проблемы Принцепса были несравненно проще, они в то же время были и несравненно тяжелей. Сделав вид, что ему необходимо изучить дислокацию войск противника, он покинул штабную Белую Палатку, оставив позади кипевшие там споры, но в этот момент заметил Саймона Матерацци в полной боевой экипировке, вокруг которого возбужденно суеилось не меньше дюжины тяжеловооруженных пехотинцев: он демонстрировал им только что освоенное владение мечом. Нарцисс отвел одного из своих конюших в сторону и тихо зашептал ему на ухо:

— Немедленно отведи маршальского придурка в тыл и не отпускай от себя ни на шаг, пока все это не кончится. Мне не хватает только того, чтобы он ввязался в бой и его убили.

Для надежности он лично проследил за тем, чтобы его приказ был выполнен при яростном, но бессильном сопротивлении Саймона. Коолхаус в это время отошел попить воды и ничего не видел.

Кейл и Смутный Генри по-прежнему наблюдали и размышляли, но, сколько бы они ни судили и ни рядили о том, что бы сделали на месте Принцепса, ни один из них не мог оспорить вывода ИдрисаПукке. Тревога потихоньку отступала.

— Все и впрямь идет по твоему плану, — сказал Смутный Генри, восхищенно рассматривая блистательно выстроившиеся порядки закованных в латы воинов и разноцветные штандарты.

— План не мой, моя идея, — заметил Кейл. — То, что происходит внизу, — дело рук Нарцисса. Выглядит все неплохо. Правда, там тесновато. Все еще тесновато...

Он представил себе мрачное будущее, ожидающее Искупителей, и испытал от этого немалое удовлетворение.

И все же, наблюдая, как армия Искупителей перестраивается, образуя три каре тяжеловооруженной пехоты, разделенные двумя небольшими отрядами легкой кавалерии, Кейл и Смутный Генри ощутили, как ими стало овладевать непрошеное чувство ненависти, смешанной со страхом. Слева и справа каждого каре находилось по две группы лучников.

При всем своем безжалостном отношении к Искупителям, Кейл и Смутный Генри не могли не видеть, насколько плачевно их положение. К этому времени у них не хватало, а то и вовсе не было еды, они замерзли и промокли насквозь. Когда пригрело солнце и они начали двигаться, чтобы согреться, стало заметно, как от них поднимается пар. Тем, кто страдал от поноса, было совсем плохо: отойти не было никакой возможности, и им приходилось испражняться прямо на месте. И все это на глазах у армии, прекрасно обеспеченной, сытой и многократно превосходящей их по численности. Перспектива Искупителей представлялась незавидной.

Стоявшая напротив армия Матерацци была очень условно разделена на две части по восемь тысяч пехотинцев в полных доспехах, хотя некоторые их еще не надели. По обоим флангам и с тыла эти два соединения окружала кавалерия, также в доспехах, насчитывавшая в общей сложности около тысячи двухсот человек.

Передняя линия Матерацци еще не была выстроена: многие сидели на земле, ели, пили, кричали, смеялись, веселились, кто-то безо всякой команды выходил из строя, кто-то вклинивался в него, гарцуя на коне. На полевой кухне жарили баранов, от котлов на повозке, запряженной лошадью, развозили кипяток, оставлявший за собой длинное облако пара. Те, кому не терпелось тоже сесть и поесть, ногами, еще не закованными в щитки, поддевали тех, кто сидел на желтой стерне, заставляли их встать, занимали их места и тумачами выталкивали вперед, хотя злостных нарушений дисциплины и серьезных инцидентов не наблюдалось.

Так прошло два часа, ничего не происходило. К Кейлу и Смутному Генри присоединилась побледневшая Арбелла Лебединая Шея в сопровождении наевшегося ИдрисаПукке, Кляйста и Рыбы. За последние месяцы Рыба больше двигалась, уже не сидела и не насыщалась целыми днями, как когда-то в Святилище, и потеряла около двадцати восьми фунтов веса, но ее внешность по-прежнему разительно контрастировала с обликом ее хозяйки. Она была ниже ее ростом почти на восемь дюймов, черноволоса, кареглаза и

настолько же пышна и фигуриста, насколько Арбелла была гибка, стройна и светловолоса. Они отличались друг от друга, как голубка от лебедя.

Взволнованная Арбелла спросила, как они думают, что будет. Все единодушно согласились в том, что Матерацци поступают правильно, ничего не предпринимая, потому что рано или поздно Принцепс будет вынужден атаковать. Как бы Кейл ни обдумывал ситуацию, положение Искупителей, к его удовлетворению, представлялось ему безнадежным.

— Кто-нибудь видел Саймона? — спросила Арбелла.

— Должно быть, он с Маршалом, — ответил ИдрисПукке.

Маршал и Саймон в последние дни стали неразлучны.

— Почти как отец и сын, — пошутил Кляйст так, чтобы не слышала Арбелла.

Тем не менее обеспокоенная Арбелла хотела уж было отправить двух слуг поискать брата, когда к ним приблизилась группа из пяти конных воинов. Одним из них был Конн Матерацци. Со дня своей схватки с Кейлом он еще ни разу так близко не подходил к нему.

— Меня послал фельд-генерал Нарцисс проверить, все ли с тобой в порядке.

— Я в полном порядке. Ты не видел моего брата?

— Видел. Думаю, с час назад. Он был в Белой Палатке с тем дергающимся болваном, который ему переводит.

— Ты не имеешь права так отзываться о Коолхаусе. Поищи Саймона и, пожалуйста, проследи, чтобы его доставили сюда. — Арбелла повернулась к слугам и распорядилась, чтобы они отправлялись в Белую Палатку с тем же поручением.

Конн Матерацци первый раз за все это время прямо посмотрел на Кейла:

— Вижу, ты хорошо устроился здесь, в безопасности.

Кейл не ответил. Конн переключил внимание на Кляйста:

— А ты? Если бы у тебя хватало храбрости не только на то, чтобы торчать здесь и предоставлять нам сражаться за тебя, я мог бы найти тебе местечко на передовой.

Кляйст сделал вид, что предложение его заинтересовало:

— Хорошо, — сказал он любезно. — У меня здесь остались кое-какие дела, поезжай вперед, я присоединюсь к тебе через несколько минут.

Конну всегда доставало чувства юмора, но сейчас даже он понял, что над ним насмеются.

— Вашим обмазанным елеем друзьям, тем, что стоят вон там, внизу, по крайней мере хватает храбрости сражаться самим. А вы трое только будете стоять здесь и смотреть, как за вас сражаемся мы.

— Какой смысл, имея собаку, лаять самому? — ответил Кляйст так, словно говорил с недоразвитым.

Но поддеть Конна было не так легко, замечание Кляйста не произвело на него ожидаемого впечатления, поскольку его надменность не снисходила до столь ничтожных персон.

— У вас больше причин участвовать в сегодняшнем сражении, чем у любого из нас. Может, вы и считаете, что это забавно, но мне не нужны провокации со стороны какого-то фигляра, чтобы показать вам, что вы на самом деле собой представляете.

Оставив таким образом последнее слово за собой, он развернул лошадь и ускакал. Надо сказать, что все это мало задело Смутного Генри, вовсе не задело Кляйста, зато оставило неприятную царапину в душе Кейла. Его бой с Соломоном Соломоном хоть и окончился победой, но показал ему, что его мастерство зависит от страха, который может прийти и уйти в любой момент. Какой же толк в таком даре, если его легко лишиться от паники?

В глубине души Кейл знал: тем, что держало его сейчас на вершине холма, было, конечно, и то, что это, строго говоря, была не его битва, и то, что он был обязан по долгу и по любви защищать Арбеллу Матерацци, но также и воспоминание о дрожи и подгибающихся ногах, о растекающихся внутренностях, то есть страх обнаружить свою трусость и слабость.

Случился на вершине холма Силбери и еще один посетитель, да такой, что его появление произвело большой переполох среди собравшихся там важных персон. Хотя к подножию он прибыл в карете, на холм его внесли в закрытом со всех сторон паланкине, в каких дамы Матерацци путешествуют по слишком узким улицам старейшей части города, где карета не проходит. Восемь мужчин, задыхающихся от тяжести и крутизны подъема, несли паланкин, еще десять охраняли его.

— Что это? — спросил Кейл ИдрисаПукке.

— Да-а. Не могу сказать, что меня легко удивить, но это удивительно.

— Это ковчег завета?

— Спустись на землю. Если сам дьявол мог бы стать одержим бесами, то он принял бы обличье этого существа. Это Китти Заяц.

На Кейла это произвело должное впечатление, с минуту он молчал, потом, переведя взгляд на десяток охранников Китти Зайца, сказал:

— Похоже, они свое дело знают.

— Не сомневайся. Бессловесные наемники. Должно быть, стоят по шиллингу на брата, а то и по два.

— А что он здесь делает? Я думал, что о нем все слышали, но никто его никогда не видел.

— Шути-шути. Попробуй перейти Китти дорогу — сразу увидишь. Возможно, он приехал проследить за своими инвестициями. Кроме того, сегодня есть шанс, ничем не рискуя, посмотреть, как делается история.

В этот момент дверца паланкина открылась, и из него вышел невзрачный на вид человек. Кейл разочарованно присвистнул.

— Это не Китти, — сказал ИдрисПукке.

— Слава богу. Больше похож на Вельзевула.

— Я иногда забываю, что ты еще ребенок. Если тебе когда-нибудь доведется повстречаться с этим, — ИдрисПукке жестом указал на человека, вышедшего из паланкина, — не забудь, господин Молокосос, немедленно припомнить, что у тебя неотложная встреча в каком-нибудь другом месте.

— Ой, как ты меня напугал.

— Самоуверенный петушок, да? Это Дэниел Кэдбери. Найди в Общем словаре доктора Джонсона слово «прихвостень», и ты найдешь там его имя. Найди также слова «ассасин», «убийца» и «конокрад». Обаяшка, правда? Такой услужливый, что, кажется, он готов и собственную задницу тебе одолжить, а сам будет срать через уши.

Пока Кейл озадаченно обдумывал это интересное предположение, Кэдбери с улыбкой направился к ним.

— Сколько зим, сколько лет, ИдрисПукке! Ты все еще при деле?

— Привет, Кэдбери. Завернул по дороге придушить какого-нибудь сироту?

Кэдбери улыбнулся, дав понять, что оценил ехидство ИдрисаПукке, и с высоты своего большого роста одобрительно посмотрел на Кейла.

— Он остряк, твой друг, не правда ли? А ты, должно быть, Кейл, — добавил он тоном, подразумевающим, что имя Кейл кое-что значит. — Я был в Красной Опере, когда ты пустил в расход Соломона Соломона. Отлично вышло. Это было нечто, молодой человек, просто нечто! Надо нам как-нибудь вместе пообедать, когда закончатся все эти неприятности. — И с поклоном, выражавшим уважение, но уважение равного, тоже заслуживающего уважения, он развернулся и пошел обратно к паланкину.

— Он очень мил, — сказал Кейл, чтобы поддразнить ИдрисаПукке.

— И останется таковым до того момента, когда от него потребуется — к величайшему для него сожалению — перерезать тебе глотку.

Смутный Генри что-то крикнул. В рядах Искупителей началось движение. Строем глубиной в десять шеренг шесть тысяч лучников и тысяча девятьсот тяжеловооруженных

пехотинцев медленно двинулись вперед. Пройдя ярдов пятьдесят, они остановились на краю вспаханного поля, которое простиралось вплоть до позиций Матерацци, и передняя шеренга опустилась на колени.

— Черт, что это они удумали? — насторожился ИдрисПукке.

— Они едят землю, — объяснил Кейл, — чтобы напомнить себе, что они грязь и в грязь возвратятся.

После этого первая шеренга поднялась с колен и вступила на пашню. Следующая за ней продвинулась вперед, встала на колени, каждый взял в рот землю, и вторая шеренга последовала за первой. И так далее. Не прошло и пяти минут, как вся армия Искупителей, нестройными рядами, почти прогулочным шагом, не в ногу, уже двигалась по рыхлой пашне. Воинам Матерацци и наблюдателям на холме Силбери оставалось только ждать и следить за ходом событий.

— Когда же они наберут темп для броска? — спросил ИдрисПукке.

— А они и не собираются, — ответил Смутный Генри. — Матерацци ведь лучников не используют, а дальность работы копьем какая? Шесть футов? Так зачем спешить?

Прошло уже десять минут, Искупители прошли приблизительно семьсот ярдов из девятисот, изначально отделявших их от передовой позиции Матерацци, и тут раздалась команда искупительских сотников. Движение прекратилось.

Послышались новые приглушенные команды сотников — лучники и пехотинцы начали расходиться влево и вправо. Вскоре наступающий строй уже растянулся по всей ширине поля. Еще через три минуты, когда они закончили перестроение, между каждой парой стоявших рядом Искупителей было расстояние около ярда. Семь шеренг, начиная с третьей, разошлись в шахматном порядке, чтобы у лучников открылась перспектива и им было удобней стрелять поверх голов впередистоящих.

Сверху с самого начала было видно, что каждый Искупитель несет что-то похожее на копье футов шести длиной. Теперь, когда они остановились и оказались гораздо ближе, стало ясно, что эти предметы слишком тяжелые и толстые для копий. Новая команда сотников — и их назначение стало ясно: это были оборонительные колья, и Искупители принялись под определенным углом вколачивать их в землю огромными деревянными молотами, которые лучники тоже принесли с собой.

— Зачем они строят заграждение? — спросил ИдрисПукке.

— Не знаю, — ответил Кейл. — А вы? — Он обернулся к мальчикам.

Кляйст и Смутный Генри пожали плечами.

— Это не имеет смысла. — Кейл тревожно посмотрел на ИдрисаПукке. — Ты уверен, что Матерацци не будут атаковать?

— Зачем им терять такое преимущество?

К тому времени Искупители начали обтесывать концы колов, заостряя их.

— Они хотят спровоцировать Матерацци на нападение, — высказал догадку Кейл несколько минут спустя и, повернувшись к ИдрисуПукке, добавил: — Они ведь находятся сейчас друг от друга на расстоянии полета стрелы. Пять тысяч лучников, шесть стрел в минуту. Как ты думаешь, Матерацци устоят под градом из тридцати тысяч стрел, которые будут обрушиваться на них каждые шестьдесят секунд?

ИдрисПукке шмыгнул носом и задумался.

— Двести пятьдесят ярдов — это черт-те какое большое расстояние. Плевать, сколько будет этих стрел. Каждый Матерацци покрыт броней с макушки до пяток. Не придумали еще такой стрелы, которая могла бы пробить закаленную сталь с такого расстояния. Не могу сказать, что я мечтал бы оказаться под таким обстрелом сам, но Искупителям очень повезет, если хоть одна стрела из сотни достигнет цели. Да и стрел у них недостаточно — дюжины по две на каждого? — чтобы долго держать такой темп. Если таков их план... — ИдрисПукке пожал плечами, показывая, как низко он его оценивает.

Кейл повернулся в сторону дозорного поста, где находилась группа сигнальщиков, наблюдавшая за Искупителями с самой удобной точки. Один из них как раз отправлялся

доложить командованию о том, что противник строит заградительный частокол, — с передней линии Матерацци этого наверняка видно не было. У наблюдателей ушло много времени, чтобы сначала понять, что именно делают Искупители, а потом решить, достаточно ли это важно, чтобы посылать гонца с этой новостью в штаб.

Проследив, как гонец скрылся за гребнем холма, Кейл снова перевел взгляд на Искупителей. Десяток знаменосцев подняли белые флаги с фигурой Повешенного Искупителя, нарисованной на них красной краской. Послышались команды сотников, они донеслись неразборчиво, но понять их смысл оказалось нетрудно, поскольку тысячи лучников одновременно натянули тетивы и нацелили луки вверх. Короткая пауза, новая команда, резкая отмашка флажками вниз — и четыре тучи стрел по дуге высотой в сотню футов полетели к передней линии позиций противника.

Несколько секунд — и они обрушились на Матерацци, те наклонили головы, чтобы уклониться от их острых наконечников. Пять тысяч стрел со звоном и лязгом отрикошетили от бронированных доспехов; Матерацци пригнулись, спасаясь от стального дождя, как если бы это был принесенный порывом ветра град. С флангов послышалось истеричное ржание раненых лошадей. Тем временем еще пять тысяч стрел ударило по позициям Матерацци. А через десять секунд еще пять.

В течение двух минут стальной дождь поливал Матерацци, но погибло лишь несколько человек, еще какое-то небольшое количество было ранено. ИдрисПукке оказался прав: непробиваемые для стрел доспехи делали свое дело. Но попробуйте представить себе: шум, нескончаемый скрежет металла, короткая пауза — и снова стрелы, снова испуганное ржание лошадей, крики несчастных, которым стрела угодила-таки в глаз или в шею...

Никто не желал сложа руки терпеть столь оскорбительное нападение. Какой смысл был в том, чтобы просто стоять и ждать, когда в тебя воткнется стрела, пущенная каким-то трусливым святошей, не знавшим ни роду своего, ни племени, не владевшим никаким военным искусством и не имевшим храбрости сразиться с неприятелем лицом к лицу?

Первой сорвалась кавалерия на левом фланге. Когда два их сигнальщика упали, резко опустив флажки, некоторые всадники приняли это за сигнал атаки. Посреди ржания раненых коней и паники, которая передалась другим лошадям, готовым взбрыкнуть и в страхе косящих глазами на суматоху, воцарившуюся повсюду, было трудно что-либо понять. Три лошади в ужасе рванули вперед. Остальные всадники сочли это приказом к наступлению. Никто не хотел показать себя трусом, оставаясь на месте. Это напоминало переволновавшихся на старте бегунов: стоит одному раньше времени сорваться с места, как за ним устремляются остальные. Окрики командиров, призывавших соблюдать строй, тонули во всеобщем грохоте, а тут еще снова — град стрел.

И вдруг все кони на левом фланге, подгоняемые нетерпением, страхом, обезумевшие от суматохи, бросаются вперед.

Нарцисс, наблюдающий за всем этим от Белой Палатки, громко изрыгает ругательства, словно стремясь остановить конницу, но вскоре понимает, что это уже невозможно. Тогда он жестом показывает своему адъютанту дать сигнал, чтобы правый фланг тоже перешел в наступление. И только после этого прибывают гонцы с холма Силбери, чтобы предупредить о частоколе, который вражеские лучники возвели у себя на флангах.

С вершины Силбери объятый ужасом Кейл, не веря глазам своим, наблюдает, как кавалерия Матерацци движется вперед. На ходу всадники, пришпоривая коней, стараются восстановить строй. Когда до первой линии вражеских лучников остается триста ярдов, им удается кое-как выстроиться в три шеренги. Поначалу, стоя в стременах, с зажатым под мышкой правой руки копьём, держа поводья левой, они скачут со скоростью, не превышающей скорость бегущего трусцой человека. Две сотни ярдов они преодолевают за сорок секунд, соблюдая этот темп даже под градом стрел. На последних пятидесяти ярдах эта устрашающая масса, состоящая из двух тысяч убойных снарядов — человек-зверь-сталь, — делает рывок и обрушивается на переднюю шеренгу лучников, готовая растоптать ее.

Лучники, все еще ощущая во рту вкус земли, смешанный с металлическим привкусом страха, выпускают новую порцию стрел. Часть лошадей с громким ржанием валится, сминая собственных ездоков, ломая спины и увлекая за собой тех, что скачут рядом. Но всадники продолжают держать строй. И вот — лязг, звон, скрежет — противники сталкиваются.

Ни одна лошадь по собственной воле не затопчет человека и не станет прыгать через препятствие, которое ей не под силу перескочить. Ни один человек не устоит перед боевым конем и сидящим на нем копыеносцем. Но люди способны сознательно идти на смерть, в отличие от животных. Их можно научить умирать.

Когда уже казалось, что конница вот-вот накатит на пешех, как все сметающая на своем пути океанская волна, лучники отступили назад и молниеносно оказались за острым частоколом. Кто-то, конечно, поскользнулся, кто-то оказался недостаточно проворен — эти были растоптаны или проткнуты копьями. Но и лошади слишком неожиданно налетели на острые колья, не успев уклониться. Насаженные на них, как на вертелы, они ржали и кричали так, словно наступил конец света, всадники падали с них, ломая шеи; тех, кто оказывался на земле, Искупители забивали деревянными молотами или протыкали мечами сквозь сочленения доспехов: один держал, другой вонзал меч, и коричневая грязь превращалась в красную.

Большинство лошадей из задних рядов в панике стали слишком быстро разворачиваться назад, при этом они поскальзывались, сбрасывая седоков; другие продолжали по инерции двигаться вперед, налетая на тех, которые остановились в захлебнувшейся атаке; некоторых, находившихся с краев, выталкивали в прилежавший к полю лес.

Люди сыпали проклятиями, лошади ржали и бешено металась, будто это были не мощные боевые кони, а какие-то существа, вдвое меньше и легче, чем на самом деле, они рвались назад, в безопасный тыл. Седоки сотнями сыпались на землю, и лучники, молниеносно выныривавшие из-за своего частокола, обрушивали на головы и груди ошеломленных падением всадников смертоносные удары своих деревянных молотов. На каждого конника Матерацци, который, скользя и спотыкаясь, пытался встать на ноги и обнажить меч, приходилось по три Искупителя в измазанных грязью сутанах, которые набрасывались на него и всаживали свои мечи в глазные отверстия шлема или зазоры между частями доспехов. А освободившиеся от страха и разъяренные лучники, стоя среди кольев, продолжали поливать стрелами отступающих всадников. И снова падали раненые лошади, те же, кого стрела миновала, потеряв ориентацию, став неуправляемыми, несли своих седоков неведомо куда.

Но худшее было еще впереди. Для поддержки наступления в помощь кавалерии Нарцисс, как положено, послал передовые части тяжеловооруженной пехоты.

Восемь шеренг общей численностью в восемь тысяч пехотинцев были уже на полпути к позициям Искупителей, когда в них врезалась собственная отступающая кавалерия: обезумевшие от ужаса и ран лошади вклинились в передовой строй наступавшей матерацциевой тяжеловооруженной пехоты, который не имел возможности ни расступиться, чтобы пропустить их, из-за густого леса по обе стороны поля, ни отойти назад — из-за подпиравших сзади, ничего пока не ведавших и продолжавших наступать своих же шеренг. Пытаясь избежать смертельного столкновения с несущимися на них неуправляемыми животными, тяжеловооруженные пехотинцы заматались, натываясь друг на друга, толкаясь и умоляя освободить дорогу, хватаясь за соседей, чтобы не упасть, увлекая их за собой и создавая волну падений, которая, как круги на воде, расходилась назад и в стороны.

Строй сломался, наступление захлебнулось, люди скользили в грязном месиве, изрыгали проклятия и тянули друг друга за собой. Искупительские лучники, получив передышку и придя в себя, выпустили последние стрелы. И на сей раз, поскольку Матерацци стояли на месте и находились на расстоянии всего восьмидесяти ярдов, острые наконечники пробивали даже стальные доспехи, если попадали в них по прямой.

Но при всем при том лишь несколько сотен были затоптаны лошадьми или погибли от

стрел. Тысячи оставшихся в живых, припадая к земле, прятались друг за другом, пока сержанты и капитаны властными окриками не заставили их подняться, выровнять строй и продолжить атаку. Хотя солдаты и были раздосадованы неразберихой и необходимостью тащиться триста ярдов по грязному месиву пашни в доспехах, весивших шестьдесят фунтов, инерция наступления была восстановлена. Пятьдесят ярдов. Двадцать. Десять — и вот они побежали, копыта наперевес, острия нацелены в грудь противнику.

Но в момент столкновения Искупители, словно это был один единый организм, быстро отступили на несколько ярдов назад, в последний миг лишив противника опоры. И снова передняя линия Матерацци, топчась и спотыкаясь, остановилась, кто-то по инерции выбежал вперед, кто-то отпрянул назад — мощь наступательного порыва иссякла.

Однако теперь, несмотря на весь хаос, Матерацци безоговорочно понимали: они — закованные в броню величайшие воины в мире, наконец сошедшиеся лицом к лицу с противником четверо к одному, — обязаны победить. И, уверенные в будущей победе, они снова двинулись вперед. Теперь кроме людских криков воздух оглашали бряцание копий и сиплые от натуги криканья обремененных тяжелыми доспехами воинов Матерацци: сейчас они действовали на еще более ограниченном пространстве, и сзади их подпирало несколько рядов своих, которые толкали их, чтобы тоже выйти вперед, принять участие в схватке и урвать свою толику славы. Однако наносить удары могли только те немногие, кто находился в первой шеренге, то есть меньше тысячи человек за раз.

Таким образом, сильно уступая противнику в общей численности, на площади, ограниченной всего дюжиной футов, Искупители имели больше простора для маневра и легче уклонялись от ударов. Матерацци же, не имевших возможности продвинуться вперед, по-прежнему толкали или пытались оттащить их же товарищи, стоявшие непосредственно за ними, а на этих наседали те, кто находился еще дальше и не видел, что происходит впереди.

Давление усиливалось: второй напирал на первого, третий на второго и так далее. Передние пытались уклониться, отступить в сторону или отойти назад, но отходить было некуда, и под давлением сзади их выбрасывало вперед, прямо на острия копий Искупителей, под удары их молотов. Некоторые падали от ран, некоторые под натиском сзади не могли удержаться на ногах, увязая в мягкой грязи, скользили и тоже падали, те, что напирали сзади, потеряв опору, падали на них, следующие за ними — сверху и так до бесконечности. Чтобы сохранить равновесие, солдаты пытались переступать через упавших, но помимо их воли давление сзади заставляло их топтать своих товарищей, и, не в силах удержаться на извивающихся и брыкающихся телах, они соскальзывали и падали сами. Какой толк от доспехов, если нет простора для движения? Они становятся лишь обузой для человека, который старается встать на ноги или перелезть через два-три лежащих на земле тела. А между тем спереди его колют мечом или оглушивают тяжелым ударом молота.

Искупители тоже падали, конечно, но они легко вскакивали, или товарищи могли без особого труда освободить их из-под свалки. Всего за три-четыре минуты на переднем краю выросла стена из попадавших Матерацци, которая защищала Искупителей от дальнейшего развития атаки противника. А с тыла на эту стену продолжали напирать задние ряды, которые не видели и не знали, что происходит на передовой. Каждый тамошний обвал они принимали за продвижение и с еще большим энтузиазмом устремлялись вперед. Среди лежавших штабелями Матерацци было не так уж много мертвых и даже раненых, но, упав, ни один рыцарь уже не мог подняться, так как оказывался в вязкой грязи, обремененный десятками фунтов надетой на него брони. Стоило второму упасть сверху — и он уже практически не мог пошевелиться. Третий — и он становился беспомощным, как дитя.

Представьте себе его ярость и отчаяние: годы тренировок, множество шрамов, полученных в учебных сражениях, — и все это для того лишь, чтобы тебя раздавили насмерть или чтобы, воя от бессилия, лежать в грязи легкой мишенью для какого-нибудь неотесанного мужлана, который расплющит тебе грудь деревянным молотом или воткнет меч в глазное отверстие твоего шлема или в щель между доспехами под мышкой. Какая мука, какой ужас, какая беспомощность!

А между тем продолжается чудовищное давление сзади товарищей по оружию, уверенных в победе и жаждущих отметиться в бою, прежде чем закончится битва. Посыльные штаба, которые толпились вокруг арьергарда, стараясь разузнать новости, не имея возможности видеть катастрофу, происходящую впереди, и не зная, что битва уже проиграна, отправляли победные репортажи о том, что триумф уже почти в руках Матерацци, и просили подкрепления, чтобы нанести завершающий удар.

Одновременно от наблюдателей с холма Силбери, откуда провал на передовой был виден, как на ладони, до Белой Палатки доходили противоречащие этим репортажам донесения. Но даже здесь, на холме, только мальчики и ИдрисПукке в полной мере осознавали, какое бедствие вершится у них на глазах. У неуверенных, нерешительных наблюдателей не хватало духу посоветовать командованию Матерацци отступить. Это было немыслимо само по себе, к тому же они боялись ошибиться, поэтому писали тревожные донесения, но обставляли их тысячами «но» и «однако». Таким образом, Нарцисс с одной стороны получал с поля боя требования о подкреплении, чтобы поставить победную точку, а с другой — противоречащие им невразумительные доклады наблюдателей с холма Силбери, не решавшихся честно признать очевидное: то, что битва проиграна.

Нарцисс был растерян. Он и так помимо воли сделал ставку на численность своих войск, выставив большую часть величайшей в мире армии, которая более чем за двадцать последних лет не потерпела ни одного поражения, против врага слабого, больного, голодного, плохо вооруженного — чтобы покончить с ним одним ударом. То, что его несокрушимая армия может оказаться побежденной, не укладывалось в голове. Поэтому, несмотря на тревожные донесения с холма Силбери, фельд-генерал отдал приказ о введении в действие второго и третьего резервов.

Крик изумления и гнева вырвался одновременно у мальчиков и ИдрисаПукке, когда они, не веря глазам своим, увидели, как на поле битвы вступают соединения второго и третьего резервного порядка.

— Что происходит? — спросила у Кейла Арбелла Лебединая Шея. Ее возлюбленный лишь воздел вверх руки и застонал.

— Неужели сама не видишь? Сражение проиграно. Этих людей гонят на верную смерть, и кто будет защищать Мемфис, когда их тела сгниют на этом поле?

— Этого не может быть. Скажи, что это не так. Все не может быть настолько плохо.

— Смотри сама. — Он махнул рукой в сторону линии фронта.

Тысячи Искупителей уже обходили армию Матерацци с флангов и даже заходили в тыл, нанося сокрушительные удары кольями и молотами, сбивая с ног вражеских солдат, которые в падении увлекали за собой еще троих-четверых.

— Надо уходить, — тихо сказал Кейл. — Роланд, — позвал он ее грума, — веди лошадь. Немедленно! Боже мой! — выкрикнул он в смертельной тоске. — Я бы этому не поверил, если бы не видел собственными глазами.

Он сделал знак Смутному Генри и Кляйсту, и те направились к палаткам. Но в этот момент появился запыхавшийся хромой человек.

— Пойдите! — крикнул он в страшном волнении. Это был Коолхаус. — Мадемуазель, ваш брат, Саймон... Он улизнул от меня, пока мы наблюдали за действиями кавалерии в тылу. Я думал, мы просто потеряли друг друга в толпе, но, когда я вернулся в его палатку, доспехов, которые ваш отец подарил ему на день рождения, там не было. А за час до того он разговаривал с этим дерьмом, Лордом Парсоном, и тот подначивал Саймона, чтобы он вместе с ним отправился в свою первую атаку. — Коолхаус на миг потрясенно замолчал, осознав весь ужас случившегося: — Я думаю, что он там, внизу.

— Как вы могли проявить такую беспечность?! — закричала на Коолхауса Арбелла, но тут же, обернувшись к Кейлу, попросила умоляющим голосом: — Пожалуйста, найди его. Приведи обратно.

Кейл был слишком ошеломлен, чтобы что-либо ответить, но о Кляйсте этого нельзя было сказать.

— Если ты хочешь, чтобы они оба погибли, то это самый лучший способ осуществить твоё желание, какой только можно придумать. — Кляйст жестом предложил ей взглянуть на поле битвы. — Минуты через две там, внизу, тридцать тысяч человек будут втоптаны в картофельное поле. Искупители уже победили. В течение следующих двух часов мы будем видеть лишь, как людей убивают. И ты хочешь послать его туда? Это же все равно что искать иголку в стоге сена. К тому же горящем.

Но она, казалось, ничего не слышала, лишь заглядывала с мольбой в глаза Кейлу и в отчаянии повторяла:

— Пожалуйста, помоги ему.

— Кляйст прав, — подхватил Смутный Генри. — Что бы ни происходило сейчас с Саймоном, мы бессильны что-либо сделать.

Арбелла по-прежнему ничего не слышала, только смотрела в глаза Кейлу. Потом медленно, беспомощно опустила взгляд.

— Я понимаю, — сказала она.

И именно это, разумеется, пронзило его — как будто она воткнула кинжал прямо ему в сердце. Её «я понимаю» прозвучало для него как звук утраченной веры, и это было невыносимо. Он почувствовал, что в её глазах выглядит кем-то вроде божества, и не мог не оправдать её ожиданий. Все это время Роба стояла молча, с широко открытыми глазами, надеясь, что остальным удастся остановить Кейла. Но она понимала: когда речь идет об Арбелле, здравый смысл изменяет ему. Какой бы ужас ни наводил на Арбеллу её странный спаситель, какой бы безразличной, а то и грубой она с ним ни была, Роба уже несколько месяцев замечала: когда дело касается Арбеллы, Кейл становится безумен.

— Не делай этого, Томас, — сказала она строго, как мать. Арбелла посмотрела на неё изумленно и в то же время гневно: какая-то служанка посмела перечить ей? Но как бы ни разозлилась она на Робу, в тот момент она не могла приказывать ей замолчать. Все это, впрочем, не имело никакого значения. Кейл словно бы и не услышал Робу.

Обернувшись, он с упавшим сердцем посмотрел на происходившую внизу катастрофу, потом перевел взгляд на друзей:

— Прикрывайте меня, сколько сможете, но постарайтесь вовремя соскочить сами.

— И не подумаю, — сказал Кляйст.

Кейл рассмеялся:

— Помни: если один из вас попадет в меня, я буду знать, кто именно.

— Если это буду я, не успеешь узнать.

— Потом отправляйтесь в Мемфис вместе с её охраной. Я присоединюсь к вам как только смогу.

Они побежали к палатке за оружием, а Кейл отвел ИдрисаПукке в сторону:

— Если дела пойдут плохо, езжайте в «Кроны».

— Ты не должен туда идти, парень, — сказал ИдрисПукке.

— Знаю.

Смутный Генри и Кляйст вернулись решительно настроенные, с луком и арбалетом в руках. ИдрисПукке велел одному из Арбеллиных конюших снять униформу — рубашку с драконами и девизом Матерации: «Скорее умрем, чем переменимся», вышитыми на ней голубыми и золотыми нитками.

— Если ты спустишься вниз в таком виде, тебя тут же порубают. Во всяком случае, Матерации не пойдут за тем, кто в таком прикиде.

— А если тебя захватят в плен, — сказала Арбелла, — то могут подумать, что ты стоишь крупного выкупа.

При этих словах Кляйст загоготал так, будто ничего смешней в жизни не слыхивал.

— Отстань от неё, — сказал Кейл.

— Ты лучше о себе побеспокойся, приятель. С ней-то все будет в порядке, не сомневайся.

На этом, закончив разговоры, Кейл подошел к краю площадки и, соскользнув вниз,

начал почти бегом спускаться по крутому склону. Через полминуты он уже был на поле битвы. Впереди него резервное соединение двигалось по направлению к жестокой бойне, еще восемь тысяч человек теснились на пространстве, недостаточном и для половины. Искупители уже обходили поле по краям, запирая внутри кольца и вновь прибывающих, которые представляли собой лишь пополнение лишенных возможности двигаться солдат, которых можно было не спеша повалить и изрубить в куски.

Сомкнутые ряды, наталкиваясь на горы тел, достигавшие иногда высоты в десять футов, раскалывались, и, обтекая их, как приливная волна обтекает скалу, солдаты невольно толкали друг друга, снова образуя давку. Кейл побежал быстрой рысью и через две минуты уже обходил тылы войск Матерацци. В отличие оттого времени, когда он стоял на вершине холма, теперь он понятия не имел о том, что происходит впереди. Здесь, на задней линии, кто-то из солдат в нерешительности топтался на месте, кто-то пытался пробиться вперед. Но картина, которую он видел сверху, стояла у него перед глазами, и он знал, что по краям ее уже обнимает смерть.

Здесь даже не было особенно шумно, был слышен лишь звук солдатских шагов; время от времени кто-то, завидев просвет, перестраивался, или вдруг вся шеренга ускоряла шаг, принимая за прорыв очередное обрушение на линии передовой. Так тысячи мужчин, испытывая нетерпение и надеясь, что они еще не упустили свой шанс, медленно двигались навстречу ужасной смерти.

Кейл бежал трусцой вдоль задней линии, высматривая короткий путь к передовой. Там, наверху, он лишь догадывался о безнадежности своей миссии, а здесь, на поле, догадка переросла в глухое отчаяние. Даже если Саймон еще жив, ему никогда его не найти. И все это может кончиться лишь тем, что он либо умрет здесь, либо вернется неудачником в глазах Арбеллы, не оправдавшим ее надежд. Может быть, она и поймет, что он ничего не мог сделать, но Кейл не хотел, чтобы было так. Он не хотел терять того, что значили для него ее вера в него и ее восхищение.

Однако вскоре у него появились другие заботы. Сбоку, обходя линию Матерацци, показалось две дюжины Искупителей. Разбившись на группы по трое, они нападали на каждого, кто искал возможности по флангам пробиться вперед. Один зацеплял противника длинным кривым ножом, другой оглушивал тяжелым молотом, из тех, которыми Искупители забивали в землю свои деревянные колья, а третий всаживал меч в прорезь под мышкой или в глазное отверстие шлема. Мешавших им они даже придерживали своими кривыми ножами, подшучивая над теми, кто рвался вперед. В толчее, на раскисшей пашне, не ожидавшие подобного нападения солдаты, которые во всех других ситуациях были практически неуязвимы, оскальзывались, падали и погибали от рук Искупителей, размахивая руками и барахтаясь в грязи, как младенцы.

Одна из таких групп Искупителей заметила Кейла и стала окружать его с трех сторон. Того, что заходил слева, стрела поразила прямо в глаз, того, что справа, настиг снаряд, выпущенный из арбалета. Первый упал молча, второй — вопя и раздирая грудь. Третий застыл от удивления, и Кейл полоснул его по горлу, разрубив шею до самого позвоночника. Он упал, как подкошенный, в грязь рядом с Лордом Шести Графств, которого сам зарезал несколькими секундами раньше. И тут же Кейлу пришлось вступить в следующую схватку: прижав руку нападающего к боку, он изо всей силы ударил его головой в лицо, одновременно вонзив меч прямо в сердце. Еще один Искупитель рухнул с открытым ртом, сраженный арбалетным снарядом Генри, а вот стрела Кляйста лишь ранила в плечо другого, с молотом в руке. Но счастье его длилось всего две секунды: скользнув по грязи, Кейл увернулся от смертельного удара и всадил меч ему в живот. Искупитель упал, истошно вопя, и прежде чем испустить дух, несколько часов лежал на земле, корчась от страшной боли. Потом новая волна пехотинцев оттеснила оставшихся Искупителей, и Кейл, весь в крови, остановился, не зная, куда повернуть. В давке и неразберихе все его великое мастерство оказалось никому не нужным — теперь он был всего лишь мальчиком в толпе умирающих мужчин.

И вот в тот миг, когда он уже был готов сдаться и повернуть обратно, случился новый обвал: на землю рухнули сразу шестьдесят стоявших впереди него воинов, и открылся длинный проход к передовой линии. Несколько секунд, объятый страхом, он колебался, понимая, что этот проход есть не что иное, как пасть смерти, разверзшаяся специально для него. Но страх оказаться неудачником в глазах любимой пересилил, он-то и заставил его ринуться в ненадолго расширившийся просвет, и ему, способному бежать намного быстрее, чем солдаты в доспехах, удалось прорваться почти до самого конца, он не добежал до передней линии всего двенадцати футов, потому что наткнулся на глухую стену мертвых и умирающих.

Никто из этих людей не был ранен, они просто попадали друг на друга, и нижние были раздавлены тяжестью верхних. Несколько секунд Кейл видел только горы трупов и слышал странный сплошной низкий стон. Некоторые солдаты потеряли шлемы при падении, другие, те, у кого осталась свободной хоть одна рука, сами расстегнули их, чтобы глотнуть воздуха. Лица у всех были багровыми, а кое у кого почти черными, несколько человек с жуткими хрипами пытались набрать воздуха в легкие, но он не проходил через их чудовищно расплюснутые грудины. Кейл видел, как люди, словно выброшенные на берег рыбы, открывают рты и как у иных прямо на глазах останавливается дыхание. Несколько человек попыталось заговорить с ним: «Помогите! Помогите!» — страшными сдавленными голосами хрипели они. Кейл попробовал вытащить одного, другого, но все они были словно замурованы в каменную глыбу. Он окинул взглядом горы мертвых и умирающих со стонами на устах людей и отвернулся.

— На помощь! — просипел еще один голос. Кейл посмотрел вниз. На земле у его ног лежал молодой человек с жутким багрово-синим лицом. — На помощь! — Кейл отвернулся. — Кейл, помоги!

Потрясенный, Кейл снова повернулся к юноше и на сей раз узнал его, несмотря на то, что лицо было чудовищно раздуто: это был Конн Матерацци. Стрела просвистела рядом с ухом Кейла и со звоном ударилась в доспехи лежавшего неподалеку мертвеца. Кейл наклонился над Конном:

— Я могу убить тебя быстро. Да или нет?

Но Конн, похоже, не слышал, лишь шелестел жутким тихим скрипучим шепотом: «Помоги мне! Помоги мне!» Теперь, когда перед его глазами был человек, лично ему знакомый, Кейл с новой силой ощутил весь ужас пребывания в этом месте и всю его бесполезность. Глянув через плечо, он заметил, что просвет, который привел его на переднюю линию, начал постепенно сужаться по мере того, как Искупители с краев теснили Матерацци к центру. Он поднялся во весь рост, чтобы успеть пробежать через него назад. «Помоги мне!» — от чего-то, что он увидел во взгляде Конна Матерацци, у него волосы встали дыбом на затылке: это были дикий ужас и беспросветное отчаяние. Кейл подцепил мертвое тело, придавливавшее Конна, и потянул изо всех своих сил, удвоенных яростью и страхом. Но Конн оказался сдавленным — один человек снизу, трое сверху — тысячей фунтов мертвого веса и листовой стали. Кейл сделал еще одну попытку. Безуспешно.

— Прости, приятель, — сказал он. — Время вышло.

И тут мощный удар в спину послал его на землю. Ошарашенный и испуганный, распластавшись в грязи, он попытался вытащить меч и скинуть с себя напавшего.

Это была лошадь. Она смотрела на него и выжидательно всхрапывала. Кейл уставился на животное. Потеряв своего ездока, оно искало кого-нибудь, кто увел бы его с поля битвы. Кейл быстро ухватился за веревку, привязанную к седлу, крепко примотал ее к луке, а другой конец продел под мышки Конна и обвязал его вокруг груди. Теперь лицо Конна совсем почернело, и взгляд сделался незрячим. К счастью для Кейла, веревка оказалась тонкой, но очень прочной и легко просунулась под одну руку, потом под другую. Он стал завязывать ее, узел с первого раза не получился, и на второй раз тоже, но, завывая от ярости, он все же закрепил веревку, а потом попытался запрыгнуть в седло и... свалился в грязь. Видя, что спасительный просвет вот-вот закроется, Кейл ухватился за луку и закричал прямо

в ухо лошади. Испугавшись, та рванула, оскальзываясь и оступаясь в грязи, чуть было не упала, но в конце концов, найдя точку опоры, потянула со всей силой тяжеловоза, привыкшего таскать на себе по триста фунтов веса.

Сначала ничто не изменилось, но потом с огромным трудом, зацепившись сначала за что-то правой ногой, Конн начал высвобождаться из-под груды мертвых тел, придавливавших его. От этого невероятного усилия лошадь чуть не упала снова, а Кейл едва не разжал пальцы, цеплявшиеся за луку. Наконец он все-таки запрыгнул в седло, и они все втроем, сдвинувшись с места, направились к вождьленному просвету со скоростью не более четырех-пяти миль в час. Но лошадь оказалась сильной и хорошо тренированной, довольная, что снова обрела седока, она шла вперед, не обращая внимания на хаос, царивший вокруг. Инстинкт, который спас ее, когда она более пятнадцати минут бродила одна посреди этой бойни, помогал и теперь.

Кейл старался как можно ниже припасть к лошадиной спине и был готов в любой момент выхватить нож и перерезать веревку, которой был привязан Конн, если бы возникла угроза, что его тяжесть их опрокинет. Но грязь, которая уже погубила столько Матераци и вот-вот должна была погубить еще многих, для Конна оказалась спасительной. Его бесчувственное тело тащилось за лошадью, куда бы она ни поворачивала, почти как сани по снегу. Низко пригнув голову, Кейл прищипывал лошадь пятками и не заметил, что навстречу им идут два Искупителя. Не видел он и как они упали, издав душераздирающий, слившийся воедино крик боли и ужаса, сраженные грозной бдительностью Кляйста и Смутного Генри.

Менее чем через три минуты лошадь прошла сквозь людскую массу, с двух сторон теснимую к центру поля, и спокойно, безо всякой суеты, покинула место сражения, неся на себе трясущегося Кейла, волоча за собой бесчувственного Конна, и вошла в узкий проход между холмом Силбери и непроходимым лесом, примыкавшим к полю битвы.

Как только они оказались невидимыми для всех, Кейл остановил лошадь и спрыгнул на землю, чтобы посмотреть, что с Конном. Тот казался мертвым, но дышал. Кейл быстро расстегнул его амуницию, с большим трудом поднял на руки и животом вниз перекинул через седло. Не приходя в себя, Конн застонал и вскрикнул от боли — у него были сломаны ребра и правая нога. Кейл повел лошадь под уздцы, и уже через пять минут гром сражения начал отдаляться, а потом и почти вовсе стих, вместо него теперь были слышны лишь голоса черных дроздов да шелест ветра в листве деревьев.

Час спустя на Кейла накатил волна невыносимой усталости. Он искал место, где можно было бы войти в лес, и не найдя прохода сквозь сплошные заросли шиповника, вынужден был прорубать его. Колючие ветки хлестали по лицу и рукам. Благополучно углубившись в лес, он набрел на полянку, устланную старыми листьями, привязал лошадь, осторожно уложил Конна на землю и несколько минут недоуменно смотрел на него, словно не мог понять, как они оказались здесь вместе. Потом он сколько можно аккуратнее выпрямил сломанную ногу Конна и наложил на нее шины, вырезанные из крупных веток ясеня, после чего лег сам и мгновенно провалился в глубокий сон со страшными сновидениями.

Кейл проснулся через два часа, когда кошмары стали невыносимыми. Конн Матераци по-прежнему не пришел в сознание, теперь он был белым, как смерть. Кейл знал, что должен найти, по крайней мере, воду, но все еще был настолько вымотан и обессилен, что минут десять просто сидел, боясь заснуть, чтобы снова не увидеть какой-нибудь кошмар, но и не желая прилагать никаких усилий. Вскоре Конн застонал и стал беспокоен; когда он открыл глаза, Кейл смотрел на него сверху вниз. Конн в смятении вскрикнул от ужаса.

— Успокойся. С тобой все в порядке.

Вытащив глаза, объятый страхом, Конн попытался отползти от Кейла, но закричал от боли.

— Я бы на твоём месте лежал смирно, — сказал Кейл. — У тебя бедро сломано.

Несколько минут, пока ужасная боль в ноге постепенно утихала, Конн молчал, потом спросил:

— Что произошло?

Кейл рассказал ему. Когда он закончил, Конн снова долго молчал, потом произнес:

— Весь ужас в том, что я ни одного даже не видел... я имею в виду Искупителей. Ни одного. Вода есть?

Полная беспомощность и физические муки Конна, его плачевное состояние начали вызывать у Кейла одновременно и жалость, и раздражение.

— Перед тем как мы вошли в лес, я видел дым. Помнится, вчера я слышал, что здесь поблизости есть какая-то деревня. Постараюсь вернуться как можно быстрее.

Он снял с лошади всю броню и срезал сколько смог кольчужную подкладку на спине и боках, потом вывел лошадь на тропу. Оседлав ее, Кейл погладил лошадь по голове.

— Спасибо, — сказал он ей и двинулся в путь.

35

Не прошло и трех часов, как местный крестьянин подобрал Конна Матерацци, привез к себе, уложил в постель и неподвижно закрепил ему ногу с помощью четырех дощечек из орешника, стянутых восемью кожаными ремешками. Весь тот час, что ушел у Кейла, чтобы выпрямить ногу Конна, тот жалобно стонал, не приходя в себя, и к концу операции побелел настолько, что, казалось, никогда уже и не придет.

— Остриги ему волосы, — сказал крестьянину Кейл, — и закопай доспехи в лесу на случай, если придут Искупители. Скажи им, что он — твой работник. Если мне удастся добраться до Мемфиса, за ним пришлют. Они тебе заплатят. Если нет, он сам с тобой расплатится, когда оклемается.

Крестьянин посмотрел на Кейла:

— Оставь свои советы и свои деньги при себе, — с этими словами он вышел, оставив их наедине.

Вскоре Конн очнулся. Они долго смотрели друг на друга.

— Теперь я припоминаю: я попросил тебя о помощи.

— Да.

— Где мы?

— На ферме, в двух часах езды от того места, где была битва.

— Нога болит.

— Она в таком положении будет недель шесть. И еще не факт, что правильно срастется.

— Почему ты меня спас?

— Не знаю.

— Я бы для тебя этого не сделал.

Кейл пожал плечами:

— Никогда не знаешь, что будет, пока оно не случится. Так или иначе, я это сделал — и все.

Некоторое время оба молчали.

— Что ты собираешься делать теперь?

— Утром поеду в Мемфис. Если доберусь, pošлю кого-нибудь за тобой.

— А потом?

— А потом заберу своих друзей и уеду куда-нибудь, где военные не такие безмозглые. Никогда не думал, что можно проиграть сражение, имея такую позицию. Если бы не видел собственными глазами, не поверил бы.

— Мы больше не сделаем такой ошибки.

— А почему ты думаешь, что у вас будет еще один шанс? Принцепс не станет торчать на холме Силбери, любуясь на себя в зеркало, он будет гнать вас пинками под зад до самых

мемфисских ворот.

— Мы перегруппируемся.

— Кто это — мы? Трое из каждых четырех Матерацци мертвы.

Возразить было нечего. Жалкий, несчастный, Конн молча лежал с закрытыми глазами.

— Лучше бы я умер, — произнес он наконец.

Кейл рассмеялся:

— Ты бы уж как-нибудь определился — утром ты говорил совсем другое.

Вид у Конна стал еще более удрученный, если это было возможно.

— Я не неблагодарный, — пробормотал он.

— Не неблагодарный? — переспросил Кейл. — Следует ли это понимать так, что ты мне благодарен?

— Да, я тебе благодарен. — Конн снова закрыл глаза. — Все мои друзья, мои родственники, мой отец — все они мертвы.

— Вероятно.

— Наверняка.

Поскольку это конечно же было правдой, Кейл не нашел что еще сказать.

— Тебе лучше поспать. Все равно тебе ничего не остается, как выздороветь и постараться отомстить Искупителям каким угодно образом. Помни: месть — это лучшая месть.

Высказав эту мудрость, он ушел, предоставив Конна Матерацци его невеселым мыслям.

На следующее утро с рассветом он уехал верхом, не сочтя нужным попрощаться с Конном. Он и так, по его мнению, сделал для него более чем достаточно и теперь даже немного стыдился того, что рисковал жизнью ради человека, который, по его собственному признанию, не сделал бы для него того же самого.

Ему припомнилось то, что сказал ему как-то ИдрисПукке, когда они при лунном свете сидели возле дома в «Кронах»: «Никогда не повинуйся первому импульсу: он может оказаться благородным».

Тогда Кейл подумал, что это очередная черная шутка ИдрисаПукке. Теперь он понимал, что тот имел в виду.

Несмотря на желание поскорей добраться до Мемфиса, чтобы убедиться, что с Арбеллой Лебединой Шеей все в порядке, Кейл направился на северо-восток, обходя город по широкой дальней дуге. На ближнем направлении наверняка рыскало слишком много Искупителей и Матерацци, и никто из них особо не утруждал себя выяснением, кого именно он убивает. Кейл старался избегать городов и деревень, еду покупал на удаленных хуторах, встречавшихся на пути. Но как бы ни были те изолированы, вести о великом сражении облетели и их, хотя одни слухи сообщали о славной победе, другие — о равно бесславном поражении. Кейл говорил, что ничего не знает, и быстро уезжал.

Только на третий день он повернул на запад, направился к Мемфису и выехал на Аггерскую дорогу, которая вела от Сомхети к столице. Дорога была пустынна. Целый час Кейл наблюдал за ней, сидя на дереве, и поскольку за все это время ничего не произошло, решил рискнуть и поехать по ней напрямик. Но чем ближе подъезжал он к Мемфису, тем больше им овладевали сомнения. И действительно, это оказалось его третьим неверным расчетом за последние четыре дня. Десять минут спустя из-за крутого поворота внезапно появился патруль Матерацци — у Кейла уже не было времени бежать. По крайней мере, это были не Искупители, и Кейл не без удивления, но с некоторым облегчением узнал их командира — это был капитан Альбин. Хотя, что делал здесь глава секретной службы Матерацци, было непонятно. Удивление, однако, сменилось тревогой, когда Альбин и двадцать его подчиненных достали оружие. Четверо из них были конными лучниками, наконечники их стрел целились прямо в грудь Кейла.

— В чем дело? — спросил он.

— Послушай, мы здесь ни при чем, но ты арестован, — сказал Альбин. — Не дергайся,

будь хорошим мальчиком. Мы собираемся связать тебе руки.

Кейлу ничего не оставалось, как повиноваться. Может, Маршал рассердился, что я оставил Арбеллу на Смутного Генри с Кляйстом? — подумал он. И тут его пронзил страх:

— С Арбеллой Матерацци все в порядке?

— Абсолютно, — ответил Альбин, — хотя тебе следовало подумать об этом прежде, чем срываться черт знает куда черт знает зачем.

— Я искал Саймона Матерацци.

— Ладно, ко мне это не имеет никакого отношения. А теперь мы собираемся завязать тебе глаза. Не рыпайся.

— Зачем?

— Затем, что я так сказал.

На самом деле они не завязали ему глаза, а надели на голову тяжелый пропахший хмелем мешок, такой плотный, что он не пропускал не только света, но почти и звуков.

Пять часов спустя Кейл почувствовал, что конь под ним круто пошел вверх. Потом через мешок до него приглушенно донесся гулкий топот подков по дереву: видимо, они проходили через одни из трех ворот, ведущих в Мемфис. Он ожидал, что, несмотря на мешок, сейчас услышит городской шум, но, хотя снаружи приглушенно и раздавались отдельные выкрики, лишь ощущение продолжавшегося подъема указывало на то, что они направляются в цитадель. От тревоги за Арбеллу в животе у него образовался плотный комок.

Наконец они остановились.

— Снимите его, — скомандовал Альбин.

Два человека подошли слева, весьма аккуратно стащили его с седла и поставили на ноги.

— Альбин, — сказал Кейл из-под мешка, — сними с меня это.

— Извини.

Двое взяли его под руки и подтолкнули вперед. Он услышал, как открылась дверь, и почувствовал, что оказался в помещении. Судя по всему, его вели по коридору. Потом лязгнула еще одна дверь, его снова осторожно повели вперед. Через несколько ярдов остановили. Наступила пауза, затем мешок сдернули с его головы.

Из-за набившейся в глаза пыли и из-за того, что много часов провел в полной темноте, поначалу он ничего не видел. Связанными руками он потер глаза, чтобы удалить частички хмелевого сора, и посмотрел на двух людей, находившихся в комнате кроме него. Одного он узнал сразу — это был ИдрисПукке с кляпом во рту и со связанными руками, но, когда он узнал другого, стоявшего рядом, его, словно молнией, пронзило страхом и гневом, даже сердце на миг замерло: это был Лорд Воитель Искупитель Боско.

После нескольких первых секунд шока и вспышки ненависти Кейлу захотелось упасть на колени и по-детски заплакать. Он бы так и сделал, если бы знал как. Его спасла ненависть.

— Итак, Кейл, — сказал Боско, — Божья воля привела нас обратно к тому, с чего все начиналось. Помни об этом, когда тарачишься на меня как злой пес. Ну, и куда завели тебя вся твоя ненависть и бесцельные метания?

— Что с Арбеллой Матерацци?

— О, она в полной безопасности.

Кейл, несмотря на потрясение, колебался, спросить ли о Смутном Генри и Кляйсте, но решил не спрашивать.

— А твои друзья тебя не интересуют? — спросил Боско. — Искупитель! — громко позвал он.

Дверь в дальнем конце комнаты отворилась, и ввели Смутного Генри и Кляйста со связанными руками и кляпами во рту.

Видимых следов насилия Кейл на них не заметил, но они явно пребывали в ужасе.

— Мне многое надо тебе сказать, Кейл, и я не собираюсь тратить время попусту на заверения в своей правдивости. Я тебе когда-нибудь лгал? — спросил Боско.

Боско всю жизнь свирепо избивал его каждую неделю и пять раз заставил убивать, но, услышав этот вопрос, Кейл вынужден был признать, что не лгал он ему никогда, — насколько это было ему известно.

— Нет.

— Помни об этом, слушая то, что я собираюсь сказать. Знай, что важность того, что я скажу, выходит далеко за пределы всякого рода мелочных обид. Чтобы продемонстрировать тебе свои добрые намерения, я собираюсь отпустить твоих друзей — всех троих.

— Докажите, — сказал Кейл.

Боско рассмеялся:

— Раньше за такой тон тебе больно досталось бы.

Он протянул руку, и Искупитель Стремечко Рой вложил в нее толстую книгу в кожаном переплете.

— Это Завет Повешенного Искупителя. — Кейл никогда прежде ни одной такой не видел. Боско возложил руку на книгу: — Клянусь перед Богом своей бессмертной душой, что только что данное мной обещание, а равно и все, что я скажу сегодня, — правда и только правда. — Он взглянул на Кейла: — Ты удовлетворен?

Сам факт, что Боско, способный на такие злодеяния, по сравнению с которыми клятвопреступление даже и злодеянием-то нельзя было назвать, лично встретился с ним, разумеется, не заставило Кейла поверить ему. Но в системе убеждений Боско клятва занимала одно из главных и важнейших мест. А к тому же у Кейла не было выбора.

— Да, — ответил он.

Боско повернулся к Искупителю Стремечку Рою:

— Дай им все, что им потребуется — в разумных пределах, — снабди пропусками, и пусть уходят.

Стремечко подошел к ИдрисуПукке, схватил за руку и подтащил к Смутному Генри и Кляйсту, потом подтолкнул всех троих к двери. Кейл подумал, что, может, Боско говорил и правду: распоряжение не давать этой троице слишком много и обычная грубость, с какой обращались с ними, обнадеживали — большая щедрость и обходительность были бы подозрительны.

— А как насчет Арбеллы Матерацци?

Боско улыбнулся:

— Почему ты так спешишь узнать, насколько ты обманываешься в своих представлениях о мире?

— Что вы имеете в виду?

— Я тебе это продемонстрирую. Только для этого ты должен согласиться, чтобы тебе заткнули рот кляпом и связали руки, а также пообещать, что будешь стоять за ширмой в темноте смиренно, что бы ни услышал.

— Почему я вообще должен вам что-то обещать?

— Может, в обмен на жизнь твоих друзей? Такой обмен кажется вполне справедливым.

Кейл кивнул, и Боско жестом велел одному из стражников отвести его за небольшую ширму в глубине комнаты. Уже подходя к ней, Кейл обернулся:

— Как вам удалось взять город?

Боско рассмеялся почти самоуничижительно:

— Легко и без борьбы. Принцепс отправил донесение о нашей великой победе в порт Эррол и приказал флоту идти на Мемфис и атаковать его без промедления. Когда это стало известно, все население ударило в панику. Не доходя пятидесяти миль до Мемфиса, наши моряки увидели, как флот Матерацци в суматохе покидает столицу. Мы просто высадились на берег без боя. Весьма удивительно, надо признаться. Но очень удобно. Стой тихо, и все увидишь и услышишь.

С этими словами Боско знаком указал ему скрыться за ширмой. Стражник достал из кармана кляп и показал его Кейлу:

— Это можно сделать нежно, а можно грубо. Мне все равно как.

Кейлу не терпелось увидеть Арбеллу, и он не стал сопротивляться. Несколько минут ничего не происходило. Присутствие Боско и его странное поведение все больше нервировали Кейла. В центре комнаты поставили стол и три стула, потом открылась дверь и вошли Маршал с дочерью.

Кейл даже не подозревал, что можно испытать такое невероятное облегчение, такой мощный, радостный прилив счастья. Арбелла была бледной, как полотно, и испуганной, но казалась невредимой, как и ее отец, хотя взгляд у него был мрачный, а лицо изможденное. Он выглядел на двадцать лет старше, причем как если бы все эти двадцать лет он тяжело болел.

— Садитесь, — мягко предложил Боско.

— Убейте меня, — сказал Маршал, — но я смиренно прошу вас оставить в живых мою дочь.

— Мои намерения отнюдь не столь кровожадны, как вы их себе представляете, — так же мягко ответил Боско. — Садитесь. Дважды я приглашать не буду.

Эта тревожная смесь благожелательности и угрозы напугала их еще больше.

— Прежде чем начну, — продолжил Боско, — я хотел бы, чтобы вы усвоили, что требований, предъявляемых тем, кто служит Повешенному Искупителю, и их рвения такие, как вы, понять не могут и не должны понимать. Я не ищу вашего понимания и не хочу его, но ради вас самих вы должны отдавать себе отчет в том, каково положение вещей. — Он кивком велел одному из Искупителей придвинуть третий стул и тоже сел. — А теперь я буду говорить без обиняков. Мы полностью контролируем Мемфис, и в вашей армии осталось не более двух тысяч обученных солдат, большинство из них — у нас в плену. Ваша империя, какой бы огромной она ни была, уже начинает распадаться. Вы согласны?

В воздухе повисла пауза.

— Да, — признал наконец Маршал.

— Отлично. Я верну Мемфис под ваш контроль и позволю вам снова создать постоянную армию, а также восстановить структуры власти в вашей империи — вопрос о дани и определенных условиях мы подробнее обсудим потом.

Маршал и Арбелла смотрели на Боско широко открытыми глазами одновременно с надеждой и подозрением.

— О каких условиях? — спросил Маршал.

— Не заблуждайтесь, — сказал Боско так тихо, что Кейл едва расслышал. — Это не переговоры. У вас нет ничего, с чем можно было бы вести переговоры. Вы полностью и безоговорочно лишены власти, и мне от вас нужно лишь одно — единственное, что у вас есть.

— И что же это? — поинтересовался Маршал.

— Томас Кейл.

— Никогда! Ни за что! — горячо воскликнула Арбелла.

Боско задумчиво взглянул на нее:

— Как интересно.

— Зачем вы это делаете? — спросил Маршал.

— Меняю мальчика на империю? Согласен, обмен кажется неравноценным.

— Вы хотите его убить, — испугалась Арбелла.

— Это не так.

— Потому что он убил одного из ваших священников, который делал нечто неопишное.

— Да, вы правы: он убил одного из моих священников, и тот действительно делал нечто неопишное. Я ничего не знал об этих его еретических занятиях до того дня, когда Кейл сбежал. Всех, кто, как потом выяснилось, был в курсе, мы очистили.

— Вы хотите сказать — убили?

— Я хочу сказать — очистили, а потом убили.

— Почему Кейл считал, что вы несете за это личную ответственность?

— Об этом я спрошу у него самого, когда увижу. Но если вы думаете, что я готов отказаться от империи для того, чтобы казнить Кейла за убийство кровожадного извращенца... — Он сделал паузу, всем своим видом показывая, как он удивлен. — Зачем бы я стал это делать? Это же бессмысленно.

— Вы можете и солгать, — сказал Маршал.

— Мог бы. Но нет необходимости. Рано или поздно я и сам найду Кейла, но предпочел бы, чтобы это произошло поскорей. У вас есть возможность дать мне то, что мне нужно, но у меня не так уж много терпения, а если оно иссякнет, вы не получите ничего.

— Не слушай его, — сказала Арбелла.

— А почему вы так волнуетесь? — поинтересовался Боско. — Потому что вы любовники?

Маршал в изумлении уставился на дочь. Он не стал унижаться до требований сказать правду, не стал проклинать Арбеллу за то, что она осквернила королевскую кровь. Он просто промолчал, и молчание это длилось долго. Потом, повернувшись к Боско, Маршал спросил:

— Что я должен сделать?

Боско глубоко вздохнул.

— Вы ничего не можете сделать. Существует очень мало людей — если таковые вообще есть, — которым Кейл доверяет, и вы, разумеется, не входите в их число. А вот ваша дочь — несомненно, и теперь мы все знаем почему. Что мне нужно, так это чтобы она написала Кейлу письмо, которое она тайно передаст через одного из его друзей. В этом письме вы, мадемуазель, попросите его встретиться с вами за городской стеной в назначенное время. Я буду там с достаточным количеством людей, чтобы он был вынужден сдаться.

— Вы его убьете, — сказала Арбелла.

— Я его не убью, — ответил Боско, впервые повышая голос. — Я не сделаю этого никогда, по причинам, которые объясню только ему, когда он убедится, что я говорю правду. Он понятия не имеет, что я должен ему сообщить, но, если он этого не узнает, его жизнь будет такой же, какой была с тех пор, как он покинул Святилище, — жестокой, злой, навлекающей только бессмысленную гибель на головы всех, кто с ним соприкоснется. Вспомните, какие бедствия он принес в вашу жизнь. Я один могу спасти его от этого. Каковы бы, по-вашему, ни были ваши чувства к нему, мадемуазель, вам не дано понять, кто он. Попытайтесь спасти его — что вам никогда не удастся — и добьетесь лишь того, что погубите своего отца, свой народ, себя и прежде всего самого Кейла.

— Ты должна написать это письмо, — сказал дочери Маршал.

— Я не могу.

Боско сочувственно вздохнул:

— Я знаю, что значит быть облеченным властью и ответственностью. Выбору, который вам сейчас предстоит сделать, не позавидуешь. Что бы вы ни решили, все будет казаться неправильным. Вы должны погубить либо целый народ и отца, которого любите, — либо одного человека, которого тоже любите. — Арбелла смотрела на Боско, ошеломленная до немоты. — Но каким бы горьким ни был этот выбор, он не так горек, как вы это себе сейчас представляете. С моей стороны Кейлу ничто не угрожает, к тому же я все равно найду его рано или поздно. Его будущее слишком тесно связано с Божиим промыслом стать одним из нас и никем иным, причем совершенно особым среди нас. — Он откинулся на спинку стула и снова вздохнул. — Скажите, юная леди, несмотря на всю вашу любовь, несомненно искреннюю, как я теперь вижу... — Боско сделал паузу, чтобы дать ей время проглотить этот сладкий яд. — Неужели вы не чувствовали в нем чего-то... — Он запнулся, тщательно подыскивая нужное слово. — Чего-то рокового?

— Это вы своей жестокостью сделали его таким.

— Нет, это не так, — рассудительно ответил Боско, как человек, который понял, в чем его обвиняют. — В первый же момент, когда я его увидел еще совсем маленьким, я почувствовал, что в нем есть что-то, наводящее ужас. Я испугался. Я боялся этого

маленького мальчика. Конечно, тому, что в нем было, требовалось еще придать форму, дисциплинировать, но ни одно человеческое существо не могло сделать Кейла таким, какой он есть. Я не настолько самонадеян. Я был лишь посредником Бога в том, чтобы «подогнать», изменить его натуру ко всеобщему благу и поставить на Его службу. Вы ведь сами видели это в нем, и оно вас пугало, что и не удивительно. Проявления доброты, которые вы иногда в нем замечали, — как крылья страуса: махать ими можно, но взлететь нельзя. Оставьте его нам и спасайте своего отца, свой народ и себя. — Он помолчал немного для большего эффекта и добавил: — И самого Кейла.

Арбелла хотела было что-то возразить, но Боско поднял руку, чтобы остановить ее:

— Больше мне сказать нечего. Подумайте и сообщите свое решение. Место и время встречи с Кейлом я укажу позднее. Вы либо напишете письмо — либо нет.

Два Искупителя, стоявшие по обе стороны двери, вышли вперед и сделали гостям знак удалиться. Когда Арбелла подходила к двери, Боско сказал, словно бы с невольным сочувствием к ее бедственному положению:

— Помните, что на вас лежит ответственность за многие тысячи жизней. А я обещаю, что никогда не подниму руку на Кейла и никому не позволю это сделать. — Когда дверь закрылась, он тихо проговорил: — Ибо губы, которые источают мед для него, скоро станут горьки, как полынь, и остры, как меч обоюдоострый.

Повернувшись, он махнул Кейлу, чтобы тот вышел на свет. Стражник вынул кляп и подвел его к Боско.

— Неужели вы думаете, что она вам поверит? — сказал Кейл.

— Не вижу, почему бы ей не поверить: ведь это большей частью правда, хотя и не вся.

— А вся?..

Боско посмотрел на него, как будто хотел что-то прочесть на его лице, но с нерешительностью, какой Кейл никогда раньше у него не видел.

— Нет, — сказал он наконец. — Подождем, что она ответит.

— Чего вы боитесь?

Боско улыбнулся:

— Что ж, быть может, немного откровенности между нами будет нелишне и на этом этапе. Я боюсь, разумеется, того, что истинная любовь все победит и девушка откажется отдать тебя в мои руки.

Арбелла, вернувшись в свое палаццо, испытывала страшные муки. Она разрывалась между личным желанием и общественным долгом, — что бы она ни выбрала, ужасное, немыслимое предательство было неизбежно. Но все было еще хуже, чем казалось, потому что в глубине души, в самом потаенном ее уголке (и даже еще глубже: в потаенном уголке того потаенного уголка), она уже решила предать Томаса Кейла.

Попробуйте представить себе ее потерю, оупляющий шок от созерцания того, как все, что она знала в жизни, рушится на ее глазах. Затем попробуйте представить жуткую силу слов, произнесенных Боско, — слов, которые едва ли не во всем совпадали с самыми ужасными мыслями Арбеллы.

Как бы ни волновал ее Кейл, какой бы трепет ни вызывал, возбуждала ее прежде всего его странность, возбуждала и вызывала почти неприязнь. Он был таким жестоким, таким вспыльчивым, таким... роковым. Боско видел ее насквозь. Будучи тем, чем она была, как могла она не быть изысканно утонченной? И именно эту изысканность и утонченность — ошибки здесь быть не могло — боготворил Кейл. Но ему уже придали форму, вбили его в нее, закалили в адском огне, в немыслимых страхе и боли. Как же могла она оставаться с ним долго? С некоторых пор тайной частью своего сознания она уже искала подходящий момент, чтобы расстаться с любимым, — отдадим ей должное: искала безотчетно. Так что, пока Кейл ждал, что она спасет его, и одновременно мысленно искал способ спасти ее, она уже выбрала горький, но благоразумный путь делания добра для многих ценой одного.

Кто, в конце концов, поступил бы иначе? Может, кто-то и поступил бы, но — не она. И конечно же, придет время, когда даже Кейл поймет ее.

Прошло около шести часов, прежде чем Боско вошел в комнату, где был заперт Кейл, с двумя письмами в руке. Одно из них он отдал Кейлу. Кейл дважды прочел его с бесстрастным выражением лица. Тогда Боско протянул ему второе.

— Она слезно просила меня вручить тебе это письмо, когда мы возьмем тебя в плен. В нем она просит тебя поверить, как трудно ей было отдать тебя в мои руки, и постараться простить.

Кейл взял письмо и, не читая, бросил в огонь.

— Я надеялся на чудо, — сказал он. — Но теперь опомнился и сам на себя сержусь. Говорите то, что должны были сказать.

Боско сел за стол, который являлся единственным здесь предметом мебели, кроме койки и стула.

— Тридцать лет назад, когда я отправился в пустыню укреплять дух и молиться, перед тем как стать священником, мать Повешенного Искупителя, мир праху ее, трижды явилась мне. При первом явлении она сказала, что Господь тщетно ждал, когда люди раскаются за то, что убили Его сына, и теперь потерял веру в человеческую натуру. Порочность человека велика на земле, и зраком сердца Своего Он видит лишь бесконечное зло. Он раскаивается в том, что когда-то сотворил человека. При втором явлении она поведала мне, что Бог сказал: «Конец всякой плоти вижу перед собой; всякого мужчину и всякую женщину, сотворенных Мной, ты разрушишь и сотрешь с лица земли. Когда свершишь это, наступит конец мира, спасенные попадут в рай, мужчин и женщин больше не будет». Я спросил ее, как можно сделать такое, а она повелела, чтобы я постился и ждал, когда она явится в третий и последний раз. При третьем и последнем своем явлении она принесла маленького мальчика с веткой боярышника в руке, с конца ветки капал уксус. «Посмотри на это дитя, — сказала она, — когда увидишь его, приготовь его к его работе. Он — Левая Рука Бога, а иначе его зовут Ангел Смерти, и он сделает так, чтобы все эти вещи свершились».

Казалось, что в ходе рассказа Боско впал в транс, как будто он был не здесь, в комнате, в Мемфисе, а снова там, в пустыне Фатимы, тридцать лет назад, и внимал Божьей Матери. Потом словно кто-то выключил в нем потусторонний свет, — он очнулся и посмотрел на Кейла.

— Едва увидев мальчика, которого привели в Святилище десять лет назад, я узнал его. — Он улыбнулся Кейлу очень странной улыбкой, улыбкой любви и нежности. — Это был ты.

Спустя неделю процессия, покидавшая цитадель, ненадолго остановилась. Среди всадников были Лорд Воитель Искупитель Боско и рядом с ним — Кейл. Среди собравшихся посмотреть на их отъезд — Маршал Матерацци, Канцлер Випон и те из его высокопоставленных подчиненных, которые выжили в битве при холме Силбери. Их разделяло оцепление из двух рядов солдат-Искупителей, выставленное для того, чтобы свободный теперь, но невооруженный Кейл не совершил какого-нибудь безрассудства.

Боско в настоящий момент устраивало сохранить Маршала на его месте. Однако он считал неразумным провоцировать Кейла, разрешив присутствовать девушке, и лично распорядился, чтобы она, к своему большому облегчению, не появлялась на официальной церемонии, унижительной для ее отца и всех остальных жителей Мемфиса. Ей надлежало наблюдать и слушать из ближайшего окна. О том, что она должна оставаться невидимой, предупреждать ее было излишне.

Несмотря на все принятые меры предосторожности, Боско не был уверен, что поступил правильно, позволив Кейлу ехать несвязанным. Придержав лошадь, Кейл поверх голов стражников посмотрел прямо на Маршала. Рядом с Маршалом стоял смущенный Саймон. Кейл, казалось, не замечал его присутствия. Он начал говорить так тихо, что его едва было

слышно за ржанием нетерпеливо топтавшихся на месте лошадей.

— У меня послание к вашей дочери, — сказал он. — Я связан с нею узами, которые не под силу разрубить даже Богу. Если однажды днем она почувствует легкое дыхание на своей щеке, пусть знает: то будет мое дыхание. И если однажды ночью холодный ветер растреплет, играючи, ее волосы, пусть знает: то моя тень прошла мимо.

Произнеся эту ужасную угрозу, он развернулся, и процессия продолжила свой путь. Уже через минуту она скрылась из виду. В своей затемненной комнате Арбелла Лебединая Шея стояла белая и холодная, как алебастр.

Маршал и его люди молча быстро разошлись, чтобы предаваться печальным мыслям о своем позоре. Вернувшись в сопровождении капитана Альбина в свое палаццо, Випон сказал ему:

— Знаешь, Альбин, чем старше я становлюсь, тем больше верю, что, если бы о любви судили по большинству ее внешних проявлений, она скорее напоминала бы ненависть, а не дружбу.

Полдня спустя процессия покинула дальние подступы к Мемфису и направилась через Коросту к лежавшему за ней Святилищу. За все это время Лорд Воитель Искупитель Боско и Кейл не обменялись ни единым словом.

Из небольшой купы деревьев в отдалении от дороги за процессией наблюдали Смутный Генри, Кляйст и ИдрисПукке.

Когда процессия скрылась из виду, они отправились следом.

Благодарности

Прежде всего моя благодарность — Алексу Кларку, моему редактору в издательстве «Пенгвин», героическому борцу за эту книгу. Также я благодарен моему американскому редактору — Бену Севьеру из издательства «Даттон». Работать с ними было большим удовольствием. Спасибо моему литературному агенту Энтони Гоффу, человеку бесконечно решительному, и Александре Хофман за ее добрый здравый смысл. Без сверхъестественной проницательности Лоррейн Хеджер, разбиравшей мою неудобочитаемую рукопись, печатание этой книги заняло бы в два раза больше времени. Джереми О'Грейди был надежным ловцом моих ошибок. Моя благодарность также правовому отделу «Пенгвина»: Саре Хант-Кук, Кейт Бразерхуд и Шанталь Ноэль.

В эту книгу вместились бесконечное количество всякой всячины, прочитанной или услышанной мною, — от Книги Судей Израилевых до «Герцогини Мальфи» Джона Вебстера и даже до строчки из старого детского фильма, — всего слишком много, чтобы перечислять по отдельности. Некоторые заимствования стали ключевыми: я в долгу перед Джоном Киганом, написавшим блистательную книгу «Лик битвы», и не только лишь за его описание и анализ битвы при Азенкуре. Книга «Азенкур» Джульет Баркер также была невероятно полезна: там дается подробное описание сложного периода, предшествовавшего битве, — равно как книга Мэттью Стрикленда и Роберта Харди «Великий боевой лук», из которой я почерпнул точные подробности применения лука и арбалета. Жизненную философию ИдрисаПукке я беззастенчиво украл у Артура Шопенгауэра («Афоризмы житейской мудрости» и «К учению о страдании мира»), а мыслям Канцлера Випона задали тон «Максимы» Ларошфуко. Там и сям разбросаны строчки из великого перевода Гомеровской «Илиады», сделанного Робертом Грейвсом.